

**Вестник Южно-Российского
государственного технического
университета (НПИ).**

**Серия:
Социально-экономические
науки**

**Bulletin
of the South Russian
State Technical
University (NPI).
Series:
Socio-Economic Sciences**

Научный журнал
2021 год Том 14 Выпуск 3

Учредитель и издатель
Южно-Российский государственный
политехнический университет (НПИ)
имени М.И. Платова,
г. Новочеркасск, Россия

Главный редактор
Воденко Константин Викторович,
доктор философских наук, профессор
vodenkok@mail.ru

Издание зарегистрировано
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство ПИ №ФС 77-37943

Издается с 2008 года
Выходит 6 раз в год

В номере:
Социология
Экономика
Философия

Журнал включён ВАК при Минобрнауки
РФ в Перечень российских рецензируемых
научных журналов, в которых должны быть
опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней
доктора и кандидата наук

Издание включено в систему Российского
индекса научного цитирования (РИНЦ)

Подписной индекс в каталоге агентства
«Пресса России» — 10228

ISSN 2075-2067

Ответственный секретарь
И. И. Сальникова

Верстка и редакция
В. Г. Рыжкова

Адрес редакции и издателя
346428, Россия, Ростовская обл.,
г. Новочеркасск, ул. Просвещения, д. 132
vestnik-npi@yandex.ru

Подписано в печать 25.06.2021 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Воденко Константин Викторович, доктор философских наук, профессор, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия (главный редактор);

Абакумова Ирина Владимировна, академик РАО, Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия;

Архипова Марина Юрьевна, доктор экономических наук, профессор, Высшая школа экономики, Москва, Россия;

Ван Лэй, PhD, Чанчуньский инженерно-технологический институт, Чанчунь, Китай;

Волков Юрий Григорьевич, доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия;

Голенко-Гинзбург Дмитрий Исаакович, доктор технических наук, профессор, Университет имени Бен-Гуриона провинции Негев, Беер-Шева, Израиль;

Дергачева Елена Александровна, доктор философских наук, доцент, профессор РАН, Брянский государственный технический университет, Брянск, Россия;

Дятлов Александр Викторович, доктор социологических наук, профессор, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия;

Иванченко Ольга Сергеевна, кандидат социологических наук, доцент, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия (зам. главного редактора);

Ивушкина Елена Борисовна, Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия;

Ковалев Виталий Владимирович, доктор социологических наук, доцент, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия;

Комиссарова Мария Анатольевна, доктор экономических наук, доцент, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия;

Мемпель-Снежик Анна, PhD, Вроцлавский экономический университет, Вроцлав, Польша;

Нижегородцев Роберт Михайлович, доктор экономических наук, доцент, Института проблем управления РАН, Москва, Россия;

Осмонова Нургул Исраиловна, доктор философских наук, профессор, Российско-Киргизский славянский университет, Бишкек, Киргизия;

Попкова Елена Геннадьевна, доктор экономических наук, профессор, Институт научных коммуникаций, Волгоград, Россия; Российский экономический университет имени В.Г. Плеханова, Москва, Россия;

Почтовюк Андрей Борисович, доктор экономических наук, профессор, Кременчугский национальный университет имени Михаила Остроградского, Кременчуг, Украина;

Ростовская Тамара Керимовна, доктор социологических наук, профессор, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Московский государственный социальный университет, Москва, Россия;

Рязанцев Сергей Васильевич, член-корреспондент РАН, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН; Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия;

Самыгин Сергей Иванович, доктор социологических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия;

Силантьева Маргарита Вениаминовна, доктор философских наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, Москва, Россия;

Скорик Александр Павлович, доктор философских наук, профессор, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия;

Сорвилов Борис Владимирович, д.э.н., профессор, Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Гомель, Белоруссия;

Степан Каван, PhD, Университет Южной Богемии в Ческе-Будеевице, Ческе-Будеевице, Чехия;

Сухарев Олег Сергеевич, доктор экономических наук, профессор, Институт экономики РАН, Москва, Россия;

Тихоновская Светлана Александровна, кандидат экономических наук, доцент, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия;

Череповицын Алексей Евгеньевич, доктор экономических наук, профессор, Санкт-Петербургский горный университет, Санкт-Петербург, Россия;

Черных Сергей Сергеевич, доктор философских наук, доцент, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия;

Щербакова Лидия Ильинична, доктор социологических наук, профессор, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия;

Юлиус Раманаускас, Dr. hab., Университет имени А. Стуглинскаса, Каунас, Литва;

Сальникова Инна Ивановна, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия (ответственный секретарь).

**ВЕСТНИК ЮЖНО-РОССИЙСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕХНИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА (НПИ)
СЕРИЯ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ**

2021 год Том 14 Выпуск 3

Содержание

Contents

Теоретическая и прикладная социология	Theoretical and Applied Sociology
Воденко К. В., Дегтярев А. К., Иваненко Н. С. Интеллектуальный потенциал российской молодежи в контексте формирования академического лидерства в высшем образовании в региональном пространстве.....7	Vodenko K. V., Degtyarev A. K., Ivanenko N. S. Intellectual Potential of Russian Youth in the Context of the Formation of Academic Leadership in Higher Education in the Regional Space.....7
Артамонова Я. В., Липчанская И. В. Реализация программ государственной поддержки российских молодых семей (на примере Ростовской области).....18	Artamonova Ya. V., Lipchanskaya I. V. Implementation of State Support Programs for Russian Young Families (on the Example of the Rostov Region).....18
Загороднюк Т. И., Загороднюк Е. В. Специфика развития проектной культуры студенческой молодежи технического вуза.....26	Zagorodnyuk T. I., Zagorodnyuk E. V. The Specifics of the Development of the Project Culture of the Students of the Technical University.....26
Зеленый А. Н. Политико-административные ресурсы института сити-менеджмента.....32	Zeleny A. N. Political-Administrative Resources of the Institution of City-Management.....32
Коблева З. Х. Трансформация семейных ценностей на современном этапе.....39	Kobleva Z. H. Transformation of Family Values at the Present Stage.....39
Николаева Л. С., Загорская О. В. Понятие социальной адаптации	Nikolaeva L. S., Zagorskaya O. V. The Concept of Social Adaptation

малообеспеченной семьи в условиях социальных преобразований.....	46	of a Low-income Family in the Context of Social Transformations.....	46
Рачина А. В., Латышева А. Т., Самыгин С. И. Институционализация цифрового образования высшей школы: социологический анализ проблемы социализации молодежи.....	52	Rachipa A. V., Latysheva A. T., Samygin S. I. Institutionalization of Digital Education in Higher Education: a Sociological Analysis of the Problems of Socialization of Youth.....	52
Ростовская Т. К., Сизикова В. В., Толмачев Д. П. Волонтерская деятельность старшего поколения: региональный аспект.....	61	Rostovskaya T. K., Sizikova V. V., Tolmachev D. P. Volunteer Activity of the Older Generation: a Regional Aspect.....	61
Сапрыка В. А., Олейник С. А. Проблемы формирования системы мониторинга интеграции иммигрантов в региональную среду.....	69	Sapryka V. A., Oleinik S. A. Problems of the Formation of a Monitoring System for the Integration of Immigrants Into the Regional Environment.....	69
Синютин А. А. Свадебное торжество в представлениях современных россиян.....	77	Sinyutin A. A. Wedding Celebration in the Views of Modern Russians.....	77
Слизский Е. А. Современная информационная коммуникация как фактор выстраивания межнациональных отношений.....	84	Slizsky E. A. Modern Information Communication as a Factor in Building Inter-Ethnic Relations.....	84
Фетисова О. В. Категория успеха в ценностной картине мира россиян: динамический аспект.....	90	Fetisova O. V. The Category of Success in the Value Picture of the World of Russians: a Dynamic Aspect.....	90
Черевкова А. И. Профессиональное становление медиков в условиях пандемии коронавируса (по материалам глубинных интервью).....	95	Cherevkova A. I. Professional Becoming of Medics in the Context of the Coronavirus Pandemic (Based on In-depth Interviews).....	95
Шилина Н. А., Черярин В. А., Самыгин С. И. Роль религии в столкновении культурно-цивилизационных конфликтов.....	102	Shilina N. A., Cheryarin V. A., Samygin S. I. The Role of Religion in the Clash of Civilizational Conflicts.....	102

Экономика и управление

Economics and Managment

Белуsoва В. П., Белоусов А. Л.
Цифровая трансформация

Belousova V. P., Belousov A. L.
Digital Transformation of Machine

машиностроительных производств как драйвер расширения технологического поля бизнеса.....	110	Industries as an Expansion Driver Technological Field of Business.....	110
Бондаренко В. А., Гузенко Н. В., Романишина Т. С. Маркетинг пространственного взаимодействия в социально- инфраструктурном развитии территории.....	116	Bondarenko V. A., Guzenko N. V., Romanishina T. S. Marketing of Spatial Interaction in the Social and Infrastructural Development of the Territory.....	116
Гашенко И. В., Зима Ю. С. Развитие информационно- коммуникационной среды в налоговом администрировании.....	126	Gashenko I. V., Zima Yu. S. Development of Information and Communication Environment in Tax Administration.....	126
Глазунова В. В. Результативность регионального управления: способы измерения.....	135	Glazunova V. V. Regional Governance Performance: Method of Measurement.....	135
Голощанова Л. В., Чуприна О. И. Перспективы развития цифровизации банковских гарантий в сегменте государственных и муниципальных закупок.....	149	Goloshchapova L. V., Chuprina O. I. Prospects for the Development of Digitalization of Bank Guarantees in the Segment of State and Municipal Procurement.....	149
Ерохина Т. Б., Пархоменко Т. В. Трансформация логистических систем и потребительского поведения в условиях пандемии COVID-19.....	154	Erokhina T. B., Parkhomenko T. V. The Transformation of Logistics Systems and Consumer Behaviour in the Context of the COVID-19 Pandemic.....	154
Зайченко И. М., Фадеев А. М., Костюченко А. И. Построение трендов развития предприятий топливно-энергетического комплекса РФ в условиях цифровой трансформации бизнеса.....	162	Zaychenko I. M., Fadeev A. M., Kostyuchenko A. I. Building Development Trends of Enterprises of the Fuel and Energy Complex of the Russian Federation in the Conditions of Digital Transformation of Business.....	162
Киселева М. А. Разработка организационно- экономического механизма управления научно-исследовательской деятельностью национальных исследовательских университетов.....	182	Kiseleva M. A. Development of an Organizational and Economic Mechanism for Managing the Research Activities of National Research Universities.....	182
Красина Е. Н., Горидько Н. П. Техническое перевооружение как определяющий фактор развития производственного потенциала отдельных отраслей.....	191	Krasina E. N., Goridko N. P. Technical Re-equipment as a Key Factor of the Production Potential Enhancement for Separate Branches of Economy.....	191

Сухарев О. С., Ворончихина Е. Н. Динамика инноваторов и консерваторов в экономическом развитии Европейского союза и России.....202	Sukharev O. S., Voronchikhina E. N. Dynamics of Innovators and Conservatives in Economic Development of European Union and Russia.....202
Тертышников М. П. Механизмы и модели, используемые в развитии совместного предпринимательства в регионах.....225	Tertyshnikova M. P. Mechanisms and Models Used in the Development of Joint Entrepreneurship in the Regions.....225
Титова Е. И., Голощапова Л. В., Савина Н. П. Влияние пандемии COVID-19 на деятельность электронной торговой площадки Газпромбанка: состояние и перспективы развития.....230	Titova E. I., Goloshchapova L. V., Savina N. P. The Impact of the COVID-19 Pandemic on the Activities of the Gazprombank Electronic Trading Platform: State and Prospects of Development.....230
Хубаев Г. Н. Как повысить конкурентоспособность многофункциональных товаров на внутреннем и внешнем рынках (на примере программных продуктов).....238	Khubaev G. N. How to Increase the Competitiveness of Multifunctional Products in the Domestic and Foreign Markets (Using the Example of Software Products).....238

Философская инноватика

Philosophical Innovation

Плотникова Т. В., Кравцова А. М., Попкова Е. Г. Социально-теоретические основы исследования функциональных организаций.....254	Plotnikova T. V., Kravtsova A. M., Popkova E. G. Socio-Theoretical Foundations of the Study of Functional Organizations.....254
Поликарпова Е. В., Поликарпов В. С., Байбуз А. Г. Стратегии безопасности России в контексте бифуркации.....263	Polikarpova E. V., Polikarpov V. S., Baibuz A. G. Russia's Security Strategies in the Context of Bifurcation.....263
Пономарев П. А., Тищенко И. А., Якунина И. С. Культурный иммунитет российского общества в научном дискурсе.....270	Ponomarev P. A., Tishchenko I. A., Yakunina I. S. Cultural Immunity of the Russian Society in the Scientific Discourse.....270

Научная жизнь

Scientific Life

Черных С. С. Трудный путь к свободе — бегство из палеолитического рабства (по следам Б. Ф. Поршнева).....281	Chernykh S. S. A Difficult Path to Freedom — an Escape from Paleolithic Slavery (in the footsteps of B. F. Porshnev).....281
--	--

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПРИКЛАДНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316

10.17213/2075-2067-2021-3-7-17

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ АКАДЕМИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ В РЕГИОНАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ¹

© 2021 г. К. В. Воденко, А. К. Дегтярев, Н. С. Иваненко

*Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, г. Новочеркасск, Россия*

Задача исследования заключается в изучении интеллектуального потенциала российской молодежи в контексте формирования академического лидерства в высшем образовании в региональном пространстве.

Методология исследования базируется на соединении теоретико-концептуальных и социально-эмпирических схем для изучения интеллектуального потенциала молодежи в контексте формирования академического лидерства.

Результаты исследования. Проблема академического лидерства в высшем образовании в региональном пространстве в российском обществе перешла в практическую плоскость, стала предметом дискуссий и в научной среде, и на уровне общественных размышлений о траектории развития российской науки и образования. Особый интерес вызывает ситуация в высшем образовании в региональном пространстве, где проявляется воздействие деструктивных факторов «оттока мозгов», снижение качества социального и культурного капитала акторов высшего образования, деградация исследовательской базы и разрыв поколений. Авторы статьи, не повторяя известные истины, предлагают взглянуть на академическое лидерство как перспективную политику развития высшего образования в региональном пространстве в рамках анализа интеллектуального потенциала российской молодежи.

Перспективы использования результатов исследования. Выводы статьи основаны на концептуальной схеме нового прагматического типа академического лидерства и ориентированы на поиск путей актуализации интеллектуального потенциала молодежи, включающего информационные и технологические знания, готовность к участию в формировании академического лидерства в высшем образовании в контексте формирования общих целей акторов высшего образования.

Ключевые слова: интеллектуальный потенциал; российская молодежь; высшее образование в региональном пространстве; академическое лидерство; информационные и технологические знания.

¹ Статья выполнена в рамках реализации гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-2582.2020.6) на тему «Государственная политика в сфере высшего образования и развитие инновационного потенциала молодежи: экономические и неэкономические детерминанты и механизмы в условиях регионализации социального пространства и становления Индустрии 4.0».

INTELLECTUAL POTENTIAL OF RUSSIAN YOUTH IN THE CONTEXT OF THE FORMATION OF ACADEMIC LEADERSHIP IN HIGHER EDUCATION IN THE REGIONAL SPACE

© 2021 K. V. Vodenko, A. K. Degtyarev, N. S. Ivanenko

Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia

The aim of the research is to investigate the intellectual potential of Russian youth in the context of the formation of academic leadership in higher education in the regional space.

The research methodology is based on the combination of theoretical and conceptual and socio-empirical schemes for studying the intellectual potential of young people in the context of the formation of academic leadership.

The results of the study. The problem of academic leadership in higher education in the regional space in the Russian society has passed into a practical plane, has become the subject of discussion both in the scientific community and at the level of public reflection on the trajectory of the development of Russian science and education. Of particular interest is the situation in higher education in the regional space, where the impact of destructive factors of «brain drain», the decline in the quality of social and cultural capital of higher education actors, the degradation of the research base and the generation gap are manifested. The authors of the article, without repeating the well-known truths, suggest looking at academic leadership as a promising policy for the development of higher education in the regional space in the framework of the analysis of the intellectual potential of Russian youth.

Prospects for using the results of the study. The conclusions of the article are based on the conceptual scheme of a new pragmatic type of academic leadership and are focused on finding ways to actualize the intellectual potential of young people, including information and technological knowledge, readiness to participate in the formation of academic leadership in higher education in the context of the formation of common goals of higher education actors.

Key words: intellectual potential; Russian youth; higher education in the regional space; academic leadership; information and technological knowledge.

Введение. Вопрос академического лидерства в высшем образовании в региональном пространстве не является абстрактным, так как затрагивает комплект проблем, связанных со сложной траекторией развития российского высшего образования в последние два десятилетия. Очевидно, что нельзя безоговорочно ссылаться на опыт 50–60-х годов XX века, когда советская высшая школа воспринималась как свидетельство «триумфа» советского образа жизни и с завоеваниями в космосе ассоциировалось академическое лидерство советской науки и образования.

В нынешних условиях информатизации и цифровизации образования, внедрения новых образовательных технологий, влияния

факторов глобализации и регионализации высшего образования не утратило значения мощной интеллектуальной силы, преобразующей экономику и общественно-политический уклад, но изменились качественным образом критерии академического лидерства: гонка за количественными показателями перестала быть определяющей в контексте ускоряющегося научного и технологического прогресса в условиях переориентации высшего образования на подготовку «серийных» высококвалифицированных специалистов.

Эта особенность перемен отмечалась исследователями, работающими в дискурсе социально-гуманитарного знания, для которых ясным стало то, что высшее образование ут-

ратило характер предопределенного восходящего социального лифта, что на современном рынке труда определяющим стал фактор достижений, а «текучесть» профессиональной востребованности стала нормой. Эпоха позднего модерна отмечена исчезновением жестких социальных, культурных и интеллектуальных различий, поздняя современность является периодом перехода к высшему образованию нового типа, под которым понимается вектор изменений в сторону «случайного выбора», конфигураций обстоятельств постоянной смены ориентиров высшего образования.

Академическое лидерство в таком контексте не может укладываться в рамки классической традиции, и то, что российские исследователи описывают как кризис академического лидерства российской науки, связанный с утратой фундаментальности образовательной системы, можно интерпретировать и как признак кризиса, ведущего к «оздоровлению» образовательной системы, и как ликвидацию отставания от глобальных тенденций развития образования, и как специфику высшего образования в российском обществе [2, 3].

Нынешняя социальная образовательная политика должна ориентироваться на долгосрочный эффект и учитывать стремление общества к повышению уровня образования, запросы бизнеса, потребности общества как жизненной стратегии [7]. С приведенным утверждением можно согласиться, но нельзя делать ставку на образовательные услуги, коммерциализацию образования как альтернативу его академизму и фундаментализму. Очевидно, что академическое лидерство является индикатором развития высшего образования, характеризует и традиции, и переменны в высшем образовании в региональном пространстве, показывает степень интеллектуального потенциала акторов высшего образования, к которым относится не только профессорско-преподавательский состав как носители академического знания, но и студенческая молодежь как будущие специалисты и продолжатели академической традиции российского образования.

Российские исследователи в начале 2000-х годов XX века отмечали, что специалисты интеллектуального труда, являющиеся продуктом системы высшего образования, так же, как и характер спроса на эту «продук-

цию», составляют важный показатель эффективности образовательного процесса [4].

Полагая, что спрос на специальности является критерием оценки качества системы высшего российского образования, ученые, тем не менее, не могли не учитывать проблему академического лидерства как совокупности конкретных достижений и качественной подготовки научно-исследовательских кадров. Признавалось, что приоритетность образовательных услуг, настрой образования на подготовку «нужных» специалистов не могут иметь долгосрочный эффект, если, судя по номенклатуре защищенных диссертаций с гуманитарно-экономическим «креном», можно делать вывод об отставании естественных наук и падении интереса молодежи к научно-исследовательской деятельности. Научные интересы как залог академической традиции молодежи дифференцируются в зависимости от когнитивных интересов, интеллектуальных способностей и образовательных установок.

В этом контексте интеллектуальный потенциал российской молодежи как совокупность знаний и способностей к интеллектуальной деятельности является актуальным для понимания вектора развития академического лидерства в высшем образовании в региональном пространстве. Это важно, во-первых, потому что высшее образование в российских регионах испытывает влияние внутренних и внешних рисков, связанных с негативной социально-демографической динамикой, усилением отставания от столичных вузов, слабой включенностью в глобальные образовательные процессы, в международные научно-исследовательские образовательные контакты, и вынуждено расширять сферу коммерческих образовательных услуг.

Интеллектуальный потенциал российской молодежи в региональном пространстве является инвестиционным, направленным на укрепление или в случае суженного воспроизводства — на ослабление позиций высшего российского образования, и каждая из сторон проблемы вносит свою составляющую в формирование академического лидерства.

Методология исследования. На первый взгляд, изучаемая проблема укладывается в методику исследования проблем молодежи в рамках структурно-функционального,

культурологического, социально-воспроизводственного подходов [10]. Специфика выражается в том, что академическое лидерство является продуктом деятельности поколений, и в этом смысле очевидно: молодежь является объектом исследования в той степени, в какой участвует в формировании и развитии академического лидерства в образовательном пространстве.

Данное ограничение обоснованно, так как содержит «лимитность» по отношению к качественным и количественным показателям российской молодежи, важным в контексте ее социального статуса и интересов, но не влияющим на позиции молодежи как актора высшего образования, оказывающего влияние на состояние академического лидерства в высшем образовании в региональном пространстве. Поэтому в социологической методологии, где возник «ренессанс» качественных методов, но количественные показатели являются важными в понимании исследовательских процессов, есть необходимость соединения теоретико-концептуальных и социально-эмпирических схем для изучения интеллектуального потенциала молодежи в контексте формирования академического лидерства.

Согласно заявленной цели исследования интеллектуальный потенциал российской молодежи может быть проанализирован функционально, достигнуты определенные результаты в работах В. А. Чупрова, Ю. А. Зубок, Б. А. Ручкина, Ю. А. Шапко, Г. А. Зборовского и др. [10].

Нельзя не отметить вклада коллектива, руководимого Д. Л. Константиновским, который на протяжении тридцати лет исследует образовательную динамику в российской молодежной среде, плодотворно использует концепт высшего образования для определения образовательной и профессиональной траектории российской молодежи. Основными теоретическими мотивациями парадигмы интеллектуального потенциала российской молодежи становится его определение как инвестиций, человеческого капитала, направленного на накопление и актуализацию в профессиональных и образовательных траекториях [6].

Согласно отмеченным традициям интеллектуальный потенциал российской молодежи не является константой, так как связан с процессом приумножения человеческого

потенциала, но следует учитывать, что, как признают исследователи, в оценке интеллектуального потенциала молодежи важную роль играет стартовый капитал, социальные, культурные, образовательные навыки, полученные в семье. В этом смысле потенциал российской молодежи разнороден и определяется социальными и культурными различиями, так как в контексте социальной маргинализации молодежи, как отмечали В. А. Чупров и Ю. А. Зубок, возникает эффект «образовательной эксклюзии», выключенности слоя молодежи, не ориентированной на образовательные установки от интересующих нас процессов [10].

Предлагаемый коллективом Д. Л. Константиновского подход содержит множество методических процедур, обусловленных поиском информационной базы исследования, что важно для лонгитюдных исследовательских проектов. Логика функционального рассмотрения выводит на понимание интеллектуального потенциала молодежи по критериям ее образовательной компетентности, которая является результатом достигнутого образования и накопления образовательного потенциала. Взаимосвязь между интеллектуальным и образовательным потенциалом является обоснованной, но различия заключаются в том, что интеллектуальный потенциал основывается на когнитивных, эвристических, проектных способностях молодежи, умении действовать нестандартно, реализовывать исследовательские инициативы, в то время как образовательный потенциал определяется готовностью и способностью к профессиональному обучению, связан с «пакетным» образованием [8].

Результат исследования. Относительно высокая доля молодежи, обратившейся к сфере высшего образования, не должна стимулировать мысль о том, что российская молодежь настроена на академическую траекторию. Среди молодых россиян, занятых в сфере высшего образования, особенно в регионах, приоритетным является прагматический выбор образования, настроенность на диплом и связанная с этим доступность и экономичность образования.

Данную тенденцию отмечает Д. Л. Константиновский. По его мнению, еще в 70-е годы XX века выявилось, что выпускники

средних школ по-разному оценивают шансы на образование и что установка на высшее образование связана с гарантированностью жизненной стратегии, с социальным самочувствием, где фактор академизма образования является престижным, но «отпугивающим» молодежь высокими стандартами профессионального обучения. Академическая среда, как и академическая традиция, представлялась массовому сознанию сферой «камерности», удела «избранных», непрактичности для профессиональной и образовательной траектории [8].

На новом этапе образовательных «революций» в российском обществе, смены парадигмы «индустриальности», требующей высококвалифицированных кадров различных специальностей, одной из основополагающих характеристик высшего образования становится его нацеленность на востребованность в индивидуальной подготовке молодых специалистов, в которой личностная ориентированность становится фактором стимулирования академического лидерства.

Действительно, интеллектуальный потенциал российской молодежи в актуальных социологических исследованиях рассматривается структурно-функционально, в то время как общим признаком является социальная ресурсность молодых россиян как совокупность социальных качеств, направленных на социальную самореализацию и социальное самоопределение в рамках творческой активности и, как отмечалось ранее, снижение интереса молодежи к научно-исследовательской деятельности, что является условием академического лидерства, связано с неудовлетворенностью положением учеников, трудностями продвижения в академической карьере. Здесь следует учитывать то, что академическое лидерство в традиционном понимании является результатом чистого интереса, аскетизма, самоограничения в целях служения науки.

Современная концепция академического лидерства является результатом перехода к ресурсной модели, включающей освоение фундаментальности и системности научного знания в целях превращения науки и образования в действующую интеллектуальную силу общества. Есть определенные сложности, связанные с тем, что в условиях стремительных социальных изменений в россий-

ском обществе академическая наука понесла значительный урон, а стремление «перенести» науку в систему высшего образования не имеет ясных результатов [2].

Настоящий переходный период связан со сдвигами в интеллектуальном потенциале российской молодежи, с тем, что значительно выросло число «информационщиков», но в то же время возрос риск влияния «клипового» мышления, чуждого академической традиции и содержащего фрагментарное несистематизированное знание. Эта особенность отмечается в работах российских исследователей А.Р. Эфендиева, Л.Г. Ионина, И.В. Басенина, и как результат, становится ясным, что интеллектуальный потенциал российской молодежи варьируется от выбора «академичности» до профессионального акционизма, прекариата, не совместимого с академической деятельностью.

Новая концепция академического лидерства ориентирована на приоритеты в долгосрочном планировании в высшем образовании, на модель «непрерывного» образования, определяет значимость интеллектуального потенциала в контексте изменения социальной функции образования в российском обществе, по сути, актуальным становится воспитание молодежи как специалистов, настроенных на гибкость и конкурентность академического лидерства, на понимание того, что лидерство есть стремление к достижению результатов, что в лидерстве определяющую роль играет не возраст и заслуги, а способность к социальному творчеству, социальная ресурсность является показателем, характеризующим отношение интеллектуального потенциала молодежи к академическому лидерству в российском высшем образовании [8].

Такой сдвиг отмечали американские социологи в конце 60-х годов XX века, подчеркивая, что для молодежи приоритетной является социальная динамика, нацеленная на достижения, обновление знаний и профессиональных навыков. Однако, функционализм, определяющий интеллектуальный потенциал молодежи в дискурсе профессиональной полезности, не преодолел в этот период негативного отношения к социальному творчеству молодежи. Американские социологи выделяли только «недетерминированность судьбы взрослых» как причину межпоколен-

ческого разрыва и не рассматривали интеллектуальный потенциал молодежи в качестве самостоятельной преобразующей силы [1].

Отечественная социология в настоящий период испытывает влияние разнонаправленных тенденций в исследовании интеллектуального потенциала российской молодежи. Структурно-функциональная схема определяет интеллектуальный потенциал через соотношение когнитивных, социальных (профессиональных и карьерных) и культурных установок. В этом контексте интеллектуальный потенциал российской молодежи измеряется критерием инновационности. Данное понятие слабо концептуализировано в социологическом дискурсе и на эмпирическом идентификационном уровне включает показатели освоения новых технологий, сетевой активности, готовность к формированию новых социально-профессиональных ниш. Это, безусловно, содержит возможность получения полезной количественной информации относительно социальных и профессиональных траекторий российской молодежи, но образовательные траектории молодежи характеризуются субдоминантными признаками, что сужает объяснительность падения интересов молодежи к академической деятельности. Очевидно, что молодые россияне, испытывая гордость за достижения российской науки в прошлом, по совокупности актуализируемых установок не показывают готовность к включению в процесс возврата престижа российского образования и науки. В контексте глобализации достигнуто новое качество отношения к образованию и к науке, которое имеет уже отмеченный межпоколенческий аспект (наука — старшее поколение, молодежь, бизнес и технологии). Также возникает гибридное состояние интеллектуального потенциала молодежи, которое, скорее, демонстрирует компромисс молодежи с целями возрождения традиций академизма, но при этом молодые россияне, выражая симпатию и одобрение, не позиционируют включение в процесс формирования академического лидерства на уровне личного участия. Молодежь в этом случае не готова быть автором инициатив, направленных на укрепление позиций академического лидерства, что укладывается в схему делового отношения к образованию и науке. Для российской молодежи

как актора высшего образования свойственно отдавать ответственность старшему поколению (профессорско-преподавательскому составу). Неудовлетворенность нынешним состоянием высшего российского образования проецируется на сферу повседневности (проблемы трудоустройства выпускников, карьерные перспективы, возможности профессиональной самореализации). В этом смысле академическое лидерство оказывается «несопричастным» проблемам молодежи, что позволяет говорить о том, что интеллектуальный потенциал молодежи не содержит высокую степень актуализации, связанной с логикой присоединения к активности за достижение академического лидерства.

С другой стороны, социоресурсная схема в подходе к значимой проблеме показывает условия, при которых интеллектуальный потенциал российской молодежи становится действующим фактором академического лидерства. К этим условиям необходимо отнести внешние и внутренние детерминанты (внешние — такие как зависимость молодежи от влияния интеллектуального колониализма, выражающегося во введении рейтингового показателя, в котором российские образовательные учреждения занимают неизбежно нижние «строчки») [5]. От синдрома рецессивности не избавлено и старшее поколение как авторы высшего образования, когда реальные проблемы, связанные с стагнацией российского высшего образования, переводятся на язык воспроизводства отставания по причине невключенности в глобальные образовательные процессы.

В данном исследовательском контексте необходимо отметить, что к внешним детерминантам нужно отнести и измерение интеллектуального потенциала молодежи через тестовые нормативы, которые игнорируют социоструктурную специфику и предлагают присоединиться к «обязательному порядку», нежели доказывать право на собственные достижения в академической сфере.

К внутренним детерминантам интеллектуального потенциала российской молодежи, согласно социоресурсной схеме, актуальным является определение перспектив молодежи в участии над развитием российской национальной модели российского высшего образования. Отмечая, что образовательная система

должна соответствовать международным требованиям, но при этом оставаться автономной (это определяет динамику академического лидерства), следует различать восприятие молодежи собственного интеллектуального потенциала и его оценку со стороны субъектов государственной образовательной политики. Это важно в связи с тем, что существуют противоречия между ожиданиями молодежи от государственной образовательной политики и целями, которые реализуются государственной образовательной политикой. Для молодых россиян являются важными карьерные и профессиональные перспективы, следовательно, нельзя делать вывод о том, что молодежь выступает с позиции автономной интеллектуальной силы, что для молодых россиян показатель интеллектуального потенциала является несомненным позитивным фактором. Государственная образовательная политика основывается на логике интересов, согласно которой интеллектуальный потенциал молодежи трудно измерять финансовыми и экономическими показателями.

Таким образом, сложившаяся ситуация с оценкой интеллектуального потенциала российской молодежи в становлении и формировании академического лидерства в высшем образовании в региональном пространстве характеризуется неопределенностью. К этому выводу можно прийти, если ориентироваться на оценку интеллектуального потенциала молодежи в контексте академической традиции, где, как свидетельствуют результаты социологических исследований, не сформирована принадлежность к академической среде как чувство сопричастности к профессорско-преподавательскому составу, не осознаются контуры совместных действий относительно академического лидерства как общей цели и слабо проявляется влияние государственной образовательной политики на рост интереса к академическому лидерству в высшем образовании.

Однако, есть и другой момент, связанный с рассмотрением интеллектуального потенциала российской молодежи с точки зрения его актуализации для перехода к новой модели академического лидерства, которую можно называть прагматической, нацеленной на соединение фундаментализма науки и конкретных результатов в социально-эко-

номической и гуманитарной сферах. Можно согласиться с утверждением, что снижается значение традиционных (технических и технократических) технологий, что возрастает роль новых технологий — информационных, социальных, интеллектуальных.

Расширяя это положение, следует подчеркнуть значение новых информационных и технологических знаний молодежи, ориентированных на преодоление разрыва между академизмом и прагматизмом, на то, что интеллектуальный потенциал молодежи может быть востребован в рамках двух условий. Первое — академическое лидерство в высшем образовании в региональном пространстве должно ориентироваться на дигитализацию процесса внедрения информационных технологий в той же степени, в какой гуманитарные технологии становятся способом индивидуализации профессиональной подготовки. Здесь учитывается, что академическое лидерство является результатом интеграции индивидуальных усилий, для чего создаются творческие группы, группы по заданию, которые лишены жесткости «исполнительства и соподчиненности», но обладают доминированием неформального лидерства по коммуникативному и креативному критериям.

Таким образом, интеллектуальный потенциал российской молодежи как фактор становления и развития академического лидерства является открытым тенденцией глобализации с акцентом на перевод в региональный контекст, то есть актуализация информационных знаний и навыков для введения новых рейтинговых показателей для высшего образования в регионе. Такая схема предполагает в качестве основы анализ подготовки специалистов нового типа со способностью мыслить «глобально», но действовать «регионально». Как пишут российские социологи, работающие в сфере регионального пространства России, одним из важнейших факторов развития высшего образования в региональном пространстве становится согласование интересов акторов высшего образования и властных институтов и бизнес структур. Желаемая ситуация определяется возможностями избавления от «застарелых» внутренних рисков, среди которых можно назвать коррупцию, экологические проблемы, отток молодых специалистов из регионов,

низкую ресурсную обустроенность регионального пространства [10].

В этом смысле следует «расстаться» с синдромом «внутренней колонизации», когда бесперспективность академической карьеры и слабая научно-исследовательская инфраструктура в высшем образовании региона способствуют миграционным настроениям талантливой молодежи. Очевидно, требуется изменение в региональной образовательной политике, что является сложным в выработке концепции академического лидерства в национальном масштабе. Другими словами, востребованным является пересмотр основных целей по достижению академического лидерства, нахождение оптимального способа реализации нового типа академического типа при нынешней ограниченности финансовых ресурсов и реальном научно-технологическом отставании России на глобальном уровне.

Интеллектуальный потенциал российской молодежи может быть актуализирован для возвращения позиций академического лидерства и через традиционный способ привлечения молодых кадров в профессорско-преподавательский состав, создание условий для творческой активности молодых ученых, что делается, хотя и в узких масштабах, на современном этапе. Но решающим становится акцент на информационных навыках молодежи, ее творчестве в сетевом пространстве, создании информационного регионального общества. Современное академическое лидерство синхронно процессу дигитализации, но преуспеть в нем может только тот, кто использует региональное преимущество. Ясно, что для России, где существуют региональные различия в востребованности информационных технологий, в качестве высшего образования как показателя подготовки специалистов нового типа в понимании условий достижения академического лидерства в высшем образовании трудно определить универсальные показатели интеллектуального потенциала молодежи.

Вероятно, реальным становится разделение регионов на традиционные и инновационные, когда в традиционных сохраняется установка на поддержание стабильности высшего образования, а в инновационных создаются «территории продвижения» академического лидерства. Несмотря на риски углубления раз-

рывов в системе высшего образования, это является более предпочтительным на фоне воспроизводства в регионах отставания от современных образовательных стандартов как внутреннего фактора развития академического лидерства в высшем образовании [9].

Заключение. Подводя итоги рассмотрения интеллектуального потенциала российской молодежи в контексте формирования и развития академического лидерства в высшем образовании в региональном пространстве, следует подчеркнуть, что в нынешних условиях российская молодежь как актор высшего образования выступает в качестве потребителя образовательных услуг, чему способствовала политика коммерциализации высшего образования в конце 90-х — начале 2000-х годов. Такой поворот, с одной стороны, принимался как вынужденный шаг, с другой — как движение к перестановке целей высшего образования, уход от «устаревших» воспитательной и социальной функций. Интеллектуальный потенциал молодежи испытывал влияние не только фоновых (средовых) факторов, но и находился под воздействием спада академического дискурса в высшем образовании, когда академизм интерпретировался как «мертвая» традиция, как наследие, которым можно гордиться, но к которому невозможно возвратиться.

В условиях, когда российское высшее образование находится под деструктивным воздействием «рейтингового» режима и воспроизводится синдром отставания от глобальных стандартов, интеллектуальный потенциал молодежи становится стартовой площадкой, где определяются контуры действия по консолидации усилий акторов высшего образования по формированию нового типа академического лидерства.

Социальная ресурсность молодежи как акторов высшего образования состоит во владении и использовании информационных и технологических навыков и знаний, конвертации образовательного капитала в социально-профессиональную мобильность, ориентированную на участие в процессе формирования академического лидерства. Роль интеллектуального потенциала молодежи определяется востребованностью молодых ученых в развитии и укреплении академизма

в высшем образовании и в равной степени включением академического лидерства в качестве приоритета в формировании профессиональных стратегий. Выполнение данных условий является обоснованным, хотя и требует концептуальной проработки, академическое лидерство в контексте дигитализации и регионализации является конфигурацией информационных, региональных и когнитивных воздействий.

Важным моментом можно считать преодоление синдрома отчужденности от академизма в молодежной среде и отказ от позиций «интеллектуального высокомерия» по отношению к молодежи со стороны «взрослых» участников процесса достижения лидерства. Очевидно, что российская высшая школа (это особенно характеризуется в региональном пространстве) имеет перспективы развития при условии настойчивой работы по определению автономной траектории развития академического лидерства, о чем свидетельствует позитивный международный опыт, в котором глобальные стандарты не являются помехой к повышению авторитета и конкурентности национальной образовательной системы.

Литература

1. Американская социология. Перспективы, проблемы, методы. — М.: Прогресс, 1972. — 392 с.
2. *Воденко К. В.* Регионализация государственной политики в сфере высшего образования в контексте становления академического лидерства [Электронный ресурс] // Вопросы управления. — 2021. — №01 (68). — Режим доступа: <https://journal-management.com/issue/2021/01/12> (Дата обращения: 25.03.2021).
3. *Воденко К. В., Дегтярев А. К., Иваненко Н. С.* Академическое лидерство: движение к транспрофессиональной идентичности в региональном пространстве высшего образования // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. — 2020. — №5. — С. 33–41.
4. *Горшков М. К., Шереги Ф. Э.* Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований. — М.: ФНИСЦ РАН, 2020. — 688 с.

5. Интеллектуальный колониализм на глобальном образовательном рынке. — М.: РУДН, 2017. — 229 с.

6. *Константиновский Д. Л., Вознесенская Е. Д., Чередниченко Г. А.* Молодежь России на рубеже XX–XXI веков: образование, труд, социальное самочувствие. — М.: ЦСП и М, 2014. — 548 с.

7. Модернизация России: научные и образовательные аспекты: учебное пособие / Отв. ред. О. Н. Яницкий. — М.: Институт социологии РАН, 2008. — 52 с.

8. Новые смыслы в образовательных стратегиях молодежи: 50 лет исследования: монография / Д. Л. Константиновский, М. А. Абрамова, Е. Д. Вознесенская, Г. С. Гончарова, В. Г. Костюк, Е. С. Попова, Г. А. Чередниченко. — М.: ЦСП и М, 2015. — 232 с.

9. Региональная социология: проблемы консолидации социального пространства России / Отв. ред. В. В. Маркин / М. Горшков, В. Маркин, А. Дмитриев и др. — М.: Новый Хронограф, 2015. — 600 с.

10. Социология молодежи: энциклопедический словарь / Сост. Ю. А. Зубок и др. — М.: Academia, 2008. — 606 с.

References

1. *Amerikanskaja sociologija. Perspektivy, problemy, metody* [American sociology. Prospects, problems, methods]. — Moscow: Progress, 1972. — 392 p.
2. *Vodenko K. V.* Regionalizacija gosudarstvennoj politiki v sfere vysshego obrazovanija v kontekste stanovlenija akademicheskogo liderstva [Regionalization of state policy in the field of higher education in the context of the formation of academic leadership] [Elektronnyj resurs] // Voprosy upravlenija [Management issues]. — 2021. — №01 (68). — URL: <https://journal-management.com/issue/2021/01/12> (Date accessed: 25.03.2021).
3. *Vodenko K. V., Degtjarev A. K., Ivanenko N. S.* Akademicheskoe liderstvo: dvizhenie k transprofessional'noj identichnosti v regional'nom prostranstve vysshego obrazovanija [Academic leadership: the movement towards transprofessional identity in the regional space of higher education] // Vestnik Juzhno-Rossijskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta (NPI). Serija: Social'no-jekonomicheskie nauki [Bulletin

of the South Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-economic sciences]. — 2020. — №5. — Pp. 33–41.

4. Gorshkov M.K., Sheregi F. Je. Molodezh' Rossii v zerkale sociologii. K itogam mnogoletnih issledovanij [Youth of Russia in the mirror of sociology. To the results of long-term research]. — Moscow: FNISC RAN, 2020. — 688 p.

5. Intellektual'nyj kolonializm na global'nom obrazovatel'nom rynke [Intellectual colonialism in the global educational market]. — Moscow: RUDN, 2017. — 229 p.

6. Konstantinovskij D.L., Voznesenskaja E.D., Cherednichenko G.A. Molodezh' Rossii na rubezhe XX–XXI vekov: obrazovanie, trud, social'noe samochuvstvie [Youth of Russia at the turn of the XX–XXI centuries: education, work, social well-being]. — Moscow: CSP i M, 2014. — 548 p.

7. Modernizacija Rossii: nauchnye i obrazovatel'nye aspekty: Uchebnoe posobie [Modernization of Russia: scientific and edu-

cational aspects: a textbook] / In O.N. Janickij (eds.). — Moscow: Institut sociologii RAN, 2008. — 52 p.

8. Novye smysly v obrazovatel'nyh strategijah molodezhi: 50 let issledovanija: monografija [New meanings in the educational strategies of youth: 50 years of research: monograph] / D.L. Konstantinovskij, M.A. Abramova, E.D. Voznesenskaja, G.S. Goncharova, V.G. Kostjuk, E.S. Popova, G.A. Cherednichenko. — Moscow: CSP i M, 2015. — 232 p.

9. Regional'naja sociologija: problemy konsolidacii social'nogo prostranstva Rossii [Regional sociology: problems of consolidation of the social space of Russia] / In V.V. Markin (eds.) / M. Gorshkov, V. Markin, A. Dmitriev et al. — Moscow: Novyj Hronograf, 2015. — 600 p.

10. Sociologija molodezhi: jenciklopedicheskij slovar' [Sociology of youth: an encyclopedic dictionary] / Sost. Ju. A. Zubok et al. — Moscow: Academia, 2008. — 606 p.

Поступила в редакцию

14 апреля 2021 г.

Воденко Константин Викторович — доктор философских наук, профессор, советник при ректорате Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова. Руководитель научно-образовательной школы «Управление социальными процессами в поликультурном регионе». Сфера научных интересов — социально-культурные и социально-экономические институты и процессы в условиях формирования инновационной модели общественного развития. Руководитель многочисленных прикладных социологических исследований.

Vodenko Konstantin Victorovich — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Adviser to the rector's office, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI). Head of the scientific and educational school «Management of social processes in a multicultural region». Research interests — socio-cultural and socio-economic institutions and processes in the formation of an innovative model of social development. Head of numerous applied sociological studies.

346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132
132 Prosveshcheniya st., 346528, Novocherkassk, Russia
E-mail: vodenkok@mail.ru

Дегтярев Александр Константинович — доктор философских наук, профессор Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова.

Degtyarev Alexander Konstantinovich — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132
132 Prosveshcheniya st., 346428, Novocherkassk, Russia
E-mail: rse1985@mail.ru

Иваненко Наталья Сергеевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры «Социальные и гуманитарные науки» Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова. Сфера научных интересов — социология молодежи, процессы дифференциации в молодежной среде, социальная помощь и социальная поддержка молодежи, деловые коммуникации в сфере бизнеса и предпринимательства.

Ivanenko Natalia Sergeevna — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Social Sciences and Humanities, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI). Research interests — sociology of youth, processes of differentiation among youth, social assistance and social support for youth, business communications in the field of business and entrepreneurship.

346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132
132 Prosveshcheniya st., 346428, Novocherkassk, Russia
E-mail: 79043483051@yandex.ru

УДК: 314.5

10.17213/2075-2067-2021-3-18-25

**РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОГРАММ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ
РОССИЙСКИХ МОЛОДЫХ СЕМЕЙ
(НА ПРИМЕРЕ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ)**

© 2021 г. Я. В. Артамонова*, И. В. Липчанская**

*Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

**Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
г. Ростов-на-Дону, Россия

Цель исследования состоит в рассмотрении программ государственной поддержки молодых семей, реализуемых на территории Ростовской области.

Методологическая база исследования: нормативно-правовые документы Российской Федерации и Ростовской области, связанные с реализацией семейной и демографической политики.

Результаты исследования. На основе проанализированных данных авторы работы выделили основные направления семейной политики в области поддержки молодой семьи: повышение ценности семьи, экономическая поддержка семей, помощь в улучшении жилищных условий, поддержка репродуктивной функции семьи. Выделенные направления семейной политики реализуются при помощи государственных программ поддержки молодой семьи. Опыт Ростовской области по реализации государственных программ поддержки свидетельствует о том, что программы поддержки молодых семей реализуются и пользуются популярностью среди молодых супругов региона.

Перспективу исследования составляет дальнейший социологический анализ государственной семейной политики в России, а также выявление новых механизмов помощи и поддержки российских молодых семей.

Ключевые слова: семья; молодежь; молодая семья; государственная политика; семейная политика; государственные программы поддержки; Ростовская область.

**IMPLEMENTATION OF STATE SUPPORT PROGRAMS
FOR RUSSIAN YOUNG FAMILIES
(ON THE EXAMPLE OF THE ROSTOV REGION)**

© 2021 Ya. V. Artamonova*, I. V. Lipchanskaya**

*Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

**Rostov State University of Economics (RSUE), Rostov-on-Don, Russia

The purpose of the study is to examine the programs of state support for young families, implemented in the territory of the Rostov region.

The methodological basis of the study was formed by the regulatory legal documents of the Russian Federation and the Rostov region related to the implementation of family and demographic policy.

Research results. On the basis of the analyzed data, the authors of the work identified the main directions of family policy in the field of supporting a young family: increasing the value of the

family, economic support for families, assistance in improving housing conditions, and supporting the reproductive function of the family. The selected areas are implemented within the framework of state programs to support young families, which are implemented by the Government of the Rostov Region, the Ministry of Labor and Social Protection of the Rostov Region, public organizations, centers of social services for the population, and non-profit organizations. The experience of the Rostov region in the implementation of state support programs shows that support programs for young families are being implemented and are popular among young spouses.

The prospect of the research *is a further sociological analysis of the state family policy in Russia, as well as the identification of new mechanisms of assistance and support for Russian young families.*

Key words: *family; youth; young family; state policy; family policy; state support programs; Rostov region.*

Введение. В настоящее время мы становимся свидетелями трансформационных процессов в институциональном пространстве молодой семьи, которые требуют глубокой социологической рефлексии.

Меняются функции и образ жизни молодой семьи [1, 2], претерпевают изменения ценностные ориентации и установки молодых супругов, что вызывает появление различных моделей семейно-брачных отношений, которые не были распространены до этого [3, 4]. Например, в современной молодой семье оба супруга/родителя работают, в связи с этим распределение домашних обязанностей происходит между супругами поровну [5]. Сегодня многие молодые люди считают семью ценностью инструментального порядка, проще относятся к такой форме семейных отношений, как сожительство без официально зарегистрированного в органах ЗАГС брака, при создании семьи считают более приемлемой двухдетную или однодетную модель, также молодежь как норму семейных отношений рассматривает и модель семьи без детей [6, 7].

Происходящие в обществе трансформации учитываются и отражаются в рамках государственной семейной политики России, содержание которой направлено на развитие и поддержку молодой семьи, в свою очередь рассматриваемой государством в качестве одного из индикаторов развития российского социума [8].

В связи с тем, что семейная политика России направлена на укрепление семьи и семейных ценностей, она включает в себя

различные механизмы реализации предусмотренных направлений, одним из которых являются государственные программы. На наш взгляд, очень актуально и значимо обратиться к рассмотрению реализации программ государственной поддержки российских молодых семей в рамках конкретного региона (в данной работе мы рассматриваем опыт Ростовской области).

Теоретико-методологическая база исследования. Проблемы, происходящие в сфере семейно-брачных отношений, в работах отечественных ученых представлены достаточно широким кругом исследований и научных тенденций. В рамках данных направлений исследований ученые обращаются к таким вопросам, как мотивы заключения брака и создания семьи [7], социальные роли супругов в молодой семье [1, 4, 5], жизненный мир молодой семьи [9], репродуктивные установки и демографическое поведение молодых супругов [10, 11].

Анализ научной литературы, посвященной выбранному нами полному исследованию, свидетельствует о том, что современные ученые считают проблемы молодой семьи важными, актуальными, научно и социально значимыми. Несмотря на многоплановость научно-исследовательских интересов современных фаилистов, обращение к государственной семейной политике в России остается одной из актуальных тем для исследователей.

Для решения цели, которая поставлена в данном исследовании, мы обращаемся к концепции социологии жизни, разработан-

ной Ж. Т. Тощенко [12], и теории институализации молодой семьи Т. К. Ростовской [13].

Методологической базой данной работы стал анализ нормативно-правовых документов Российской Федерации, связанных с семейной политикой России: Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года, региональные нормативные документы семейной политики в Ростовской области, а также данные, представленные на официальном сайте Министерства труда и социальной политики Ростовской области.

Молодая семья как объект государственной семейной политики. При исследовании семьи отечественные ученые опираются на два основных подхода: кризисный [14] и эволюционный [15, 16]. Для многих исследователей вопрос об ослаблении или трансформации института семьи остается дискуссионным.

Анализ научной литературы по проблемам семьи показывает, что также нет единого мнения среди исследователей по определению дефиниции «молодая семья». Поскольку в рамках данной работы мы проводим анализ государственных программ поддержки молодой семьи федерального и регионального уровня, то мы используем определения молодой семьи, данные в нормативно-правовых документах РФ.

В Основах государственной молодежной политики в Российской Федерации на период до 2025 год указано, что «молодая семья — семья, состоящая в первом зарегистрированном браке, в которой возраст каждого из супругов либо одного родителя в неполной семье не превышает 30 лет (для участников жилищных программ поддержки молодых семей возраст участников увеличивается до 35 лет)» [17]. В Федеральном законе, который был принят 30 декабря 2020 г., «О молодежной политике в Российской Федерации» под молодой семьей подразумеваются «лица, состоящие в заключенном в установленном законодательством Российской Федерации порядке браке, в том числе воспитывающие ребенка (детей), либо лицо, являющееся единственным родителем (усыновителем) ребенка (детей), в возрасте до 35 лет включительно» [18]. Таким образом, мы видим, что

характеристики молодой семьи трансформировались: не указывается очередность заключения брака, и возраст молодых супругов увеличивается до 35 лет.

Рассмотренная нами научно-исследовательская литература, данные Федеральной службы государственной статистики и эмпирических исследований позволили определить проблемы, которые беспокоят российские семьи, в том числе и молодых супругов.

Опираясь на исследование «Жизненный мир молодой семьи в Ростовской области», отметим, что одними из распространенных проблем для семьи, по мнению молодых супругов, являются: жилищные трудности, материальные проблемы, проблемы с трудоустройством, утрата семейных ценностей, ухудшение состояния здоровья супругов, нарушение воспитательной и досуговой функции семьи [19].

Многие из перечисленных проблем молодые семьи не в состоянии решить без помощи и поддержки государственных органов. В связи с этим в Российской Федерации существует государственная семейная политика.

В нашей стране термин «семейная политика» появился в 70-е годы XX века. В 2014 году в России была принята Концепция государственной семейной политики до 2025 года, стратегическими задачами которой является поддержка, укрепление и защита семьи и ценностей семейной жизни, создание необходимых условий для выполнения семьей ее функций, повышение качества жизни семей [8]. Для достижения перечисленных задач определены механизмы поддержки молодых семей: получение женщинами ежемесячного пособия по уходу за ребенком, увеличение денежного пособия по беременности и родам и ежемесячного пособия по уходу за ребенком работающим женщинам, получение родового сертификата и материнского капитала, строительство перинатальных центров. В связи с трудной эпидемиологической обстановкой, которая возникла в 2020 году из-за распространения новой коронавирусной инфекции и повлияла на экономическую стабильность многих российских семей, особенно молодых, имеющих детей, государство установило новые льготы и поддержку для некоторых категорий граждан. Сюда следует отнести выплаты, которые

предоставило государство на детей до 3 лет, единовременную выплату на детей от 3 до 16 лет, а также ежемесячную выплату на детей в возрасте от 3 до 7 лет.

На наш взгляд, особой актуальностью пользуется формирование концепции социального партнерства между семьей, органами власти, общественными объединениями и некоммерческими организациями.

Программы поддержки молодой семьи в Ростовской области. Обозначенные в рамках упомянутой нами Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 г. задачи [8] смогут быть успешно реализованы на уровне регионов за счет слаженной работы государственных органов, общественных объединений НКО и самих семей.

На наш взгляд, одним из механизмов успешной деятельности государственных органов в рамках семейной политики является реализация федеральных и региональных программ поддержки молодой семьи.

На территории Ростовской области для поддержки и развития молодых семей региона реализуется Федеральная целевая программа «Жилище» на 2015–2020 годы и государственная программа Ростовской области «Обеспечение доступным и комфортным жильем населения Ростовской области». По информации, которая опубликована на официальном сайте Правительства Ростовской области, с помощью работы данных программ в ближайшие три года жилищные условия за счет социальных выплат улучшат 553 молодые семьи региона.

Помимо жилищной проблемы, молодые семьи волнуют проблемы ухудшения здоровья и репродуктивной функции, что находит отражение в мероприятиях Федеральной целевой программы «Здоровье». Например, в Ростове-на-Дону благодаря реализации этой ФЦП 10 лет назад открылся Областной перинатальный центр. В настоящее время государство уделяет огромное внимание репродуктивному здоровью молодых супругов, в связи с чем по программам ОМС проводится ЭКО. Например, в 2020 году в регионе было проведено более 1000 ЭКО.

Касаясь демографической политики исследуемого региона, отметим, что она реа-

лизуется на основе Концепции демографической политики Ростовской области на период до 2025 года [20]. По предварительным данным Ростовстата, в 2020 году родилось 36,5 тыс. детей, показатель смертности населения 64,2 тыс. человек за год обусловил естественную убыль населения — 27,7 тыс. человек. В Ростовской области Министерство труда и социального развития является ответственным за реализацию регионального проекта «Финансовая поддержка семей при рождении детей (Ростовская область)». В рамках реализации данного проекта в 2020 году в Ростовской области 28,4 тыс. семей получили выплату в связи с рождением (усыновлением) первого ребенка, также 3,9 тыс. семей использовали региональный материнский капитал. В настоящее время размер регионального материнского капитала в Ростовской области составляет 125775 руб. Также стоит отметить тот факт, что государственные органы региона большое внимание уделяют информированию населения о мерах социальной поддержки семей. Например, в 2020 году региональными органами власти было подготовлено 2834 публикации по этой теме.

Заключение. На основе проанализированных нами научных источников, нормативно-правовых документов федерального и регионального уровней, связанных с реализацией государственной семейной и демографической политики, мы выделили основные направления семейной политики в области поддержки молодой семьи: повышение ценности семьи, экономическая поддержка семей, помощь в улучшении жилищных условий, поддержка репродуктивной функции семьи.

Реализация перечисленных нами в рамках данного исследования программ не ограничивается выплатами социальных субсидий и предоставлением различных льгот и пособий. Спектр мер, направленных на реализацию Концепции, состоит из мероприятий, которые организывает Правительство Ростовской области, Министерство труда и социальной защиты Ростовской области, общественные организации, центры социального обслуживания населения, некоммерческие организации.

Таким образом, реализация государственной семейной политики в России и исследуемом регионе представляет собой многоаспектную деятельность, одним из механизмов работы которой являются государственные программы поддержки молодых семей. Основными задачами государственных программ является улучшение социально-экономического положения молодых семей региона и повышение уровня рождаемости как в Ростовской области, так и в стране в целом.

Рассмотренный нами опыт Ростовской области свидетельствует о том, что государственные программы поддержки молодых семей реализуются и пользуются популярностью среди молодых супругов. Отметим, что позитивный опыт не исключает и ряда негативных тенденций, которые касаются того, что получение поддержки в рамках данных программ — это выполнение установленных формальных требований, которым могут не соответствовать молодые семьи. Также к негативным тенденциям относится то, что не все волнующие молодых супругов проблемы могут быть решены в рамках обозначенных государственных программ поддержки.

Литература

1. *Евграфова Ю. А.* Ролевая структура в молодой супружеской паре [Электронный ресурс] // Вестник СПбГУ. Серия 16: Психология. Педагогика. — 2019. — №4. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/rolevaya-struktura-v-molodoy-supruzheskoj-pare> (Дата обращения: 18.03.2021).
2. *Якупова Г. А.* Трансформация функций сельской молодой семьи в современных условиях // Экономические и гуманитарные науки. — 2017. — №2 (301). — С. 23–34.
3. *Любавина Н. В., Белова Ю. А.* Семейные традиции в условиях трансформации института семьи: сравнительный анализ мнений старшего и молодого поколений [Электронный ресурс] // Хуманитарни Балкански изследвания. — 2020. — №3 (9). — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/semeynye-traditsii-v-usloviyah-transformatsii-instituta-semi-sravnitelnyy-analiz-mneniy-starshego-i-molodogo-pokoleniy> (Дата обращения: 18.03.2021).
4. *Рождественская Е. Ю.* Вовлеченное отцовство, заботливая маскулинность // Мониторинг. — 2020. — №5 (159).
5. *Кабайкина О. В.* Трансформация роли женщины в современном обществе: в семье и на работе // Социология. — 2016. — №4. — С. 163–169.
6. *Ростовская Т. К., Кучмаева О. В.* Семья и семейные ценности в современном мире / Российская молодежь: социально-демографический портрет и система ценностей в контексте многонациональной основы Российского государства: монография. — М.: Перспектива, — 2017. — С. 303–315.
7. *Ростовская Т. К., Кучмаева О. В.* Трансформация образа желаемой модели семьи у разных поколений: результаты Всероссийского социологического исследования [Электронный ресурс] // Вестник РУДН. Серия: Социология. — 2020. — №3. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-obraza-zhelaemoy-modeli-semi-u-raznyh-pokoleniy-rezultaty-vserossiyskogo-sotsiologicheskogo-issledovaniya> (Дата обращения: 20.03.2021).
8. Распоряжение от 25 августа 2014 года №1618-р. Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://rg.ru/2014/08/29/semya-site-dok.html> (Дата обращения: 20.03.2021).
9. *Артамонова Я. В., Барсуков С. С.* Конструирование жизненного мира молодой семьи в условиях изменяющейся реальности [Электронный ресурс] // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. — 2020. — №4. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstruirovaniye-zhiznennogo-mira-molodoy-semi-v-usloviyah-izmenyayusheysya-realnosti> (Дата обращения: 20.03.2021).
10. *Гудкова Т. Б.* Репродуктивные намерения россиян: мотивация и сдерживающие факторы [Электронный ресурс] // Демографическое обозрение. — 2019. — №4. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/reproduktivnye-namereniya-rossiyan-motivatsiya-i-sderzhivayushchie-faktory> (Дата обращения: 20.03.2021).
11. *Верещагина А. В., Кротов Д. В., Самыгин С. И.* Трансформация семейно-брач-

ных ценностей молодежи на Юге России: архаизация, традиционализация, модернизация? // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2020. — №2. — С. 31–35.

12. Социология жизни: монография / Ж.Т. Тощенко. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016. — 399 с.

13. Ростовская Т.К. Молодая семья в современном российском обществе: монография / Т.К. Ростовская. — Иваново: Изд-во «Ивановский государственный университет», 2005. — 107 с.

14. Синельников А.Б. Трансформация типа семьи и проблема свободы личности // Социальная и демографическая политика. — 2006. — №2. — С. 18–29.

15. Вишневский А.Г. После демографического перехода: дивергенция, конвергенция или разнообразие? // Общественные науки и современность. — 2015. — №2. — С. 112–129.

16. Гидденс Э. Трансформация интимности: сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. — СПб, 2004. — 208 с.

17. «Основы государственной молодежной политики в Российской Федерации на период до 2025 год» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://government.ru/media/files/ceFXleNUqOU.pdf> (Дата обращения: 20.03.2021).

18. Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. №489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400056192/> (Дата обращения: 20.03.2021).

19. Сердюченко Я.В. Жизненный мир молодой семьи: особенности формирования и риски разрушения (на материалах Ростовской области): автореф. дис. ... на соиск. уч. ст. канд. соц. наук. Южный федеральный университет. — Ростов-н/Д., 2018. — 38 с.

20. Постановление Администрации Ростовской области от 16.12.2009 г. №672 «Концепция демографической политики Ростовской области на период до 2025 года» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.donland.ru/activity/1182/> (Дата обращения: 20.03.2021).

References

1. Evgrafova Ju. A. Rolevaja struktura v molodoj supruzheskoj pare [Role structure in a young married couple] [Elektronnyj resurs] // Vestnik SPbGU. Serija 16: Psihologija. Pedagogika [Bulletin of St. Petersburg State University. Series 16: Psychology. Pedagogy]. — 2019. — №4. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rolevaya-struktura-v-molodoy-supruzheskoj-pare> (Date accessed: 18.03.2021).

2. Jakupova G. A. Transformacija funkcij sel'skoj molodoj sem'i v sovremennyh uslovijah [Transformation of the functions of a rural young family in modern conditions] // Jekonomicheskie i gumanitarnye nauki [Economic and humanitarian sciences]. — 2017. — №2 (301). — Pp. 23–34.

3. Ljubavina N. V., Belova Ju. A. Semejnye tradicii v uslovijah transformacii instituta sem'i: sravnitel'nyj analiz mnenij starshego i molodogo pokolenij [Family traditions in the conditions of transformation of the family institute: a comparative analysis of the opinions of older and younger generations] [Elektronnyj resurs] // Humanitarni Balkanski izsledvanija. — 2020. — №3 (9). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semejnye-traditsii-v-uslovijah-transformatsii-instituta-semi-sravnitelnyj-analiz-mnenij-starshego-i-molodogo-pokolenij> (Date accessed: 18.03.2021).

4. Rozhdestvenskaja E. Ju. Vovlechennoe otcovstvo, zabotlivaja maskulinnost' [Involved fatherhood, caring masculinity] // Monitoring. — 2020. — №5 (159).

5. Kabajkina O. V. Transformacija roli zhenšhiny v sovremennom obshhestve: v sem'e i na rabote [Transformation of the role of women in modern society: in the family and at work] // Sociologija. — 2016. — №4. — Pp. 163–169.

6. Rostovskaja T. K., Kuchmaeva O. V. Sem'ja i semejnye cennosti v sovremennom mire [Family and family values in the modern world] / Rossijskaja molodezh': social'no-demograficheskij portret i sistema cennostej v kontekste mnogonacional'noj osnovy Rossijskogo gosudarstva: monografija [Russian youth: socio-demographic portrait and system of values in the context of the multinational basis of the Russian state: monograph]. — Moscow: Perspektiva, — 2017. — Pp. 303–315.

7. Rostovskaja T. K., Kuchmaeva O. V. Transformacija obraza zhelaemoj modeli sem'i u raznyh

pokolenij: rezul'taty Vserossijskogo sociologicheskogo issledovanija [Transformation of the image of the desired family model in different generations: the results of the All-Russian sociological study] [Elektronnyj resurs] // Vestnik RUDN. Serija: Sociologija [Bulletin of the RUDN. Series: Sociology]. — 2020. — №3. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-obrazazhelaemoy-modeli-semi-u-raznyh-pokoleniy-rezultaty-vserossiyskogo-sotsiologicheskogo-issledovaniya> (Date accessed: 20.03.2021).

8. Rasporjazhenie ot 25 avgusta 2014 goda №1618-r. Konceptcija gosudarstvennoj semejnoy politiki v Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda [Order №1618-r of August 25, 2014. The concept of State family policy in the Russian Federation for the period up to 2025] [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://rg.ru/2014/08/29/semya-site-dok.html> (Date accessed: 20.03.2021).

9. Artamonova Ja. V., Barsukov S. S. Konstruirovanie zhiznennogo mira molodoy sem'i v usloviyah izmenjajushhejsja real'nosti [Construction of the life world of a young family in the conditions of changing reality] [Elektronnyj resurs] // Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski [State and municipal management. Scientific notes]. — 2020. — №4. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstruirovanie-zhiznennogo-mira-molodoy-semi-v-usloviyah-izmenyayushejsya-realnosti> (Date accessed: 20.03.2021).

10. Gudkova T. B. Reproaktivnye namerenija rossijan: motivacija i sderzhivajushhie faktory [Reproductive intentions of Russians: motivation and deterrent factors] [Elektronnyj resurs] // Demograficheskoe obozrenie [Demographic review]. — 2019. — №4. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reproduktivnye-namerenija-rossijan-motivatsiya-i-sderzhivayushchie-faktory> (Date accessed: 20.03.2021).

11. Vereshhagina A. V., Krotov D. V., Samygin S. I. Transformacija semejno-brachnyh cennostej molodezhi na Juge Rossii: arhaizacija, tradicionalizacija, modernizacija? [Transformation of family and marriage values of youth in the South of Russia: archaization, traditionalization, modernization?] // Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshhestvennye nauki [Humanities, socio-economic and social sciences]. — 2020. — №2. — Pp. 31–35.

12. Sociologija zhizni: monografija [Sociology of life: a monograph] / Zh. T. Toshhenko. — Moscow: JuNITI-DANA, 2016. — 399 p.

13. Rostovskaja T. K. Molodaja sem'ja v sovremennom rossijskom obshhestve: monografija [Young family in modern Russian society: monograph] / T. K. Rostovskaja. — Ivanovo: Izd-vo «Ivanovskij gosudarstvennyj universitet», 2005. — 107 p.

14. Sinel'nikov A. B. Transformacija tipa sem'i i problema svobody lichnosti [Transformation of the family type and the problem of personal freedom] // Social'naja i demograficheskaja politika [Social and demographic policy]. — 2006. — №2. — Pp. 18–29.

15. Vishnevskij A. G. Posle demograficheskogo perehoda: divergencija, konvergencija ili raznoobrazie? [After the demographic transition: divergence, convergence or diversity?] // Obshhestvennye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Modernity]. — 2015. — №2. — Pp. 112–129.

16. Giddens Je. Transformacija intimnosti: seksual'nost', ljubov' i jerotizm v sovremennyh obshhestvah [Transformation of intimacy: sexuality, love and eroticism in modern societies]. — Saint Petersburg, 2004. — 208 p.

17. «Osnovy gosudarstvennoj molodezhnoj politiki v Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda» [«Fundamentals of the state youth policy in the Russian Federation for the period up to 2025»] [Elektronnyj resurs]. — URL: <http://government.ru/media/files/ceFXleNUqOU.pdf> (Date accessed: 20.03.2021).

18. Federal'nyj zakon ot 30 dekabrya 2020 g. №489-FZ «O molodezhnoj politike v Rossijskoj Federacii» [Federal Law №489-FZ of December 30, 2020 «On Youth Policy in the Russian Federation»] [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400056192/> (Date accessed: 20.03.2021).

19. Serdjuchenko Ja. V. Zhiznennyj mir molodoy sem'i: osobennosti formirovanija i riski razrushenija (na materialah Rostovskoj oblasti): avtoref. dis. ... na soisk. uch. st. kand. soc. nauk. Juzhnyj federal'nyj universitet [The life world of a young family: features of formation and risks of destruction (on the materials of the Rostov region): Ph. D. (Sociology) Thesis. Southern Federal University]. — Rostov-on-Don, 2018. — 38 p.

20. Postanovlenie Administracii Rostovskoj oblasti ot 16.12.2009 g. №672 «Konceptcija demograficheskoy politiki Rostovskoj oblasti na pe-

riod do 2025 goda» [Resolution of the Administration of the Rostov region of 16.12.2009 №672 «The concept of demographic policy of the Ros-

tov region for the period up to 2025»] [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://www.donland.ru/activity/1182/> (Date accessed: 20.03.2021).

Поступила в редакцию

21 марта 2021 г.

Артамонова Яна Викторовна — кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры региональной социологии и моделирования социальных процессов Института социологии и регионоведения Южного федерального университета. Сфера научных интересов: семья, семейно-брачные отношения, молодая семья, молодежь. Стаж научной работы — 3 года.

Artamonova Yana Viktorovna — Candidate of Sociological Sciences, Senior Lecturer of the Department of Regional Sociology and Modeling of Social Processes, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University. Research interests: family, family-marriage relations, young family, youth. The experience of scientific work is 3 years.

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160
160 Pushkinskaya st., 344006, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: janaserduchenko@mail.ru

Липчанская Ирина Владимировна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). Сфера научных интересов: элитология, проблемы генезиса научной элиты, исследования в сфере философии и методологии науки. Стаж научной работы — 18 лет.

Lipchanskaya Irina Vladimirovna — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Philosophy and Cultural Studies of Rostov State University of Economics (RSUE). Research interests: elitology, the genesis of the scientific elite, research in the field of philosophy and methodology of science. Experience of scientific work — 18 years.

344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69
69 Bolshaya Sadovaya st., 344002, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: lipiv@list.ru

УДК 316.4

10.17213/2075-2067-2021-3-26-31

СПЕЦИФИКА РАЗВИТИЯ ПРОЕКТНОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА

© 2021 г. Т. И. Загороднюк*, Е. В. Загороднюк**

*Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

**Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, г. Новочеркасск, Россия

Цель исследования. В статье рассматривается отношение студентов 1–2 курсов ЮРГТУ (НПИ) к проектному обучению и проектной культуре. Определены компетенции, недостающие студентам для успешной реализации проектного обучения, даны рекомендации преподавателям по реализации проектного обучения, исходя из представленных ответов.

Методы исследования. Для оценки сформированности проектной компетенции студентов использован опросник, составленный на базе шкалы Ликерта.

Результаты исследования. Ответы студентов оценены с применением корреляционного и дисперсионного анализа.

Ключевые слова: Шкала Ликерта; проектное обучение; командные компетенции; проектные компетенции; Шкала Чеддока.

THE SPECIFICS OF THE DEVELOPMENT OF THE PROJECT CULTURE OF THE STUDENTS OF THE TECHNICAL UNIVERSITY

© 2021 T. I. Zagorodnyuk*, E. V. Zagorodnyuk**

*Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

**Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia

The purpose of the study. The article examines the attitude of students of the 1st-2nd courses of the SRSPU (NPI) to project training and project culture. The competencies that students lack for the successful implementation of project-based learning are identified, and recommendations are given to teachers on the implementation of project-based learning, based on the answers provided.

Research methods. To assess the formation of students' project competence, a questionnaire based on the Likert scale was used.

The results of the study. The students' responses were evaluated using correlation and variance analysis.

Key words: Likert Scale; project-based learning; team competence; project competence; Cheddock Scale.

Введение. Федеральные государственные образовательные стандарты основного общего образования включают требования подготовки выпускников 11 классов, поэтому бакалавры 1–2 курса должны иметь определенный уровень сформированности проектной компетенции. Однако, как показывает практика, степень подготовки студентов к работе с образовательными проектами разнится, следовательно, для эффективной работы с образовательными проектами необходимо знать, насколько развита проектная компетенция студентов 1–2 курса, чтобы повысить качество проектной деятельности обучающихся и эффективно выстроить взаимодействие «студент — преподаватель» при реализации образовательных проектов.

В реальной жизни большинство реализуемых проектов требует также работы в команде. Дмитрий Песков отмечал, что нужно осуществлять подготовку не дипломированных индивидов [4], а команд как будущий тренд развития высшего образования, поэтому в исследования включены вопросы, изучающие отношение студентов к командным проектам.

Проведенное исследование должно показать вектор развития проектного обучения в ЮРГПУ (НПИ) имени М. И. Платова.

Гипотеза исследования. В рамках исследования выдвигалась следующая гипотеза: студенты ЮРГПУ заинтересованы в проектном обучении и могут получить поддержку в школе и вузе, однако им требуется развитие компетенций, связанных с проектной деятельностью и командной работой.

Из этой гипотезы можно выявить ряд подгипотез:

- 1) студенты мотивированы на участие в реализации командных проектов;
- 2) студенты могут получить достаточную поддержку в школе для реализации проектной деятельности;
- 3) студенты могут получить достаточную поддержку в вузе для реализации проектной деятельности;
- 4) студентам требуется развитие компетенций, связанных с проектной деятельностью;
- 5) студентам требуется развитие компетенций, связанных с командной работой.

В соответствии с подгипотезами были сформулированы вопросы опросника, основанные на шкале Ликерта.

Методика исследования. Построение шкалы Ликерта используется для измерения социальной установки респондента.

Под установкой понимают индивидуальное ценностное отношение к объекту, которое выражается в психологической готовности к положительной или отрицательной реакции на данный объект [3].

Шкала Ликерта представляет собой суждения или вопросы, которые испытуемому нужно оценить, исходя из своего личного представления. Используется 5 градаций:

- 1) совершенно согласен;
- 2) скорее согласен, чем нет;
- 3) затрудняюсь ответить;
- 4) скорее не согласен, чем согласен;
- 5) совершенно не согласен.

Далее для удобства математической обработки каждому ответу присваивается числовое значение от 1 до 5. Для прямого к гипотезе предположения: «совершенно согласен» — 5; «скорее согласен, чем нет» — 4; «затрудняюсь ответить» — 3; «скорее не согласен, чем согласен» — 2; «совершенно не согласен» — 1. Для обратного предположения: «совершенно согласен» — 1; «скорее согласен, чем нет» — 2; «затрудняюсь ответить» — 3; «скорее не согласен, чем согласен» — 4; «совершенно не согласен» — 5.

В основу исследования был положен дисперсионный анализ и корреляционный анализ на основе метода ранговой корреляции Спирмена.

Коэффициент ранговой корреляции Спирмена — это непараметрический критерий, который используется с целью статистического изучения связи между явлениями. В этом случае определяется фактическая степень зависимости между двумя количественными рядами изучаемых признаков и дается оценка тесноты установленной связи с помощью количественного выраженного коэффициента [5].

Для интерпретации коэффициента ранговой корреляции применялась шкала Чеддока [2].

Дисперсионный анализ. Дисперсия случайной величины — это один из основ-

Таблица 1

Значение корреляции и коэффициент Спирмена

Значение коэффициента корреляции	Сила связи
Менее 0,3	Слабая
От 0,3 до 0,5	Умеренная
От 0,5 до 0,7	Заметная
От 0,7 до 0,9	Высокая
Более 0,9	Весьма высокая

ных показателей в статистике. Он отражает меру разброса данных вокруг средней арифметической [1]. Данный анализ был завершён на оценке значений дисперсий, которая позволит определить разброс мнений вокруг среднего варианта ответа, что позволит определить степень слаженности ответов на поставленные вопросы.

Результаты исследования. Первая выдвинутая подгипотеза «Студенты мотивированы на участие в реализации командных проектов» нашла свое подтверждение, поскольку среднее значение ответов, полученных по пунктам: «Обучение основам создания проектов в школе полезно для школьников» — 4,06, что примерно соответствует ответам «совершенно согласен» и «скорее согласен, чем нет»; «Создание проектов во время обучения в вузе будет полезно для профессионального развития» — 4,27, «Мне интересно участвовать в реализации образовательных и реальных проектов» — 3,8 (что попадает в промежуток между «скорее согласен, чем нет» и «затрудняюсь ответить»), притом дисперсия по данным пунктам составляет 1,3, 1,07, 1,7 соответственно, что демонстрирует минимальный разброс ответов студентов в данном исследовании. Следовательно, студенты 1–2 курсов ЮРГПУ мотивированы на проектное обучение, хотя уровень заинтересованности в нем ниже, чем уровень понимания полезности проектного обучения.

Вторая подгипотеза «Студенты могут получить достаточную поддержку в школе для реализации проектной деятельности» не нашла своего подтверждения. Средний балл по пункту «В рамках школьного обучения

разбираются основы работы в команде, налаживания диалога, достаточные для реализации проекта» — 2,65 при этом дисперсия составила 2,4, что демонстрирует максимальный разброс мнений респондентов и разность уровней проектной подготовки, с которой студенты приходят в вуз.

Третья гипотеза «Студенты могут получить достаточно поддержки в вузе для реализации проектной деятельности» подтверждена частично по пункту «Университетские преподаватели могут оказать помощь по всем вопросам, касающимся реализации образовательных проектов» — средний балл 3,7, что ближе к ответу «скорее согласен, чем нет», дисперсия — 1,2. По пункту «В рамках университетской программы разбираются основы работы в команде налаживания диалога, достаточные для реализации проекта» — средний балл 3,1, дисперсия — 1,6. По пункту «В рамках университетской программы дается достаточно знаний для реализации индивидуальных и командных проектов» — оценка 3,08, дисперсия — 1,5. Также корреляция суммарной величины шкалы Ликерта (общей гипотезы, нашедшей частичное подтверждение) и мнение студентов относительно позиции «В рамках университетской программы дается достаточно знаний для реализации индивидуальных и командных проектов» составила 0,731, следовательно, имеется высокой степени силы связь отношения студентов к проектному обучению в целом с уровнем проектного обучения в университете.

Кроме того, заметный уровень корреляции с выдвинутой гипотезой составляют такие критерии, как «Университетские преподаватели могут оказать помощь по всем

вопросам, касающимся реализации образовательных проектов» (уровень корреляции 0,54) и «В рамках университетской программы разбираются основы работы в команде налаживания диалога, достаточные для реализации проекта» (корреляция 0,49).

Гипотеза о потребности студентов в развитии компетенций, связанных с проектной деятельностью, нашла свое подтверждение. «Планирование проектов требует специальных знаний» — балл 3,5, дисперсия — 1,3.

Гипотеза о потребности развития компетенций, связанных с работой в команде. Поскольку средний балл обратной гипотезы, составленный по правилу вычисления балла обратной гипотезы, составил 2,5, что находится в промежутке между «скорее согласен, чем нет» и «затрудняюсь ответить», дисперсий 1,4, и, кроме того, уровень корреляции обратной гипотезы, рассчитанный исходя из правил оценки обратной гипотезы и основной гипотезы, составил 0,25, следовательно, по мнению студентов, развитие командных компетенций не влияет на их отношение к проектному обучению. Также студенты не определились относительно преимуществ командных проектов над индивидуальными. Средний балл отношения к суждению «Реализация командных проектов в период обучения полезнее, чем реализация индивидуальных проектов» составил 3,1, дисперсия — 1,5.

Выводы. Как показало исследование, студенты мотивированы для участия в проектной деятельности, однако их проектная компетенция недостаточно сформирована. При этом, исходя из показателей дисперсии ответов, в рамках основного общего образования студенты получают различный уровень проектных компетенций: от отсутствия представления о проектных компетенциях (42,9% опрошенных не участвовали в проектной деятельности) до участия в конкурсах проектов (38,8% опрошенных), что предполагает дифференцированный подход к реализации проектного образования. Поэтому до реализации образовательной проектной деятельности преподавателям необходимо:

— проводить диагностику уровня сформированности проектной компетенции с целью организации дополнительных консуль-

таций (лекций) по основам проектной деятельности для студентов, не участвовавших в проектном обучении ранее,

— предоставить более широкий спектр заданий для студентов, участвовавших ранее в проектной деятельности, поскольку студенты не могут точно определить свое отношение к реализации проектного обучения в рамках вуза.

При этом студенты доверяют компетенции преподавателей ЮРГПУ в организации проектной деятельности и считают, что могут рассчитывать на их поддержку в реализации образовательных проектов.

Опрошенные не соотносят развитие проектной компетенции и компетенций, связанных с работой в команде, что требует дополнительных исследований форм развития командных компетенций в рамках ЮРГПУ и реализации командных проектов.

Литература

1. Дисперсия, среднееквадратичное (стандартное) отклонение, коэффициент вариации в Excel [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://statanaliz.info/statistica/opisaniedannyx/dispersiya-standartnoe-otklonienie-koeffitsient-variatsii/>.
2. *Мапанов Д.* Критерий Спирмена [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://medstatistic.ru/methods/methods9.html>.
3. Одномерное шкалирование. Шкала Лайкерта [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://ppt-online.org/281291>.
4. *Песков Д. Н.* Высшая школа в эпоху 20-х [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=nOAThNN5VM>.
5. *Прохорова Н. Ю., Смирнова А. С.* Применение коэффициента корреляции Спирмена в медико-биологическом эксперименте // Российская наука в современном мире. Сборник статей X международной научно-практической конференции. — М.: «Научно-издательский центр «Актуальность. РФ», 2017. — С. 117–118.

References

1. Dispersija, srednekvadratičnoe (standartnoe) otklonenie, koeficient variacii v Excel

[Variance, standard deviation, coefficient of variation in Excel] [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://statanaliz.info/statistica/opisanie-dannyx/dispersiya-standartnoe-otklonenie-koeffitsient-variatsii/>.

2. *Marapov D.* Kriterij Spirmena [Spearman's criterion] [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://medstatistic.ru/methods/methods9.html>.

3. Odnomernoe shkalirovanie. Shkala Lajkerta [One-dimensional scaling. The Likert scale] [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://ppt-online.org/281291>.

4. *Peskov D.N.* Vysshaja shkola v jepohu 20-h [Higher school in the era of the 20s] [Ele-

ktronnyj resurs]. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=nOATh-NN5VM>.

5. *Prohorova N. Ju., Smirnova A. S.* Primenenie koefficienta korrelyacii Spirmena v mediko-biologicheskom jeksperimente [Application of the Spearman correlation coefficient in a medical-biological experiment] // Rossijskaja nauka v sovremennom mire. Sbornik statej X mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii [Russian science in the modern world. Collection of articles of the X international scientific and practical conference]. — Moscow: «Nauchno-izdatel'skij centr «Aktual'nost'. RF», 2017. — Pp. 117–118.

Поступила в редакцию

11 мая 2021 г.

Загороднюк Татьяна Игоревна — аспирантка второго года обучения Академии психологии и педагогики Южного Федерального университета.

Zagorodnyuk Tatyana Igorevna — a 2nd-year Postgraduate Student of the Academy of Psychology and Pedagogy, Southern Federal University.

344114, г. Ростов-на-Дону, ул. Беляева, 11, кв. 2
11 Belyaeva st., app. 2, 344114, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: ktu1989@mail.ru

Загороднюк Елена Вячеславовна — кандидат технических наук, доцент кафедры «Социальные и гуманитарные науки» Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова.

Zagorodnyuk Elena Vyacheslavovna — Candidate of Engineering Sciences, Associate Professor of the Department of «Social and Humanitarian Sciences», Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

346411, г. Новочеркасск, ул. Народная, 62/2, кв. 57
62/2 Narodnaya st., app. 57, 346411, Novocherkassk, Russia
E-mail: zagor-e.v@yandex.ru

УДК 316

10.17213/2075-2067-2021-3-32-38

ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНЫЕ РЕСУРСЫ ИНСТИТУТА СИТИ-МЕНЕДЖМЕНТА

© 2021 г. А. Н. Зеленый

*Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, г. Новочеркасск, Россия*

Цель работы. В данной работе предпринимается попытка оценить политико-административные ресурсы института сити-менеджмента.

Методология исследования. Проведен анализ эмпирических данных, полученных в результате экспертного опроса местных депутатов, заместителей глав администрации и представителей общественности.

Результаты исследования. По мнению автора, политико-административные ресурсы главы муниципального образования определяются порядком его легитимации, а также неформальными и теневыми нюансами процедур замещения этой должности. Отмечается, что исследователи оценивают потенциал сити-менеджмента только в формате идеальной модели и редко применяют социологические эмпирические исследования, что не позволяет в должной степени оценить потенциал российского сити-менеджмента.

Использование результатов исследования. Итоги исследования указывают, что политико-административные ресурсы сити-менеджеров выше, чем у избранных мэров, но цена их получения связана с утратой доверия местного сообщества.

Ключевые слова: сити-менеджмент; управленческий потенциал; муниципальное управление; институт сити-менеджмента; политико-административные ресурсы; вертикаль власти; муниципальная власть.

POLITICAL-ADMINISTRATIVE RESOURCES OF THE INSTITUTION OF CITY-MANAGEMENT

© 2021 A. N. Zeleny

Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia

The aim of the study. This paper attempts to assess the political-administrative resources of the institution of city-management.

Research methodology. The analysis of empirical data obtained as a result of expert survey of local deputies, deputy heads of administration and public representatives was carried out.

Research result. According to the author, the political and administrative resources of the head of a municipal entity are determined by the order of his legitimacy, as well as informal and shadow nuances of the procedures for filling this position. It is noted that the researchers assess the potential of city-management only in the format of an ideal model and rarely use sociological empirical studies, which does not allow to properly assess the potential of Russian city-management.

Using of research results. *The results of the study indicate that the political and administrative resources of city managers are higher than those of elected mayors, but the cost of obtaining them is associated with the loss of trust of the local community.*

Key words: *city-management; managerial potential; municipal government; institution of city-management; political-administrative resources; vertical of power; municipal power.*

Введение. Основным отличием мэрской модели организации муниципальной власти от сити-менеджмента является порядок легитимации главы местной администрации, описанный в ФЗ-131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [1]. Мэр и сити-менеджер действуют в едином нормативном пространстве и обладают одинаковой целью — повысить качество жизни населения муниципальных пространств. На нормативном уровне не существует понятия «мэр» или «сити-менеджер», вместо них используется общий термин «глава муниципального образования», а институциональные нюансы приобретаются лишь за счет механизма легитимации этого статуса, обосновывающего разницу в политико-административных ресурсах [2]. Ресурсы мэра напрямую связаны с его политическим бэкграундом и социальными связями. Сити-менеджер, в отличие от мэра, ими не обладает, так как его появление в должности главы муниципального образования связано с решением конкурсной комиссии [3]. Эта комиссия формируется из 10 человек, половина из которых представлена губернатором, а вторая — председателем городской думы. Порядок формирования комиссии призван обеспечить паритет интересов акторов, действующих в одном институциональном пространстве, и сподвигнуть их к соглашению о «правилах игры». Однако социальная реальность может не соответствовать институциональным правилам и наполниться новыми нормами, носящими теневой и закрытый характер. Речь идет о возможности одного из акторов диктовать свою политическую волю другому и тем самым определять политико-управленческие ресурсы назначаемого на должность главы администрации сити-менеджера.

Исследователи муниципального управления критиковали мэрскую модель за то,

что она допускает приход к власти популистов-непрофессионалов, имеющих значительный социально-политический капитал, но не обладающих административными компетенциями [4]. Сити-менеджер же является профессионалом и имеет необходимые знания для осуществления управленческой деятельности. Его компетентность и профессионализм — ресурс, проверяемый и оцениваемый конкурсной комиссией. Сама модель сити-менеджмента призвана не допускать попадания «во власть» людей, избранных из-за так называемой «избирательной стихии». Как следует из вышеописанного, сити-менеджер обладает отличными от мэра политико-административными ресурсами, определяемыми порядком его легитимации. Перед социологией управления стоит цель по выявлению потенциала сити-менеджеров в повышении качества жизни населения. Он определяется политико-административными и хозяйственно-экономическими ресурсами, которыми обладает нанятый по контракту управленец.

В этой работе мы сконцентрируем свое внимание на определении политико-административных ресурсов сити-менеджеров. Основной вопрос, ответ на который определяет оптимистичные и пессимистичные оценки перспектив российского сити-менеджмента, можно сформулировать следующим образом: содействуют ли имеющиеся у сити-менеджеров политико-административные ресурсы повышению показателей социально-экономического развития? Научное сообщество достаточно часто продуцирует множество умозрительных заключений, связанных с потенциалом сити-менеджмента, но не основывает свои аргументы на реальных процессах управления, имеющих место в реальной практике. В связи с этим мы предлагаем оценить эти ресурсы, опираясь на оценки самих субъектов муниципального управления.

Методология исследования. В качестве респондентов по экспертному опросу были интервьюированы заместители глав администраций, депутаты представительного органа муниципальной власти, а также представители общественности — журналисты и преподаватели общественно-политических дисциплин в вузах. Исследование проводилось в Ростовской области, республиках Кабардино-Балкария, Адыгея и Крым. Общая выборка составляет 120 экспертов.

Результаты исследования. Первый вопрос касается понимания необходимости проведения муниципальной реформы.

Результаты таблицы 1 демонстрируют понимание необходимости повышения профессионализма муниципальных управленцев. Чуть меньше трети работников администрации не видят необходимости в новой форме организации муниципальной власти. Здесь четко вырисовываются группы сторонников и противников института сити-менеджмента. Наибольшее количество не одобряющих сити-менеджмент экспертов принадлежит к группе общественников. Обращаем внимание на то, что заместители глав администраций смотрят на сити-менеджмент положительно и их понимание реформы совпадает с общими векторами развития властных отношений, ориентированных на вертикальное подчинение и управленческую эффективность.

Следующий вопрос имеет контрольный характер и направлен на выявление целей проводимой реформы по изменению легитимного порядка вступления в должность главы муниципального образования.

Сразу заметно, что наименьшее количество экспертов считает, что реформа была проведена из соображений продемонстрировать законотворческую имитационную активность. Второй по популярности опцией является повышение профессионализма муниципальных руководителей, которой придерживаются заместители администрации. Лидером мнений является позиция о выстраивании властной вертикали, что согласуется с общей тенденцией российской власти иерархизировать все отношения между организациями и институтами, контролировать их и распределять ресурсы согласно лояльности управленцев.

Для более детального выявления характеристик политических ресурсов в муниципальном управлении мы предложили экспертам несколько вариантов ответа, выбор которых кристаллизует понимание властной вертикали на муниципальном уровне.

Эксперты имели возможность выбрать несколько ответов. Среди представителей муниципальной власти наиболее популярной оказалась опция, связанная с возможностью отправить в отставку политически нелояльного сити-менеджера. Объяснить это можно

Таблица 1

Есть ли необходимость в повышении профессионализации муниципального управления с помощью создания института сити-менеджмента, в ед.

Варианты ответов	Социальный статус		
	Заместители глав администраций	Депутаты	Эксперты от общественности
Нет, местное самоуправление в России успешно справляется со своими функциями	12	4	5
Нет, эффективность муниципального управления нужно повышать другими способами	10	6	25
Да, два десятилетия практики всенародного избрания мэров показали неэффективность данной модели	14	1	4
Да, сити-менеджмент предполагает только одну оценку — профессионализм	31	1	7

распределительным характером отношений федеральной и муниципальной властей, где первая является донором ресурсов для второй. Очевидно, что в такой ситуации передавать какие-либо ресурсы нелояльным сити-менеджерам просто не выгодно, следовательно, необходимо разработать механизм устранения от власти нелояльных глав местных администраций. Это также напрямую связано со вторым по популярности ответом — достройкой властной вертикали. Если между муниципальной и федеральной властью выстроены распределительные отношения, где

одна де факто зависит от другой, то обоснованным становится предположение о том, что власть хочет formalизировать свое положение, навязав муниципалитетам модель сити-менеджмента.

Итак, определившись с факторами, формирующими политико-административные ресурсы сити-менеджеров, перейдем к вопросам, непосредственно связанным с оценкой этих ресурсов.

В российской управленческой культуре человеку доверяют больше, чем институту, это обосновывает популярность третьей оп-

Таблица 2

Главная цель замены прямых выборов процедурой конкурсного отбора, в ед.

Варианты ответов	Социальный статус		
	Заместители глав администраций	Депутаты	Эксперты от общественности
Экономическая (улучшить хозяйственное развитие территорий)	15	0	6
Политическая (достроить властную вертикаль)	24	11	30
Повысить профессионализм муниципальных руководителей	21	1	5
Никаких особых целей не было (реформа ради реформы)	7	0	0

Таблица 3

Преследует ли замена прямых выборов мэра политические цели, в ед.

Варианты ответов	Социальный статус		
	Заместители глав администраций	Депутаты	Эксперты от общественности
Достроить «властную вертикаль» для облегчения возможности прямого администрирования	30	8	24
Упразднить на территориальном уровне все политические отношения и связи, заменив их административными	3	2	20
Исключить влияние партийного фактора на процедуру избрания глав муниципальных образований	6	2	12
Получить возможность отправить в отставку политически нелояльного сити-менеджера	31	4	8
Никаких политических целей у института сити-менеджмента нет	24	0	4

ции, связанной с тем, что принцип организации муниципальной власти не имеет значения, а важностью обладает лишь конкретный случай, связанный с конкретным человеком. Из этого следует, что политико-административные ресурсы сити-менеджера, по мнению экспертов, связаны не столько с порядком его легитимации, сколько с конкретными нюансами его назначения на должность. Мы предполагаем, что к власти может прийти

по-настоящему эффективный хозяйственник и организатор, но также может прийти и «назначенец» от федеральной власти, основной целью которого будет поддержание статуса-кво. Каждое муниципальное пространство обладает своим уникальным характером, определяющим, какой сити-менеджер может быть назначен на должность главы администрации. Так, например, в крупных городах очень высока вероятность попадания

Таблица 4

Потенциал сити-менеджеров для хозяйственного развития в сравнении с мэрами, в ед.

Варианты ответов	Социальный статус		
	Заместители глав администраций	Депутаты	Эксперты от общественности
Да	15	0	4
Нет	10	5	13
Принцип не имеет значения, все зависит от каждого конкретного случая	42	7	24

Таблица 5

Профессиональные преимущества сити-менеджеров по сравнению с публично избранными мэрами, в ед.

Варианты ответов	Социальный статус		
	Заместители главы администрации	Депутаты	Эксперты от общественности
Сити-менеджер, в отличие от мэра, может заниматься только хозяйственными функциями, у него нет политической ангажированности	15	0	12
Неэффективного сити-менеджера можно досрочно отправить в отставку	18	0	4
Сити-менеджер не имеет политических обязательств перед населением и поэтому способен принимать непопулярные, но необходимые решения	10	0	4
Сити-менеджер — это управленец-профессионал, избираемый профессионалами, в отличие от мэра, способного получить должность благодаря популистским приемам во время выборов	21	0	8
У сити-менеджера нет никаких профессиональных преимуществ перед мэром, избираемым муниципальным сообществом	9	12	20

на должность лояльного федеральной власти управленца, ориентированного на обеспечение порядка и стабильности, в то время как в малых городах сити-менеджер может продуктивно работать, не оглядываясь ни на что.

Перейдем к финальному вопросу, призванному напрямую спросить экспертов о преимуществах сити-менеджеров над мэрами.

Заключение. Из вышеприведенных данных можно вывести следующие тезисы. Заместители глав администраций как лица, непосредственно связанные с муниципальным управлением, основными преимуществами считают возможность уволить неэффективного сити-менеджера и видят потенциал в его профессиональных качествах. Эксперты от общественности смотрят на реформу скептически и считают, что изменение порядка вступления главы администрации в должность не принесет каких-либо преимуществ. Депутаты солидарны с общественниками и считают, что сити-менеджеры не обладают более серьезными преимуществами в сравнении с мэрами.

Подведем итоги экспертного опроса. Заместители глав администраций считают, что объем политико-административных ресурсов у сити-менеджеров выше, чем у мэров, они обладают более высокой квалификацией, имеют мотивацию, связанную с исполнением контрактных обязательств, свободны при реализации непопулярных решений. Вышеописанная позиция не совпадает с мнением депутатов и общественников, выражающих интересы потребителей муниципальных услуг, и предположительно связана с недоверием к местным органам власти вне зависимости от контекста обсуждения. Таким образом, реформа достигает своих целей, но в своеобразном и неоднозначном виде: приносит в жертву и так слабеющее доверие к муниципальной и федеральной власти, но, опираясь на принципы менеджериума и приоритет управленческой эффективности над демократическими ценностями, повышает политико-административный ресурсный потенциал сити-менеджеров.

Литература

1. Федеральный закон от 06.10.2003 г. №131-ФЗ (ред. от 29.12.2020 г.) «Об общих

принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

2. Ковалев В. В., Чигрин В. А. Политико-административные основания для модели «сити-менеджмента» в системе российского муниципального управления // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. — 2018. — Т. 4. — №2. — С. 30–38.

3. Самойлова А. С. Институциональные условия реализации модели сити-менеджмента в городском управлении // Вестник Томского гос. университета. Философия. Социология. Политология. — 2010. — №1 (9).

4. Ковалев В. В., Дятлов А. В. Состоятельность института сити-менеджмента (по материалам глубинных интервью с сити-менеджерами) // Гуманитарий Юга России. — 2020. — Т. 9 (46). — №6. — С. 111–118.

References

1. Federal'nyj zakon ot 06.10.2003 g. №131-FZ (red. ot 29.12.2020 g.) «Ob obshhih principah organizacii mestnogo samoupravlenija v Rossijskoj Federacii» [Federal Law №131-FZ of 06.10.2003 (as amended on 29.12.2020) «On the General principles of the Organization of Local Self-Government in the Russian Federation»].

2. Kovalev V. V., Chigrin V. A. Politiko-administrativnye osnovanija dlja modeli «siti-menedzhmenta» v sisteme rossijskogo municipal'nogo upravlenija [Political and administrative bases for the model of «city-management» in the system of Russian municipal management] // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Sociologija. Pedagogika. Psihologija [Scientific Notes of Vernadsky Crimean Federal University. Sociology. Pedagogy. Psychology]. — 2018. — Vol. 4. — №2. — Pp. 30–38.

3. Samojlova A. S. Institucional'nye uslovija realizacii modeli siti-menedzhmenta v gorodskom upravlenii [Institutional conditions for the implementation of the model of city management in urban management] // Vestnik Tomskogo gos. universitetata. Filosofija. Sociologija. Politologija [Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science]. — 2010. — №1 (9).

4. Kovalev V. V., Djatlov A. V. Sostojatel'nost' instituta siti-menedzhmenta (po materialam glubinnyh interv'ju s siti-menedzherami) [Solvency of the Institute of City Management (based

on the materials of in-depth interviews with city managers)] // Gumanitarij Juga Rossii. — 2020. — Vol. 9 (46). — №6. — Pp. 111–118.

Поступила в редакцию

19 марта 2021 г.

Зеленый Андрей Николаевич — аспирант Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова.

Zeleny Andrey Nickolaevich — Postgraduate student, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132
132 Prosveshcheniya st., 346428, Novocherkassk, Russia
E-mail: green1969@mail.ru

УДК 316.343

10.17213/2075-2067-2021-3-39-45

ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

© 2021 г. З. Х. Коблева

Майкопский государственный технологический университет, г. Майкоп, Россия

Цель исследования: изучить основные механизмы трансформации ценностей современной семьи; рассмотреть и раскрыть характеристику семьи как особого социального института; выявить в современном обществе основные социокультурные процессы, оказывающие влияние на семейную жизнь и ее уклад; провести социологический анализ основных причин и механизмов семейных трансформаций на современном этапе. В соответствии с целью исследования были поставлены и решены следующие задачи: изучить семью в качестве объекта социологического исследования, выявить основные формы и характеристики семейных ценностей на современном этапе, рассмотреть основные проблемы семьи в современном российском обществе.

Методологическая база исследования. Эмпирической базой исследования являются труды отечественных исследователей. Методологическую основу статьи составил системно-ценностный подход, а также методы сравнения и наблюдения.

Актуальность темы исследования обусловлена появлением серьезного научного интереса к проблемам трансформации семейных ценностей в условиях трансформации современного общества.

Результаты исследования. Доказано, что происходящие в современном российском обществе процессы оказывают воздействие на семейную жизнь, ее уклад и, следовательно, формируют социальный портрет современного государства. Все более значимой становится социокультурная направленность современной семьи, связанная с сохранением и повышением ценности семейного образа жизни в интересах устойчивого развития социума и человечества в целом. Рассмотренный анализ основных причин и механизмов семейных трансформаций способствует обоснованию возможности их регулирования и значительного расширения знания о семье.

Перспективы исследования: продолжить теоретико-методологические исследования проблемы трансформации семейных ценностей в современном обществе.

Ключевые слова: семья; семейные ценности; трансформация; институт семьи; социокультурные ценности; многодетная семья; неполная семья; общество.

TRANSFORMATION OF FAMILY VALUES AT THE PRESENT STAGE

© 2021 Z. H. Kobleva

Maikop State Technological University, Maikop, Russia

The purpose of the study: to study the main mechanisms of transformation of the values of the modern family; to consider and reveal the characteristics of the family as a special social institution; to identify the main socio-cultural processes in modern society that affect family life and its way of life; to conduct a sociological analysis of the main causes and mechanisms of family

transformations at the present stage. In accordance with the purpose of the study, the following tasks were set and solved: to study the family as an object of sociological research, identify the main forms and characteristics of family values at the present stage, to consider the main problems of the family in modern Russian society.

Methodological basis of the study. *The empirical basis of the study is the works of domestic researchers. The methodological basis of the article is a system-value approach, as well as methods of comparison and observation.*

The relevance of the research topic *is due to the emergence of a serious scientific interest in the problems of the transformation of family values in the context of the transformation of modern society.*

The results of the study. *It is proved that the processes taking place in modern Russian society have an impact on family life, its way of life and, consequently, form a social portrait of the modern state. The socio-cultural orientation of the modern family is becoming more and more important, which is associated with preserving and increasing the value of the family lifestyle in the interests of sustainable development of society and humanity as a whole. The analysis of the main causes and mechanisms of family transformations contributes to the justification of the possibility of their regulation and a significant expansion of knowledge about the family.*

Research prospects: *to continue theoretical and methodological research of the problem of transformation of family values in modern society.*

Key words: *family; family values; transformation; family institution; sociocultural values; large family; incomplete family; society.*

Социальные трансформации, происходящие в настоящее время в российском обществе, нашли свое отражение в ценностной основе всего социума, оказывая огромное влияние на семью как основной социальный институт любого общества. В этой связи появляются новые формы и модели социального взаимодействия в структуре социальных связей.

Отметим, что ценностная характеристика семьи является важным звеном в становлении и развитии социальной структуры любого общества. Являясь составной частью общества, семья проходит через разные периоды своего существования. В настоящее время появляются новые формы семейных отношений, отражающие современную социально-политическую ситуацию в стране.

Современная семья представляет особый исследовательский интерес со стороны различных гуманитарных наук: философии, социологии, культурологии, психологии и других, где проблема семейных ценностей является одной из центральных. Прежде всего, это объясняется тем, что ценности являются фундаментальной основой духовного развития личности и общества.

Проблему взаимовлияния ценностно-нормативных систем личности определил в своих исследованиях Э. Дюркгейм, согласно которому система ценностей общества представляет собой совокупность ценностных представлений отдельных людей. Дюркгейм считал, что шкала ценностей оказывается независимой от переменных и индивидуальных оценок индивидов. Кроме того, он указывал на необходимость построения иерархии ценностей. Он выделял следующие ценности: экономические, религиозные, нравственные, метафизические, эстетические. Усвоенные из этих систем ценности выступают в качестве коллективных и индивидуальных ориентиров действий людей [1].

Категории «идеал» и «эталон», определяющие тот или иной уровень культуры, представлены в исследованиях П.А. Сорокина. В этом смысле социологическая интерпретация ценности перекликается с ее культурологическими и философскими определениями [2].

С середины 1960-х гг. в отечественной науке стали появляться исследования ценностей и ценностных ориентаций в теоретических работах А.Г. Здравомыслова, В.А. Ядова,

Г.М. Андреевой и др. Основные характеристики личности, в том числе в среде разных социальных групп и общностей, занимают ведущее место в исследовательских работах [3].

Формирование иерархии ценностей и ценностных ориентаций общества происходило во все времена, каждый период имел свои особенности и характеристики социокультурных ценностей и правил поведения людей, но самой незыблемой и актуальной остается ценность семьи и семейных традиций.

Семья представляет собой особую общность людей, на которой базируется само государство. Выполняя самые разные функции, семья как социальный институт выступает индикатором развития всего общества, раскрывая определенные проблемы и в других сферах жизни.

Основная социальная сущность семьи заключается в ее особой роли между личностью и государством, выполнении функции трансляции семейных ценностей в обществе. Характеризуя семью с точки зрения общечеловеческих ценностей, можно сказать, что формирование социокультурных ценностей семьи должно было бы стать основной задачей для развития общества.

Однако в настоящее время происходит переход от традиционных форм семейных ценностей к новым формам и моделям поведения в обществе. Следует отметить, что институт семьи переживает определенный кризис, связанный с трансформацией традиционных семейных ценностей, которая выражается в распаде многих современных семей по причине невыполнения своих обязанностей, в переходе к внесемейному образу жизни и различным формам гражданского брака. Известно, что кризис семейных ценностей влечет за собой серьезные последствия для института семьи в целом, вплоть до угрозы исчезновения. Подобные явления сегодня актуальны для европейских государств, где происходит размывание традиционных ценностей семьи и уже официально разрешены однополые браки.

Серьезный процесс трансформации семейных ценностей в настоящее время происходит и в России, где наблюдается отрицательный естественный прирост населения, распад семьи как основного социального института общества, беспрецедентный рост детской

беспризорности и социального сиротства, приведшие к серьезным социальным последствиям. Подобный процесс дестабилизации нашего общества, несомненно, связан с социально-политическими изменениями в стране, характеризующимися кризисом духовно-нравственных и традиционных ценностей.

Отметим, что количество современных семей, которые не в состоянии выполнять свои родительские обязанности по воспитанию детей, с каждым годом растет. Как следствие — появление такого социального явления, как «социальное сиротство» при живых родителях, которые не справляются или не хотят выполнять свои обязанности по воспитанию детей. Характерными особенностями этого явления становится полное отчуждение детей от семьи и родителей, потеря постоянного места жительства и существования в местах, не пригодных для жилья. В этих условиях дети, предоставленные сами себе, вынуждены заниматься воровством, попрошайничеством, чтобы добыть себе средства для жизни.

Заметим, что рост беспризорности как социальное явление в истории был связан с потрясениями в обществе: голодом, войнами, стихийными бедствиями, которые влекут за собой рост количества детей-сирот, оставшихся без попечения родителей. Беспризорность в обществе несет в себе серьезную опасность в виде наркомании и алкоголизма, а также способствует росту правонарушений в этой среде.

Лишенные средств к элементарному существованию, беспризорные дети часто становятся объектом повышенного внимания со стороны различных криминальных структур, которые используют их в своих противозаконных целях — в торговле алкогольной и табачной продукцией, распространении наркотиков, занятии проституцией и т.д.

Следствием такого поведения детей является отсутствие систематического обучения в школе среди сверстников. Анализируя причины детской беспризорности, следует прежде всего отметить кризисные явления в семье и рост количества семейных разводов в стране, которые подрывают нравственные устои в обществе и несут определенную опасность для жизнедеятельности государства в целом. Проблема детской беспризорности,

алкоголизм, наркомания являются серьезной угрозой для будущего нашей страны и важной проблемой современности, требующей теоретического исследования и осмысления.

Одной из тенденций современного общества является увеличивающееся число неполных семей, где ребенок вынужден воспитываться после развода родителей одним из них. В результате воспитательные функции и нравственные устои таких семей ослабевают либо полностью утрачиваются. К основным причинам этих явлений следует отнести семейные конфликты, которые сопровождаются насилием и жестокостью к детям. Вступление в новый брак одного из родителей, с которым проживает ребенок, также становится причиной конфликтной ситуации в семье и побега детей из этой обстановки.

Усиление занятости родителей, вынужденных совмещать несколько рабочих мест, чтобы обеспечить существование членам семьи, перегруженность домашним трудом из-за отсутствия материальных средств на пользование услугами сферы быта сокращает возможность общения с детьми, совместных занятий с ними, увеличивает риск детской беспризорности [4].

Еще одной серьезной проблемой современного общества является рождение внебрачных детей. Отсутствие у родителей желания вступать в официальный брак и растить детей вне брака серьезно подрывает традиционные семейные ценности в нашем обществе. Количество детей, рожденных вне брака, в России с каждым годом растет, при этом многие родители объясняют подобные факты кризисом института семьи и проблемами материального характера.

Как показывает практика, увеличение количества внебрачных детей в современном обществе связано с лояльным отношением к таким семьям и детям, что было раньше неприемлемым для нашего традиционного общества.

Существенно изменилось отношение самих женщин к институту брака, в данном контексте женщина все чаще принимает решение родить ребенка исключительно «для себя». Как правило, эта категория женщин имеет высокий уровень материального достатка, который позволяет им растить ребенка в условиях неполной семьи, объясняя этот

факт построением своей личной карьеры и отсутствием времени на создание полноценных семейных отношений. Поэтому создание своей собственной, хотя и неполной, семьи серьезно повышает уровень самооценки таких женщин, укрепляет авторитет на работе, способствует более высокому положению в обществе и успешной самореализации ее личности.

Как показывают статистические данные, в период с 2015 по 2019 годы в России продолжается рост внебрачных семей и сокращение количества официальных браков [5].

Следует отметить, что жизнь человека вне семьи и семейных ценностей во многом объясняется причиной изменения во взглядах людей на семейные ценности, формы и модели современной семьи. Для многих это пример современных западных ценностей семьи с правом свободы выбора в семейных отношениях, вплоть до однополых браков.

Сегодня существуют семьи, которым свойственны различные социальные проблемы, называются они малообеспеченными семьями. К категории таких семей можно отнести неполные семьи, семьи, имеющие детей-инвалидов, а также многодетные семьи. В неполных семьях наряду с материальными трудностями возникают и серьезные психологические проблемы, где ребенок чувствует обиду и свою вину в распаде семьи, что впоследствии формирует чувство собственной неполноценности этого ребенка, которое может сопровождать всю его сознательную жизнь. Во многих случаях, имея за плечами печальный опыт своих родителей, эти дети стремятся создать и сохранить любой ценой свою собственную семью и семейные ценности.

Особое внимание заслуживают многодетные семьи, которые являются наименее обеспеченной социальной категорией в обществе. Количество детей в таких семьях напрямую связано с уровнем благосостояния такой семьи и возможностью удовлетворения элементарных потребностей семьи.

В конкретных социально-экономических условиях нашей страны с ростом цен на товары народного потребления у таких семей отмечаются крайне ограниченные возможности в самых необходимых предметах: одежде, обуви, школьно-письменных принадлежностях. Творческое развитие детей или занятия

в спортивных секциях в большинстве случаев невозможны из-за ограниченности семейного бюджета и материальных средств, которыми располагает конкретная семья. Особенности жизнедеятельности многодетной семьи предполагают множество проблем, с которыми она сталкивается в жизни, и общую социальную проблематику, имеющую свои специфические характеристики в сравнении с другими семьями. К их числу можно отнести формирование у детей заниженной самооценки и представления о собственной значимости, что не может не сказаться на их будущей жизни [6]. В таких семьях дети часто остаются без внимания родителей и, предоставленные сами себе, большую часть времени проводят на улице со сверстниками, которые оказались в аналогичной жизненной ситуации, условиях сложного психологического климата в семье.

Одной из актуальных проблем современных многодетных семей является процесс получения достойного образования. По причине отсутствия материальных возможностей семьи получение образования в таких семьях чаще всего ограничено. У родителей недостаточно времени, чтобы уделять должное внимание к процессу образования детей, а оплачивать услуги репетиторов они не в состоянии.

В настоящее время существуют меры государственной поддержки для многодетных семей, в том числе и в области образования: предоставление льготных мест в учебных заведениях страны с правом бесплатного проживания в общежитии, льготной системы питания и другие. Однако, несмотря на эти меры поддержки со стороны государства, многие многодетные семьи вынуждены самостоятельно решать проблемы образования своих детей, исходя из своих собственных материальных возможностей.

В. Н. Герасимов выделяет проблему реализации прав многодетных семей, считая, что большая часть льгот для многодетных семей в регионах не реализуется и напрямую зависит от состояния платежеспособности бюджетов субъектов Российской Федерации. Такая ситуация не позволяет в полной мере реализовать права детей из многодетных семей на достойные условия жизнедеятельности и всестороннее развитие [7]. Следует также отметить, что во многих многодетных семьях

отмечается низкий уровень информационной и правовой грамотности, что значительно снижает уровень своевременного обращения в государственные органы за соответствующей помощью.

В этих условиях необходимо выработать действенные меры государственной семейной политики на федеральном и региональном уровнях с учетом реальных потребностей многодетных семей в нашей стране. Такие меры поддержки должны носить адресный и гарантированный характер.

В настоящее время проблема социальной защиты семьи является одной из приоритетных государственных задач. Как известно, семья, являясь основным социальным институтом общества, выполняет важную воспитательную функцию. Трансформация семейных ценностей в современном обществе влечет за собой серьезные изменения и сбои в воспитании подрастающего поколения, которое впоследствии может испытывать серьезные проблемы и трудности в социальной адаптации, формировании семьи и традиционных семейных ценностей.

Выводы. Современная российская семья переживает сложный период своей жизнедеятельности. Проблемы многодетных и неполных семей, социальное сиротство, детская беспризорность и безработица очень серьезно влияют на существование самого института семьи в нашей стране.

Такая неблагоприятная ситуация способствует формированию негативного отношения к семейным ценностям со стороны детей, у которых еще слабо сформирована психика, и они очень болезненно и агрессивно воспринимают фактор своего семейного неблагополучия. Это в свою очередь становится причиной детской преступности, наркомании и алкоголизма. В целях предупреждения подобных действий необходимы меры поддержки семей, попавших в трудные жизненные условия, направленные на реабилитацию и восстановление семьи.

Таким образом, современное общество ставит под серьезную угрозу факт своего существования, размывая и разрушая семейные ценности. Семья — важнейший институт социализации человека. Уровень семейной социализации связан с социокультурными

ценностями, традициями и обычаями, а также нравственными установками в обществе, оказывающими существенное влияние на процесс воспитания детей в семье.

Начавшийся процесс трансформации семейных ценностей оказывает серьезное влияние на формирование демографической ситуации в стране в вопросах семейного поведения и воспитания. Сложившуюся демографическую ситуацию в России можно рассматривать с точки зрения основных проблем национальной безопасности страны, поскольку именно семья представляет собой основной институт социальной системы общества, от которой зависит будущее благосостояние нашего государства.

В нынешних социально-экономических условиях, которые не всегда характеризуются определенной стабильностью, молодым людям, вступившим в брак, не всегда удается справиться с трудностями и сложностями семейной жизни. Отсутствие необходимых знаний в области социокультурных и семейных ценностей часто является причиной бракоразводных процессов на современном этапе. Выходом из этой ситуации может стать правильная и грамотная информированность молодежи об особенностях современной семейной жизни, касающихся планирования семьи, рождения и воспитания детей, а также возможность научить молодых людей справляться с семейными трудностями в самых сложных жизненных ситуациях.

Решение актуальных демографических проблем, осуществление государственной семейной политики, создание семейных клубов, поддержка молодежных инициатив, направленные на повышение семейных ценностей, могут способствовать сохранению традиционных семейных ценностей в нашей стране. Поэтому стабильность и благосостояние современного общества сегодня зависят от успешного функционирования института семьи как важного фактора в обеспечении преемственности поколений и сохранении духовно-нравственных устоев нашего государства.

Литература

1. Дюркгейм Э. Ценностные и «реальные» суждения // Соц. исследования. — 1991. — №2. — С. 106–114.

2. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. — М., 1992. — С. 429.

3. Трансформация социокультурных ценностей населения: социологический анализ: коллективная монография / под редакцией И.В. Шиндряевой; Волгоградский институт управления — филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы». — Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления — филиала РАНХиГС, 2019. — С. 10.

4. Волгин Н.А. Социальная политика. — М.: Экзамен, 2004. — С. 78.

5. Щербакова Е.М. Россия: предварительные демографические итоги 2018 года (часть I) [Электронный ресурс]. — С.13. — Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2019/0801/Башт01p> (Дата обращения: 12.02.2019).

6. Иванова Р. Институт семьи для России // Вестник Института экономики РАН. — 2009. — №1. — С. 63–79.

7. Герасимов В.Н. Проблемы современных многодетных семей в России: сравнительный анализ с законодательством стран ЕС // Российская юстиция. — 2011. — №2. — С. 13.

References

1. Djurkgejm Je. Cennostnye i «real'nye» suzhdenija [Valuable and «real» judgments] // Soc. issledovanija [Social research]. — 1991. — №2. — Pp. 106–114.

2. Sorokin P. Chelovek. Civilizacija. Obshchestvo [Man. Civilization. Society]. — Moscow, 1992. — P. 429.

3. Transformacija sociokul'turnyh cennostej naselenija: sociologicheskij analiz: kolektivnaja monografija [Transformation of socio-cultural values of the population: a sociological analysis: a collective monograph] / In I.V. Shindrjaeva (eds.); Volgogradskij institut upravlenija — filial FGBOU VO «Rossijskaja akademija narodnogo hozjajstva i gosudarstvennoj sluzhby» [Volgograd Institute of Management branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration]. — Volgograd: Izd-vo Volgogradskogo instituta upravlenija — filiala RANHiGS, 2019. — P. 10.

4. Volgin N.A. Social'naja politika [Social policy]. — Moscow: Jekzamen, 2004. — P. 78.

5. *Shherbakova E.M.* Rossiya: predvaritel'nye demograficheskie itogi 2018 goda (chast' I) [Russia: preliminary demographic results of 2018 (part I)] [Elektronnyj resurs]. — P.13. — URL: <http://demoscope.ru/weekly/2019/0801/Bash01p> (Date accessed: 12.02.2019).

6. *Ivanova R.* Institut sem'i dlja Rossii [Institute of Family for Russia] // Vestnik Instituta jekonomiki RAN [Bulletin of the Institute of

Economics of the Russian Academy of Sciences]. — 2009. — №1. — Pp. 63–79.

7. *Gerasimov V.N.* Problemy sovremennyh mnogodetnyh semej v Rossii: sravnitel'nyj analiz s zakonodatel'stvom stran ES [Problems of modern large families in Russia: comparative analysis with the legislation of the EU countries] // Rossijskaja justicija [Russian Justice]. — 2011. — №2. — P. 13.

Поступила в редакцию

21 мая 2021 г.

Коблева Зурет Халидовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, социологии и педагогики факультета управления Майкопского государственного технологического университета.

Kobleva Zureta Halidovna — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, Sociology and Pedagogy, Faculty of Management, Maykop State Technological University.

385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Первомайская, 191
191, Pervomayskaya st., 385000, Maykop, Republic of Adygea, Russia
E-mail: zureta_01@mail.ru

УДК 316.33

10.17213/2075-2067-2021-3-46-51

**ПОНЯТИЕ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ
МАЛООБЕСПЕЧЕННОЙ СЕМЬИ
В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ**

© 2021 г. Л. С. Николаева, О. В. Загорская

*Новочеркасский инженерно-мелиоративный институт имени А. К. Кортунова
(филиал), Донской государственный аграрный университет, г. Новочеркасск, Россия*

Цель исследования. В данной статье анализируются проблемы социальной адаптации малообеспеченной семьи в условиях социальных преобразований.

Методология исследования основана на социально-философских и социальных идеях и методах, отраженных в творчестве таких ученых, как М. А. Шабанова, Л. В. Корель, Т. И. Заславская, Н. Ф. Наумова, А. И. Кравченко и др.

Результаты исследования. Делается вывод о том, что социальная адаптация малообеспеченной семьи опирается на развитие, открытость новым преобразованиям, использование предыдущего опыта, ответственное выполнение задач и целей, способность преодолевать жизненные трудности, креативность, развитие положительных эмоций, уверенность в будущем.

Ключевые слова: семья; социальная адаптация семьи; малообеспеченная семья; бедность.

**THE CONCEPT OF SOCIAL ADAPTATION
OF A LOW-INCOME FAMILY
IN THE CONTEXT OF SOCIAL TRANSFORMATIONS**

© 2021 L. S. Nikolaeva, O. V. Zagorskaya

*Novocherkassk Reclamation Engineering Institute named after A. K. Kortunov (branch),
Donskoy State Agrarian University, Novocherkassk, Russia*

The purpose of the study. This article analyzes the problems of social adaptation of low-income families in the context of social transformations.

The research methodology is based on the socio-philosophical and social ideas and methods reflected in the works of such scientists as M. A. Shabanova, L. V. Korel, T. I. Zaslavskaya, N. F. Naumova, A. I. Kravchenko, etc.

The results of the study. It is concluded that the social adaptation of a low-income family is based on development, openness to new transformations, the use of previous experience, responsible performance of tasks and goals, the ability to overcome life difficulties, creativity, the development of positive emotions, confidence in the future.

Key words: family; social adaptation of the family; low-income family; poverty.

Введение. Процесс адаптации весьма сложный и возможен только при деятельном участии сознания. Человек своей активной жизненной позицией может изменить сам процесс социальной адаптации, а не только его пассивно воспринимать. Необходимо отметить, что процесс адаптации семьи, безусловно, осуществляется в обществе, носит социально-деятельностный характер в коллективах и группах. Кроме того, социальная адаптация семьи зависит от ее общественного положения, социальных связей, среды. Как известно, социальная адаптация не является безоговорочным принятием человеком или группой определенных условий жизни. Малообеспеченная семья (бедная семья) в разных условиях стремится изменить реальность, исходя из определенных ситуаций своего существования, и в соответствии с этим вырабатывает действенный механизм своей активности, что и определяет саму стратегию адаптации.

Социальную адаптацию понимают, опираясь на понятие «социальный процесс», который представляет сочетание множества односторонних, часто повторяющихся действий в обществе, основывается на сотрудничестве, конкуренции, конфликтах, столкновении интересов, подчинении, приспособлении, гармонизации отношений в социуме и других регулярно повторяющихся отношений, связей, сохранении определенных границ и обслуживания и проявляется в группах. Социальная адаптация особенно большое значение имеет для малообеспеченной (бедной) семьи в современных социально-экономических реалиях общества.

Основная часть. Проблема социальной адаптации всегда волновала российских исследователей. Они активно развивали структурно-деятельностный подход, делая акцент на том, что адаптация характеризуется в ситуации социально-экономических преобразований как безальтернативное поведение людей в социуме [3]. Для исследования малообеспеченной (бедной) семьи этот подход наиболее актуален. М. А. Шабанова, Л. В. Корель, Т. И. Заславская и др. активно разрабатывали его в своих исследованиях. Так, российский ученый М. А. Шабанова полагает, что социальная адаптация осуществляется в той или

иной ситуации, исходя из личностного свободного выбора человека или социальной группы [7]. Сам подход основывается на том, что социальный прогресс возможен только на базе расширения возможностей развития людей в процессе их деятельности. Особенно это важно сегодня для малообеспеченных (малоимущих) семей, чтобы в реальной социальной действительности, в условиях социально-экономических преобразований учитывались и соблюдались некоторые принципы. Во-первых, это добровольность участия малообеспеченной семьи в новых моделях поведения, причем чтобы новые способы общественных действий гармонично вписывались в ее ценностные предпочтения, ориентации, способы действий, позиции, внутренний мир семьи.

Во-вторых, для малообеспеченной семьи важно расширение степени свободы для большего количества людей, чтобы в своих стратегиях поведения они могли реализовывать свои цели жизни, опираясь на те способы социальной адаптации, которые гарантируют их приспособление к новой социально-экономической реальности. Реформирование часто ведет не только к изменению, но и к разрушению макросистемы, ее основополагающих оснований: культурных, экономических, экологических и др. Это, безусловно, затрудняет социальную адаптацию малообеспеченных семей. Также необходимо учитывать, что развитие производительных сил должно расширять свободу действий для современных и будущих поколений.

В-третьих, большое значение имеет реализация жизненно важных целей для малообеспеченной семьи в новой социально-экономической ситуации [7].

М. А. Шабанова подчеркивает, что социальную адаптацию следует изучать в контексте добровольной или вынужденной адаптации. Для малообеспеченной, бедной семьи добровольная адаптация возможна, если только ее существующая система ценностных ориентаций не вступает в непримиримое противоречие со средой и новыми социальными ценностями и отношениями. Вынужденная адаптация осуществляется лишь в том случае, когда социально-экономические перемены, методы их осуществления и направления их развития не противоречат

ценностям, ориентациям, установкам малообеспеченной семьи [7].

На наш взгляд, в современном российском обществе большинство населения осуществляет вынужденную адаптацию к социально-экономическим переменам. Малообеспеченная, бедная семья сознательно и активно приспосабливается к условиям современного общества. В новой ситуации бедная (малообеспеченная) семья, несмотря на то, что она стремится сохранить свои прежние особенности жизни, ориентируясь на стабилизирующую адаптацию, может изменить параметры своей адаптации в сторону улучшения или ухудшения. Исходя из природы изменения, можно выделить прогрессивную (творческую) или регрессивную (разрушительную) адаптацию. Прогрессивная адаптация характеризуется положительной тенденцией и приобретениями в жизни семьи, регрессивная же адаптация, наоборот, — потерями и отрицательной тенденцией в положении семьи. В первом случае углубляется положительная прогрессивная адаптация, а во втором — регрессивная.

Приспособление к условиям окружающей среды может выступать в функциональной форме как процесс, в котором изменения внешней среды влияют на деятельность семьи, преобразовывая ее существование в социуме; в форме коадаптации, когда происходит приспособление организмов друг к другу; пассивная форма адаптации осуществляется без участия семьи; активная форма адаптации проявляется, когда семья деятельно влияет на среду; активистская (объективная) форма адаптации осуществляется, когда семья воздействует на среду в целях своего приспособления и среда изменяется [6].

Большое значение для изучения социальной адаптации имеет стратегия адаптации, которая понимается как приспособление к организационному, социокультурному, институциональному и деятельностному изменениям поведения [3]. В процессе социального поведения малообеспеченная семья осуществляет спонтанную стратегию адаптации (многовекторную), так как прежние адаптационные практики и социокультурные нормы в условиях их изменения оказываются неэффективными.

Существуют разные оценки и критерии эффективности адаптационного процесса.

Но большинство исследователей выделяют объективные (социальное положение) и субъективные (здоровье, самочувствие, субъективные самооценки людей) критерии [4]. Интересна позиция Н. Ф. Наумовой, которая выделила три модели адаптационного поведения: 1) эффективная внешняя адаптация базируется на успешном восприятии изменений в экономике, социуме; 2) эффективная внутренняя социальная адаптация основывается на неприкосновенности всей системы ценностей независимо от внешних влияний; 3) стратегия выживания осуществляется людьми с низким социальным статусом и ресурсами, которые самоидентифицируются с социальными группами в такой же ситуации. В этом случае большое значение имеет индивидуальность людей, их особенности, отношение к переменам, ценности, жизненный опыт. Человек в этом случае играет активную или пассивную роль. Эту проблему исследовали Баззо, Бадура, Росс, Парсонс, Шеффилд и др., объясняя ее как освоение социальных ролей в процессе социальной адаптации [2].

Для социальной адаптации важен непосредственный или сознательный поиск решения проблем в изменившихся условиях экономической и общественной жизни. В этом плане выделяют две большие группы процессов социальной адаптации. К первой непосредственной форме относятся процессы, вызванные объективной потребностью общества из-за возникающей угрозы для существования какой-либо сферы или стороны общественной жизни. Для нее характерно подчинение окружающей среде без стремления что-либо изменить в условиях социума. Сознательная форма проявления процессов социальной адаптации выявляется в тенденции свободы человека в использовании новых возможностей, чтобы повернуть их в свою пользу для гармонизации отношений с окружающей средой и найти благоприятные возможности для оптимального сосуществования с обществом. Проблему адаптации человека в условиях социально-экономических, культурных, политических, экологических изменений исследовали Е. М. Аврамова, Е. С. Балабанова, Т. П. Матяш, А. И. Кравченко, А. В. Мотыль, О. Н. Дудченко и другие.

Для социальной адаптации малообеспеченных семей характерна специфика разли-

чий их в общественной, гражданской жизни, ценностей, социального поведения. Переход к новым социальным стандартам в ситуации потери социального статуса, бедности малообеспеченной семьи диктует необходимость овладения новыми ресурсами адаптации, новыми навыками, приемами технологий социальной адаптации в зависимости от жизненных обстоятельств, принятой системы механизмов реализации приоритетов в законодательном порядке, социальных, экономических и правовых гарантий, социальной работы и в целом от всех институтов общества. Если их потенциал непрозрачен, то требуется социальная защита таких малообеспеченных семей от неблагоприятных обстоятельств для социального обеспечения, реабилитации, трудоустройства, образования, решения педагогических, медицинских и психологических проблем, активизации служб по связям с общественностью и информацией.

Социальную адаптацию малообеспеченных семей необходимо рассматривать в русле активизации их адаптивных действий в целях создания оптимальных условий для конкурентоспособности, профессионального обучения, информированности, осведомленности. Многие здесь зависят от ценностей, интересов, особенностей индивидуальности и социального поведения, ресурсов адаптации, образовательного, профессионального, культурного, информационного и социального капитала, реальной адекватной самооценки, нервно-психологической устойчивости. Выработка стратегии адаптации затрудняется, если ресурсов недостаточно или они на очень низком уровне.

Т.И. Заславская в зависимости от ресурсов выделяет достигательные, адаптационные, регрессивные и разрушительные модели поведения [1]. Положительные конструктивные модели социальной адаптации основаны на активном целеустремленном использовании ресурсов человеческой деятельности, межличностной сети, самозанятости, развитии, саморазвитии индивидуальности и семьи. Неконструктивные модели социальной адаптации характеризуются пассивностью, защитой, иждивенчеством. Чтобы преодолеть или исключить неконструктивные формы поведения, необходимо овладеть механизмом и технологиями адаптации с це-

лью моделирования ситуаций, адекватного реагирования на потребности изменений для активного реагирования в сложных ситуациях изменений. Это необходимо, чтобы найти ресурсы для положительного решения проблем, практической реализации своих целей и преодоления трудностей (низкое материальное положение, бедность, недостаток ресурсов, отсутствие профессиональных навыков и знаний, проблемы психологического характера, здоровье). В современной России существует государственная система льгот, прав, гарантий, меры социальной защиты малообеспеченных семей, действующий механизм социальной защиты людей, попавших в трудную жизненную ситуацию. Для малообеспеченных семей важна социальная помощь, социальное обеспечение, помощь в получении образования, медицинская помощь, обеспечение работой, использование средств и методов коммуникаций, психолого-педагогическое обслуживание.

Заключение. Таким образом, эффективная (успешная) конструктивная социальная адаптация малообеспеченной семьи направлена на: 1) развитие, открытость новым преобразованиям, увеличение значимости собственной индивидуальной активности; 2) использование предыдущего опыта и положительного настроя в жизненных ситуациях; 3) постановку и ответственное выполнение поставленных человеком задач, стремление к достижению жизненных целей; 4) обдуманное умение организовать жизнь и способность преодолевать жизненные трудности, используя разные возможности и окружение человека; 5) развитие положительных эмоций, креативность в принятии решений; 6) уверенность в будущем, компетентное управление организацией повседневного бытия и активную деятельность человека в обществе и семье.

Литература

1. Заславская Т.И. Современное российское общество: Социальный механизм трансформации. — М.: Дело, 2004. — С. 102–103.
2. Курбатов М.Г. Стихийное и сознательное в процессах социальной адаптации [Электронный ресурс]. — Режим доступа:

<http://www.archipelag.ru/text/155.htm> (Дата обращения: 27.06.2019).

3. *Латышева А. Т.* Российская социологическая мысль об адаптационных стратегиях населения: аналитический потенциал структурно-деятельностного подхода // *Философия хозяйства*. — М., 2006. — Ч. 1. — С. 148–149.

4. *Мезенцева Е. Б.* Профессиональная адаптация в условиях негосударственного сектора: анализ интервью с женщинами-специалистами банковского бизнеса // В кн.: *Мужчина и женщина в современном мире: меняющиеся роли и образы*. — М., 1999. — Т. 1. — С. 100.

5. *Наумова Н. Ф.* Жизненная стратегия человека в переходном возрасте // *Социологический журнал*. — 1995. — №2. — С. 5–22.

6. *Розум С. И.* Психология социализации и социальной адаптации человека. — М., 2006. — С. 304, 364.

7. *Шабанова М. А.* Социальная адаптация в контексте свободы // *Социологические исследования*. — 1995. — №9. — С. 81–84, 96.

References

1. *Zaslavskaja T. I.* Sovremennoe rossijskoe obshchestvo: Social'nyj mehanizm transformacii [Modern Russian society: Social mechanism of transformation]. — Moscow: Delo, 2004. — Pp. 102–103.

2. *Kurbatov M. G.* Stihijnoe i soznatel'noe v processah social'noj adaptacii [Spontaneous and conscious in the processes of social adaptation] [Elektronnyj resurs]. — URL: [http://www.](http://www.archipelag.ru/text/155.htm)

[archipelag.ru/text/155.htm](http://www.archipelag.ru/text/155.htm) (Date accessed: 27.06.2019).

3. *Latysheva A. T.* Rossijskaja sociologicheskaja mysl' ob adaptacionnyh strategijah naselenija: analiticheskij potencial strukturno-dejatel'nostnogo podhoda [Russian sociological thought about adaptation strategies of the population: analytical potential of the structural-activity approach] // *Filosofija hozjajstva* [Philosophy of Economy]. — Moscow, 2006. — Part 1. — Pp. 148–149.

4. *Mezenceva E. B.* Professional'naja adaptacija v uslovijah negosudarstvennogo sektora: analiz interv'ju s zhenshhinami-specialistami bankovskogo biznesa [Professional adaptation in the conditions of the non-state sector: analysis of interviews with women-specialists of the banking business] // V kn.: *Muzhchina i zhenshhina v sovremennom mire: menjajushhiesja roli i obrazy* [In the book: Man and woman in the modern world: changing roles and images]. — Moscow, 1999. — Vol. 1. — P. 100.

5. *Naumova N. F.* Zhiznennaja strategija cheloveka v perehodnom vozraste [Life strategy human in the age of transition] // *Sociologicheskij zhurnal* [Sociological journal]. — 1995. — №2. — Pp. 5–22.

6. *Rozum S. I.* Psihologija socializacii i social'noj adaptacii cheloveka [Psychology of socialization and social adaptation of human adaptation]. — Moscow, 2006. — Pp. 304, 364.

7. *Shabanova M. A.* Social'naja adaptacija v kontekste svobody [Social adaptation in the context of freedom] // *Sociologicheskie issledovanija* [Sociological studies]. — 1995. — №9. — Pp. 81–84, 96.

Поступила в редакцию

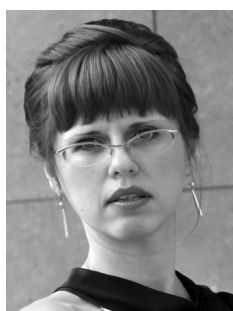
21 мая 2021 г.

Николаева Людмила Сергеевна — доктор философских наук, профессор кафедры истории, философии и социальных технологий Новочеркасского инженерно-мелиоративного института имени А. К. Кортунова ФГБОУ ВО «ДГАУ».

Nikolaeva Lyudmila Sergeevna — Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of History, Philosophy and Social Technologies, Novocherkassk Reclamation Engineering Institute named after A. K. Kortunov (branch), Donskoy State Agrarian University.

346430, г. Новочеркасск, ул. Пушкинская, 111
111 Pushkinskaya st., 346409, Novocherkassk, Russia
E-mail: neverov72@mail.ru

Загорская Ольга Вадимовна — кандидат социологических наук, доцент кафедры истории, философии и социальных технологий Новочеркасского инженерно-мелиоративного института имени А. К. Кортунова ФГБОУ ВО «ДГАУ».

Zagorskaya Olga Vadimovna — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of History, Philosophy and Social Technologies, Novocherkassk Reclamation Engineering Institute named after A. K. Kortunov (branch), Donskoy State Agrarian University.

346430, г. Новочеркасск, ул. Пушкинская, 111
111 Pushkinskaya st., 346409, Novocherkassk, Russia
E-mail: zagorskaya_nvch@mail.ru

УДК 316.4

10.17213/2075-2067-2021-3-52-60

**ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ
ЦИФРОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ:
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ**

© 2021 г. А. В. Рачина*, А. Т. Латышева**, С. И. Самыгин***

**Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия,
Московский авиационный институт
(национальный исследовательский университет), г. Москва, Россия*

***Таганрогский институт имени А. П. Чехова (филиал),
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), г. Таганрог, Россия*

****Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
г. Ростов-на-Дону, Россия*

Целью исследования является социологический анализ проблемы социализации молодежи в рамках институционализации цифрового образования в высшей школе.

Методологическую базу исследования составляет институциональный подход П. Бергера и Т. Лукмана, в соответствии с которым образование рассматривается как важный институт, связанный с регуляцией процесса вторичной социализации молодежи.

Результаты исследования. Институционализация цифрового образования высшей школы является тем процессом, который показывает, что происходит переход к обществу нового типа — цифровому. Безусловно, как и любой общественный процесс, институционализация цифрового образования обладает рядом проблем, которые связаны с процессом социализации молодежи. Институционализация цифрового образования высшей школы изменяет и определяет контекст социализации современной молодежи, формирует ее социальный характер и диктует нормы, правила и образцы поведения.

Перспективу исследования составляет дальнейший анализ трансформаций, которые будут происходить в институте высшего образования: дифференциация преимуществ и недостатков, угроз включения цифровых технологий в образовательный процесс.

Ключевые слова: институт высшего образования; высшая школа; цифровое образование; молодежь; институционализация; социализация.

**INSTITUTIONALIZATION OF DIGITAL EDUCATION IN HIGHER EDUCATION:
A SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF THE PROBLEMS
OF SOCIALIZATION OF YOUTH**

© 2021 A. V. Rachipa*, A. T. Latysheva**, S. I. Samygin***

**Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia,
Moscow Aviation Institute (National Research University), Moscow, Russia*

***Taganrog Institute named after A. P. Chekhov (branch),
Rostov State University of Economics (RSUE), Taganrog, Russia
***Rostov State University of Economics (RSUE), Rostov-on-Don, Russia*

The purpose of the study is to sociological analysis of the problem of socialization of youth in the framework of the institutionalization of digital education in higher education.

The methodological base of the study is the institutional approach of P. Berger and T. Luckmann, according to which education is viewed as an important institution associated with the regulation of the process of secondary socialization of young people.

The results of the study. The institutionalization of digital higher education is the process that shows that there is a transition to a new type of society — digital. Of course, like any social process, the institutionalization of digital education has a number of problems that are associated with the process of socialization of young people. The institutionalization of digital higher education changes and defines the context of socialization of modern youth, forms its social character and dictates norms, rules and patterns of behavior.

The prospect of the study it makes a further analysis of the transformations that will take place in the institute of higher education: differentiation of advantages and disadvantages, threats to the inclusion of digital technologies in the educational process.

Key words: institute of higher education; high school; digital education; youth; institutionalization; socialization.

Введение. Современный этап институционализации цифрового образования в образовательном пространстве высшей школы «заключается в погружении всех его субъектов в цифровую образовательную среду» [1, с. 353]. Условия общественной жизни и уровень развития компьютерных технологий, а также быстрое развитие современного общества требуют пересмотра существующих взглядов на форму и содержание образовательного процесса в вузе [2, 3]. Обращаясь к документу «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», мы видим, что Россия придерживается стратегии, направленной на научное и экономическое развитие государства [4]. В связи с этим система образования в Российской Федерации в настоящее время находится на этапе технологического и технического обновления, что приводит к появлению новых знаний и использованию новых технологий в образовательном процессе, направленных на институционализацию цифрового образования.

В России в настоящее время реализуется программа «Развитие образования» [5], в рамках которой действует проект «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации» [6]. Данный проект направлен на то, чтобы активно внедрять цифровые технологии в российское образовательное пространство, а также институционализацию

цифрового образования. Последняя необходима для эффективной организации и контроля учебной работы обучающегося учебного заведения со стороны как преподавателя, так и самого студента.

Высшее образование как общественный институт социализации. Прежде чем рассматривать проблемы трансформации высшей школы под влиянием фактора цифровизации, важно остановиться на рассмотрении института высшего образования как важного общественного института, связанного с процессом социализации молодежи.

В интерпретации общественного института мы прибегаем к подходу П. Бергера и Т. Лукмана, согласно мнению которых институты размещают человека, его существование и функционирование в контекст порядка, стабильности и управления [7]. Институционализация направлена на типизацию образцов действий у акторов различных процессов.

В рамках любого социального института каждый субъект обладает определенными ролями с набором конкретных действий. Институт образования не является исключением, так как акторы образовательного процесса играют в этом процессе свои роли, регулируемые системой существующих норм и правил. П. Бергер и Т. Лукман указывают на то, что каждая норма и правило диктуют определенные роли. Нормы и правила всегда зави-

сят от ситуации. Ситуация меняется, нормы трансформируются [7].

Институт образования, в том числе и высшая школа, активным образом участвует в процессе вторичной социализации личности. В настоящее время управление образованием происходит «формальными организациями, которые не имеют другой цели, кроме образования» [8, с. 195]. В системе высшего образования молодой человек утрачивает свой уникальный статус, полученный в рамках первичной социализации в семье. «Здесь он наряду с другими выполняет либо роль обучающегося, либо роль преподавателя, либо роль администратора» [9, с. 86–87].

Основной функцией социального института образования является социальный контроль личности.

Обращаясь к идеям В. Н. Мининой, отметим, что проведение институционального анализа включает в себя рассмотрение той ситуации, которая наблюдается в системе высшей школы, тех норм и ценностей, которые существуют при цифровой трансформации высшей школы [9].

Институционализация цифрового образования в образовательном пространстве высшей школы, по мнению российских исследователей (Е. А. Карапетян, В. М. Ефимовой, Н. В. Якса и др.), способствует формированию нового вида социализации молодежи — т.н. киберсоциализации [10]. Иными словами, формируется новое, цифровое пространство социализации молодежи, которое определяется цифровыми средствами коммуникации и погружением образовательного процесса в технологическую среду.

Цифровизация высшего образования. Цифровизация образования — это цифровая трансформация образовательного процесса, включающая в себя создание и постоянное обновление цифровой инфраструктуры образовательного процесса, формирование базы цифровых учебно-методических материалов, использование в процессе обучения цифровых сервисов, ведение электронных журналов и организацию учебного процесса с применением интерактивных форм работы.

Суть цифровизации образования заключается в том, что при помощи использования цифровых технологий будут достигнуты вы-

сокие показатели в образовательном процессе. То есть образование проходит этап цифровой трансформации, в котором цифровые инструменты делают образовательный процесс более эффективным, но усиливают профессиональную нагрузку на профессорско-преподавательский состав и требуют новых компетенций для владения новыми цифровыми инструментами.

Цифровизация института образования продиктована внешними факторами, которые в свою очередь обосновывают появление новых федеральных образовательных стандартов или собственных образовательных стандартов, разработанных вузом самостоятельно, готовность преподавателей использовать цифровые инструменты при реализации учебных курсов, способность распознавать и осваивать новое, распространять результативные организационные формы и методы учебной работы. То есть без активного участия педагогического сообщества в цифровой трансформации цифровизация института образования не может состояться.

Институционализация онлайн-образования в высшей школе. Повсеместное и тотальное внедрение цифровых технологий, коснувшееся и высшей школы (т.н. цифровизация), привело к процессу институционализации онлайн-образования, повлекшей за собой определенные последствия и проблемы.

Фокус научно-исследовательского интереса в последние годы обращен именно к проблематике институционализации цифрового образования высшей школы и возникшим в свете данного процесса трансформационным проблемам. Так, Н. П. Петрова и Г. А. Бондарева проводят анализ этапов институционализации цифрового образования в высшей школе и рассматривают цифровые технологии, активно внедряющиеся в образовательные процессы и приводящие к цифровой трансформации образования [1]. В частности, авторы отмечают, что стратегия цифровизации образования предполагает внедрение таких инновационных технологий, как искусственный интеллект (технология, применяемая для решения интеллектуальных задач), блокчейн (технология, обеспечивающая хранение данных, например, информации об экзаменах, выданных дипломах и пр., об-

ладающая распределенным ресурсом), виртуальная реальность (технология, в которой обучающийся взаимодействует или погружается в виртуальный мир посредством той или иной компьютерной программы) [1, с. 354].

Цифровая трансформация в высшем образовании влечет за собой изменение содержательной формы курса, что отражается на инструментах и технологиях преподнесения информации. Связано это с тем, что работа в дистанте отличается от работы оффлайн.

Если мы снова обратимся к Федеральным государственным образовательным стандартам по различным направлениям обучения, то увидим, что организация может использовать электронное обучение и различные образовательные технологии для опосредованной работы с обучающимися.

Эпидемиологическая ситуация в стране создала для всех российских вузов новую образовательную реальность [11]. В период пандемии, когда был введен режим самоизоляции, университеты были переведены на дистанционное обучение, что позволило преподавателям и студентам взаимодействовать при помощи удаленных образовательных технологий.

Проблемы социализации молодежи в условиях цифровизации образования. Наряду с пока малоизученными возможностями цифрового обучения можно обозначить ряд проблем и рисков социализации молодежи в условиях внедрения цифровизации в систему образования.

Во-первых, отметим тот факт, что в настоящее время не существует концепции цифрового обучения, которая бы могла использоваться преподавателями вузов в рамках реализации своих дисциплин. Также нельзя пока найти убедительных доказательств, которые указывали бы на то, что цифровое обучение эффективней традиционного обучения.

Во-вторых, отметим, что дефиниции «информация» и «знание» носят совершенно разный характер и не являются взаимозаменяемыми. Знание представляет собой субстрат, наделенный смыслами, которые обладают разным семантическим наполнением и содержанием для разных акторов. Информация же представляет собой семиотическую, знаковую систему.

В-третьих, нельзя забывать о том, что обучение всегда включает в себя коммуникацию преподавателя и студентов, то есть процесс взаимодействия сторон образовательного процесса включает в себя три элемента — коммуникативный, интерактивный и перцептивный. Также в процессе общения акторов очень важно вербальное (словесное) и невербальное взаимодействие [12]. Конечно, каждое слово обладает смыслом, объяснение которого можно найти в толковых словарях, но очень важно, в рамках какого контекста сказано то или иное слово. Часто смысл сказанного зависит от невербальных характеристик речевой деятельности. Аллан Пиз отмечает, что в слове отражается лишь 7% смысла сказанного, невербальная коммуникация может рассказать гораздо больше — 55% [13].

Также стоит отметить и то, что понимание слов, которые произносит человек, может складываться из возрастного, гендерного, национального, научного и других факторов.

Перцептивный компонент общения очень важен для взаимодействия людей, для восприятия ими информации и в целом для процесса социализации. По мнению психологов, в первые семь секунд человек непроизвольно решает для себя, будет ли он обращаться к тому или иному человеку с какой-то просьбой или вопросом. Даже если человек может подсказать нам что-то важное, но он вызывает неприязнь, мы стараемся избегать его. Но следует отметить, что в процессе обучения обучающийся не может выбрать самостоятельно преподавателя.

Следовательно, цифровизация образования ставит вопросы, связанные с коммуникацией преподавателя и обучающихся, так как это влияет на результаты обучения и на процессы вторичной социализации в институциональном пространстве высшей школы [14].

Институционализация цифрового образования высшей школы изменяет и определяет контекст социализации современной молодежи, формирует ее социальный характер и диктует нормы, правила и образцы поведения в повседневной жизни; вырабатывает у молодежи «отношение к явлениям действительности и порождает целый ряд дисфункциональных процессов социализации и социального контроля» [15, с. 80].

Таким образом, проведенный нами анализ показывает, что информационные технологии не обладают способностью превращать значения в смыслы [12].

Уже описаны некоторые деструктивные эффекты воздействия цифровой образовательной среды на профессиональную социализацию молодежи, которые были определены при анализе данных, полученных в процессе данных экспертного интервью. Ответы, полученные специалистами в области цифровизации образования, позволили идентифицировать три блока эффектов отрицательного влияния институционализации цифровых технологий в образовательный процесс на социализацию молодежи [16].

К первому эффекту можно отнести эффект когнитивной редукции. Данный эффект связан с тем, что у молодого поколения еще не сложилось критическое мышление, чтобы осуществлять отбор достоверной информации и происходит только поверхностное восприятие информации, необходимой для процесса профессиональной социализации.

Второй блок деструктивных эффектов — явление цифрового алармизма и игромании, а также податливость манипуляциям массового сознания, что никак не способствует традиционному становлению личности в процессе социализации, в котором формируются адекватные правила, нормы и ценности и правила взаимодействия.

Третий блок деструктивных эффектов цифровизации образования — это эффекты коммуникативной деструкции, которая заключается в том, что стираются границы, барьеры, навыки межличностной и деловой коммуникации, неразвитость эмоционально-го интеллекта.

Исходя из проведенного анализа, мы видим, что институционализация цифрового образования в высшей школе трансформирует традиционный процесс социализации, меняет роль преподавателя высшей школы, который воспринимается как провайдер контента и ресурсов, то есть преподаватель в рамках цифровизации процесса обучения выступает в качестве инженера по обучению [17].

Заключение. Резюмируя все сказанное выше по институционализации цифрового

образования высшей школы, отметим, что цифровизация меняет структуру образовательной среды и трансформирует роли акторов образовательного процесса. Исходя из этого, можно заключить, что институт высшего образования трансформируется под воздействием цифровизации образовательного пространства высшей школы, а также приводит к трансформации процесса социализации молодежи. Формируется новое пространство социализации молодежи по мере институционализации цифрового образования, которое определяется технологической средой и цифровыми средствами коммуникации. В этой связи появляются проблемы вторичной социализации молодежи в условиях цифровизации образовательного пространства.

Однако при переходе на цифровые платформы в условиях институционализации цифрового образования высшей школы критически важным представляется сохранение традиционных аудиторно-контактных форм образования, составляющих фундамент процесса социализации.

Литература

1. Петрова Н.П., Бондарева Г.А. Цифровизация и цифровые технологии в образовании [Электронный ресурс] // МНКО. — 2019. — №5 (78). — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-i-tsifrovye-tehnologii-v-obrazovanii> (Дата обращения: 13.02.2021).
2. Гафиагулина Н.Х., Рачина А.В., Самыгин С.И. Информационная сетевая среда как фактор влияния на социальное здоровье российской студенческой молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2018. — №1. — С. 23–27.
3. Васьков М.А., Ковалев В.В., Гафиагулина Н.Х. Онлайн-образование в высшей школе России: основные акторы институционализации и социальные последствия // Гуманитарий Юга России. — 2020. — №2. — С. 33–50.
4. Decree of the President of the Russian Federation of May 8, 2018 №204 «On national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024» [Electronic resource]. — URL: <http://>

kremlin.ru/events/president/news/57425 (Date accessed: 15.02.2021).

5. Decree of the Government of the Russian Federation of December 26, 2017 №1642 «On approval of the state program of the Russian Federation» Development of education (with changes and additions) [Electronic resource]. — URL: https://base.garant.ru/71848426/#block_31.

6. Priority project in the field of education «Modern digital educational environment» [Electronic resource]. — URL: <http://neorusedu.ru/>.

7. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. Е. Рудкевич. — М., 1995.

8. Бергер П.Л., Бергер Б., Коллинз Р. Личностно-ориентированная социология / пер. с англ. В.Ф. Анурина. — М., 2004.

9. Минина В.Н. Цифровизация высшего образования и ее социальные результаты [Электронный ресурс] // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. — 2020. — Т. 13. — Вып. 1. — С. 84–101. — Режим доступа: <https://doi.org/10.21638/spbu12.2020.106>.

10. Karapetyan E.A., Gafiatulina N. Kh., Efimova V.M., Yaksa N.V., Luginina A.G., Prokhorenko O.N. Cyber socialization as a factor of influence on the social health of student youth in a modern educational environment under the development of a global information society // Revista Gênero e Direito. — 2020. — Vol. 9. — №4. — P. 830–845.

11. Гафиатулина Н.Х., Латышева А.Т., Самыгин С.И. Волонтерская деятельность в системе организации социальной работы с молодежью группы риска // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2020. — №1. — С. 27–30.

12. Вербицкий А.А. Цифровое обучение: проблемы, риски и перспективы [Электронный ресурс] / А.А. Вербицкий // Электронный научно-публицистический журнал «Номо Cyberus». — 2019. — №1 (6). — Режим доступа: http://journal.homocyberus.ru/Verbitskiy_AA_1_2019.

13. Пиз А. Язык телодвижений. — Нижний Новгород, 1992. — 272 с.

14. Gafiatulina N. Kh., Rachipa A. V., Vorobyev G. A., Kasyanov V. V., Chapurko T. M., Pavlenko I. I., Samygin S. I. Socio-political changes as a socio-cultural trauma for the social health of Russian youth // Modern Journal of Lan-

guage Teaching Methods. — 2018. — Vol. 8. — №5. — P. 602–609.

15. Кулишов В.В. Риски воспитания растущего человека в условиях информатизированной массовой культуры: ноогенный синдром как препятствие самоактуализации обучающихся / Всероссийская научно-практическая конференция «Трансформация смыслов образования в условиях цифровизации общества». — Краснодар, 2020. — С. 78–83.

16. Бородовская Е.В., Домбровская А.Ю., Пырма Р.В., Синяков А.В., Азаров А.А. Влияние цифровых коммуникаций на оформление профессиональной культуры российской молодежи: результаты комплексного прикладного исследования // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. — 2019. — №1. — С. 228–251.

17. Saykili A. Higher education in the digital age: The impact of digital connective technologies // Journal of Educational Technology & Online Learning. — 2019. — №2 (1). — P. 1–15.

References

1. Petrova N. P., Bondareva G. A. Cifrovizacija i cifrovye tehnologii v obrazovanii [Digitalization and digital technologies in education] [Elektronnyj resurs] // MNKO. — 2019. — №5 (78). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-i-tsifrovye-tehnologii-v-obrazovanii> (Date accessed: 13.02.2021).

2. Gafiatulina N. H., Rachipa A. V., Samygin S. I. Informacionnaja setevaja sreda kak faktor vlijaniya na social'noe zdorov'e rossijskoj studencheskoj molodezhi [Information network environment as a factor of influence on the social health of Russian student youth] // Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshhestvennye nauki [Humanities, socio-economic and social Sciences]. — 2018. — №1. — Pp. 23–27.

3. Vas'kov M. A., Kovalev V. V., Gafiatulina N. H. Onlajn-obrazovanie v vysshej shkole Rossii: osnovnye aktory institucionalizacii i social'nye posledstvija [Online education in the higher school of Russia: the main actors of institutionalization and social consequences] // Gumanitarij Juga Rossii. — 2020. — №2. — Pp. 33–50.

4. Decree of the President of the Russian Federation of May 8, 2018 №204 «On national

goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024» [Electronic resource]. — URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/57425> (Date accessed: 15.02.2021).

5. Decree of the Government of the Russian Federation of December 26, 2017 №1642 «On approval of the state program of the Russian Federation» Development of education (with changes and additions) [Electronic resource]. — URL: https://base.garant.ru/71848426/#block_31.

6. Priority project in the field of education «Modern digital educational environment» [Electronic resource]. — URL: <http://neorusedu.ru/>.

7. Berger P., Lukman T. Social'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sociologii znaniya [Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge] / per. E. Rudkevich. — Moscow, 1995.

8. Berger P.L., Berger B., Kollinz R. Lichnostno-orientirovannaya sociologiya [Personality-oriented sociology] / per. s angl. V.F. Anurina. — Moscow, 2004.

9. Minina V.N. Cifrovizatsiya vysshego obrazovaniya i ee social'nye rezul'taty [Digitalization of higher education and its social results] [Elektronnyy resurs] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sociologiya [Bulletin of the Saint Petersburg University. Sociology]. — 2020. — Vol. 13. — Issue 1. — Pp. 84–101. — URL: <https://doi.org/10.21638/spbu12.2020.106>.

10. Karapetyan E.A., Gafiatulina N. Kh., Efimova V.M., Yaksa N.V., Luginina A.G., Prokhorenko O.N. Cyber socialization as a factor of influence on the social health of student youth in a modern educational environment under the development of a global information society // Revista Gênero e Direito. — 2020. — Vol. 9. — №4. — P. 830–845.

11. Gafiatulina N.H., Latysheva A.T., Samygin S.I. Volonterskaya dejatel'nost' v sisteme organizatsii social'noj raboty s molodezh'ju gruppy riska [Volunteer activity in the system of organizing social work with the youth of the risk group] // Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshchestvennye nauki [Humanities, socio-economic and social sciences]. — 2020. — №1. — Pp. 27–30.

12. Verbickij A.A. Cifrovoe obuchenie: problemy, riski i perspektivy [Digital education: problems, risks and prospects] [Elektronnyy resurs] / A.A. Verbickij // Elektronnyy nauchno-publicisticheskij zhurnal «Homo Cyberus». — 2019. — №1 (6). — URL: http://journal.homo-cyberus.ru/Verbitskiy_AA_1_2019.

13. Piz A. Jazyk telodvizhenij [Body language]. — Nizhny Novgorod, 1992. — 272 p.

14. Gafiatulina N. Kh., Rachipa A.V., Vorobyev G.A., Kasyanov V.V., Chapurko T.M., Pavlenko I.I., Samygin S.I. Socio-political changes as a socio-cultural trauma for the social health of Russian youth // Modern Journal of Language Teaching Methods. — 2018. — Vol. 8. — №5. — P. 602–609.

15. Kulishov V.V. Riski vospitaniya rastushhego cheloveka v usloviyah informatizirovannoy massovoy kul'tury: noogennyj sindrom kak prepjatstvie samoaktualizatsii obuchajushchisya [Risks of educating a growing person in the conditions of informatized mass culture: noogenic syndrome as an obstacle to self-actualization of students] / Vserossiyskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya «Transformatsiya smyslov obrazovaniya v usloviyah cifrovizatsii obshchestva» [All-Russian scientific and practical conference «Transformation of the meanings of education in the conditions of digitalization of society»]. — Krasnodar, 2020. — Pp. 78–83.

16. Borodovskaya E.V., Dombrovskaya A. Ju., Pyrma R.V., Sinjakov A.V., Azarov A.A. Vliyanie cifrovyykh kommunikatsiy na oformirovaniye professional'noj kul'tury rossiyskoj molodezhi: rezul'taty kompleksnogo prikladnogo issledovaniya [The influence of digital communications on the formation of professional culture of Russian youth: the results of a comprehensive applied study] // Monitoring obshchestvennogo mneniya: Jekonomicheskie i social'nye peremeny [Monitoring public opinion: Economic and social changes]. — 2019. — №1. — Pp. 228–251.

17. Saykili A. Higher education in the digital age: The impact of digital connective technologies // Journal of Educational Technology & Online Learning. — 2019. — №2 (1). — P. 1–15.

Рачипа Андрей Валерьевич — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии, истории и политологии Института управления в экономических, экологических и социальных системах Южного федерального университета, профессор-совместитель кафедры 109Б Московского авиационного института (Национального исследовательского университета) в г. Москве.

Rachipa Andrey Valerievich — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology, History and Political Science, Institute of Management in Economic, Environmental and Social Systems, Southern Federal University, part-time Professor of the Department 109B of the Moscow Aviation Institute (National Research University) in Moscow.

347900, г. Таганрог, ул. Энгельса, 1
1 Engelsa st., 347900, Taganrog, Russia
E-mail: rachipa@sfedu.ru

Латышева Анна Трофимовна — кандидат социологических наук, доцент кафедры педагогики и социокультурного развития личности Таганрогского института им. А.П. Чехова (филиала) Ростовского государственного экономического университета.

Latysheva Anna Trofimovna — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of Pedagogics and Sociocultural Development of the identity of the Taganrog institute of A.P. Chekhov — branch of the Rostov State University of Economics (RSUE).

347900, г. Таганрог, пер. Тургеневский, 32
32 Turgenevsky ln., 347900, Taganrog, Russia
E-mail: serg1952@mail.ru

Самыгин Сергей Иванович — профессор, доктор социологических наук, профессор кафедры управления персоналом и социологии Ростовского государственного экономического университета (РИНХ).

Samygin Sergey Ivanovich — Professor, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Department of Personnel Management and Sociology, Rostov State University of Economics (RSUE).

344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69
69 Bolshaya Sadovaya st., 344002, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: darya.maksimovich@gmail.com

УДК 316

10.17213/2075-2067-2021-3-61-68

ВОЛОНТЕРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

© 2021 г. Т. К. Ростовская*, В. В. Сизикова**, Д. П. Толмачев*

**Институт демографических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН,
г. Москва, Россия*

***Российский государственный социальный университет, г. Москва, Россия*

Цель исследования: изучение вовлеченности старшего поколения в волонтерскую деятельность как одного из способов их самореализации и социальной адаптации.

Методологическую основу исследования составили концептуальные подходы к исследованию феномена волонтерства в целом и «серебряного» волонтерства в частности. Эмпирическую базу составили результаты авторского социологического исследования «Работа волонтерских движений Москвы», проведенного в январе 2021 года в рамках реализации проекта «Московское долголетие».

Результаты исследования. Исследование, проведенное среди москвичей — участников проекта «Московское долголетие» и посетителей «Мой социальный центр», показало, что более 70% опрошенных относятся к волонтерской деятельности положительно, кроме того, более 30% респондентов стали волонтерами в более молодом возрасте, а почти 60% — после выхода на пенсию. Это еще раз подтверждает тот факт, что в России необходимо поддерживать и развивать «серебряное» волонтерство, так как положительный эффект от него направлен не только в сторону получателей помощи, но и тем, кто ее оказывает.

Ключевые слова: люди старшего возраста; волонтерство; серебряное волонтерство; активное долголетие; самореализация; социальная адаптация.

VOLUNTEER ACTIVITY OF THE OLDER GENERATION: A REGIONAL ASPECT

© 2021 T. K. Rostovskaya*, V. V. Sizikova**, D. P. Tolmachev*

**Institute of Demographic Research of the Federal Research Sociological Center
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

***Russian State Social University, Moscow, Russia*

Purpose of the study: to study the involvement of the older generation in volunteer activities as one of the ways of their self-realization and social adaptation.

The methodological basis of the research was formed by conceptual approaches to research to the study of the phenomenon of volunteering in general and silver volunteering in particular. The empirical base was formed by the results of the author's sociological research «The work of volunteer movements in Moscow», conducted in January 2021 as part of the project «Moscow Longevity».

Research results. *A study conducted among Muscovites participating in the Moscow Longevity project and visitors to My Social Center showed that more than 70% of those surveyed had a positive attitude towards volunteering; moreover, more than 30% of respondents became volunteers at a younger age, and almost 60% after retirement. This once again confirms the fact that it is necessary to support and develop «silver» volunteering in Russia, since the positive effect of it is directed not only towards the recipients of aid, but also towards those who provide it.*

Key words: *older people; volunteering; silver volunteering; active longevity; self-realization; social adaptation.*

Введение. По данным Росстата, к 2036 году в России доля людей старшего возраста составит 24,7% [1]. В то же время экономисты Crédit Suisse в рамках Всемирного экономического форума в Давосе дали прогноз, что к 2060 году доля людей старше 65 лет достигнет 47%. В этой связи встает остро вопрос социально-экономической жизни людей, вышедших на пенсию. Как показывают исследования, одним из важных качеств людей старшего возраста, которые продолжают работать или заниматься общественно-полезным делом, является тенденция позитивно оценивать себя, причем не только в прошлом, но и в настоящем, и даже будущем. В свою очередь люди, которые не заняты никаким делом, имеют ретроспективную направленность — отрицательно оценивают себя в настоящем и будущем. Главным образом это происходит из-за снижения самооценки и неуверенности в себе, которая приходит от осознания собственной «бесполезности» и «ненужности». Наше общество построено таким образом, что оценивает «пользу» того или иного индивида, вследствие чего те люди, которые «не дотягивают», начинают попросту терять веру в себя и испытывать чувство вины по отношению к другим членам общества, что в свою очередь влечет замыкание в себе и потерю интереса к жизни. С другой стороны, люди старшего возраста в силу своего опыта и прожитых лет имеют колоссальный потенциал для развития и себя, и других. Именно это становится одним из главных их преимуществ, особенно, если речь идет про волонтеров «серебряного» возраста [2].

Следует отметить особый, альтруистический смысл волонтерской деятельности: «Волонтерство, как правило, считается аль-

труистической деятельностью, когда человек или группа предоставляют услуги без финансовой или социальной выгоды, “чтобы принести пользу другому человеку, группе или организации”» [3, с. 215]. В этой связи в социологии и психологии принято рассматривать социальные практики добровольческой помощи как проявление просоциального поведения и важную форму помогающего поведения (help behaviour). Под оказанием помощи понимается очень широкий спектр альтруистических или просоциальных действий от простой любезности до спасения другого человека ценой собственной жизни [4].

Таким образом, «серебряное» волонтерство представляет собой добровольческую деятельность, в которую включены люди старшего возраста, занимающие активную гражданскую позицию и имеющие ценный опыт, безвозмездно участвующие в решении социальных проблем и реализующие волонтерские проекты разной направленности [5].

Волонтер «серебряного» возраста — это человек в возрасте от 55 лет и старше, добровольно и безвозмездно участвующий в деятельности, направленной на решение актуальных социальных, культурных, экономических, экологических проблем в обществе (в том числе касающейся помощи людям, территориям или животным), и применяющий собственные знания и умения для осуществления этой деятельности [6].

Сегодня на Западе все больше и больше набирает популярность именно эта форма самореализации и социализации для пенсионеров. На самом деле европейские страны делятся на три условные группы. Во-первых, страны Средиземноморского региона, где люди старшего возраста практически не вовлечены. Так, в Италии всего 7% людей старше пяти-

десяти лет участвуют в различных проектах такого рода, а в Греции и Испании — 2–3%. Следующими в списке идут Германия, Франция, Швейцария и Австрия, в этих странах показатель вовлеченности 9–14%. На первом же месте Швеция, Дания и Нидерланды. Здесь в волонтерской деятельности участвует от 17 до 20% населения старшего возраста [7].

Бытует мнение, основанное в том числе на отсутствии официальных цифр, что в России люди старшего возраста не могут заниматься добровольческой деятельностью в силу того, что не закрывают собственные потребности, в первую очередь, связанные с материальными проблемами.

Однако нельзя не отметить тенденцию на изменение отношения к «серебряному» волонтерству в нашей стране. Так, с 2016 года проходит «Всероссийский форум добровольцев-наставников», участие в котором принимают люди всех возрастов, в том числе старше пятидесяти лет. Очевидно, что участие людей старшего возраста в волонтерской и добровольческой деятельности напрямую влияет не только на их качество жизни и быта, но и на культуру города, региона и страны в целом. Таким способом происходит «легитимизация» и демонстрация позитивного отношения к старению [8].

Согласно исследованиям, социальное самочувствие людей старшего возраста, которые начали заниматься добровольческой деятельностью, оценивается гораздо лучше по сравнению с периодом до начала волонтерской работы. Так, 73% «серебряных» волонтеров стали чувствовать себя нужными, 65% нашли новых друзей и единомышленников, примерно столько же получили новые знания, а 42% стали лучше себя чувствовать и меньше болеть [9].

Благодаря актуальности этого явления и его исследования, удастся выделить сразу несколько вопросов, которые закрывает «серебряное» волонтерство. В первую очередь, это обретение новых навыков и моделей поведения, помогающих адаптироваться и социализироваться после выхода на пенсию, затем обретение полноценной идентичности, сохранение положительной самоидентификации, а также доброжелательность, которая является противовесом проявлениям явной или латентной агрессии, служащими показателя-

ми дезадаптированности пожилого человека [10]. И, наконец, самое важное: «серебряное» волонтерство решает одну из самых острых социальных проблем пожилого человека — потребность в общении. Намного легче получить эмоциональную поддержку и выстроить доверительные отношения с людьми своего возраста, которые понимают твои проблемы. Благодаря постоянному контакту с другими заинтересованными индивидуумами достигается психологический комфорт и появляется стимул к самореализации [11].

Если говорить о России, то официальной статистики в масштабах страны по «серебряному» волонтерству нет. Однако в некоторых субъектах РФ есть сведения по данному вопросу. Так, в Москве сегодня официально зарегистрированы более 600 «серебряных» волонтеров. Их них 90% — женщины, а самому старшему волонтеру 82 года [12].

Результаты исследования. В рамках исследуемого вопроса интересен опыт московского региона, связанного с реализацией Проекта мэра Москвы «Московское долголетие». Данный проект направлен на повышение качества жизни москвичей старшего возраста посредством «создания на постоянной основе системы организации активного досуга граждан старшего поколения и иных категорий граждан, расширения форм социальных коммуникаций, дальнейшего повышения жизненной активности указанных категорий граждан» [13].

Благодаря данному проекту люди старшего возраста могут не только находить новых друзей и единомышленников по интересам, но и открывать в себе новые таланты.

Для того чтобы понять отношение людей старшего возраста к волонтерству, в январе 2021 года в рамках реализации проекта «Московское долголетие» было проведено авторское социологическое исследование «Работа волонтерских движений Москвы».

Опрос был проведен в Таганском районе столицы, где число людей старшего возраста составляет более 30 тыс. человек из 123 тыс. общего населения. Исследование проводилось среди участников проекта «Московское долголетие» и «Мой социальный центр».

Из них 20% в возрасте от 50 до 59 лет, 64% от 60 до 69 лет и 16% от 70 до 79 лет.

Кроме того, более 30% опрошенных уже занимались волонтерской деятельностью.

Одним из важных факторов привлечения людей старшего возраста к волонтерской деятельности является понимание процессов и смыслов. Так, на вопрос «Что такое, по Вашему мнению, волонтерская деятельность, волонтерский труд?» наиболее популярными стали ответы «желание бескорыстно делать добро» и «желание улучшить качество жизни других людей» — так считают 49,2%

опрошенных. Ответ «способ для самореализации» выбрали 25,4% респондентов, «общественный статус» — 9,5%, а «достойная цель жизни» — 19% людей старшего возраста. Также еще 27% ответили, что волонтерство — возможность бороться с определенной проблемой (рис. 1).

На вопрос «Как Вы относитесь к волонтерской деятельности?» 37,1% ответили: «Положительно, помогаю и поддерживаю, чем могу», столько же людей ответили,

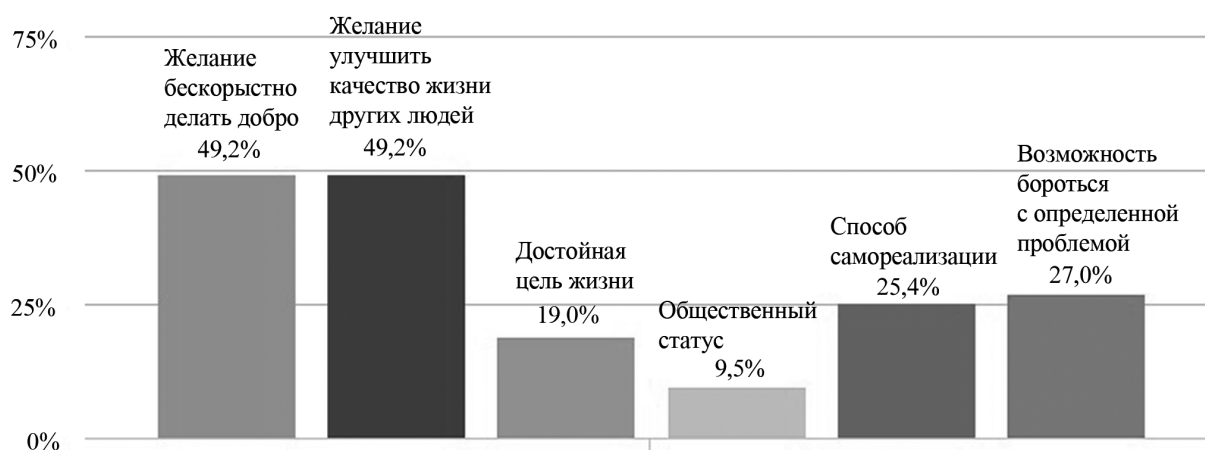

Рис. 1. Распределение ответов респондентов на вопрос «Что такое, по Вашему мнению, волонтерская деятельность, волонтерский труд?» (в %)

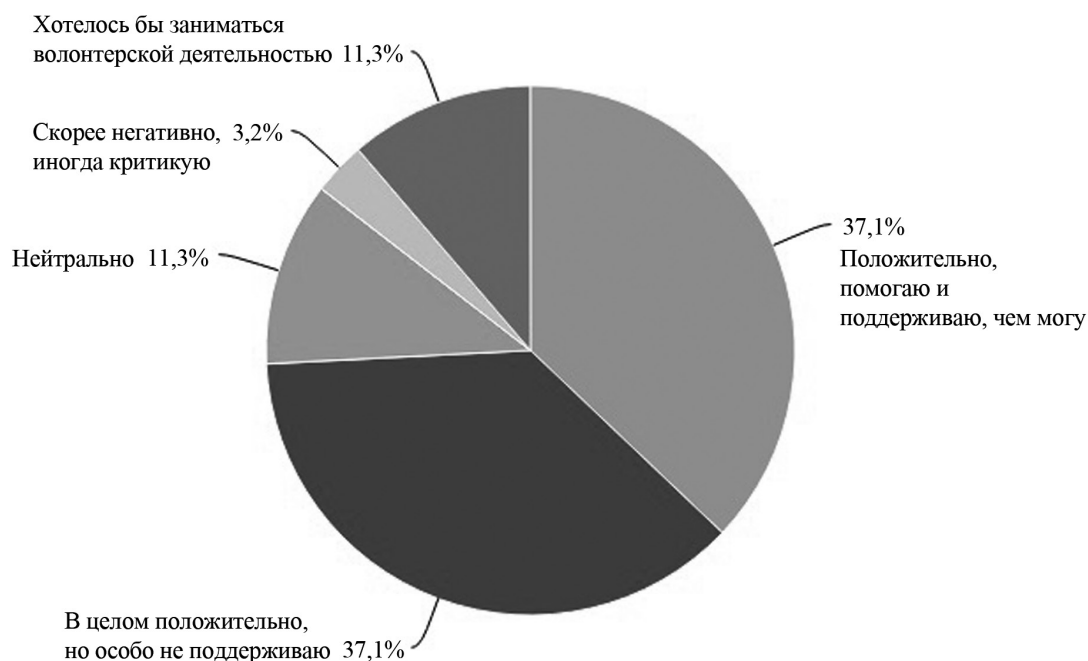

Рис. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос «Как Вы относитесь к волонтерской деятельности?» (в %)

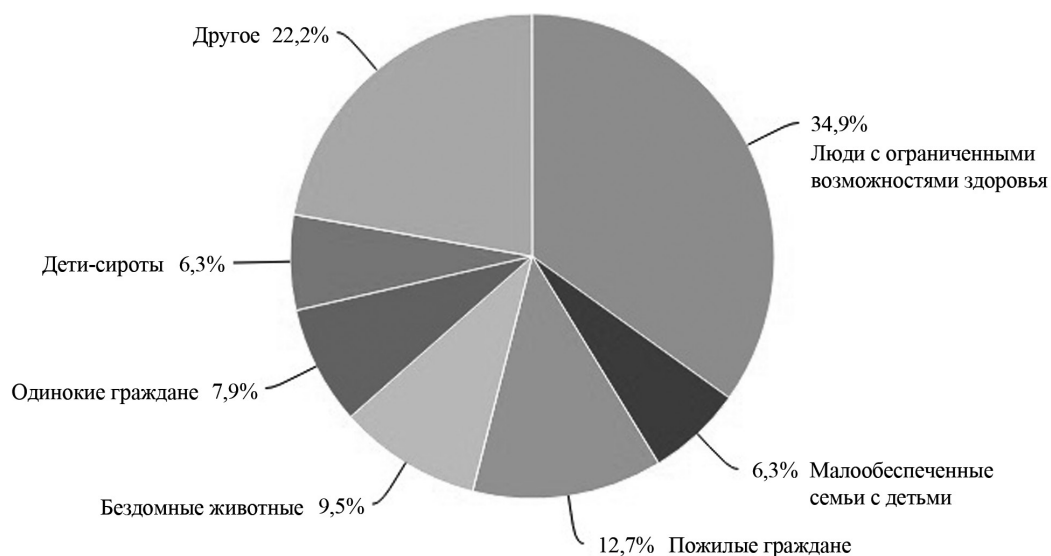

Рис. 3. Распределение ответов респондентов на вопрос «Кто нуждается в помощи волонтеров?» (в %)

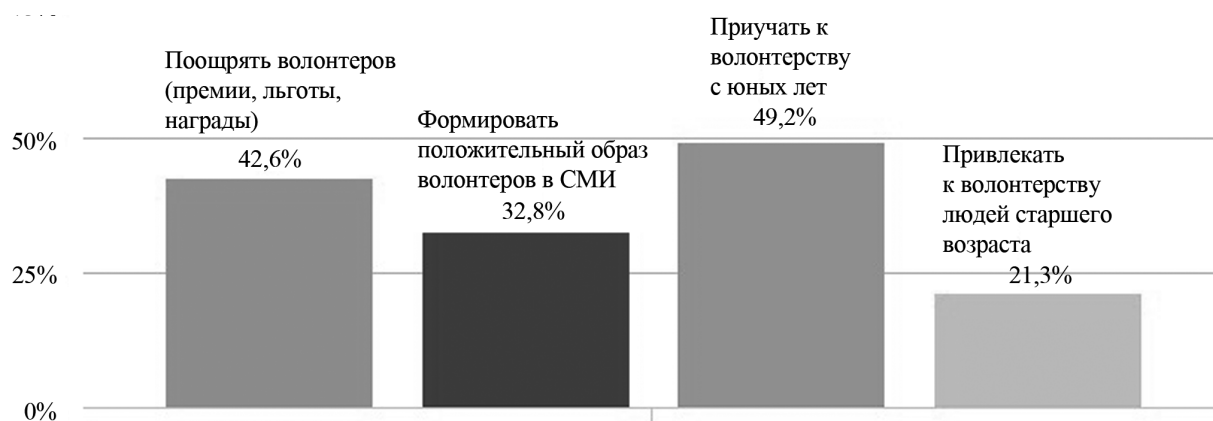

Рис. 4. Распределение ответов респондентов на вопрос «Каким образом популяризировать волонтерство?» (в %)

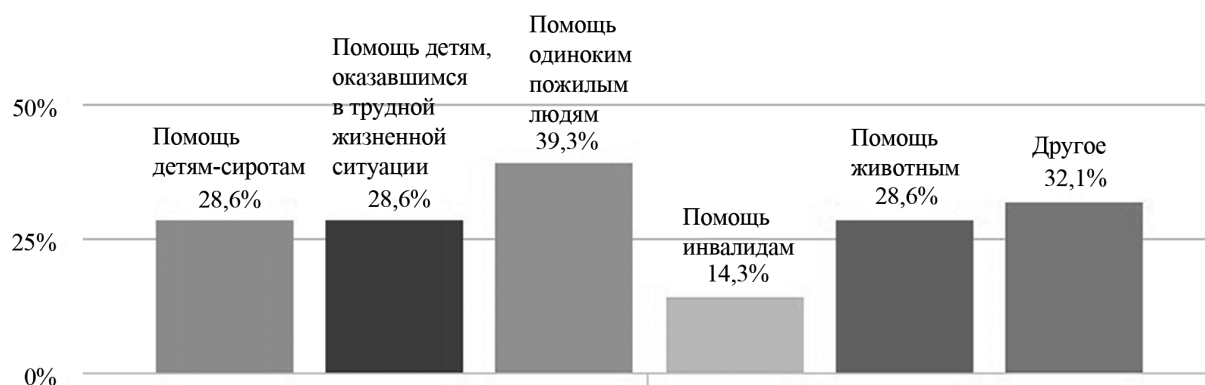

Рис. 5. Распределение ответов респондентов на вопрос «Имеете Вы желание заниматься волонтерской деятельностью?» (в %)

что относятся в целом положительно, но особо не поддерживают, 11,3% относятся нейтрально, 3,2% негативно относятся к данной деятельности (рис. 2).

На более конкретный вопрос о том, привлекает ли волонтерская деятельность, 59% однозначно ответили — да.

По мнению респондентов, в помощи волонтеров в первую очередь нуждаются люди с ограниченными возможностями здоровья, так ответили 34,9%. На втором месте — люди старшего возраста, так считают 12,7% опрошенных. Далее следуют бездомные животные и одинокие граждане — 9,5% и 7,9% соответственно. На последнем месте — дети-сироты и малообеспеченные семьи с детьми, оба варианта набрали по 6,3%. Кроме того, в качестве дополнительных сфер работы волонтерских организаций респонденты сами предложили городские акции, борьбу с наркотиками, а также поисково-спасательные отряды.

На вопрос «Каким образом популяризировать волонтерство?» 49,2% ответили, что необходимо приучать к добровольческой деятельности с детства. При этом 32,8% считают важным формировать положительный образ волонтеров в СМИ, 42,6% считают необходимыми для волонтеров дополнительные премии и льготы, а 21,3% респондентов полагают, что примером для новых волонтеров должны стать люди старшего возраста, которые уже занимаются этой работой.

И наконец, 47,5% опрошенных ответили, что имеют желание заниматься волонтерской деятельностью. При этом 39,3% хотели бы оказывать помощь одиноким людям старшего возраста, 28,6% — помогать детям-сиротам и детям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, столько же опрошенных хотят помогать животным и 14,3% планируют заниматься работой с людьми с ограниченными возможностями здоровья (рис. 5).

Заключение. Крайне важно подчеркнуть, что волонтерская деятельность — это очень ресурсозатратная работа, связанная с большим количеством факторов, в первую очередь, с личностными и экономическими. Самореализация и самовыражение, которыми является добровольческая работа, находятся далеко не на первом месте в списке потреб-

ностей. Однако, для многих людей старшего возраста волонтерство может помочь решить базовую проблему, которая более важна, — потребность в принадлежности и любви. Таким образом, сегодня необходимо развивать социальные проекты и программы, направленные на поддержку движения «серебряное волонтерство» как инструмента повышения эффективной социализации лиц старшего возраста и пропаганды активного долголетия в современном российском обществе.

Литература

1. Официальный портал Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (Дата обращения: 07.05.2021).
2. Фирсова Н. Г. Особенности самооценки людей пожилого возраста после выхода на пенсию // Научные ведомости БелГУ. — 2012. — №24 (143). — Вып. 16. — С. 218–225.
3. Wilson J. Volunteering // Annual Review of Sociology. — 2000. — Vol. 26. — P. 215.
4. Хеккаузен Х. Мотивация и деятельность. — М., 1986. — Т. 1. — 338 с.
5. Аникеева О. А., Рудницкая А. П., Решетников О. В. Основы организации и управления добровольческой деятельностью: учебник для студентов вузов. — М.: Изд-во РГСУ, 2019. — 245 с.
6. Серебряные волонтеры / Под ред. Т. Н. Арсеньевой. — Тверь: Полиграфическая компания «Печатня», 2016. — 60 с.
7. Work and Retirement [Electronic resource] / Ed. Agar Brugiavini. — URL: http://www.share-project.org/fileadmin/pdf_documentation/FRB1/CH5.pdf (Date accessed: 07.05.2021).
8. Прохорова Л. В. Пожилые люди и «серебряное» волонтерство: реальные кейсы // Вестник НГУЭУ. — 2019. — №3. — С. 248–259.
9. Соболева Е. В. Добровольческая деятельность граждан старшего возраста как одна из форм активного долголетия российских пенсионеров // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия. Социология. Политология. — 2020. — Т. 20. — Вып. 1. — С. 47–51.
10. Тумакова С. Ю. Критерии завершенности посттрудоустройственной адаптации пенсионе-

ров // Социально-гуманитарные знания. — 2018. — С. 301–306.

11. Коростылева Л. А. Проблема самореализации личности в системе наук о человеке // Психологические проблемы самореализации личности / под ред. А. А. Крылова, Л. А. Коростылевой. — СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1997. — С. 3–9.

12. Официальный портал мэра Москвы [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.mos.ru/news/item/89557073/> (Дата обращения: 07.05.2021).

13. Постановление Правительства Москвы от 18.12.2018 г. №1578-ПП (ред. от 26.12.2019) «О реализации в городе Москве проекта «Московское долголетие» (вместе с «Порядком реализации проекта «Московское долголетие»).

References

1. Oficial'nyj portal Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki [The official portal of the Federal State Statistics Service] [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (Date accessed: 07.05.2021).

2. Firsova N. G. Osobennosti samoocenki ljudej pozhilogo vozrasta posle vyhoda na pensiju [Features of self-assessment of elderly people after retirement] // Nauchnye vedomosti BelGU. — 2012. — №24 (143). — Issue 16. — Pp. 218–225.

3. Wilson J. Volunteering // Annual Review of Sociology. — 2000. — Vol. 26. — P. 215.

4. Hekkauzen H. Motivacija i dejatel'nost' [Motivation and activity]. — Moscow, 1986. — Vol. 1. — 338 p.

5. Anikeeva O. A., Rudnickaja A. P., Reshetnikov O. V. Osnovy organizacii i upravlenija dobrovol'cheskoj dejatel'nost'ju: uchebnik dlja studentov vuzov [Fundamentals of organization and management of voluntary activity: a textbook for university students]. — Moscow: Izd-vo RGSU, 2019. — 245 p.

6. Serebrjanye volonterŭ [Silver Volunteers] / In T. N. Arsen'eva (eds.). — Tver': Poligraficheskaja kompanija «Pechatnja», 2016. — 60 p.

7. Work and Retirement [Electronic resource] / Ed. Agar Brugiavini. — URL: http://www.share-project.org/fileadmin/pdf_documentation/FRB1/CH5.pdf (Date accessed: 07.05.2021).

8. Prohorova L. V. Pozhilye ljudi i «serebrjanoje» volonterstvo: real'nye kejsy [Elderly people and «silver» volunteerism: real cases] // Vestnik NGUJeU. — 2019. — №3. — Pp. 248–259.

9. Soboleva E. V. Dobrovol'cheskaja dejatel'nost' grazhdan starshego vozrasta kak odna iz form aktivnogo dolgoletija rossijskikh pensionerov [Voluntary activity of senior citizens as one of the forms of active longevity of Russian pensioners] // Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija. Sociologija. Politologija [Saratov University News. New series. Series. Sociology. Political science]. — 2020. — Vol. 20. — Issue 1. — Pp. 47–51.

10. Tumakova S. Ju. Kriterii zavershennosti posttrudovoj adaptacii pensionerov [Criteria of completion of post-labor adaptation of pensioners] // Social'no-gumanitarnye znanija [Socio-humanitarian knowledge]. — 2018. — Pp. 301–306.

11. Korostyleva L. A. Problema samorealizacii lichnosti v sisteme nauk o cheloveke [The problem of self-realization of the individual in the system of human sciences] // Psihologicheskie problemy samorealizacii lichnosti [Psychological problems of self-realization of the individual] / In A. A. Krylov, L. A. Korostyleva (eds.). — Saint Petersburg: Izdatel'stvo S.-Peterburgskogo universiteta, 1997. — Pp. 3–9.

12. Oficial'nyj portal mjera Moskvy [Official portal of the Mayor of Moscow] [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://www.mos.ru/news/item/89557073/> (Date accessed: 07.05.2021).

13. Postanovlenie Pravitel'stva Moskvy ot 18.12.2018 g. №1578-PP (red. ot 26.12.2019) «O realizacii v gorode Moskve proekta «Moskovskoe dolgoletie» (vместе s «Porjadkom realizacii proekta «Moskovskoe dolgoletie») [Resolution of the Government of Moscow of 18.12.2018 №1578-PP (ed. of 26.12.2019) «On the implementation of the Moscow Longevity Project in the City of Moscow» (together with the ««Procedure for the implementation of the Moscow Longevity Project»)].

Ростовская Тамара Керимовна — доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Rostovskaya Tamara Kerimovna — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Deputy Director for research, Institute of Demographic Research of the Federal Research Sociological Center, Russian Academy of Sciences.

119333, г. Москва, ул. Фотиевой, 6, стр. 1
6 Fotievoj st., bld. 1, 119333, Moscow, Russia
E-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru

Сизикова Валерия Викторовна — доктор педагогических наук, профессор, декан факультета социальной работы Российского государственного социального университета.

Sizikova Valeriya Viktorovna — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Social Work, Russian State Social University.

129226, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, 4, стр. 1
4 Vilhelma Pica st., bld. 1, 129226, Moscow, Russia
E-mail: 1699636@mail.ru

Толмачев Даниил Петрович — аспирант Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Tolmachev Daniil Petrovich — Graduate Student of Institute of Demographic Research, Federal Research Sociological Center, Russian Academy of Sciences.

119333, г. Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1
6 Fotievoj str., bld. 1, 119333, Moscow, Russia
E-mail: dan.tolmachev@gmail.com

УДК 316

10.17213/2075-2067-2021-3-69-76

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ МОНИТОРИНГА ИНТЕГРАЦИИ ИММИГРАНТОВ В РЕГИОНАЛЬНУЮ СРЕДУ

© 2021 г. В. А. Сапрыка, С. А. Олейник

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
г. Белгород, Россия*

Целью исследования является обоснование концепций и практики управления процессами интеграции иммигрантов в принимающую среду приграничного региона.

Методологическую базу исследования представляют как классические социологические теории (П. Бурдьё, Э. Гидденса, Дж. Холлифилда, К. Бреттелла), так и работы в сфере социологии миграции, в частности Т. Н. Юдиной и Ж. М. Зайончковской. Также в исследовании использованы методы и принципы С. Г. Максимовой и Г. И. Осадчей, которые посвящены анализу миграционных процессов на постсоветском пространстве. К методологии исследования относится и концепция технологизации социальных процессов, которая позволяет сформировать эффективный мониторинг интеграции иммигрантов в принимающее сообщество приграничного региона (В. П. Бабинцев, Н. С. Данакин).

Результаты исследования. Миграционные процессы в современной социологии все чаще попадают в фокус внимания ученых. Однако зачастую проводимые исследования раскрывают процессы адаптации и интеграции мигрантов без учета необходимости измерения траекторий изменения статуса и ценностных установок иммигрантов в приграничном регионе.

Настоящее исследование представляет собой попытку формирования системы регионального мониторинга интеграции иммигрантов в принимающую среду российского приграничья.

Перспективу исследования составляет будущая социологическая интерпретация процессов интеграции иммигрантов в принимающую среду приграничных регионов России.

Ключевые слова: иммигрант; приграничный регион; мониторинг.

PROBLEMS OF THE FORMATION OF A MONITORING SYSTEM FOR THE INTEGRATION OF IMMIGRANTS INTO THE REGIONAL ENVIRONMENT

© 2021 V. A. Sapryka, S. A. Oleinik

Belgorod State University, Belgorod, Russia

The aim of the study is to substantiate the concepts and practices of managing the integration of immigrants into the host environment of the border region.

The methodological basis of the research is represented by both classical sociological theories (P. Bourdieu, E. Giddens, J. Hallifield, K. Brettell) and works in the field of sociology of migration, in particular, T. N. Yudina and Zh. M. Zayonchkovskaya. Also, the study used the methods and principles of S. G. Maximova and G. I. Osadchy, which are devoted to the analysis of migration processes in the post-Soviet space. The research methodology also includes the concept

of technologization of social processes, which makes it possible to form an effective monitoring of the integration of immigrants into the host community of the border region (V.P. Babintsev, N.S. Danakin).

Research results. *Migration processes in modern sociology are increasingly becoming the focus of attention of scientists. However, often conducted studies reveal the processes of adaptation and integration of migrants without taking into account the need to measure the trajectories of changes in the status and value attitudes of immigrants in the border region.*

This study is an attempt to form a system of regional monitoring of the integration of immigrants into the receiving environment of the Russian borderlands.

The prospect *of the research is the future sociological interpretation of the processes of integration of immigrants into the host environment of the border regions of Russia.*

Key words: *immigrant; border region; monitoring.*

Введение. Ведущие методологические подходы изучения интеграции иммигрантов. Особый интерес для изучения различных аспектов интеграции иммигрантов приобретают страны с «новыми» границами, появившиеся после распада СССР, Югославии, Чехословакии и т.д. Зачастую в них наблюдаются ярко выраженные явления иммиграции, которые сконцентрированы именно в приграничных территориях. Это обусловлено тем, что граница с течением времени усиливает здесь свою барьерную функцию и разрушает привычный социокультурный ландшафт, а иногда приводит к эскалации этнических конфликтов. При таком положении вещей бывшие соседи превращаются в граждан чужого, иногда даже враждебного государства. Ярким примером является обострение политической напряженности в российско-украинском приграничье.

Однако построение адекватной современным реалиям системы управления интеграционными процессами в сфере миграции на региональном уровне невозможно без теоретико-методологического осмысления данного явления. Рассмотрим основные методологические основы для изучения проблем интеграции иммигрантов.

В своих работах М. Гордон предложил одномерную модель ассимиляции, по которой члены группы, представляющей меньшинство, теряют свою первоначальную культурную идентичность, поскольку приобретают новую идентичность в новой культуре. Работы представляют большой инте-

рес, так как позволяют выделить критерии для создания системы регионального мониторинга интеграции иммигрантов в принимающую среду. Ученый выделил 7 типов ассимиляции [1].

Заслуживают внимания труды Дж. Берри, где впервые было выделено четыре стратегии аккультурации личности: ассимиляция, сепарация, маргинализация и интеграция [2]. Для настоящего исследования особый интерес представляет именно понятие интеграции. Это продиктовано тем, что это сложное многоуровневое явление охватывает в том числе управленческие процессы.

Выделенные Д. Хелдом, Д. Голдблаттом и Э. Макгрю модели этносоциальной интеграции стали базисом для дальнейшего социологического осмысления процессов миграции в приграничном регионе [3].

Большое внимание интеграционным процессам в сфере миграции уделено и в работах отечественных социологов Г. И. Осадчей, Т. Н. Юдиной и Ж. М. Зайончковской, разрабатывающих методологию изучения миграционных процессов на пространстве ЕАЭС [8, 9]. С. Г. Максимовой были предложены методы для анализа функционирования приграничных региональных социумов [11].

Технология оценки эффективности регионального управления на основе показателей качества жизни населения, внедренная В. П. Бабинцевым, позволила сформировать индикаторы и критерии мониторинга интеграции иммигрантов в принимающую среду приграничного региона [12].

Модель системы мониторинга интеграции иммигрантов в принимающее сообщество приграничного региона. Миграционные процессы, проходящие в приграничных регионах, зачастую носят маятниковый характер, который сложно оценить в социальном времени и пространстве. Приграничное взаимодействие характеризуется активной маятниковой миграцией, которая зачастую растягивается во времени и пространстве на продолжительный период. Так, житель приграничной территории может стать мигрантом, иммигрантом, репатриантом и ощутить на себе всю тяжесть барьерной функции границы. Данные процессы требуют тщательной социологической диагностики, оценки влияния иммигрантов на принимающее сообщество, а также специфических управленческих механизмов для будущей интеграции.

Управленческая составляющая механизма проведения социологического мониторинга региональной миграционной среды включает формы и методы управления мониторингом, отдельными процессами, а также управленческую структуру и систему прав и обязанностей должностных лиц по поводу их участия в реализации процессов мониторинга и использования его результатов.

Анализ стрессовой составляющей миграции в условиях приграничных регионов позволяет сгруппировать факторы, влияющие на интеграцию, следующим образом:

1) культурно-коммуникативные: овладение культурными особенностями, языком общения, информацией о специфике функционирования и развития регионального сообщества и входящих в него групп; расширение устойчивых межкультурных и социальных контактов; культурные идентификации с сообществом;

2) морально-психологические, включающие мотивирование интеграции, установки на конструктивное взаимодействие с принимающим сообществом, активность и планирование будущего, позитивное восприятие себя как части нового социума;

3) экономические, т.е. предоставляющие иммигрантам доступ к получению благ, необходимых для нормальной жизнедеятельности;

4) социальные, т.е. предполагающие соблюдение общих правил, обязательных и же-

лательных в принимающем обществе, возможность участия в принятии решений и др.;

5) идентификационные — осознание иммигрантами тождественности с региональным сообществом, культурной общностью, обретение региональной идентичности.

С учетом специфики отдельно взятого приграничного региона при проведении мониторинга уровня интегрированности иммигрантов в принимающее сообщество представляется необходимым анализ по следующим критериям, представленным в рисунке 1.

При проведении мониторинга уровня интеграции иммигрантов в принимающую среду приграничного региона также необходимо принимать во внимание, насколько однородно региональное сообщество, позитивно либо негативно восприятие этнокультурной идентичности с обеих сторон, универсальность региональной идентичности, принятие и понимание традиций и обычаев разных культур (этнокультурная толерантность), а также включенность в этнокультурное пространство неродной страны.

Как было отмечено выше, особую значимость изучение проблематики интеграции иммигрантов приобретает в российско-украинском пограничье. Это продиктовано рядом причин:

— изменением с течением времени соотношения контактной и барьерной функций государственной границы;

— несоответствием реализуемой государственной миграционной политики уровню социокультурной общности населения приграничных регионов России и Украины;

— асинхронностью социальных, культурных и экономических трансформаций по обе стороны границы.

Существенный рост числа иммигрантов из восточных регионов Украины, происходящий в последние годы, требует срочной актуализации инструментария интеграции переселенцев в российское общество. В этой связи видится целесообразным использование потенциала социокультурной близости населения российско-украинского приграничья.

Как отмечается в работах отечественных авторов, существует два основных фактора, определяющих социокультурную общность

населения приграничных регионов России и Украины: во-первых, низкая до последнего времени степень барьерности границы, предопределившая высокую активность коммуникации между населением обеих стран; во-вторых, культурно-историческая общность приграничных территорий России и Украины, например, Белгородская и Харьковская области практически целиком входили в состав единого исторического региона — Слободской Украины (Слобожанщины), обладающей собственными культурными традициями и идентичностью.

Вместе с тем построение эффективной системы мониторинга миграционных про-

цессов позволяет только диагностировать проблему и определить актуальный инструмент поддержки интеграции иммигрантов в региональную среду. Внедрение эффективных методов в деятельность региональных властей представляется отдельной и весьма трудоемкой задачей. Ее решение затруднено ввиду базовых проблем отечественных систем управления, а именно:

- инертность организационных систем (старые нормы, проверенные шаблоны и пр.);
- противоречия новых механизмов традиционным методам деятельности;
- наличие авторитарных методов руководства;

Высокая степень интегрированности	Средняя степень интегрированности	Низкая степень интегрированности
1. Идентификация иммигрантов как равноправных субъектов региональных гражданских процессов. 2. Отсутствие конфликтов на межнациональной почве. 3. Эффективное сотрудничество иммигрантов и других представителей регионального сообщества процесса на формальном и неформальном уровнях. 4. Позитивное восприятие иммигрантов как части регионального сообщества. 5. Полная удовлетворенность иммигрантом своим статусом в региональном сообществе. 6. Понимание особенностей принимающей культуры, комфортность взаимодействия с неоднородной культурой. 7. Обретение региональной идентичности иммигрантами. 8. Устойчивое стремление к освоению социокультурного пространства региона.	1. Идентификация иммигрантов как субъектов региональных гражданских процессов, которые имеют ограниченные права. 2. Наличие скрытых конфликтов (напряженности) на межнациональной почве. 3. Сотрудничество иммигрантов и других представителей регионального сообщества носит вынужденный характер и не отличается высокой эффективностью. 4. Наличие отрицательных стереотипов об иммигрантах. 5. Частичная удовлетворенность иммигрантом своим статусом в региональном сообществе. 6. Состояние тревожности и неуверенности при взаимодействии с неродной культурой. 7. Этническая маргинальность иммигрантов. 8. Стремление к освоению социокультурного пространства региона ситуативное и выражено нечетко.	1. Открытая дискриминация иммигрантов как субъектов региональных гражданских процессов. 2. Открытая конфронтация на межнациональной почве. 3. Отсутствие постоянных контактов между иммигрантами и другими представителями регионального сообщества. 4. Негативное восприятие иммигрантов как части регионального сообщества. 5. Неудовлетворенность иммигрантами своим статусом в региональном сообществе. 6. Культурная сегрегация/сепарация. 7. Негативное восприятие этнической идентичности иммигрантами. 8. Индифферентное отношение к освоению социокультурного пространства региона.

Рис. 1. Мониторинг уровня интегрированности иммигрантов

— страх разрушения сложившихся устоев, традиций, привычек;

— стремление к мнимой «стабильности».

Безусловно, бесконтрольное переселение иммигрантов исключительно в приграничные регионы повлечет за собой существенные экономические и социальные проблемы в региональном развитии. Однако и перенаправление миграционных потоков в регионы, где социокультурная адаптация и интеграция для иммигрантов будут затруднены, не позволит добиться значимого эффекта от привлечения человеческих ресурсов в экономику региона.

В этой связи ключевым вопросом остается поиск баланса между возможностями социокультурной интеграции иммигрантов и экономическими эффектами миграции в приграничных регионах.

Решение социокультурной интеграции должно безусловно основываться на диалоге, когда коммуницирующие стороны взаимодействуют на основе толерантности, которая в свою очередь опирается на принципы полного «вхождения» в другую культуру — полное взаимопонимание и разделение, доверие и согласие.

Сегодня мир все более усложняется, усложняются и механизмы взаимодействия. В этой ситуации диалог становится все более востребованным, являясь необходимым для восстановления социокультурного порядка, а также для зарождения новых форм взаимодействия. Следствием вышеупомянутой социокультурной дезинтеграции является кризис социокультурной идентичности, суть которой состоит в росте несовместимости, амбивалентности, инкультурации и индивидуализации человека.

Эти качества репродуцируют социокультурную разобщенность, превозмочь которую может личность, направленная на развитие социокультурного взаимопроникновения, единства, предполагающего не просто интеграцию индивида, а усвоение всех норм, правил, ценностей того региона, в который интегрируется иммигрант. Нельзя не сказать о реально существующих коммуникативных барьерах пограничья, не считаться с которыми нельзя, поскольку сегодня именно они затрудняют процессы интеграции.

Любой вид коммуникации сам по себе не может формировать личность, осознаю-

щую социокультурные проблемы принимающего общества. Они могут играть как созидательную, так и деструктивную роль в жизни общества.

Заключение. Российские приграничные регионы обладают существенным потенциалом для интеграции иммигрантов из сопредельных государств. В связи с этим многократно возрастает необходимость в активизации региональной миграционной политики, а также необходимость измерения миграционных процессов со смещением акцентов в сторону мониторинга интегративной составляющей иммиграции.

Система социальных механизмов интеграции иммигрантов в приграничных регионах должна носить адаптивный и системный характер, а также учитывать особенности специфики отдельного региона.

Одним из главных условий социокультурной интеграции как части общей интеграции иммигрантов должна быть ориентация на ценности и нормы организации коммуникативного процесса, направленная на исполнение созидательных возможностей коммуникативных взаимодействий, сохранение традиционного социокультурного пространства и межэтнического разнообразия приграничных регионов.

Предложенная в настоящей статье система мониторинга интегрированности иммигрантов в принимающую среду, предполагающая разделение на несколько уровней, может служить базой для разработки муниципальных и региональных программ интеграции.

Литература

1. *Gordon M. M.* Assimilation in American life: The Role of Race, Religion and National Origins. — New York, 1964. — 276 p.
2. *Берри Дж., Пуртинга А. и др.* Кросс-культурная психология. Исследования и применение. — Харьков: Гуманитарный Центр, 2007.
3. Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура: Пер. с англ. / Хелд Д., Голдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Дж. — М., 2004. — Т. XXIV. — 576 с.
4. *Clemens M., Huang C., Graham J., Gough K.* Migration Is What You Make It: Sev-

en Policy Decision that Turned Challenges into Opportunities [Electronic resource] / Center for Global Development. — May 30, 2018. — URL: <https://www.cgdev.org/publication/migration-what-you-make-it-sevenpolicy-decisions-turned-challenges-opportunities>.

5. Вахта В. М. Проблемы аккультурации в современной этнографической литературе США / В кн.: Современная американская этнография. — М., 1963.

6. Herskovitz M. J. Acculturation. The Study of Cultural Contact. — N. Y., 1938.

7. Linton R. Acculturation in Seven American Indian Tribes. — 1963.

8. Осадчая Г. И., Юдина Т. Н., Лескова И. В., Киреев Е. Ю. Межнациональные отношения мигрантов — граждан государств Евразийского экономического союза в московском мегаполисе // Социальная политика и социология. — 2020. — №2 (135). — С. 98–106.

9. Миграционная ситуация в странах СНГ / Под ред. Зайончковской Ж. — М.: Комплекс Прогресс, 1999.

10. Берендеев М. В. Методологические основания исследования идентичности регионального социума (на примере Калининградской области) // Социология образования. — 2007. — №7. — С. 51–57.

11. Гончарова Н. П., Максимова С. Г., Ноянзина О. Е., Омельченко Д. А., Авдеева Г. С. Методика формирования региональных выборок в социально-экономических исследованиях социальных рисков и безопасности населения приграничных территорий // Вестник АГАУ. — 2014. — №8 (118). — С. 153–159.

12. Бабинцев В. П., Заливанский Б. В., Самохвалова Е. В., Шаповал Ж. А. Оценка эффективности регионального управления на основе показателей качества жизни населения [Электронный ресурс] // Регионология. — 2010. — №4. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-effektivnosti-regionalnogo-upravleniya-na-osnove-pokazateley-kachestva-zhizni-naseleniya> (Дата обращения: 15.06.2021).

References

1. Gordon M. M. Assimilation in American life: The Role of Race, Religion and National Origins. — New York, 1964. — 276 p.

2. Berri Dzh., Purtinga A. et al. Kross-kul'turnaja psihologija. Issledovanija i primenenie [Cross-cultural psychology. Research and application]. — Har'kov: Gumanitarnyj Centr, 2007.

3. Global'nye transformacii: Politika, jekonomika, kul'tura: Per. s angl. [Global transformations: Politics, Economics, culture: Trans. from English] / Held D., Goldblatt D., Makgrju Je., Perraton Dzh. — Moscow, 2004. — Vol. XXIV. — 576 p.

4. Clemens M., Huang C., Graham J., Gough K. Migration Is What You Make It: Seven Policy Decision that Turned Challenges into Opportunities [Electronic resource] / Center for Global Development. — May 30, 2018. — URL: <https://www.cgdev.org/publication/migration-what-you-make-it-sevenpolicy-decisions-turned-challenges-opportunities>.

5. Vahta V. M. Problemy akkul'turacii v sovremennoj jetnograficheskoj literature SShA [Problems of acculturation in the modern ethnographic literature of the United States] / V kn.: Sovremennaja amerikanskaja jetnografija [In the book: Modern American Ethnography]. — Moscow, 1963.

6. Herskovitz M. J. Acculturation. The Study of Cultural Contact. — N. Y., 1938.

7. Linton R. Acculturation in Seven American Indian Tribes. — 1963.

8. Osadchaja G. I., Judina T. N., Leskova I. V., Kireev E. Ju. Mezhnacional'nye otnoshenija migrantov — grazhdan gosudarstv Evrazijskogo jekonomicheskogo sojuza v moskovskom megapolise [Interethnic relations of migrants-citizens of the states of the Eurasian Economic Union in the Moscow megapolis] // Social'naja politika i sociologija [Social Policy and Sociology]. — 2020. — №2 (135). — Pp. 98–106.

9. Migracionnaja situacija v stranah SNG [Migration situation in the CIS countries] / Pod red. Zajonchkovskoj Zh. [In Zayonchkovskaya Zh. (eds.)]. — Moscow: Kompleks Progress, 1999.

10. Berendejev M. V. Metodologicheskie osnovanija issledovanija identichnosti regional'nogo sociuma (na primere Kaliningradskoj oblasti) [Methodological foundations of the study of the identity of the regional society (on the example of the Kaliningrad region)] // Sociologija obrazovanija [Sociology of Education]. — 2007. — №7. — Pp. 51–57.

11. *Goncharova N. P., Maksimova S. G., Nojanzina O. E., Omel'chenko D. A., Avdeeva G. S.* Metodika formirovaniya regional'nyh vyborok v social'no-jekonomicheskikh issledovaniyah social'nyh riskov i bezopasnosti naselenija pri-granichnyh territorij [Methodology of forming regional samples in socio-economic studies of social risks and security of the population of border territories] // *Vestnik AGAU*. — 2014. — №8 (118). — Pp. 153–159.

12. *Babincev V. P., Zalivanskij B. V., Samohvalova E. V., Shapoval Zh. A.* Ocenka jeffek-

tivnosti regional'nogo upravlenija na osnove pokazatelej kachestva zhizni naselenija [Evaluation of the effectiveness of regional management on the basis of indicators of the quality of life of the population] [Elektronnyj resurs] // *Regionologija*. — 2010. — №4. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-effektivnosti-regionalnogo-upravleniya-na-osnove-pokazateley-kachestva-zhizni-naseleniya> (Date accessed: 15.06.2021).

Поступила в редакцию

28 мая 2021 г.

Сапрыка Виктор Александрович — заведующий кафедрой социальных технологий и государственной службы Белгородского государственного национального исследовательского университета.

Sapryka Viktor Alexandrovich — Head of the Department of Social Technologies and Public Service, Belgorod State National Research University.

308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
85 Pobedy st., 308015, Belgorod, Russia
E-mail: sapryka@bsu.edu.ru

Олейник Светлана Анатольевна — соискатель кафедры социальных технологий и государственной службы Белгородского государственного национального исследовательского университета.

Oleinik Svetlana Anatolyevna — Postgraduate Student of the Department of Social Technologies and Public Service, Belgorod State National Research University.

308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
85 Pobedy st., 308015, Belgorod, Russia
E-mail: oleiniksa@yandex.ru

УДК 316

10.17213/2075-2067-2021-3-77-83

СВАДЕБНОЕ ТОРЖЕСТВО В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЯН

© 2021 г. А. А. Синютин

*Общероссийская общественная организация
«Федерация свадебных специалистов России», г. Москва, Россия*

Целью исследования является обоснование того, что в условиях современного информационного общества происходит реинтерпретация свадебного торжества и сопровождающих его ритуалов, которое заключается в переносе акцента в интерпретации брака на его индивидуально-личностный характер. Данное обстоятельство ведет к тому, что свадебное событие начинает восприниматься в качестве феномена только индивидуальной жизни, который детерминируется социально-культурными запросами индивида. При этом ритуальное оформление заключения брака утрачивает сакральный смысл, где ритуал сохраняется как «пустая форма».

Методологическую базу исследования представляют научные труды В. Н. Топорова, А. К. Байбурина, посвященные социально-культурному исследованию свадебных ритуалов, потенциал которых не исчерпан в процессе изучения и осмысления рассматриваемой проблематики. Исследование базируется также на теории Л. И. Ионина о моностилистической и полистилистической типах культур. В конкретно-прикладном плане исследование базируется на социологическом опросе, проведенном среди разновозрастных групп респондентов.

Результаты исследования. Проведенное эмпирическое исследование по проблеме выявило, что в современном российском обществе свадебная церемония рассматривается большей частью респондентов как событие личное, при этом индивидуализированная трактовка события, фиксирующего создание брака, делает необязательным свадебную церемонию, десакрализируя ее и обесценивая также весь комплекс свадебных ритуалов, сохраняющихся в виде «пустых форм» и символов, их обозначающих. Функционально сохраняющиеся свадебные ритуалы служат преимущественно организации индивидуальных праздников и самопрезентации, чему в значительной степени способствует популярность инвент-менеджмента, анонимность городской среды, расширение коммуникации средствами сети Интернет.

Перспективу исследования составляет дальнейший социологический анализ свадебных ритуалов в контексте гендерных отличий.

Ключевые слова: ритуал; свадьба; социальное поведение; общество; культура.

WEDDING CELEBRATION IN THE VIEWS OF MODERN RUSSIANS

© 2021 А. А. Sinyutin

*All-Russian public organization «Federation of wedding specialists of Russia»,
Moscow, Russia*

The purpose of the study is to prove the fact that in the conditions of the modern information society, there is a reinterpretation of the wedding celebration, as well as the appropriate rituals,

which we observe as shifting the emphasis in the interpretation of marriage to its individual and personal character. This circumstance leads to the fact that the wedding event begins to be perceived as a phenomenon only of individual life, which is determined by the socio-cultural needs of the individual. At the same time, the ritual registration of marriage loses its sacred meaning, where the ritual is preserved as an «empty form».

The methodological basis of the research is represented by the scientific works of V. N. Toporov, A. K. Bayburin, devoted to the socio-cultural study of wedding rituals, the potential of which is not exhausted in the process of studying and understanding the issues under consideration. The research is also based on the theory of L. I. Ionin about monostylistic and polystylistic types of cultures. In a concrete and applied sense, the study is based on a sociological survey conducted among different age groups of respondents.

The results of the study. The conducted empirical research on the problem revealed that in modern Russian society the wedding ceremony is considered by most respondents as a personal event, while the individualized interpretation of the event that records the creation of marriage makes the wedding ceremony optional, desacralizing it and devaluing the entire complex of wedding rituals that are preserved in the form of «empty forms» and symbols that denote them. Functionally preserved wedding rituals serve mainly to organize individual holidays and self-presentation, which is largely facilitated by the popularity of event management, the anonymity of the urban environment, and the expansion of communication via the Internet.

The perspective of the study is a further sociological analysis of wedding rituals in the context of gender differences.

Key words: ritual; wedding; social behavior; society; culture.

Введение. Заключение брака и ритуалы, сопровождающие данное событие, могут быть обнаружены во всех культурах, поскольку являются фиксацией смены жизненного цикла индивида, его/ее переход из одного статуса в другой. В традиционных обществах свадебное торжество в большей степени представляло, скорее, событие локальной общины, чем индивидуальное событие. Брак заключался по социально-экономическим или политическим причинам (династические или аристократические браки), при этом достаточно часто не принималось во внимание мнение самих молодых (жениха и невесты), главными договаривающимися лицами выступали родители с обеих сторон. Личностная неготовность к вступлению в брак с конкретным партнером обуславливала привлечение в качестве своеобразного гаранта всего сообщества такие социальные институты, как церковь, семья, локальные сообщества. При этом участие представителей этих институтов подтверждало общественное значение свадебного ритуала. Вхождение брачующихся в новую фазу жизни и осознание трудностей этой фазы обуслови-

вали оформление свадебной церемонии множеством символических ритуалов и знаковых примет. Известный ученый В. Н. Топоров подчеркивал, что свадебные ритуалы служили актуализации «...самой структуры бытия, придавая ей в целом и в ее отдельных частях необыкновенно подчеркнутую символичность и семиотичность, и служат гарантией безопасности и процветания коллектива» [1, с. 16].

Символическое обрамление вступления в брак создавало, в первую очередь, сакральный смысл — совершение таинства, поэтому переживалось также и эстетически. Сакральный смысл этого таинства был связан с телесным элементом перехода брачующихся в новый социальный статус. А. К. Байбурин по этому поводу писал: «...вступление в брак — это не только оформление семейных отношений, переход в новый статус, но и предписанный культурой способ разрешения противоречия между способностью к продолжению рода и необходимостью получения на это социальной санкции» [2, с. 66]. В традиционных восточнославянских культурах получение данной «социальной санкции» основывалось на стро-

го соблюдаемых ритуалах, которые включали множество обрядов, начиная от предсвадебных, затем непосредственно свадебных, которые завершались послесвадебными, продолжавшимися зачастую в течение года после заключения брака.

В современных условиях активного использования технологических возможностей XXI века происходит нивелирование ранее существовавших границ между приватной и публичной областями жизни, где формируется преобладание установки на самопрезентацию через визуализацию деталей повседневной жизни, позиционирование потребительских практик, которые непременно включают различные праздники и развлечения, а публикация свадебных ритуалов превращается в излюбленные поведенческие практики пользователей Интернета. Собственное или профессиональное режиссирование свадебной церемонии, как правило, создает минимизирование ритуалов, относящихся к сакральности действия, которое в прежние времена охранялось определенными социальными институтами (церковь, община, социальный круг, государство). Следовательно, можно предположить, что в современном информационном обществе сохраняется «культурная форма» свадебного действия (символично-ритуальное оформление), однако видоизменяется доктрина данного события (социально-смысловое наполнение).

Трансформация свадебных ритуалов в полистилистической культуре. В индивидуальном измерении свадебный ритуал связан с изменением социального статуса личности, что требует также изменения идентичности, именно поэтому свадьбу относят к ритуалам перехода. При наличии доктринальной основы, т.е. смысла культурной формы (в данном случае — морального учения о предназначении семьи, четкого описания ролевых требований к мужу и жене, их обязанностям по отношению к детям, родителям, роду и др.), которая признается, поддерживается и контролируется обществом, поведенческие формы соответствуют культурным предписаниям. Сам ритуал выступает реализацией культурной формы и свидетельствует об устойчивости положенной в ее основу доктрины. Л. И. Ионин так определил это яв-

ление: «Эти формы можно назвать свободно парящими: они не связаны в их нынешнем состоянии с социальными интересами и через них с определенными слоями и группами. Теперь, когда отсутствует запрет на публичную презентацию, они предлагают себя каждому, кто обеспокоен поиском идентичности, стремится обрести новый целостный образ мира, в котором можно четко фиксировать собственное место» [3, с. 277].

Свадебный ритуал в век технологической и информационной революции во многом воплощается в функции презентации индивидуальных предпочтений, где возможны разнообразные сценарии, начиная от соблюдения традиционной культурной формы до эпатажных театрализованных решений, главную роль в этом играют Интернет и различные социальные платформы. Используя последние, индивиды превращаются в основных участников свадебных ритуалов, поэтому зачастую свадебное торжество становится не публичным действием, цель которого интериоризация новой социальной роли и соответствующих обязанностей, с ней связанными, а скорее напоминает некую сцену, которая становится самопрезентацией с целью произведения соответствующего впечатления на других. Сущность такой знаково-коммуникативной деятельности индивидов И. Гофман связывал с осознанным или неосознанным «стремлением контролировать поведение других, особенно их ответной реакции на его действия» [4, с. 35].

Анализ результатов социологического опроса. Переход общества в информационный этап своего развития связан со значительным расширением свободы индивида по отношению к обществу. Это проявляется в преодолении «привязки» индивида к определенному социальному слою, определенной территории или месту работы. В этих условиях меняется отношение индивида также и к контролирующей функции общества в отношении смыслов его или ее жизненного цикла. Отношение к свадьбе и ритуалам, ее сопровождающим, выступает показателем этой тенденции. Анализ понимания смыслов свадебных ритуалов находился в фокусе внимания нашего эмпирического исследования. Всего было опрошено 633 респондента, из которых 288 (45,5%)

мужчин, 345 (54,5%) женщин. По возрасту респонденты распределились на следующие группы: 18–21 г. — 21,2%; 22–30 л. — 13,7%; 31–40 л. — 33,6%; 41–50 л. — 22,45%; 51–60 л. — 6,8%; старше 60 л. — 2,2%. По типу поселения респонденты распределились на группы: в крупном городе и мегаполисе — 57,3%; в среднем городе (100–500 тыс. чел.) — 22,2%; в малом городе (до 100 тыс. чел.) — 10,5%; в сельских поселениях — 10%. Анкета рассылалась через Google Формы. Обработка и анализ полученных данных проведены с использованием статистического пакета обработки IBM SPSS Statistics.

Анализ проведенного опроса показал, что большая часть респондентов (вне зависимости от пола и возрастной группы) считают самыми значимыми событиями собственное рождение (или рождение своих детей), свадьбу, смерть. При этом свадьба по степени важности заняла второе место после рождения детей во всех возрастных группах, что косвенно свидетельствует о сохранении ценности брака и семьи во всех поколениях. Ее социокультурный смысл адекватно считывается основной частью опрошенных, что становится очевидным из представленной ниже таблицы 1.

Следует отметить, что лишь 15,3% респондентов полагают необходимым проведение свадебной церемонии, более 70% респондентов в каждой возрастной группе готовы отказаться от проведения свадебной церемонии, не считая ее обязательной. Думается, что необязательное значение свадьбы

объясняется тем, что эта церемония в настоящее время переведена в сферу частной жизни, не сопряженной с какими-либо социальными обязательствами (долгом) человека перед ближайшим сообществом (сельской общиной или традиционной многопоколенной семьей). Индивидуализация в понимании бракосочетания и создании семьи просматривается также и в видении респондентами роли родителей на свадебной церемонии. Большинство респондентов всех возрастных групп (77,8%) родители рассматриваются не организаторами свадьбы, а «дорогими гостями».

Вместе с тем основное большинство опрошенных планируют устраивать свою свадьбу (или свадьбу своих детей), хотя в ней около 60% респондентов усматривают только праздничное содержание. Несмотря на то, что большинство респондентов поддерживают точку зрения, согласно которой праздники — это приобщение к социально значимым ценностям, поддержка традиции и чувство интеграции с сообществом, тем не менее, видение респондентами образа своей свадьбы свидетельствует об отказе большинства из них от народных или советских ритуалов, что видно в приведенной ниже таблице 2.

Представленные результаты свидетельствуют о разделении опрошенного массива респондентов на три группы: тех, кто ориентирован на признание своего личного события со стороны различных социальных групп, участниками которых они являются (в совокупности это 32,1%); тех, кто ориен-

Таблица 1

**Распределение ответов на вопрос
«Как Вы считаете, какой основной смысл у события бракосочетания?» (%)**

Ответы	Все % от РКО	18–30	31–50	51 и старше
Важный переход человека в другой период жизни	45	54,8	37,2	56,1
Праздник единения жизни молодоженов	13	10,4	14,9	10,5
Семейное событие молодоженов и их родительских семей	14,1	10,9	16,9	8,8
Праздничное событие молодоженов, их родителей, друзей и знакомых	13,9	10,4	16,3	12,3
Важное событие для родителей — уход взрослого ребенка в самостоятельную жизнь	7,9	5,4	9,3	8,8
Бесмысленный, формальный ритуал	2,5	4,1	2	
Другое	2,8	3,2	2,5	3,5

тирован на узкий семейный круг (20,2%); тех, кто видит в этом событии только факт своей личной жизни (31,7).

Анализ важности свадебных ритуалов свидетельствует о свертывании свадебного церемониала до самого события: предварительные действия — сватовство, обручение, девичник/мальчишник — утрачивают свое функциональное значение, а если и сохраняются, то, преимущественно в качестве внешней формы. Значительно сокращается применение традиционных ритуалов в процессе самой свадебной церемонии. Респонденты всех возрастных групп отдают предпочтение обмену кольцами (60%), благословению родителей (48%), свадебной одежде невесты (40%). Представ-

ляется, что перечисленные ритуалы имеют в большей степени знаково-символическое содержание. Однако возникает определенное сомнение, что респонденты рассматривают данные ритуалы в качестве сакральных, поскольку даже в обряде венчания большинство респондентов усматривает не религиозное сакральное содержание, а, скорее, эстетическое действие — «красивый торжественный обряд, который запомнится на всю жизнь», 40% молодежи считают венчание отжившей традицией. Об этом же свидетельствуют распространенные трактовки смысла ритуальных действий на свадьбах (табл. 3).

Хотя более половины респондентов во всех возрастных группах считают, что ри-

Таблица 2

**Доминирующие образы желательной свадебной церемонии
в коллективных представлениях респондентов (%)**

Ответы	Все % от РКО	18–30	31–50	51 и старше
Многочисленная свадьба с народными традициями (выкуп невесты, венчанием, дарами, похищением невесты и др.)	13,6	15,8	11,3	19,3
Многочисленная свадьба, но в современном городском стиле без старых народных ритуалов (свадебный наряд, поездка по городу, фотосессия, банкет в престижном месте и др.)	25,6	27,6	27	8,8
Экономный семейный праздник с родителями и близкими друзьями	20,2	22,2	18	26,3
Молодежная тусовка с различными приколами (конкурсами)	3	2,7	3,7	—
Виртуальная свадьба, будем праздновать в соцсетях	0,3	0,9	—	—
Регистрация и сразу отъезд в путешествие	19,3	15,4	20,3	28,1
Достаточно, если это будет просто фотосессия, а праздник мы сделаем на двоих	5,1	3,6	6,2	3,5
Достаточно просто зарегистрировать брак без всяких обрядов	6	7,2	5,1	7
Другое	7	4,5	8,5	7

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «В чем вы видите смысл ритуалов на свадьбе?»

Ответы	Все % от РКО	18–30	31–50	51 и старше
Способ приобщения к культурной традиции	55,4	56,9	52,4	69
Спектакль — шоу для жениха и невесты	19,6	23,3	18,5	10,3
Игры, в которых участвуют все	25	19,8	29	20,7

туалы выступают механизмом приобщения к культурной традиции, конкретизация популярности ритуалов свидетельствует о том, что такое приобщение имеет только внешнюю форму, которую Л. Ионин определил как «пустую форму». Ответы другой половины респондентов по всем группам указывают на развлекательную трактовку свадебных обрядов.

Празднично-развлекательный характер свадебной церемонии проявляется не только в отказе от большинства символических ритуалов и воспроизводства традиционных ролей на свадьбе всех участников, исключая брачующихся, но и в отношении к месту проведения свадьбы. Теперь это место не связано с семейным домом, а ориентировано на прием гостей и комфортность организации праздника. Одним из самых важных ритуалов выступает проведение фотосессии, так как почти 60% опрошенных считают обязательной организацию фотосессии с выездом профессионального фотографа. Только 20% относится к этому отрицательно. В совокупности 55% респондентов ориентированы на фото-фиксирование самого свадебного события, при этом 33,9% респондентов ориентированы на постановочные кадры в красивых интерьерах или в природных местах. Распределение позиций по вопросу сюжетов для фотографирования на свадьбе также показывает нечувствительность большинства респондентов к собственно свадебным ритуалам. Внимание большей частью обращается на эстетическую сторону снимков, необходимую для самопрезентации. Об этом же свидетельствует готовность респондентов (22,9%) довериться опыту фотографа при выборе сюжетов для фотографирования.

Заключение. Рассмотрение смыслов, которые вкладывают респонденты всех возрастов в понимание свадебной церемонии, выбора места ее проведения, устойчивости сохранившихся свадебных ритуалов, фиксировании (сохранении во времени) свадебного события — все это свидетельствует об утвердившемся переводе свадьбы в сферу частной жизни людей, придание ей празднично-развлекательного характера. Этот смысл в настоящее время оттесняет и даже

вытесняет глубинный культурно-идентификационный смысл свадебной церемонии для индивидуальной жизни как обряда перехода из одной фазы жизни в другую. Вытеснение этого смысла объясняется легкостью заключения/расторжения брака, многократностью заключения брака. Уход сакрального смысла из свадьбы как сложного комплекса ритуалов объясняет отсутствие в настоящее время какого-либо канона свадебной церемонии, что создает широкое поле для индивидуального экспериментирования с формой.

Литература

1. *Топоров В. Н.* Первобытное представление о мире (общий взгляд) // Очерки истории естествонаучных взглядов в древности. — М., 1982.
2. *Байбурин А. К.* Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. — СПб.: Наука, 1993.
3. *Ионин Л. Г.* Социология культуры. — М.: Изд. Дом ГУ ВШЭ, 2004.
4. *Гофман И.* Ритуал взаимодействия: очерки поведения лицом к лицу. — М.: Смысл, 2009.

References

1. *Toporov V. N.* Pervobytnoe predstavlenie o mire (obshhij vzgljad) [Primeval representation of the world (general view)] // Ocherki istorii estestvennonauchnyh vzgljadov v drevnosti [Essays on the history of natural science views in ancient times]. — Moscow, 1982.
2. *Bajburin A. K.* Ritual v tradicionnoj kul'ture. Strukturno-semanticheskij analiz vostochnoslavjanskih obrjadov [Ritual in traditional culture. Structural and semantic analysis of East Slavic rites]. — Saint Petersburg: Nauka, 1993.
3. *Ionin L. G.* Sociologija kul'tury [Sociology of Culture]. — Moscow: Izd. Dom GU VShJe, 2004.
4. *Gofman I.* Ritual vzaimodejstvija: ocherki povedenija licom k licu [The ritual of interaction: essays on face-to-face behavior]. — Moscow: Smysl, 2009.

Синютин Александр Александрович — президент Общероссийской общественной организации «Федерация свадебных специалистов России». Выпускник МГИМО (У) МИД РФ. Автор 15 обучающих программ по психологии и бизнесу в сфере культурно-массовых мероприятий.

Sinyutin Alexander Alexandrovich — President of the All-Russian public organization «Federation of wedding specialists of Russia». Graduate of MGIMO (U) MFA of the Russian Federation. Author of 15 training programs on psychology and business in the field of cultural events.

115470, г. Москва, пр. Андропова, 17, корп. 1, кв. 159
17 Andropova av., bld. 1, ap. 159, 115470, Moscow, Russia
E- mail: ssinyutin@mail.ru

УДК 130.2

10.17213/2075-2067-2021-3-84-89

СОВРЕМЕННАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК ФАКТОР ВЫСТРАИВАНИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

© 2021 г. Е. А. Слизский

Адыгейский государственный университет (филиал), г. Белореченск, Россия

Россия — многонациональное государство, и это определяет серьезные социальные риски, связанные с характером межэтнического взаимодействия. Различия в культуре, нормах поведения, ценностных ориентациях и способе мировоззрения в целом могут стать одним из серьезных оснований развития конфликтности. При этом одним из наиболее опасных социальных состояний является развитие межгруппового конфликта. В рамках статьи доказывается, что межгрупповая конфронтация сильно зависит от среды коммуникации членов общества. На этом основании делается вывод о том, что изменение механизмов информационного взаимодействия способствует трансформации предпосылок развития межгрупповой конфликтности. В рамках анализа изменений в коммуникативной сфере, связанных с формированием механизмов массовой коммуникации, ставится вопрос о социальных рисках в сфере межэтнического взаимодействия, связанных с современным состоянием коммуникативной сферы.

Ключевые слова: общество; этнос; этническая группа; межгрупповая конфронтация; информация; информационные технологии; социальное мировоззрение.

MODERN INFORMATION COMMUNICATION AS A FACTOR IN BUILDING INTER-ETHNIC RELATIONS

© 2021 E. A. Slizsky

Adyghe State University (branch), Belorechensk, Russia

Russia is a multinational state, and this defines serious social risks associated with the nature of inter-ethnic interaction. Differences in culture, norms of behavior, value orientations and the way of worldview in general can become one of the serious grounds for the development of conflict. At the same time, one of the most dangerous social conditions is the development of intergroup conflict. Within the framework of the article, it is proved that intergroup confrontation strongly depends on the communication environment of members of society. On this basis, it is concluded that changing the mechanisms of information interaction contributes to the transformation of the prerequisites for the development of intergroup conflict. As part of the analysis of changes in the communicative sphere related to the formation of mass communication mechanisms, the question is raised about social risks in the field of inter-ethnic interaction related to the modern state of the communicative sphere.

Key words: society; ethnic group; intergroup confrontation; information; information technologies; social outlook.

Существование общества сопряжено с непрерывным действием консолидирующих и конфронтационных процессов в общественной среде, частично уравновешивающих друг друга. В условиях преобладания механизмов консолидации и интеграции членов общества происходит стабилизация общественной структуры и ее активное развитие. В свою очередь, преобладание конфронтационных механизмов ведет к нарушению системы социального взаимодействия, результатом которого может стать развитие серьезного социального конфликта, утрата функциональности институциональных структур, в которые включены конфликтующие стороны, общая дестабилизация социальной системы. Чем более сложным и в содержательном плане многообразным является общество, тем актуальнее вопрос о необходимости действия консолидирующих социальных факторов. Как отмечал известный французский социолог Э. Дюркгейм, по мере развития общества, его усложнения и соответственно стратификации, помимо социально-интегрирующих механизмов, основанных на сходстве членов общества по определенным признакам, все большую значимость приобретают интегрирующие факторы, направленные на преодоление естественной конфронтации различающихся между собой людей. В качестве такового основания консолидации исследователь рассматривал органическую солидарность, основанную на совместной включенности носителей разных социальных признаков в определенную систему отношений, в которой каждый участник взаимодействия значим в силу выполнения социальных функций, имеющих значение для среды включенности [1].

В данном случае ключевым моментом является характер взаимной идентификации членов общества: он может быть реализован с упором на область социальных различий либо с акцентуацией внимания на обобщающем факторе совместной социальной включенности. Подчеркнем: в рамках социального взаимодействия члены общества могут отмечать различные аспекты собственной социальной определенности и социальной определенности взаимодействующих с ними субъектов. Однако от того, какие именно аспекты социальной определенности другого

будут оцениваться как приоритетные при его идентификации, во многом зависит, какое конечное отношение будет сформировано в его адрес и соответственно какой социальный механизм вступит в действие — интеграционный или конфронтационный.

В вопросе действия интеграционных и конфронтационных процессов в обществе одним из ключевых факторов является то, насколько разнородным является общество, и в частности — насколько серьезные различия имеют место между членами общества по определенным критериям, таким как материальный статус, социокультурная определенность членов общества, наличие прав и социальных возможностей членов общества и т.д. Чем меньшая проявленность различий имеет место в социальной среде, тем менее вероятным является возникновение конфронтационных процессов в обществе. Типичным примером является имущественное неравенство, выступающее одним из оснований социальной напряженности тем интенсивнее, чем выше уровень неравенства. Вместе с тем одним из наиболее серьезных оснований формирования разобщенности в обществе является различие по критерию культурной определенности. Разные ценностные ориентации, разные мировоззрения, разное понимание приемлемого и неприемлемого поведения — это основание, которое определяет сложности выстраивания взаимодействия между людьми, и в частности вероятность возникновения конфликтов, основанных на расхождении во взглядах. В этом плане общества, в которых совместно проживают представители разных этнических групп, сталкиваются с серьезными рисками возникновения противоречий и конфликтов, основанных на этнокультурных различиях представителей разных народностей.

Для России, являющейся многонациональным государством, проблема выстраивания конструктивного взаимодействия между представителями различных этнических групп, в частности недопущения развития конфронтационных тенденций в межэтнической среде, обладает высоким уровнем приоритетности. Это является тем основанием, которое определяет актуальность и практическую значимость исследований, посвященных социальным факторам выстраивания от-

ношений в межэтнической среде. Настоящая статья ориентирована на раскрытие социокультурного аспекта выстраивания межэтнических отношений, связанного с репрезентацией образов представителей различных этнических групп в информационно-коммуникативном пространстве общества.

Прежде всего, следует отметить, что существует серьезное различие между частными процессами, протекающими в межэтнической среде, и межгрупповым взаимодействием представителей разных этносов. В первом случае этническая принадлежность является сопутствующим фактором в частной практике социального взаимодействия, и причины как конструктивных, так и конфликтных отношений лежат вне сферы этнической определенности действующих субъектов. До тех пор, пока частный опыт сохраняет статус частного опыта, речь идет о естественном социальном процессе, в котором решающее значение имеет совокупность индивидуальных социальных качеств действующих субъектов. Однако, как только групповая определенность становится фактором выбора модели отношения или модели социальной активности, осуществляемой применительно к конкретному человеку по факту его групповой принадлежности, индивидуальный аспект утрачивает свою значимость. Групповое взаимодействие не может существовать вне мировоззренческих установок, программирующих определенный способ выстраивания отношений, иными словами, в условиях, когда определенная форма взаимодействия выходит на межгрупповой уровень, речь идет о социальной модели, действующей на уровне мировоззрения членов общества. Перейдя к этому тезису, мы фактически обозначаем момент необходимой взаимосвязи между характером межэтнических отношений и характером социального мировоззрения представителей разных этнических групп. Причем в данном случае имеют место два решающих момента:

- характер социального восприятия представителей инаковой группы;

- область приоритетов в формировании идентификационных стратегий представителей различных этносоциальных групп.

Рассмотрим данные аспекты межэтнического взаимодействия подробнее. Что ка-

сается характера социального восприятия представителей другого этноса, в данном случае ключевое значение имеет то, какие представления о конкретном этносе присутствуют на уровне индивидуального и группового социального мировоззрения. Нередко представления о конкретном народе ограничиваются набором этнических стереотипов, мало соответствующих действительности [2]. Этнические стереотипы необязательно носят негативный характер — может иметь место представление об определенной выдающейся черте представителей определенного этноса. Однако наличие этнических стереотипов не способствует выстраиванию конструктивного социального взаимодействия, поскольку стереотипное восприятие, по сути, ограничивает процесс социального познания расхожими представлениями, мешая процессу узнавания друг друга между представителями разных этносов. В данном случае формирование конструктивного социального восприятия представителей иноэтнических групп реализуется преимущественно вопреки существующим общегрупповым представлениям.

Рассматривая вопрос об области приоритетов в формировании идентификационных стратегий в межэтнической среде, следует отметить, что речь идет о том значении, которое участники общественных отношений придают собственной этнической маркированности и этнической определенности представителей других народностей. Рассмотренный выше вариант индивидуального выстраивания отношений (который по факту является одним из наиболее благоприятных) реализуется в том случае, если этническая определенность субъектов взаимодействия не является ключевым фактором выстраивания общественных отношений. Это может иметь место либо в том случае, когда отсутствует активная стереотипизация представителей определенных этнических групп, либо когда общегрупповые представления не являются чем-то актуальным, воспринимаемым всерьез. Причем следует отметить, что существует два основных аспекта отражения иноэтнической группы в социальном мировоззрении:

- представления об определенных социальных качествах, присущих представителям определенной этносоциальной группы;

— представления о характере их активности в отношении этнической группы, к которой относится субъект социального восприятия.

В данном случае очень важно понимать, что идентификация иноэтнической группы как аспект социального мировоззрения может иметь либо единичный характер (в случае, когда носителем определенных форм социального отношения к конкретному этносу является отдельный человек), либо групповой характер. Последний вариант может иметь место только в том случае, если конкретные представления и конкретная форма отношения становятся объектом репрезентации в коммуникативной среде — именно общие социальные условия и возможность коммуникации определяют процесс формирования коллективного мировоззрения. Таким образом, мы приходим к следующей логической цепочке: характер идентификации иноэтнической группы и межэтнические отношения в целом зависят от мировоззренческих установок вовлеченных в эти отношения людей. В свою очередь, наиболее опасные для общества межгрупповые конфронтационные процессы в межэтнической среде становятся возможными в том случае, когда негативные мировоззренческие установки приобретают групповой характер. Это становится возможным только в том случае, когда определенные негативные представления, формы отношения, негативный социальный опыт становятся транслируемыми в коммуникативной среде. Причем у всякого негативного этнического стереотипа имеет место двойное воздействие на область социальной практики: с одной стороны, речь идет о влиянии на социальное мировоззрение тех, кто воспринимает стереотипное представление и встраивает его в свою социальную картину мира, с другой — этнические стереотипы нередко остро воспринимаются представителями этноса, отражаемого на уровне данных стереотипов, что в значительной степени затрудняет для них процесс выстраивания внешнего (по отношению к их этнической группе) взаимодействия.

На данном этапе целесообразно рассмотреть место коммуникативных процессов в общей системе источников социального мировоззрения и соответственно определить

их конечное влияние на процессы выстраивания общественных отношений. Здесь следует обратить внимание на то, что формирование мировоззрения реализуется двумя основными путями:

— через получение личного опыта;

— через получение знаний об окружающей действительности из внешних источников.

В современном мире доминирующее значение в формировании мировоззрения играет заимствование знаний, накопленных другими людьми, или, иными словами, опосредованное познание [3]. Это связано с тем, что большинство знаний об окружающей действительности является продуктом коллективной познавательной деятельности, при этом познавательные возможности одного человека имеют ограниченный характер, ввиду которого для него является нереализуемой задача по подтверждению всей совокупности наличествующих знаний на личном опыте. По этой причине знания, которые заимствуются человеком извне, зачастую не ставятся под вопрос и воспринимаются наравне с личным опытом (в особенности, если имеет место авторитетный источник). А. Шютц отмечает, что процесс познания социального мира не является индивидуальным — он обусловлен характеристиками мировоззрения ближайшего окружения человека [4]. При этом следует отметить, что по мере расширения области коммуникации, в которую вовлечен человек, количество источников опосредованного познания может существенно возрасти. И здесь необходимо подчеркнуть, что в современных условиях требуют пересмотра представления о среде коммуникации, в рамках которой формируются основы мировоззрения членов общества, поскольку помимо непосредственного социального окружения (семья, одноклассники, соседи и т.д.) в настоящее время одним из важнейших источников формирования социального мировоззрения становятся информационные источники, доступные в рамках обращения к ключевым медиа — телевидению, печатной прессе, области Интернет-коммуникации.

Несмотря на то, что воздействие ключевых медиа в ряде случаев носит односторонний характер, они вписываются в критерии определения авторитетного источника

информации, к которому члены общества испытывают доверие, причем, что немаловажно, формирование информационной продукции нередко носит адресный характер, будучи ориентированным на определенную целевую аудиторию. Также следует отметить, что в настоящее время процессы цифровой коммуникации прочно входят в жизнь членов общества, составляя весомую конкуренцию «живому» общению, при этом особенности сетевого взаимодействия таковы, что даже диалог двух людей, будучи размещенным в рамках публичных информационных ресурсов, может стать достоянием широкой аудитории и, соответственно, оказывать мощное воздействие на мировоззрение членов общества.

Важнейшим моментом в данном случае становится то, что современные информационные технологии способствуют, с одной стороны, активному тиражированию информации и ее массовому воздействию на членов общества, с другой — способствуют неравномерному распределению опосредованного социального опыта в коммуникативной среде. Поясняя последнее, следует отметить, что ранее информация о каком-либо значимом событии, выбивавшемся из общей социальной практики, становилась достоянием того человека, с которым оно произошло, и его социального окружения. В настоящее время, благодаря развитию информационных технологий, социальный опыт одного человека может стать опытом миллионов. И если этот опыт носит негативный характер, общественный резонанс может иметь очень разрушительные последствия. При этом немаловажно, что активному распространению в информационной среде подлечит в первую очередь то, что выбивается из нормы.

Это способствует серьезному искажению восприятия социальной действительности, поскольку создается перекося в сторону репрезентации неожиданно позитивных и крайне негативных социальных явлений, без серьезного внимания к нормальному протеканию общественного процесса. В этой системе координат, что характерно, оба варианта трансляции информационной продукции, посвященной нетитульным этносам, несут в себе серьезные социальные

риски. Это связано с тем, что описание социальных конфликтов, подтверждающих негативные этнические стереотипы, равно как и описание случаев, выступающих «исключением из правила» стереотипного восприятия, в конечном счете способствуют закреплению стереотипных моделей восприятия представителей конкретных этносов. Серьезные риски в данном случае связаны с тем, что в информационной среде производится активная актуализация этнических признаков, в то время как преодолению межэтнической конфронтации могла бы способствовать, в первую очередь, деактуализация механизмов идентификации по этническому критерию и актуализация иных механизмов социальной идентификации.

Литература

1. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии: пер. с фр. / Э. Дюркгейм, А. Б. Гофман, В. В. Сапов. — М.: Наука, 1991. — 572 с.
2. Завалишин А. Ю., Костюрина Н. Ю. Этнические стереотипы: экспликация и анализ // ЖССА. — 2017. — №2. — С. 177–196.
3. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. — М., 2003.
4. Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / Сост. А. Я. Алхасов; пер. с англ. А. Я. Алхасова, Н. Я. Мазлумяновой; научн. ред. перевода Г. С. Батыгин. — М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. — 336 с.

References

1. Djurkgejm Je. O razdelenii obshhestvennogo truda. Metod sociologii [On the division of social labor. Method of sociology]: per. s fr. / Je. Djurkgejm, A. B. Gofman, V. V. Sapov. — Moscow: Nauka, 1991. — 572 p.
2. Zavalishin A. Ju., Kostjurina N. Ju. Jethnicheskie stereotipy: jeksplikacija i analiz [Ethnic stereotypes: explication and analysis] // ZhSSA. — 2017. — №2. — Pp. 177–196.
3. Maklujen M. Ponimanie media: vneshnie rasshirenija cheloveka [Understanding media: external extensions of a person]. — Moscow, 2003.

4. *Shjutc A.* Smyslovaja struktura povsednevnogo mira: ocherki po fenomenologicheskoj sociologii [The semantic structure of the everyday world: essays on phenomenological sociol-

ogy] / Sost. A. Ja. Alhasov; per. s angl. A. Ja. Alhasova, N. Ja. Mazlumjanovoj; in G. S. Batygin (eds.). — Moscow: Institut Fonda «Obshhestvennoe mnenie», 2003. — 336 p.

Поступила в редакцию

21 мая 2021 г.

Слизский Евгений Анатольевич — старший преподаватель кафедры Белореченского филиала Адыгейского государственного университета.

Slizsky Evgeny Anatolievich — Senior Lecturer of the Department, Belorechensk branch of Adyghe State University.

350007, г. Краснодар, ул. Тахтамукайская, 9
9 Takhtamukaiskaya st., 350007, Krasnodar, Russia
E-mail: slizskiy@bk.ru

УДК 316.7

10.17213/2075-2067-2021-3-90-94

КАТЕГОРИЯ УСПЕХА В ЦЕННОСТНОЙ КАРТИНЕ МИРА РОССИЯН: ДИНАМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

© 2021 г. О. В. Фетисова

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Цель исследования. В статье рассматривается динамика развития категории успеха в ценностной картине мира россиян. Успех связывается с идентификацией и самоидентификацией личности, прежде всего, с карьерной идентичностью. Успех обусловлен включенностью человека в социальную структуру, а механизмом этого включения выступает собственно трудовая деятельность.

В результате исследования доказано, что Истинный успех в ценностной картине мира россиян определяется как результат сбалансированности личного и общественного в ориентациях личности и конкретной социальной группы, а преобладание одного начала над другим не может свидетельствовать о жизненном успехе.

Ключевые слова: идентификация; динамический аспект; ценностная картина мира; успех; социальная группа.

THE CATEGORY OF SUCCESS IN THE VALUE PICTURE OF THE WORLD OF RUSSIANS: A DYNAMIC ASPECT

© 2021 O. V. Fetisova

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

The purpose of the study. The article examines the dynamics of the development of the category of success in the value picture of the world of Russians. Success is associated with the identification and self-identification of the individual, primarily with career identity. Success is due to the inclusion of a person in the social structure, and the mechanism of this inclusion is the actual work activity.

As a result of the research, it is proved that the true success in the value picture of the world of Russians is defined as the result of the balance of the personal and social orientations of the individual and a particular social group, and the predominance of one principle over the other can not indicate life success.

Key words: identification; dynamic aspect; value picture of the world; success4 social group.

Последние десятилетия ознаменованы актуализацией проблемы идентификации, обнаружения собственной идентичности, которая становится важной практически для каждого

человека. Безусловно, наиболее эффективными следует считать исследования, которые проводятся на междисциплинарных основаниях, когда в сферу социологии включается

методология и концептуальные подходы целого ряда наук гуманитарной парадигмы — философии, психологии, культурологии.

Процесс идентификации и самоидентификации личности осуществляется при опоре на константы, которые не подвергаются трансформации под воздействием внешних факторов, при этом продуктивным этот процесс будет вне зависимости от степени осознанности дифференциации миров *Я* и *не-Я* конкретной личностью или социальной группой. Закономерно также и то, что личность в данном процессе может применять для самоидентификации осознанные усилия либо опираться на собственный опыт, а также нормы и традиции социума. В настоящее время ясно одно: проблематика идентификации коррелирует с возрастанием динамики развития современного общества, в том числе в связи с возникновением кризисных обстоятельств.

Проблематика идентификации становится в современном социуме столь острой не только вследствие неустойчивости и неупорядоченности жизни, напротив, по всей видимости, упорядочение индивидуальной и коллективной жизни инициирует у личности тенденцию к обособлению с целью самоидентификации и в то же время в поисках коллективной идентичности. Поэтому вполне можно констатировать амбивалентный характер индивидуальных усилий в усвоении компонентов ценностной картины мира социальной группы или общества в целом, что подтверждает аксиому о взаимосвязи личности и общества.

Современная Россия оказывается в этом случае весьма репрезентативным полем для изучения различных социальных процессов, в том числе связанных с утверждением новых ценностей или реабилитацией, трансформацией или модификацией уже существующих. Отечественный исторический процесс, демонстрирующий неоднократный кризис существующей в конкретный период ценностной картины мира, позволяет проследивать динамику тех или иных ее компонентов в различные хронологические промежутки. Так, динамика трансформаций категории успеха показательна в плане сопоставления их развития в координатах советского и постсоветского исторических периодов. Категория успеха закономерно коррелирует с понятием идентификации, в том числе карьерной идентичности.

Карьера представляет собой одновременно процесс и результат утверждения социальной идентичности. Социология оперирует понятием карьерной идентичности на основании изучения внутриспоколенной социальной мобильности [1, 2]. Подчеркнем в этой связи, что карьера как одно из условий жизненного успеха вбирает в себя как оценку человеком уже приобретенного статуса, так и определенный потенциал в плане карьерного роста. Трудовая карьера значима и в плане поиска и воспроизводства социальной идентичности в целом: так, для западных обществ карьерный успех и продвижение в служебной иерархии обнаруживает тесную связь с ценностями и образцами успеха, свойственными конкретному культурному коллективу.

В современной России именно карьера занимает ведущее положение в иерархии средств достижения успеха, что детерминирует отношение к ней как к одной из ценностей современной мировой культуры, а успех начинает отождествляться именно с карьерой.

Р. Тернер отмечает, что отличия классовых обществ фокусируются не только в сфере понимания успеха, но и в признании конкретных образцов успеха, а также в выборе приемлемых средств для его достижения [3]. Приоритетный образец карьеры несколько десятилетий назад являлся собой тот, кто был занят собственным бизнесом на основании стимулирования предпринимательства. Однако в XXI в. ориентиры становятся иными: «Поскольку развитие нашей экономики дает недостаточно простора для развития малого бизнеса, можно вырасти и в рамках гигантских бюрократических организаций частного предпринимательства. Если нет больше возможности быть королем своего собственного детища, то можно, в крайнем случае, стать президентом одной из экономических организаций с демократическим устройством. Сегодняшнее положение человека, является ли он посыльным или клерком, не имеет значения: следует лишь остановить свой пристальный взгляд на вершине» [4, с. 122]. Поэтому западные образцы карьеры ориентированы в настоящее время, скорее, на иерархическое устройство экономических организаций.

Советский и отчасти постсоветский период в развитии отечественной культуры обнаруживает определенную индифферентность в отношении карьерной идентичности, прежде всего, в координатах ценностной картины мира среди тех ценностей и образцов поведения, которые являются наиболее приемлемыми и предписываются гражданину. Социологическая традиция, как известно, предписывает различать ценности-нормы и ценности-объект [5], и трудовая карьера не квалифицируется длительное время как ценность-норма. Советская идеологическая парадигма диктует либо нейтральное отношение к карьере, либо, реже, негативную оценку. Нельзя, разумеется, говорить о полном отрицании необходимости карьеры как таковой в советском обществе, однако она не является той ценностью, которой члены общества стараются обладать. Иными словами, карьера не входит в состав понятия идентификации. На наш взгляд, противоречие здесь заключается в четкой иерархизированности и структурированности советского общества, в котором массово осуществлялись различные перемещения внутри формальных и неформальных позиций.

Условием успеха всегда является включенность человека в социальную структуру, а механизм этого включения — собственно трудовая деятельность. Процесс труда формирует механизм продуцирования его результатов, которые действительно необходимы и для индивида, и для общества. И материальные, и духовные потребности связаны с пониманием необходимости результатов, которые в этих случаях обусловлены разными факторами, но всегда дают импульс для конкретной деятельности. Тем не менее, общество потребления порождает «отчуждение» труда, когда индивид включен часто вне его согласия в такие социальные структуры, которые ориентированы на удовлетворение только материальных потребностей. Это сообщает человеку односторонность и во многом приводит к разочарованиям. Если труд человека не признан обществом, то для него это становится психологической и социальной катастрофой. Для постсоветского периода развития России свойственно непризнание труда целого ряда социальных групп, что породило не только социальную

напряженность, но и вызвало духовный кризис общества.

Аксиоматично для социологии и других гуманитарных наук утверждение о том, что именно социальное признание результатов деятельности человека является определяющей составляющей его жизненного успеха. Категория успеха осмысливается не только и не столько в координатах компонентов, которые зачастую навязаны социумом — высокая заработная плата или доходы иного порядка, престижная профессия, обладание властью и пр. Истинный успех в ценностной картине мира россиян определяется как результат сбалансированности личного и общественного в ориентациях личности и конкретной социальной группы, а преобладание одного начала над другим не может свидетельствовать о жизненном успехе.

Безусловно, абсолютизация материальных компонентов существования человека приводит к его изоляции, к социальному обесцениванию его жизни, к потере ее смысла, а также к невозможности трансляции образца успеха, его модели в течение длительного периода времени. Приобретая статус, деньги, власть, человек уверяет себя, что он успешен, однако результаты такой ориентированности на внешний успех не могут быть переданы другим людям и исчезают. Также закономерно и то, что абсолютизация исключительно социального успеха приводит к игнорированию обществом интересов личности, что не может быть приемлемым с позиций индивида. В этом случае социум не даст ничего взамен человеку, получив от него максимум производительных результатов.

Современное российское общество характеризуется перемещением сферы ценности успеха в деловую сферу, что вполне понятно: успех именно в этой области тесно взаимодействует с ценностью уверенности в надежности своего общественного и профессионального статуса. Обобщение разноплановых исследований приводит в социологии к возникновению двух гипотез успеха, которые в целом применимы и к российской действительности начала XXI в.: в качестве исходного постулата первой выступает утверждение о существовании страха успеха в любом обществе, вторая опирается на тезис об отсутствии такого страха и даже мотива

избегания успеха, тогда как приоритетной для человека становится соревновательная или кооперационная стратегия деятельности. В таком случае мотивировка избегания успеха заключается в стремлении уклониться от конкуренции, соревновательности [6].

Такое сложное многоуровневое отношение к ценности успеха наиболее заметно в сфере межорганизационных и внутриорганизационных отношений. Кооперационная стратегия предполагает, что участники взаимодействия связаны друг с другом позитивно, их успех — совместный, а они как участники взаимодействия должны избегать конфликтов. Соревновательная стратегия предполагает определенную поведенческую динамику, т.к. участники взаимодействия считают свои цели связанными негативно: этот фактор обуславливает несопоставимость индивидуального успеха в социальной группе.

Понятие успеха в деловой сфере закономерно связано с понятием сотрудничества, которое также представляет ценность. Успех также невозможно представить вне понятия лидерства, однако А.Г. Асмолов правомерно считает, что современная модель успеха в ценностной картине мира россиян не включает прежние модели лидерства, которые зачастую опирались на тезис «победителей не судят». Логика реализации категории успеха видится исследователем в другом: за каждым членом общества признается индивидуальная траектория развития и пути достижения успеха, а главным становится поддержание вариативности в претворении моделей успеха в своей жизни. В этом случае задача социума — вовсе не отбор наиболее сильных, которые способны достичь высоких результатов и одержать победу, а, напротив, поддержка всех тех, кто выбирает траекторию успеха, в плане сравнения себя с собой же вчерашним [7].

Категория успеха в ценностной картине мира россиян продолжает претерпевать трансформации, что диктует необходимость в разработке новых концепций успеха применительно к конкретному состоянию современного общества при опоре на классические и неоклассические модели. Необходимо отличать успех — идеологему и успех — ценность: первая представляет собой развитие идеологии общества, вторая является резуль-

татом развития аксиологической системы — фундамента ценностной картины мира. Также необходимо учитывать различия между тем, что переживается как успех, и тем, что соответствует конкретным социальным критериям успеха.

Закономерно и то, что материальные и духовные ценности социальных групп различны, поэтому и критерии категории успеха вариативны, и эта вариативность усиливается, в том числе и в координатах одного культурного пространства. Оценки, самооценки и представления индивида обуславливаются социокультурным контекстом, динамичным по своему характеру, и эта динамика может быть не только положительной, но и отрицательной, тормозящей индивидуальное стремление к успеху. Социальная среда может стать средоточием культуры «антиуспешности», которая подразумевает подозрительное отношение ко всему выделяющемуся, к прорывам в любой общественно значимой области и одобряет раздражение, а иногда и враждебность ко всему экстраординарному. Поскольку социокультурная среда не однородна, то и ее влияние не может быть однозначным. Социально значимые успехи достижимы для человека только при условии, если он покинет первичные группы своей социализации, где находится под контролем социальной группы.

Литература

1. *Barley S.R.* Careers, Identities, and Institutions: The Legacy of the Chicago School of Sociology // *Handbook of Career Theory*. — Cambridge: Cambridge University Press, 1989. — P. 41–65.
2. *Brooklyn D.C., Laurent A.* The Internal and External Career: A Theoretical and Cross-Cultural Perspective // *Handbook of Career Theory*. — Cambridge: Cambridge University Press, 1989. — P. 454–471.
3. *Тернер Р.* Сравнительный контент-анализ биографий // *Вопросы социологии*. — 1992. — №1. — С. 121–133.
4. *Мертон Р.К.* Социальная теория и социальная структура // *Социальные исследования*. — 1992. — №2. — С. 118–124.
5. *Костенко Н.В., Оссовский В.Л.* Ценности профессиональной деятельности. — К.: Наук. думка, 1986. — 151 с.

6. Хубер Р. Моральные дилеммы успеха // Этика успеха. Вестник исследователей, консультантов, ЛПР. — 1994. — №3. — С. 117–118.

7. Асмолов А.Г. О моделях успеха в эволюции цивилизации // Этика успеха. — 1996. — №8. — С. 9–15.

References

1. Barley S.R. Careers, Identities, and Institutions: The Legacy of the Chicago School of Sociology // Handbook of Career Theory. — Cambridge: Cambridge University Press, 1989. — P. 41–65.

2. Brooklyn D.C., Laurent A. The Internal and External Career: A Theoretical and Cross-Cultural Perspective // Handbook of Career Theory. — Cambridge: Cambridge University Press, 1989. — P. 454–471.

3. Terner R. Sravnitel'nyj kontent-analiz biografij [Comparative content analysis of biogra-

phies] // Voprosy sociologii [Questions of sociology]. — 1992. — №1. — Pp. 121–133.

4. Merton R.K. Social'naja teorija i social'naja struktura [Social theory and social structure] // Social'nye issledovanija [Social research]. — 1992. — №2. — Pp. 118–124.

5. Kostenko N.V., Ossovskij V.L. Cennosti professional'noj dejatel'nosti [The values of professional activity]. — Kiev: Nauk. dumka, 1986. — 151 p.

6. Huber R. Moral'nye dilemmy uspeha [Moral dilemmas of success] // Jetika uspeha. Vestnik issledovatelej, konsul'tantov, LPR [The ethics of success. Bulletin of researchers, consultants, LPR]. — 1994. — №3. — Pp. 117–118.

7. Asmolov A.G. O modeljah uspeha v jevoljucii civilizacii [On models of success in the evolution of civilization] // Jetika uspeha [The ethics of success]. — 1996. — №8. — Pp. 9–15.

Поступила в редакцию

18 апреля 2021 г.

Фетисова Ольга Викторовна — старший преподаватель
Высшей школы бизнеса Южного Федерального университета.

Fetisova Olga Viktorovna — Senior Lecturer of the High
School of Business, Southern Federal University.

344019, г. Ростов-на-Дону, ул. 23-я Линия, 43
43 23d Liniya st., 344019, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: batum.olga.fetisova@yandex.ru

УДК 316.334.22

10.17213/2075-2067-2021-3-95-101

**ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ СТАНОВЛЕНИЕ МЕДИКОВ
В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА
(ПО МАТЕРИАЛАМ ГЛУБИННЫХ ИНТЕРВЬЮ)¹**

© 2021 г. А. И. Черевкова

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Цель исследования состоит в социологическом измерении социального самочувствия медиков, профессиональное становление которых проходит на фоне пандемии коронавируса и вызванных ей институциональных трансформаций сферы здравоохранения.

Методологическую базу составляет субъективистский подход к социальному самочувствию, трактующий его как эмоционально-оценочное восприятие своей настоящей жизнедеятельности в контексте прошлого, настоящего и ожидаемого будущего. В качестве критериев его социологического измерения выбраны показатели, предложенные О. Н. Суняйкиной.

Эмпирической базой работы выступают проведенные в период с октября 2020 г. по февраль 2021 г. 40 глубинных интервью с врачами и средним медперсоналом, работающим в государственных учреждениях здравоохранения Ростовской области.

Результаты исследования. Пандемия оказала положительное влияние на социальное самочувствие медиков, чьим первым местом работы стали моноинфекционные госпитали: они смогли, хоть и временно, улучшить свое социально-экономическое положение, получить уникальный опыт работы, ощутили повышение престижа своей профессии. Медики, начавшие работать в период пандемии в учреждениях, не перепрофилированных для оказания медицинской помощи пациентам с коронавирусной инфекцией, своими доходами и условиями работы не удовлетворены. Независимо от места работы они ориентированы на дальнейшее профессиональное развитие, однако испытывают беспокойство по поводу успешного трудоустройства и возможности финансово обеспечить свою семью.

Перспективу исследования составляет проведение массового анкетного опроса с целью измерения социального самочувствия медицинского профессионального сообщества Ростовской области на групповом и институциональном уровне.

Ключевые слова: профессиональное становление; социальное самочувствие; медицинское сообщество; студенты медицинских вузов; ординаторы; пандемия коронавируса; здравоохранение; инфекционный госпиталь; Ростовская область.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №20-04-60466 «Социальное самочувствие профессионального медицинского сообщества в сложной эпидемиологической ситуации».

**PROFESSIONAL BECOMING OF MEDICS
IN THE CONTEXT OF THE CORONAVIRUS PANDEMIC
(BASED ON IN-DEPTH INTERVIEWS)**

© 2021 A. I. Cherevkova

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

The purpose of the study is to provide a sociological measurement of the social well-being of medics whose professional development takes place during the coronavirus pandemic and institutional transformations in the healthcare.

The methodological basis of the research is the subjectivist approach to social well-being, which interprets it as an emotional and evaluative perception of one's present life activity in the context of the past, present and expected future. The indicators proposed by O. N. Sunyaikina were chosen as the criteria for its sociological measurement.

The empirical basis of the work is 40 in-depth interviews conducted in the period from October 2020 to February 2021 with doctors and secondary medical personnel working in public health institutions of the Rostov region.

The results of the study. The pandemic has had a positive impact on the social well-being of doctors, whose first place of work was infectious diseases hospitals: they temporarily improved their socio-economic situation, gained a unique work experience, and experienced an increase in the prestige of their profession. Medics who started working during the pandemic in institutions that were not converted to provide medical care to patients with coronavirus infection are not satisfied with their income and working conditions. Regardless of the place of work, young medics are focused on further professional development, but they are concerned about successful employment and the ability to financially support their family.

The prospect of the study is to conduct a mass questionnaire survey to measure the social well-being of the medical professional community of the Rostov region at the group and institutional level.

Key words: professional becoming; social well-being; medical community; medical students; interns; coronavirus pandemic; healthcare; infectious diseases hospital; Rostov region.

Введение. Пандемия коронавируса внесла кардинальные изменения в клиническую практику учреждений здравоохранения и потребовала мобилизации всех имеющихся ресурсов. В условиях значительно возросшего потока пациентов и перепрофилирования больниц под инфекционные госпитали на помощь были призваны студенты старших курсов и недавние выпускники медицинских вузов, ординаторы, не имевшие опыта работы до начала пандемии. По данным Минздрава, к концу 2020 г. для работы в «красных зонах» было привлечено более 20 тыс. медиков-студентов, которые занимают должности младшего и среднего медицинского персонала, врачей-стажеров и врачей-специалистов [1].

Кроме того, в условиях институциональных трансформаций сферы здравоохранения начинают трудовую деятельность и медики-студенты, работающие в учреждениях, не перепрофилированных на оказание помощи пациентам с коронавирусной инфекцией: поликлиниках, больницах, родильных домах.

В данной статье предлагается анализ социального самочувствия медиков, профессиональное становление которых проходит в условиях пандемии коронавируса. Социальное самочувствие в рамках субъективистской методологии понимается как эмоционально-оценочное восприятие представителями профессионального медицинского сообщества своей настоящей жизнедеятельности в контексте

прошлого, настоящего и ожидаемого будущего [2, 3]. По О.Н. Суняйкиной, интегральными критериями социального самочувствия являются: «1) уровень жизни: доход, материальное положение, обеспеченность, занятость и безработица, гарантированность социальной защиты; 2) эмоционально-психологическое состояние; 3) социальные самоощущения: идентификация, состояние комфортности, социальные ценности; 4) жизненные и адаптационные стратегии; 5) самооценка потенциала: профессионального, социального опыта, личностных качеств» [4, с. 98].

Эмпирической базой анализа социального самочувствия выступают результаты качественного исследования, проведенного социологами Южного федерального университета в период с октября 2020 г. по февраль 2021 г. Было проведено 40 глубинных интервью с врачами и средним медперсоналом, работающим в государственных учреждениях здравоохранения г. Ростове-на-Дону (далее по тексту — Рн/Д) и других населенных пунктах Ростовской области (далее — РО): Азове, Гуково, Сальске, Таганроге, Шахтах и др. В число информантов были включены как медики, не имеющие опыта работы до пандемии или работавшие на март 2020 г. менее 1 года, так и опытные медики, трудоустроенные в моноинфекционных госпиталях (далее — МИГ), инфекционных отделениях больниц, ковидных бригадах скорой помощи, а также не работающие с пациентами с коронавирусной инфекцией. Интервью проходили в очном и дистанционном формате по видеосвязи (Skype/WhatsApp/Zoom).

Анализ эмпирических материалов показал, что медики, профессиональное становление которых происходит в период пандемии, высоко либо нейтрально оценивают удовлетворенность своей жизнью в целом: *Меня устраивает и мое семейное положение, и профессиональное. Там, где я сейчас прохожу практику, меня тоже все устраивает* (врач МИГ, 24 г., жен., Рн/Д). Информанты, работающие в «красных зонах», отмечают, что выплаты стали хорошим подспорьем для улучшения социально-экономического положения: *Уровень моей заработной платы увеличился, потому что я стала официально работать в ковидном госпитале. До этого я получала только стипендию ординатора,*

которая составляет приблизительно 8 тысяч рублей, чуть меньше (врач МИГ, 25 лет, жен., Рн/Д). Дополнительные выплаты выступили важным фактором при принятии решения о работе с коронавирусной инфекцией, однако при этом медики понимают временный характер этой меры поддержки: *Как только перестанут платить выплаты, я думаю, никто не будет работать в таких условиях. Мои коллеги жалуются, что у всех полно кредитов, ипотеки, и только сейчас у них появилась возможность их закрыть* (медсестра МИГ, 22 г., Рн/Д).

Медики, не работающие с коронавирусной инфекцией, в интервью рассказывали, что уровень их заработной платы на фоне пандемии временно снижался: *Сначала он был нормальный, я получал столько же, сколько и до пандемии, а затем он уменьшился. Вот. Были несколько нюансов, не до конца понятных, связанных с управлением, но это отдельный вопрос. Потом постепенно выравнивалась, и сейчас, и последние месяцы 3–4 у меня уровень, который был до пандемии* (медбрат в роддоме, 22 г., Рн/Д). В отличие от врачей и медсестер, работающих в «красных зонах», они не удовлетворены уровнем оплаты труда, и особенно это характерно для медиков, работающих в небольших городах и сельской местности Ростовской области: *Зарплата врачей несоизмерима с их трудом. Я вижу, как работает участковый врач, какая у него нагрузка, сколько работают медсестры. Те деньги, которые они получают, это вообще не оплата их труда. Своей оплатой я тоже не удовлетворена* (медсестра в детской поликлинике, 22 г., РО).

Работающие медики-студенты и ординаторы отмечают, что удовлетворены тем, как питаются и одеваются, однако жилищные условия остаются проблемным вопросом, который информантам еще предстоит решать. Даже с учетом выплат они не могут позволить себе покупку собственного жилья: *У меня нет возможности приобрести самостоятельно жилье или снять отдельное от родителей жилье, сейчас я полностью завишу от них. И даже с моим новым местом работы, с новой зарплатой у меня сейчас еще недостаточно накоплений* (врач МИГ, 25 лет, жен., Рн/Д). Молодые специалисты склонны рассчитывать в этом вопросе на свои силы

и помощь родителей: *На самом деле рассчитываю только на себя, нет таких мыслей, что мне кто-то должен в этом помочь или обязан* (медсестра, 23 г., Рн/Д). Государственные программы эффективным механизмом поддержки информанты не считают, поскольку они предполагают работу в сельской местности (например, программа «Земский доктор»): *После окончания университета можно уехать в сельскую местность, там будет предоставляться оплата и, по-моему, жилище, квартира там или дом. Я рассматривал такой вариант, но не хотелось бы. Все-таки хотелось бы в крупных городах устроиться* (медбрат МИГ, 21 г., Рн/Д). О других программах поддержки медиков на национальном и региональном уровне информанты оказались не осведомлены.

Медики моноинфекционных госпиталей осознают временный характер своей занятости, некоторые информанты сообщали, что скоро лишатся работы: *Уже намечаются сокращения, и собственно, я под них попаду, потому что у нас у всех срочный контракт, всех предупредили, что как только пандемия закончится, нас всех будут увольнять. Не всех, но основную массу* (медбрат МИГ, 21 г., Рн/Д). Будущий переход на «обычную» зарплату врача после высокооплачиваемой работы в госпитале также вызывает беспокойство: *Сложно будет перейти с такой зарплаты на обычную работу. Конечно, там выплаты будут не такие. Вот в этом и есть загвоздка, переход такой* (врач МИГ, 24 г., жен., Рн/Д); *Пандемия закончится, и нам снова понизят зарплаты в 10 раз. Уверенности в завтрашнем дне не хватает* (медбрат МИГ, 20 лет, муж., Рн/Д).

Будущая карьера и сложности трудоустройства после окончания учебного заведения являются причиной переживаний для медиков, профессиональное становление которых происходит в период пандемии, независимо от места работы на момент проведения интервью: *Сейчас все подпадают под сокращение, закрываются госпитали, отделения, потому что резкий спад заболеваемости идет. Еще год назад такой конкуренции не было, можно было прийти в любую больницу и устроиться на работу* (врач МИГ, 27 лет, муж., РО); *Меня беспокоят финансовые риски, что я, получив профессию, не могу зарабатывать*

достаточно, чтобы обеспечить на 100 % семью (медсестра в детской поликлинике, 22 г., РО). Впрочем, кардинально менять сферу деятельности они не настроены и разочарования в выбранной профессии не испытывают: *Нет, все-таки 6 лет в универе не для того я буду учиться, чтобы уйти куда-то еще. Я планирую оставаться здесь* (медбрат МИГ, 21 г., Рн/Д).

Информанты из числа среднего медперсонала ориентированы на продолжение обучения в ординатуре, а врачи — на работу по специальности, получаемой в ординатуре, поэтому работа с ковид-пациентами является для них временной формой занятости, с которой они не связывают дальнейшую карьеру. Для среднего медицинского персонала работа в моноинфекционных госпиталях также является возможностью получить дополнительные баллы при поступлении в ординатуру, которое представляется непростым в условиях отсутствия бюджетных мест: *Так получилось, что я попала сюда, и это может мне помочь поступить в ординатуру, дать дополнительные баллы. <...> Бюджетных мест сейчас как таковых нет, только целевые и платные. Сейчас все выпускники пытаются получить целевое, поэтому будут некоторые сложности* (медсестра МИГ, 22 г., Рн/Д).

Вместе с тем материальная поддержка и баллы для поступления в ординатуру не являются единственными мотивами работы в «красных зонах» для молодых специалистов. Гуманистические мотивы, желание помогать людям оказались важны не только при выборе профессии, но и в момент принятия решения о работе в условиях повышенных рисков: *Я хотела быть полезной обществу и выбрала профессию врача. По зову сердца* (врач МИГ, 24 года, жен., Рн/Д). Далее о решении работать с ковид-пациентами информант говорит так: *Если честно, это было очень легко, то есть я вообще не боялась этого, абсолютно, даже с неким интересом шла туда работать. Очень не хватало людей, поэтому на зов пошла. Другим важным мотивом выступает получение опыта работы в сложных условиях и причастность к глобальному уникальному событию: Это что-то новое, интересное. Не поймите меня неправильно, я против того, чтобы люди стра-*

дали, но я рад все-таки, что побыл в «красной зоне», посмотрел на все, как лечить это. В плане образования и саморазвития мне это очень даже понравилось (врач МИГ, 27 лет, муж., РО); Это все-таки такое событие, которое не повторяется. <...> Я могу поставить галочку в своей биографии, что я была причастна к этой работе (врач МИГ, 25 лет, жен., Рн/Д).

Риски заражения коронавирусной инфекцией на рабочем месте медиками МИГ в интервью не акцентировались, и в большей степени информанты при принятии решения о работе беспокоились о том, что подвергают опасности свою семью. Чтобы обезопасить членов семьи, информанты снимают отдельное жилье на период работы и ограничивают контакты с родными: *Родители в возрасте, и я переживала, что могу привезти инфекцию домой. Я в отдельной квартире жила, чтобы ездить работать отдельно и не видеть родителей. Я очень долго родителей не видела* (врач МИГ, 24 г., жен., Рн/Д). На рабочем месте работники госпиталей чувствуют себя безопасно, поскольку на момент проведения интервью уже были полностью обеспечены средствами индивидуальной защиты: *СИЗы в достаточном количестве: респираторы, скафандры, шапочки, очки. С этим прямо шикарно все. <...> Костюмы всегда абсолютно чистые, не было такого, что скомкали, положили, кинули куда-нибудь, все разграничено* (врач МИГ, 27 лет, муж., РО).

Об опасности заражения в интервью говорили медики, не работающие напрямую с коронавирусными больными и не обеспеченные средствами защиты: *Не учитывается то, что коронавирусные больные могут прийти в поликлинику, пройти по коридору, сходить в один, другой кабинет. Почему-то вот это не считается за контакт медицинского работника с больным. И это я считаю главной несправедливостью в данный момент* (медсестра детской поликлиники, 22 г., РО).

Медики, чей профессиональный старт произошел в период пандемии, опыт работы в моноинфекционных госпиталях оценивают как «боевое крещение», «самопожертвование», «бой», работу в «огне», на которую они пришли «как зеленые студенты» и где «трудились не покладая рук», работая с па-

циентами, находящимися «на грани жизни и смерти», а затем «с чувством выполненного долга» шли домой. Работа в госпитале расценивается как закалка характера: *Пока молодой, энергичный, можно в таких условиях поработать. У меня такое представление, что если пройти через огонь и воду, то другие условия тебе уже будут казаться детскими* (медбрат МИГ, 21 г., Рн/Д).

В сложных условиях работы медики испытывали усталость: *Дикая усталость, было не до смеха, не до радости, просто хотелось отдохнуть* (врач МИГ, 24 г., жен., Рн/Д), однако истощение и симптомы профессионального выгорания информантами не фиксировались. В качестве потенциального фактора выгорания в условиях пандемии один из информантов отметил непредсказуемость течения болезни, малоизученность инфекции: *Частая смерть пациентов, которая от тебя никоим образом не зависит. <...> В связи с этим возможен элемент профессионального выгорания, плюс на фоне постоянной усталости, отсутствия выходных* (врач МИГ, 25 лет, жен., Рн/Д).

Работая в госпиталях, медики-студенты и ординаторы почувствовали уважение к своей профессии, как со стороны пациентов, так и со стороны родственников и друзей: *Со стороны обычных людей идет волна благодарности, внимания, которого раньше не было. Люди острее понимают, что находятся в опасности, имеют дело с болезнью, от которой могут умереть, и начинают больше ценить труд медиков* (врач МИГ, 25 лет, жен., Рн/Д); *Друзья поддерживали, какая-то гордость была за меня* (врач МИГ, 24 г., жен., Рн/Д).

Еще одним фактором позитивной оценки опыта работы в моноинфекционных госпиталях выступила атмосфера взаимопомощи в трудовом коллективе, ощущение сплоченности перед общей проблемой: *Это лучший коллектив, и, наверное, такого места работы у меня уже не будет. Молодой коллектив, мы, скажем так, были все на равных, все дружелюбные, очень хорошие ребята, правда, простые, без зависти. Я не знаю, как объяснить. Когда мы уходили, мы плакали* (врач МИГ, 24 г., жен., Рн/Д). Пандемия стала фактором активизации наставничества, передачи навыков практической работы от опытных

врачей молодым: *Я боялась, что коллектив будет плохой, тем более, я еще ничего не умела. Но меня всему научили, очень хорошо относились ко мне даже поначалу, а сейчас относятся ко мне на равных. Если я чего-то не знаю или не умею, мне всегда подскажут* (медсестра МИГ, 22 г., Рн/Д). В то же время начинающие специалисты, не работающие с коронавирусной инфекцией, испытывают трудности при вхождении в устоявшиеся коллективы поликлиник и больниц: *Скажем так, каждый сам за себя, сам по себе* (медсестра, 23 г., Рн/Д); *Работа в коллективе дается мне не очень просто. Новеньких людей воспринимают так, будто ты совсем молодой и совсем ничего не умеешь* (медсестра в детской поликлинике, 22 г., РО).

Общим для всех студентов и ординаторов изменением в жизни в период пандемии стал переход на дистанционный формат обучения. Отсутствие доступа в медучреждения в рамках практических занятий информантами оценивается негативно в перспективе профессионального развития: *Мы до сих пор полностью на дистанционном обучении, а в моей профессии невозможно получить знания без стационара, без пациентов, без клиники* (медсестра МИГ, 22 г., Рн/Д); *С началом пандемии многие заведения закрылись, осталось все на уровне теории, а знания без практики ни к чему хорошему не приведут* (медбрат в роддоме, 22 г., Рн/Д). Некоторые информанты видят в этом формате возможности для самообразования при наличии мотивации и самодисциплины: *Не нужно тратить время на дорогу на пары, из-за этого освобождается довольно большой кусок времени, в который ты можешь либо работать, либо читать литературу. <...> Если студент хочет слушать лекцию, он будет и в дистанционном формате ее слушать, а если не хочет, то даже если он будет сидеть перед преподавателем, никто его не сможет заставить и внушить ему это* (медсестра в детской поликлинике, 22 г., РО).

Таким образом, пандемия оказала положительное влияние на социальное самочувствие медиков, первым местом работы которых стали моноинфекционные госпитали: они смогли, хоть и временно, улучшить свое социально-экономическое положение, получить уникальный опыт работы, ощутили по-

вышение престижа своей профессии. Работа с пациентами с коронавирусной инфекцией дала быстрый профессиональный старт и способствовала развитию наставничества в условиях необходимости быстрой подготовки специалистов и мобилизации ресурсов. Медики, начавшие работать в период пандемии в учреждениях, не перепрофилированных для оказания медицинской помощи пациентам с коронавирусной инфекцией, своими доходами и условиями работы не удовлетворены, притом что также работают в ситуации повышенных эпидемиологических рисков. Независимо от места работы медики ориентированы на дальнейшее профессиональное развитие, однако испытывают беспокойство по поводу будущего трудоустройства и возможности финансово обеспечить свою семью.

Литература

1. «Это поможет мне в будущем»: студенты медицинских вузов о том, как на них сказалась работа в пандемию [Электронный ресурс] // RT на русском. — Режим доступа: <https://russian.rt.com/russia/article/808749-studenty-mediki-koronavirus>.

2. Vyalykh N. A., Nor-Areyyan O. A., Posukhova O. Y., Mosienko O. S., Cherevkova A. I. Methodological matrix for sociological study of social well-being of the professional medical community during a complex epidemiological situation // Turismo: Estudos&Práticas (UERN), Mossoró/RN, Caderno Suplementar 01, 2021.

3. Вялых Н.А. Факторы социального самочувствия профессионального медицинского сообщества в условиях пандемии нового коронавируса // Гуманитарий Юга России. — 2021. — Т. 10. — №1. — С. 102–110.

4. Суняйкина О.Н. Понятие «социальное самочувствие» в социологии // Вестник Мордовского университета. — 2011. — №3. — С. 98–101.

Referenses

1. «Jeto pomozhet mne v budushhem»: studenty medicinskih vuzov o tom, kak na nih skazalas' rabota v pandemiju [«This will help me in the future»: students of medical universities about how they were affected by work in the pandemic] [Elektronnyj resurs] // RT na russskom [RT in

Russian]. — URL: <https://russian.rt.com/russia/article/808749-studenty-mediki-koronavirus>.

2. *Vyalykh N.A., Nor-Arevyan O.A., Posukhova O.Y., Mosienko O.S., Cherevkova A.I.* Methodological matrix for sociological study of social well-being of the professional medical community during a complex epidemiological situation // Turismo: Estudos&Práticas (UERN), Mossoró/RN, Caderno Suplementar 01, 2021.

3. *Vjalyh N.A.* Faktory social'nogo samochuvstviya professional'nogo medicinskogo soo-

bshhestva v usloviyah pandemii novogo koronavirusa [Factors of social well-being of the professional medical community in the conditions of the new coronavirus pandemic] // Gumanitarij Juga Rossii. — 2021. — Vol. 10. — №1. — Pp. 102–110.

4. *Sunjajkina O.N.* Ponjatie «social'noe samochuvstvie» v sociologii [The concept of «social well-being» in sociology] // Vestnik Mordovskogo universiteta [Bulletin of the Mordovian University]. — 2011. — №3. — Pp. 98–101.

Поступила в редакцию

28 марта 2021 г.

Черевкова Алена Игоревна — аспирант, стажер-исследователь Института социологии и регионоведения Южного федерального университета.

Cherevkova Alena Igorevna — Postgraduate Student, Research Assistant, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University.

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160
160 Pushkinskaya st., 344006, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: yaitskova_a@mail.ru

УДК 101:304.2

10.17213/2075-2067-2021-3-102-109

РОЛЬ РЕЛИГИИ В СТОЛКНОВЕНИИ КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ КОНФЛИКТОВ

© 2021 г. Н. А. Шилина*, В. А. Черярин*, С. И. Самыгин**

**Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия*

***Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
г. Ростов-на-Дону, Россия*

Целью исследования является определение роли религии в столкновении культурно-цивилизационных конфликтов, выявление причин религиозных конфликтов и параллельное проведение аналитической деятельности на основе исследовательских работ с целью разработки приемов превентивного недопущения и разрешения религиозных конфликтов.

Методологическую базу исследования представляет опыт создателя теории столкновения цивилизаций С. Хантингтона и концепция глобализации, которая усиливает теорию столкновения цивилизаций.

Результаты исследования выражаются в следующих постулатах: 1) конфликты между культурами и цивилизациями неизбежны и религия играет в них важную роль; 2) религия сама является мощным источником для порождения культурно-цивилизационных конфликтов; 3) религия может стать триггером конфликтов в странах, принадлежащих к одной цивилизации; 4) религиозные различия могут расколоть одну отдельно взятую страну.

Перспективу исследования составляет дальнейшее конфликтологическое исследование приобретаемого опыта воюющих стран в поиске и внедрении новых инструментов принесения мира.

Ключевые слова: религия; конфликты; культура; культурные ценности; культурно-цивилизационные конфликты; столкновения цивилизаций; Хантингтон.

THE ROLE OF RELIGION IN THE CLASH OF CIVILIZATIONAL CONFLICTS

© 2021 N. A. Shilina*, V. A. Cheryarin*, S. I. Samygin**

**Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia*

***Rostov State University of Economics (RSUE), Rostov-on-Don, Russia*

The purpose of the study is to definition of the role of religion in the clash of cultural and civilizational conflicts, the identity of the causes of religious conflicts and, in parallel, to conduct analytical activities based on research work, in order to develop methods of preventive prevention and resolution of religious conflicts.

The methodological basis of the research is represented by the experience of the creator of the theory of the clash of civilizations, S. Huntington and the concept of globalization, which reinforces the theory of the clash of civilizations.

The research results are expressed in the following postulates: 1) conflicts between civilizations are inevitable and religion plays an important role in them; 2) religion itself is a powerful source

of conflict; 3) religion can become a trigger of conflicts within countries belonging to the same civilization; 4) religious differences can split one separate country.

The prospect of the research is a further conflictological study of the experience gained by the belligerent countries in the search and implementation of new tools for bringing peace.

Key words: religion; conflicts; culture; cultural values; cultural and civilizational conflicts; clashes of civilizations; Huntington.

Введение. В настоящее время религия интегрирована практически во все сферы жизни человека и социальные институты. В связи с этим все конфликты, которые касаются человека, отражаются в религии. Целесообразно указать, что существуют и обратная связь: если конфликты связаны с религией, то они могут перерасти и в социальные конфликты, оказать негативное влияние на общественные отношения [1].

Сегодня смысл религиозности трансформируется. Данные изменения обусловлены трансформациями, которые наблюдаются как в самом мировом сообществе, так и в сознании населения [2].

Религиозные конфликты приводят к военным, вооруженным конфликтам, которые уничтожают государства, изменяют границы, перекраивают карты, разрушают семьи и общество в целом. Также религиозные конфликты раскалывают объединения, создают почву для нетерпимости и насилия. Разумеется, всем будет лучше, если деструктивных конфликтов удастся избежать. Даже правители стран зачастую вынуждены идти на поводу у огромных фанатичных масс, появление которых является еще одним следствием религиозных конфликтов. Фанатизм запускает в движение механизмы, перемалывающие в труху судьбы людей, которым не повезло попасть под него. Для фанатиков никто, кроме священнослужителей, не имеет ни малейшего авторитета. Но и священники могут быть запросто убиты фанатиками, если совершат непотребные, по их мнению, действия.

Специфика религиозных конфликтов. Религиозные конфликты исследуются учеными из разных областей науки. Психологи, социологи, политологи, конфликтологи, историки обращаются к данной проблематике, делая эту тему междисциплинарной. В рамках

каждой из наук исследователи находят свои аспекты данного поля исследования и рассматривают религиозные конфликты при помощи различных теоретических подходов.

Многие исследователи отмечают, что религиозные конфликты являются видом социальных конфликтов [3]. Элементы, которые входят в структуру религиозных конфликтов, обладают религиозными основаниями [4].

Причинами религиозных конфликтов могут стать разные факторы как внутреннего, так и внешнего характера.

Чаще всего исследователи подразумевают под религиозными конфликтами противостояние людей, которые представляют различные вероисповедания, или же противоречия, возникающие в группе людей — представителей одного вероисповедания. Основой религиозного конфликта может быть нетерпимость к идеям чужой культуры [5].

В рамках данной работы религиозный конфликт подразумевает под собой столкновение представителей, обладающих разными религиозными взглядами. Эти столкновения связаны с тем, что данные представители стремятся реализовать свои интересы через воздействие на властные структуры.

Основной особенностью религиозных конфликтов является то, что они затрагивают не только социально-политическую и экономическую жизнедеятельность, но, прежде всего, духовную, социокультурную жизнь людей, организуются в т.н. новые религиозные движения [6, 7, 8]. По мнению И. В. Лучшевой, религиозный конфликт может приобрести политический контур, если взаимодействие акторов происходит в определенных общественно-политических и социально-экономических условиях [1].

Столкновение цивилизаций в концепции С. Хантингтона. Какие объективные об-

стоятельства способствовали формированию концепции Сэмюэля Хантингтона? Для ответа на данный вопрос необходимо обратить взор на столкновение цивилизаций в творчестве этого ученого.

Американский политолог С. Хантингтон разработал концепцию столкновения цивилизаций в 1993 г. и развивал ее вплоть до ухода из жизни в 2008 г. В данной концепции узловым элементом теоретических построений и измышлений ученого является культура. Ученый небезосновательно полагал, что глобальные трансформации влияют на перестройку мирового порядка. Глобальные трансформации происходят из-за изменений, которые настигают государственные структуры, а также из-за ценностных трансформаций [9]. Данные обстоятельства оказывают влияние на социокультурную идентичность, источники которой заложены в самом человеке. По мнению М. Н. Коротковой, люди очень часто испытывают недоверие к тем, кто обладает отличительными от них признаками, так как считают, что это может являться причиной угрозы их жизни или здоровью [10]. Так происходит и среди современных государств. В настоящее время одной из особенностей мировой глобализации выступает недоверие государств друг другу. Следует отметить тот факт, что при разрешении одного конфликта могут быть запущены новые конфликты, которые начнут действовать с еще большей силой. По мнению С. Хантингтона, одним из главных врагов западной цивилизации выступает исламская цивилизация [11].

По мнению С. Хантингтона, причина многих конфликтов кроется в культуре, возникшей после того, как в мире произошел распад социалистической системы [11]. Данный исследователь полагал, что любой глобальный конфликт неминуемо будет завершаться конфликтом цивилизаций [12].

С. Хантингтон подчеркивал ведущую роль религии в культурно-цивилизационных конфликтах. Он считал, что в ближайшем будущем конфликты между нациями-государствами сменятся конфликтами между цивилизациями. Всего он выделил десять цивилизаций: западную цивилизацию, латинскую цивилизацию, японскую цивилизацию, синскую цивилизацию, буддийскую цивилизацию, индуистскую цивилизацию, исламскую цивилизацию,

православную цивилизацию и цивилизацию англоязычных стран Карибского бассейна. Хантингтон подчеркивал, что причиной этого являются следующие различия между цивилизациями: язык, культура, культурные ценности, традиции и религия [11].

С. Хантингтон подчеркивал также, что религия является ключевым различием между цивилизациями, говоря о том, что люди разных цивилизаций по-разному смотрят на отношения между Богом и человеком, индивидом и группой, гражданином и государством. Люди разных религиозных взглядов чаще всего имеют совершенно разные представления о равенстве, иерархии, праве и обязанности. С. Хантингтон справедливо отмечал, что такие различия формируются в течение многих веков и не исчезнут в ближайшее время [11].

Теория «столкновения цивилизаций» во взаимосвязи с концепцией глобализации. В связи с тем, что современные государства приступили к поиску нового врага для того, чтобы консолидироваться в борьбе с этим врагом за глобальные ресурсы географического пространства, появляется теория столкновения цивилизаций. Данное обстоятельство в очередной раз подчеркивает идеи С. Хантингтона, связанные с тем, что столкновение цивилизаций обязательно приводит к экспансии Запада. По мнению исследователя Н. А. Комлева, «западная сверхдержава и ее союзники обладают мощью, не встречающей равнозначного глобального противодействия, т.е. могут навязывать свои ценности и экономические проекты своим суперкорпорациям всем остальным. Теоретическим подкреплением глобальной экспансии Запада является концепция глобализации» [12, с. 36]. Глобализационная концепция оказывает влияние на теорию столкновения цивилизаций. Исходя из этого, политика Запада — это следствие объективного закона глобальной взаимозависимости экономик и культур.

В своей монографии С. Хантингтон подчеркивал: «Подстегиваемая модернизацией, идет перестройка глобального политического пространства по культурному принципу. Народы и страны родственных культур сближаются. Народы и страны различных культур, напротив, отдаляются друг от друга.

Союзы и блоки, определившиеся идеологией и отношениями сверхдержав, сменяются союзами, диктуемыми принадлежностью к той или иной культуре и цивилизации. Ускоряются процессы, направленные на приведение политических границ в соответствие с культурными. Сообщества, объединяемые общей культурой, приходят на смену блокам времен холодной войны, а линии тектонических разломов между цивилизациями становятся осями противостояний и столкновений мировой политики» [11, с. 27].

С. Хантингтон повествовал о том, что конфликты на почве религии намного более остры, чем все прочие. Эти конфликты усугубляются тем, что нельзя одновременно принадлежать к двум и более вероисповеданиям, а остроты им придает то, что за неправильный ответ на вопрос, к какой религии вы принадлежите, можно подвергнуться репрессии. Кроме того, страны и нации разных государств, принадлежащие к одной цивилизации и имеющие общую религию, зачастую спланиваются против иноверцев и стран других цивилизаций [11].

Данное обстоятельство прослеживается и в экономике. Например, многие страны стали вести экономическое сотрудничество на почве мусульманской религии (Иран, Пакистан, Турция и другие). Также можно привести еще один пример: связь Китая и Гонконга укрепились за счет общности культуры. Идеологические различия вытесняются за счет общности культур.

Также прослеживается усиление экономического регионализма. Отметим, что за девятилетний период с 1980 г. по 1989 г. доля внутрирегиональной торговли возрастает на несколько процентов: в Европе на 9%, в Юго-Восточной Азии на 7%, в Северной Америке на 4%. Таким образом, можно отметить, что наблюдается экономический регионализм.

Хантингтон также отмечал, что после конца холодной войны идеология перестала быть причиной конфликтов, уступив место религии и культуре. По мнению ученого, разногласия по поводу прав человека, эмиграции, возникают из-за определенных различий людей.

С. Хантингтон полагал, что существует два уровня, на которых разворачивается конфликт. Нижний уровень показывает, что люди

борются за территории и ресурсы, а на верхнем уровне государства с разными религиями стараются захватить власть друг над другом и над другими государствами.

Например, если раньше во время холодной войны в кровопролитии в Европе играли решающую роль политические и идеологические мотивы, то после падения «железного занавеса» Европа оказалась разделена на несколько блоков: блок западного христианства, православный блок и исламский блок.

Несмотря на религиозные противоречия, протестанты и католики имеют общий исторический опыт и схожесть экономик, что предопределяет их сближение. Этот пример наиболее ярко иллюстрирует, что даже религиозную вражду можно преодолеть при наличии определенных условий. По сути, некогда разделивший Европу «железный» занавес сменился «бархатным» занавесом.

Попытки обратить иноверцев в свою религию совершались неоднократно. Примером этого можно считать и походы арабов в Европу, и крестовые походы, совершавшиеся с XI по XIII вв., и походы турков-османов, дважды осаждавших Вену, и колонизацию стран Африки и Америки. Запад долгое время удерживал большое количество этих стран в кабальной зависимости и выкачивал из них ресурсы. Но сейчас все изменилось: колониальные империи канули в прошлое, началась ответная реакция, выражающаяся в росте терроризма [13, 14]. Сам же Запад оказался в зависимости от стран Персидского залива, которые снабжают его нефтью. В то же время Запад создает государство Израиль для противовеса арабским странам. В 1956 г. произошло вторжение западных войск в Египет. 1958 г. хранит в себе события вторжения американцев в Ливан, после чего они часто туда вторгались. А в 1990 г. противостояние дошло до точки кипения. США отправили в Персидский залив войска, чтобы защищать одних арабов от других. Этот пример наглядно показывает, что общность религии и культуры вовсе не гарантирует мира и сближения между странами.

Вооруженная борьба между западными странами и исламским миром не сбавляет обороты. Присутствие вооруженных сил Запада в Персидском заливе задело за живое многих арабов и породило у них чувство обиды.

Демографическая обстановка также даёт о себе знать. Резкий рост населения Северной Африки и повальная эмиграция оттуда в Европу вызывают резкое неприятие и рост расистских настроений. В то же время в Европе смягчаются настроения по отношению к другим мигрантам. Всё это лишь усугубляет конфликт между Западом и Исламскими странами. Но этот конфликт не ограничивается противостоянием арабов с Европой и США. С древности можно наблюдать взаимодействие арабо-исламской цивилизации с чернокожим населением Юга — представителями язычества и христианства, что можно наблюдать в рамках восстаний в Чаде, в войне в Нигерии. Ещё раньше всё это воплощалось в конфликтах между арабами-работорговцами и их жертвами. Но это противостояние резко обострилось после речи папы Иоанна-Павла II в феврале 1993 г. в Хартуме, который в своем выступлении раскритиковал антихристианские действия, предпринимаемые суданским правительством. Этот пример доказывает, сколь высокую роль играют религиозные лидеры в подобных конфликтах.

Но противостояние православных и мусульман происходит и в других местах: столкновения в Боснии и Сараево, военные действия между Арменией и Азербайджаном, Осетией и Ингушетией, военные действия российских войск на территории Кавказа и Средней Азии. Именно религия становится яблоком раздора в рамках этнической самоидентификации [15, 16, 17].

Однако в других азиатских местах тоже существуют подобные конфликты. Например, в Индии, конкурирующей с Пакистаном из-за религиозных соображений, прослеживается усиление в борьбе таких группировок, как радикальные индуистские и мусульманское меньшинство. Вспомним событие, которое произошло в конце 1992 года, когда была разрушена мечеть Айодха. Именно тогда возник вопрос, связанный с тем, сможет ли Индия остаться светским и демократическим государством, или же это событие повлечет то, что Индия станет индуистским. В то же время Китай беспощаден в Тибете и жесток по отношению к религиозным меньшинствам. А противоречия между Китаем и США по самым разным вопросам только усиливаются, что непременно приведёт к конфрон-

тации этих двух держав. Кроме того, между Японией и США имеется экономический конфликт, который только подогревается религиозными различиями. Экономические различия США с Европой не менее глубоки, однако ввиду общей религии и культуры, намного менее остры. Это показывает, что экономические разногласия также зависят от культурно-религиозной составляющей.

Заключение. Таким образом, столкновение цивилизаций становится доминирующим фактором мировой политики, и религия с ее религиозными ценностями играет крайне важную роль в столкновениях между цивилизациями, странами, группировками и отдельными людьми. Единоверцы часто готовы помогать друг другу, в том числе в войне с теми, кого они считают неверными. И в то же время люди разных религий вызывают друг у друга раздражение, формируя протестные настроения и перерастая в вооруженные конфликты. Из всего сказанного выше следует, что религиозные конфликты неискоренимы, а обратить весь мир в одну религию не представляется возможным.

Литература

1. *Лучиева Л. В.* Религиозные отношения и религиозный конфликт // Вестник экономики, права и социологии. — 2017. — №4. — С. 283–286.
2. *Сидоренко Н. С.* Особенности исследования религии в современном обществе // Научный вестник Южного института менеджмента. — 2014. — №3. — С. 93–98.
3. *Гафиагулина Н. Х., Самыгин С. И.* Социальная коммуникация в профилактике конфликтов. Учебно-методическое пособие для студентов. — М., 2021.
4. *Матецкая А. В., Самыгин С. И., Эгильский Е. Э., Морозова О. М.* Религиоведение учебное пособие. — Ростов-на-Дону, 2009.
5. *Shakhbanova M. M., Velikorodnaya I. V., Starostin A. M., Tishkin D. N., Samygin S. I.* The factors of escalation of ethno-political tension in the south of Russia // Public Administration and Regional Management in Russia. Challenges and Prospects in a Multicultural Region. Ser. «Contributions to Economics». — Switzerland, 2020. — P. 405–415.

6. Васильева Е. Н. Новые религиозные движения: понятие и специфика // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. — 2016. — №1. — С. 1–11.

7. Гафиатулина Н. Х., Самыгин С. И. Религиозные установки как элемент управления ценностными ориентациями современной молодежи // Экономические проблемы России и региона. Ученые записки. Ростовский государственный экономический университет (РИНХ). — Ростов-на-Дону, 2019. — С. 217–225.

8. Белов М. Т., Гафиатулина Н. Х., Самыгин С. И. Управление религиозными ориентирами в сознании современной молодежи // Экономические проблемы России и региона. Ученые записки. Ростовский государственный экономический университет (РИНХ). — Ростов-на-Дону, 2019. — С. 186–193.

9. Кирсанов А. И. С. Хантингтон о «столкновении цивилизаций» в контексте глобальных трансформаций // Философия и общество. — 2008. — №3. — С. 32–43.

10. Короткова М. Н. «Столкновение цивилизаций» С. Хантингтона: в поисках идентичности в современном мире // Вестник Пермского университета. — 2011.

11. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? — М., 2003. — 603 с.

12. Комлева Н. А. Концепция столкновение цивилизаций: прагматический аспект // Пространство и Время. — 2011. — №2 (4). — С. 35–37.

13. Гафиатулина Н. Х., Брусенцева Д. М. Террористическая деятельность: существенные признаки и факторы детерминации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2018. — №3. — С. 23–25.

14. Гафиатулина Н. Х., Топорков Г. А. Модель преступного поведения: социологический анализ // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2018. — №5. — С. 25–27.

15. Самыгин С. И., Верецагина А. В., Рачина А. В. Вызовы и угрозы религиозного радикализма национальной безопасности постсекулярных обществ // Экономические и гуманитарные исследования регионов. — 2016. — №2. — С. 103–107.

16. Семенюк А. В. Международные вооруженные конфликты и пути их урегулирования: методологические аспекты изучения проблемы // Вестник Пермского университета. — 2016. — №3. — С. 109–124.

17. Касьянов В. В., Самыгин С. И., Шилина Н. А. Социокультурные последствия российской революции // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2017. — №10.

References

1. Luchsheva L. V. Religioznye otnosheniya i religioznyj konflikt [Religious relations and religious conflict] // Vestnik jekonomiki, prava i sociologii [Bulletin of Economics, Law and Sociology]. — 2017. — №4. — Pp. 283–286.

2. Sidorenko N. S. Osobennosti issledovaniya religii v sovremennom obshhestve [Features of the study of religion in modern society] // Nauchnyj vestnik Juzhnogo instituta menedzhmenta [Scientific Bulletin of the Southern Institute of Management]. — 2014. — №3. — Pp. 93–98.

3. Gafiatulina N. H., Samygin S. I. Social'naja kommunikacija v profilaktike konfliktov. Uchebno-metodicheskoe posobie dlja studentov [Social communication in conflict prevention. Educational and methodical manual for students]. — Moscow, 2021.

4. Mateckaja A. V., Samygin S. I., Jegil'skij E. Je., Morozova O. M. Religiovedenie uchebnoe posobie [Religious studies textbook]. — Rostov-on-Don, 2009.

5. Shakhbanova M. M., Velikorodnaya I. V., Starostin A. M., Tishkin D. N., Samygin S. I. The factors of escalation of ethno-political tension in the south of Russia // Public Administration and Regional Management in Russia. Challenges and Prospects in a Multicultural Region. Ser. «Contributions to Economics». — Switzerland, 2020. — P. 405–415.

6. Vasil'eva E. N. Novye religioznye dvizheniya: ponjatie i specifika [New religious movements: the concept and specifics] // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina [Bulletin of the Leningrad State University named after A. S. Pushkin]. — 2016. — №1. — Pp. 1–11.

7. Gafiatulina N. H., Samygin S. I. Religioznye ustanovki kak jelement upravlenija cennoznymi orientacijami sovremennoj molodezhi

[Religious attitudes as an element of management of value orientations of modern youth] // *Jekonomicheskie problemy Rossii i regiona. Uchenye zapiski. Rostovskij gosudarstvennyj jekonomicheskij universitet (RINH)* [Economic problems of Russia and the region. Scientific notes. Rostov State University of Economics (RSUE)]. — Rostov-on-Don, 2019. — Pp. 217–225.

8. *Belov M. T., Gafiatulina N. H., Samygin S. I.* Upravlenie religioznymi orientirami v soznanii sovremennoj molodezhi [Management of religious landmarks in the consciousness of modern youth] // *Jekonomicheskie problemy Rossii i regiona. Uchenye zapiski. Rostovskij gosudarstvennyj jekonomicheskij universitet (RINH)* [Economic problems of Russia and the region. Scientific notes. Rostov State University of Economics (RSUE)]. — Rostov-on-Don, 2019. — Pp. 186–193.

9. *Kirsanov A. I. S.* Hantington o «stolknovenii civilizacij» v kontekste global'nyh transformacij [Samuel Huntington's «clash of civilizations» in the context of global transformations] // *Filosofija i obshhestvo* [Philosophy and society]. — 2008. — №3. — Pp. 32–43.

10. *Korotkova M. N.* «Stolknovenie civilizacij» S. Hantingtona: v poiskah identichnosti v sovremennom mire [«The clash of civilizations» of Samuel Huntington: the quest for identity in the modern world] // *Vestnik Permskogo universiteta* [Bulletin of Perm University]. — 2011.

11. *Hantington S.* Stolknovenie civilizacij? [A clash of civilizations?] — Moscow, 2003. — 603 p.

12. *Komleva N. A.* Konceptija stolknovenie civilizacij: pragmaticheskij aspekt [The concept of the clash of civilizations: a pragmatic aspect] // *Prostranstvo i Vremja* [Space and Time]. — 2011. — №2 (4). — Pp. 35–37.

13. *Gafiatulina N. H., Brusenceva D. M.* Terroristicheskaja dejatel'nost': sushhnostnye priznaki i faktory determinacii [Terrorist activity: essential signs and factors of determination] // *Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshhestvennye nauki* [Humanities, socio-economic and social sciences]. — 2018. — №3. — Pp. 23–25.

14. *Gafiatulina N. H., Toporkov G. A.* Model' prestupnogo povedenija: sociologicheskij analiz [Model of criminal behavior: a sociological analysis] // *Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshhestvennye nauki* [Humanities, socio-economic and social sciences]. — 2018. — №5. — Pp. 25–27.

15. *Samygin S. I., Vereshhagina A. V., Rachipa A. V.* Vyzovy i ugrozy religioznogo radikalizma nacional'noj bezopasnosti postsekuljarnyh obshhestv [Challenges and threats of religious radicalism to the national security of post-secular societies] // *Jekonomicheskie i humanitarne issledovanija regionov* [Economic and humanitarian studies of the regions]. — 2016. — №2. — Pp. 103–107.

16. *Semenjuk A. V.* Mezhdunarodnye vooruZHennye konflikty i puti ih uregulirovanija: metodologicheskie aspekty izuchenija problemy [International armed conflicts and ways of their settlement: methodological aspects of studying the problem] // *Vestnik Permskogo universiteta* [Bulletin of the Perm University]. — 2016. — №3. — Pp. 109–124.

17. *Kas'janov V. V., Samygin S. I., Shilina N. A.* Sociokul'turnye kul'turnye posledstvija rossijskoj revoljucii [Sociocultural cultural consequences of the Russian revolution] // *Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshhestvennye nauki* [Humanities, socio-economic and social sciences]. — 2017. — №10.

Шилина Наталья Анатольевна — кандидат социологических наук, заведующий кафедрой изобразительного искусства Академии архитектуры и искусств Южного федерального университета, член Международного союза педагогов-художников.

Shilina Natalya Anatolyevna — Candidate of Sociological Sciences, Head of the Department of Fine Arts, Academy of Architecture and Fine Arts of Southern Federal University, member of the International Union of Teachers and Artists.

344082, г. Ростов-на-Дону, ул. Горького, 75
75 Gorkogo st., 344082, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: rnd.natalia@mail.ru

Черярин Василий Александрович — студент 4-го курса специальности «Конфликтология» Института социологии и регионоведения Южного федерального университета.

Cheryarin Vasily Aleksandrovich — 4th year student of the speciality «Conflictology», Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University.

344038, г. Ростов-на-Дону, ул. Нагибина, 13
13 Nagibina st., 344038, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: vasya.cheryarin@mail.ru

Самыгин Сергей Иванович — профессор, доктор социологических наук, профессор кафедры управления персоналом и социологии Ростовского государственного экономического университета (РИНХ).

Samygin Sergey Ivanovich — Professor, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Department of Personnel Management and Sociology, Rostov State University of Economics (RSUE).

344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69
69 Bolshaya Sadovaya st., 344002, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: darya.maksimovich@gmail.com

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

УДК 338.32

10.17213/2075-2067-2021-3-110-115

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ МАШИНОСТРОИТЕЛЬНЫХ ПРОИЗВОДСТВ КАК ДРАЙВЕР РАСШИРЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПОЛЯ БИЗНЕСА

© 2021 г. В. П. Белоусова*, А. Л. Белоусов**

*Вологодский государственный университет, г. Вологда, Россия

**Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва, Россия

Целью исследования является анализ перспективных ресурсосберегающих направлений развития машиностроительных производств, обеспечивающих расширение технологического поля бизнеса предприятий.

Методология исследования базируется на концептуальных положениях теории циркулярной экономики, принципах концепции устойчивого развития и междисциплинарных исследованиях в области развития малоотходных технологий. К используемым научным методам относятся сравнительный и причинно-следственный анализ.

Результаты исследования. Цифровизация технологий сопровождается процессами концентрации производства и высвобождением части производственных площадей с возможностью их использования для освоения и развития ресурсосберегающих методов изготовления деталей. Практика показывает, что долгосрочное совершенствование базовых вариантов технологий, ориентированных на применение компактных (литых) материалов, традиционно используемых в машиностроении, не позволяет существенно повысить коэффициент использования материала, влияющий на материалоемкость продукции. Научный опыт и исследования в области технологических и эколого-экономических аспектов производства деталей из композиций порошковых материалов свидетельствуют о высоком металлосберегающем потенциале данных технологий. Номенклатура и объемы производства спеченных изделий на специализированных предприятиях порошковой металлургии в России не обеспечивают в достаточной мере потребности отраслей промышленности в данной продукции, в частности сельскохозяйственного машиностроения. В связи с этим представляется оправданным активизировать освоение и развитие технологий производства спеченных порошковых изделий в условиях машиностроительных предприятий, расширяя тем самым технологическое поле бизнеса предприятия.

Перспективы исследования заключаются в разработке методических подходов, направленных на решение многоаспектных задач отбора номенклатуры деталей к переводу их на изготовление из композиций порошковых материалов с использованием цифровых инструментов.

Ключевые слова: машиностроение; цифровизация технологий; технологическое поле бизнеса; ресурсосбережение; конкурентные преимущества.

DIGITAL TRANSFORMATION OF MACHINE INDUSTRIES AS AN EXPANSION DRIVER TECHNOLOGICAL FIELD OF BUSINESS

© 2021 V. P. Belousova*, A. L. Belousov**

*Vologda State University, Vologda, Russia

**Financial University under the Government of Russia, Moscow, Russia

The aim of the study is to analyze the promising resource-saving directions for the development of machine-building industries, ensuring the expansion of the technological field of business enterprises.

The research methodology is based on the conceptual provisions of the theory of circular economy, the principles of the concept of sustainable development and interdisciplinary research in the development of low-waste technologies. The scientific methods used include comparative and causal analysis.

Research results. The digitalization of technologies is accompanied by the processes of concentration of production and the release of a part of production areas with the possibility of using them for mastering and developing resource-saving methods for manufacturing parts. Practice shows that the long-term improvement of the basic options for technologies focused on the use of compact (cast) materials traditionally used in mechanical engineering does not significantly increase the utilization rate of the material, which affects the material consumption of products. Scientific experience and research in the field of technological and environmental and economic aspects of the production of parts from composites of powder materials indicate the high metal-saving potential of these technologies. The range and production volumes of sintered products at specialized enterprises of powder metallurgy in Russia do not sufficiently meet the needs of industries in these products, in particular, agricultural engineering. In this regard, it seems justified to intensify the assimilation and development of technologies for the production of sintered powder products in the conditions of machine-building enterprises, thereby expanding the technological field of the enterprise's business.

Research prospects lie in the development of methodological approaches aimed at solving multidimensional problems of selecting a nomenclature of parts for transferring them to manufacturing from compositions of powder materials using digital tools.

Key words: sustainable development; mechanical engineering; digitalization of technologies; technological field of business; resource saving; competitive advantages.

Введение. Важнейшим решением для продвижения цифровых технологий в России стало утверждение Программы развития цифровой экономики в Российской Федерации до 2035 года. Создание необходимых условий для обеспечения технологического лидерства страны входит в число основных задач программы. Особая роль в решении данной задачи отводится машиностроению — отрасли промышленности, от функционирования которой зависит качественный уровень производительных сил страны. Пос-

редством производства высокотехнологичного оборудования машиностроение влияет на эффективность использования ресурсов в других отраслях промышленности.

Отводя значимую роль цифровым технологиям, необходимо выявлять и исследовать перспективные ресурсосберегающие направления технологических изменений в машиностроительных производствах, в том числе используя преимущества, обеспечиваемые цифровизацией базовых технологических процессов.

Инерционность развития технологических систем машиностроения. Российский промышленный комплекс в целом делает только первые шаги к цифровой трансформации, считают эксперты [1]. Экономическая «турбулентность», сопровождающая современный период технологического развития, служит значимой мотивацией к активизации процессов цифровой трансформации производства и бизнеса. В реалиях современного этапа экономического развития главным фактором повышения эффективности машиностроения России является переход на принципы «Industry 4.0», а ключевым инструментом — цифровые технологии.

Машиностроение отличается технико-технологической сложностью продукции. Сегодня приоритетным направлением в машиностроении становится развитие М2М-систем (связи и взаимодействие между машинами), обеспечивающих быстрый сбор, хранение и обработку данных, необходимых для прогнозирования и принятия управленческих решений, от которых в итоге зависит успех бизнеса.

Технология, являясь важнейшим фактором производства, служит для предприятия инструментом достижения конкурентных преимуществ. Повышение эффективности отечественного машиностроения во многом определяется снижением материальных затрат на производство продукции. Особое место занимают затраты на металлоресурсное обеспечение, так как машиностроительная отрасль является крупнейшим потребителем металлов и сплавов. Снижение металлоемкости продукции машиностроения в определенной мере обеспечивается замещением металлов и сплавов полимерными материалами. Но сегодня роль основного конструкционного материала сохраняют за собой металлы и их сплавы, занимая наибольшую долю сырьевого баланса машиностроения.

Проблема заключается в том, что применяемые в настоящее время технологические методы изготовления деталей в машиностроении ориентированы на использование компактных (литых) материалов, полученных методами плавильной металлургии. Практика показывает, что совершенствование технологий обработки литых материалов

не позволяет существенно повысить коэффициент использования материала и тем самым значительно снизить материалоемкость продукции. Долгосрочное совершенствование базовых вариантов технологий становится препятствием для более широкого внедрения альтернативных технологий.

Таким образом, представляется оправданным констатировать наличие фактора определенной инерционности развития производственно-технологических систем машиностроения, использующих преимущественно компактные материалы.

Расширение технологического поля бизнеса. Цифровизация технологий сопровождается процессами концентрации производства и высвобождением части производственных площадей. В связи с этим необходимо выявлять и исследовать направления технологических изменений, обладающих потенциалом производства продукции с конкурентными преимуществами, с возможностью расположения данных производств на высвобождаемых площадях.

Анализ состояния и основных тенденций в области развития технологий производства изделий из порошковых материалов, а также собственный научный опыт и исследования в области эколого-экономических аспектов применения данных технологий позволяют констатировать их высокий ресурсосберегающий потенциал [2, 4, 5].

Производство изделий из порошковых материалов относится к малоотходным технологическим процессам (практически безотходным). Имеет место минимизация потребления первичного сырья и объемов перерабатываемых ресурсов, повторное использование и рециркуляция материалов в процессах производства, что отвечает соответствующим принципам циркулярной экономики, представленным в работах [3, 6–8].

По данным Европейской ассоциации порошковой металлургии, структура мирового потребления порошковых материалов становится все более широкой. В соответствии с материалами Европейского конгресса порошковой металлургии вызывает интерес представленный прогноз динамики доли различных материалов в аддитивных технологиях за 10-летний период (с 2015 до 2025 гг.),

согласно которому потребление металлических порошков вырастет в 2 раза, а полимерных материалов — снизится [5].

Значимыми преимуществами рассматриваемых технологий по сравнению с обработкой литых материалов являются:

- снижение операционных затрат на механическую обработку спеченных заготовок (в ряде случаев возможность исключения такой обработки);

- сокращение производственного цикла, уменьшение количества операций в 2,0–2,5 раза соответственно и снижение трудоемкости технологического процесса;

- использование более чем на 97% исходных порошковых материалов, в том числе полученных из вторичных ресурсов;

- реализация отдельных сборочных этапов еще на стадии спекания.

Следует констатировать: специализированные предприятия порошковой металлургии РФ не обеспечивают востребованные на рынке как широту номенклатуры, так и объемы производства спеченных изделий, что требует развития данных технологий в условиях машиностроительных предприятий.

Заключение. Цифровизация технологий способствует высвобождению производственных площадей с возможностью их использования для освоения ресурсосберегающих технологий. Научный опыт и исследования в области технологических и эколого-экономических аспектов производства деталей из порошковых материалов свидетельствуют о высоком металлосберегающем потенциале данных технологий, обеспечивающем снижение материалоемкости продукции. Однако, ввиду того, что номенклатура и объемы производства спеченных изделий на специализированных предприятиях порошковой металлургии в РФ не обеспечивают в должной мере потребности отраслей промышленности в данной продукции, представляется оправданным освоение и развитие ресурсосберегающих технологий производства порошковых изделий в условиях машиностроительных предприятий, расширяя тем самым технологическое поле бизнеса предприятия.

Литература

1. *Авдеева И.Л.* Цифровизация промышленных экономических систем: проблемы и последствия современных технологий // Известия Саратовского университета. — 2019. — №3. — С. 238–245.

2. *Белоусова В.П.* К вопросу о факторах мотивации предприятий к освоению ресурсосберегающих инноваций // В книге: Промышленная политика в цифровой экономике: проблемы и перспективы. Труды научно-практической конференции с международным участием. Под ред. А.В. Бабкина. — 2017. — С. 365–368.

3. *Пахомова Н.В., Рухтер К.К., Ветрова М.А.* Переход к циркулярной экономике и замкнутым цепям поставок как фактор устойчивого развития // Вестник СПбГУ. Экономика. — 2017. — Т. 33. — Вып. 2. — С. 244–268.

4. *Фролов А.А., Белоусов А.Л., Белоусова В.П.* Цифровая трансформация бизнеса как значимый фактор влияния на развитие научно-технологического взаимодействия металлургии и машиностроения // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Технические науки. — 2020. — №4 (10). — С. 31–34.

5. Euro PM2017 Congress&Exhibition (1–5 October, 2017): Proceedings, Milan, Italy. — Milan.

6. *Kirchherr J., Reike D., Hekkert M.* Conceptualizing the circular economy: An analysis of 114 definitions // Resources, Conservation&Recycling. — 2017. — №127. — P. 221–232.

7. *Korhonen J., Honkasalo A., Sepälä J.* Circular Economy: The Concept and its Limitations // Ecological Economics. — 2018. — №143. — P. 37–46.

8. *Sauve S., Bernard S., Sloan P.* Environmental sciences, sustainable development and circular economy: Alternative concepts for transdisciplinary research // Environmental Development. — 2016. — №17. — P. 48–56.

References

1. *Avdeeva I.L.* Cifrovizacija promyshlennyh jekonomicheskikh sistem: problemy i posledstviya sovremennyh tehnologij [Digitalization of

industrial economic systems: problems and consequences of modern technologies] // *Izvestija Saratovskogo universiteta* [News of the Saratov University]. — 2019. — №3. — Pp. 238–245.

2. *Belousova V.P.* K voprosu o faktorah motivacii predpriyatij k osvoeniju resursosberegajushhih innovacij [On the question of factors of motivation of enterprises to the development of resource-saving innovations] // V knige: *Promyshlennaja politika v cifrovoj jekonomike: problemy i perspektivy. Trudy nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. Pod red. A.V. Babkina* [In the book: Industrial policy in the digital economy: problems and prospects. Proceedings of the scientific and practical conference with international participation. In A.V. Babkin (eds.)]. — 2017. — Pp. 365–368.

3. *Pahomova N.V., Rihter K.K., Vetrova M.A.* Perehod k cirkuljarnoj jekonomike i zamknutym cepjam postavok kak faktor ustojchivogo razvitija [Transition to a circular economy and closed supply chains as a factor of sustainable development] // *Vestnik SPbGU. Jekonomika* [Bulletin of St. Petersburg State University. Economy]. — 2017. — Vol. 33. — Issue 2. — Pp. 244–268.

4. *Frolov A.A., Belousov A.L., Belousova V.P.* Cifrovaja transformacija biznesa kak

znachimyj faktor vlijanija na razvitie nauchno-tehnologicheskogo vzaimodejstvija metallurgii i mashinostroenija [Digital transformation of business as a significant factor of influence on the development of scientific and technological interaction of metallurgy and mechanical engineering] // *Vestnik Vologodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Tehnicheskie nauki* [Bulletin of the Vologda State University. Series: Technical Sciences]. — 2020. — №4 (10). — Pp. 31–34.

5. Euro PM2017 Congress&Exhibition (1–5 October, 2017): Proceedings, Milan, Italy. — Milan.

6. *Kirchherr J., Reike D., Hekkert M.* Conceptualizing the circular economy: An analysis of 114 definitions // *Resources, Conservation&Recycling*. — 2017. — №127. — P. 221–232.

7. *Korhonen J., Honkasalo A., Sepälä J.* Circular Economy: The Concept and its Limitations // *Ecological Economics*. — 2018. — №143. — P. 37–46.

8. *Sauve S., Bernard S., Sloan P.* Environmental sciences, sustainable development and circular economy: Alternative concepts for transdisciplinary research // *Environmental Development*. — 2016. — №17. — P. 48–56.

Поступила в редакцию

26 апреля 2021 г.

Белуcова Виктория Павловна — кандидат технических наук, доцент кафедры технологии машиностроения Вологодского государственного университета.

Belousova Victoria Pavlovna — Candidate of Engineering Sciences, Associate Professor of the Department of Engineering Technology, Vologda State University.

160000, г. Вологда, ул. Ленина, 15
15 Lenin st., 160000, Vologda, Russia
E-mail: belousova.v2011@mail.ru

Белоусов Андрей Леонидович — кандидат экономических наук, доцент Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве России.

Belousov Andrey Leonidovich — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activity, Financial University under the Government of Russia.

125993, г. Москва, Ленинградский пр., 49
49 Leningradsky av., 125993, Moscow, Russia
E-mail: andreybelousov@mail.ru

УДК 339.13

10.17213/2075-2067-2021-3-116-125

МАРКЕТИНГ ПРОСТРАНСТВЕННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СОЦИАЛЬНО-ИНФРАСТРУКТУРНОМ РАЗВИТИИ ТЕРРИТОРИИ

© 2021 г. В. А. Бондаренко, Н. В. Гузенко, Т. С. Романишина

*Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
г. Ростов-на-Дону, Россия*

Целью исследования выступает выявление роли маркетинга пространственного взаимодействия (как концепции и ее практического воплощения) в осуществлении социально-инфраструктурного развития территории на базе создания маркетинг ориентированной инфраструктуры.

Методологическая база исследования. В рамках исследования роли маркетинга пространственного взаимодействия в социально-инфраструктурном территориальном развитии мы опираемся на содержательный анализ профильных источников литературы, отражающих эволюционирование маркетинговой концепции, становление концепции маркетинга пространственного взаимодействия, восприятия социумом целевых установок концепции устойчивого развития в рамках преобразования ожидаемых эффектов. Нами исследованы существующие точки зрения на формирование маркетинг ориентированной инфраструктуры и оправданности оперирования понятием социально-инфраструктурного развития территории. В статье использовались такие методы исследования, как метод литературного поиска, метод аналогий, метод содержательного и компаративного анализа, метод синтеза полученных данных.

Результаты исследования. Важным результатом исследования является обоснование подхода на социально-инфраструктурное развитие территории в новых условиях, детерминируемых целями устойчивого развития и маркетинговой парадигмой пространственного взаимодействия. Мы приходим к выводу, что инфраструктура в регионе является рыночно ориентированной, если она формируется, исходя из запросов существующих сейчас потребителей территориального продукта. В случае ее ориентации на будущих потребителей (в широком смысле этого слова) она становится маркетинг ориентированной.

Перспективу исследования составляет маркетинговая ориентация, которая проявляется в контексте целевых установок устойчивого функционирования социума и экономики, что задает определенные высокие требования социально-инфраструктурному развитию территорий.

Ключевые слова: маркетинг; пространственное взаимодействие; маркетинговая концепция; социально-инфраструктурное развитие; территория.

MARKETING OF SPATIAL INTERACTION IN THE SOCIAL AND INFRASTRUCTURAL DEVELOPMENT OF THE TERRITORY

© 2021 V. A. Bondarenko, N. V. Guzenko, T. S. Romanishina

Rostov State University of Economics (RSUE), Rostov-on-Don, Russia

The purpose of the study is to identify the role of spatial interaction marketing (as a concept and its practical implementation) in the implementation of social and infrastructural development of the territory based on the creation of marketing-oriented infrastructure.

The methodological base of the study. *As part of the study of the role of spatial interaction marketing in socio-infrastructure territorial development, we rely on a meaningful analysis of specialized literature sources that reflect the evolution of the marketing concept, the formation of the concept of spatial interaction marketing, the perception of the society of the goals of the concept of sustainable development within the transformation of expected effects. We have investigated the existing points of view on the formation of a marketing-oriented infrastructure and the justification for operating with the concept of social and infrastructure development of the territory. The article uses such research methods as the method of literary search, the method of analogies, the method of meaningful and comparative analysis, the method of synthesis of the obtained data.*

The results of the study. *An important result of the research is the substantiation of the approach to the social and infrastructure development of the territory in the new conditions determined by the sustainable development goals and the marketing paradigm of spatial interaction. We conclude that the infrastructure in the region is market-oriented if it is formed based on the requests of the existing consumers of the territorial product. In the case of its orientation to future consumers (in the broadest sense of the word) it becomes marketing-oriented.*

The prospect of the study *is marketing orientation, which is manifested in the context of the targets of sustainable functioning of society and the economy, which sets certain high requirements for the social and infrastructure development of territories.*

Key words: *marketing; spatial interaction; marketing concept; social and infrastructure development; territory.*

Введение. В рамках исследовательского контура мы определяем в объеме, достаточном для целевых ориентиров данной аналитической работы, сложившееся понимание концепции маркетинга пространственного взаимодействия в сопричастности с социально-инфраструктурным развитием территории [12]. Это предполагает одновременно с выявлением сути концепции маркетинга пространственного взаимодействия понимание эволюционирования маркетинговой теории в связи с изменениями условий хозяйствования, оценок успешности деловой активности (метрик), ориентированных на общественные интересы, наряду с интересами бизнеса и населения в соотношении с установками социума на устойчивое развитие.

Мы обоснованно полагаем, что в современной ситуации, когда территориальное развитие подчинено ориентации на текущие потребности социума и бизнеса, интересы будущих поколений, ценности устойчивого эволюционирования социума, маркетинг в своем воплощении, не направленном на интенсификацию личного (неосознанного, избыточного) потребления, а в формате развертывания социально-этичной концепции,

предполагающей взаимодействие заинтересованных сторон на долгосрочной основе и учет общественных интересов помимо желания извлекать прибыль, становится неотъемлемой составляющей планирования желательного состояния региональных социально-экономических систем. Эти обстоятельства актуализируют аналитическое изучение данного вопроса.

Материалы и методы. В рамках исследования роли маркетинга пространственного взаимодействия в социально-инфраструктурном территориальном развитии мы опираемся на содержательный анализ профильных источников литературы, отражающих эволюционирование маркетинговой концепции, становление концепции маркетинга пространственного взаимодействия, восприятия социумом целевых установок концепции устойчивого развития в рамках преобразования ожидаемых эффектов. Нами исследованы существующие точки зрения на формирование маркетинг ориентированной инфраструктуры и оправданности оперирования понятием социально-инфраструктурного развития территории. В статье использовались такие ме-

тоды исследования, как метод литературного поиска, метод аналогий, метод содержательного и компаративного анализа, метод синтеза полученных данных.

Обсуждение. Согласно сформировавшейся позиции, официальным документам и проводимым управленческим решениям Россия является социально ориентированным государством, реализующим социальную политику, нацеленную на повышение качества жизни населения. В данном контексте целесообразно говорить о социально-инфраструктурном развитии территорий, которое подразумевает под собой выбор такой траектории положительного эволюционирования, в рамках которой зримо проявляется нацеленность на формирование маркетинг ориентированной инфраструктуры, создаваемой, обновляемой и эксплуатируемой в рамках изначальной ориентации на потребности (текущие и прогнозируемые) заинтересованных лиц территории [12].

Ранее нами обосновывалась концепция рыночно ориентированной и маркетинг ориентированной инфраструктуры [4], которая уже в фазе своего проектирования, введения и непосредственной эксплуатации нацелена на максимально возможное удовлетворение потребностей целевых аудиторий террито-

рии, бизнеса, власти, населения, привлекаемых извне граждан и инвесторов, деловых партнеров территории. Социальная направленность в формате социально-инфраструктурного развития территории проявляется в инфраструктурном (материальном, институциональном, персональном) обеспечении, способствующем привлечению/удержанию населения, связывающего свой карьерный рост и будущую личную и профессиональную жизнь с определенной территорией в качестве осознанного выбора, оцениваемого в качестве лучшего из возможных вариантов.

Отметим также, что маркетинговая составляющая обеспечения территориального развития, при котором анализируется качество, результативность взаимодействия субъектов в определенном пространстве, нашла отражение, например, в работах Г. Багиева, А. Шульги, А. Пинчука, развивающих идейное наполнение концепции маркетинга пространственного взаимодействия [1, 2, 3, 10, 11]. Мы нацелены на развитие данных научных взглядов и сопряжение этого процесса с пониманием необходимости проектирования маркетинг ориентированной инфраструктуры в рамках социально-инфраструктурного развития территории.

Целью статьи выступает выявление роли маркетинга пространственного взаимо-

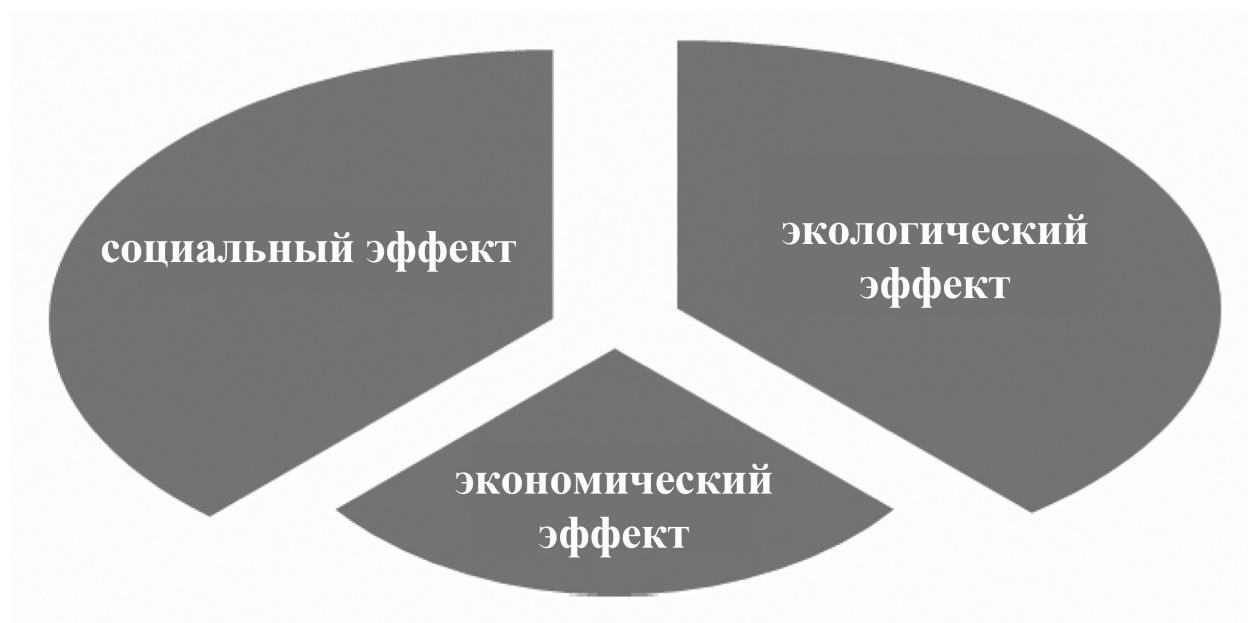

Рис. 1. Приверженность к достижению трех искомых эффектов в функционировании социально-экономических систем в рамках ценностных ориентиров устойчивого развития [5, 9]

действия (как концепции и ее практического воплощения) в осуществлении социально-инфраструктурного развития территории на базе создания маркетинг ориентированной инфраструктуры.

Результаты. Маркетинг взаимодействия заинтересованных в развитии территории сторон (включающий в себя социально-этичный компонент за счет приверженности целевым установкам устойчивого развития), положенный в основу положительного эволюционирования территории, определяет

возможности создания маркетинг ориентированной инфраструктуры в регионе и детерминирует общий вектор социально-инфраструктурных преобразований.

В основу ценностных ориентиров устойчивого развития положена одновременная приверженность к достижению трех искомым эффектов (рисунок 1).

Уточним, что в территориальном маркетинге целевыми аудиториями, заинтересованными в развитии территории, выступают органы власти в регионе, бизнес, локализованный в регионе, предприятия и организа-

Рис. 2. Ориентация на маркетинг взаимодействия в рамках нацеленности на устойчивое развитие и принимаемых решений по эволюционированию территории (составлено авторами)

ции, местное сообщество (население, связывающее свою карьерную и личную судьбу с регионом), а также внешние инвесторы, сторонний бизнес, партнеры территории и индивидуальные потребители территориального продукта, например, гости региона.

Соответственно, речь в данном исследовании идет о вовлечении маркетинговой теории в практику территориального развития, а именно построении маркетингового взаимодействия между заинтересованными лицами определенной территории, их долгосрочные взаимовыгодные контакты, априорно ориентированные не только на экономические эффекты и частные интересы игроков, но социальные и экологические эффекты для территории и вмещающего ее сообщества (рисунок 2).

Отметим также, что в рамках детерминруемых 16 целей устойчивого развития в данном исследовании наиболее целесообразно

выделить социальные проекты, такие как доступное здравоохранение и образование, инновации и инфраструктура, устойчивые города и населенные пункты [13].

В данном контексте становится очевидным, что сама устойчивая модель, которая детерминирована социумом в качестве желательной, актуализирует проблематику социально-инфраструктурного развития территорий. Она сочетается с рыночной моделью региональной экономики, которая в соприкосновении с целевыми установками устойчивого развития переориентируется на рациональное осознанное потребление, положительные эффекты для социума, не только в экономике, но и экологии и социальных аспектах.

Это обстоятельство трансформирует теорию и практику маркетинга в территориальном развитии, которая далее при воплощении в реальность сама трансформирует

Рис. 3. Визуализация эволюционирования маркетинговой концепции [3]:

- 1 — концепции, ориентированные на подхлестывание спроса для интенсификации прибыли;
 2 — концепции, ориентированные на обдуманное потребление (на текущих и будущих потребителей)

социально-экономический ландшафт. Такие трансформации становятся возможными и обоснованными, поскольку меняется потребитель, который выступает основой преломления маркетинговой теории и осуществления маркетинговой практики. В сложившейся ситуации речь идет о текущих потребителях (целевых аудиториях территории) и одновременно будущих потребителях, пролонгированные интересы которых учитываются априорно без их реального проявления в настоящий момент. Именно это обстоятельство делает потребление осознанным, сохраняющим возможность реализовывать потребительскую функцию в дальнейшем новым поколениям индивидов. Такая заинтересованность в создании возможностей потребления в будущем и проявляется в оценке социальных и экологических рисков и нацеленности на их купирование в результате собственных обдуманных актов потребления, граничащих с рациональным самоограничением (что проявляется в различных отраслях и сферах деятельности, исследуемых отечественными и зарубежными учеными [6, 7, 8, 14]).

Нацеленность на удовлетворение потребностей текущих и будущих аудиторий в эволюционировании территорий приводит

к практической актуализации вопросов социально-инфраструктурного развития, когда создаваемая маркетинг ориентированная инфраструктура позволяет выбирать вектор будущего функционирования для социально-экономической системы региона.

Соответственно, если проанализировать эволюцию маркетинговой концепции от возникновения до современного наполнения и понимания, то данные проявления станут понятны (рисунок 3).

Отметим, что исследователи склонны саму парадигму взаимодействия рассматривать в качестве обновленного (компромиссного) подхода к созданию ценности в условиях изменившихся ориентиров социально-экономического развития (рисунок 4).

Получается, что в случае дискретных отношений цели взаимодействующих субъектов разнонаправлены, ориентированы на достижение частных интересов без учета запросов социума. В случае маркетинга долгосрочного взаимодействия стороны (партнеры, нашем случае — заинтересованные лица территории) сотрудничают с акцентом на компромиссные цели, сочетающие экономические, социальные и экологические эффекты в формате социально-инфраструктурного развития.

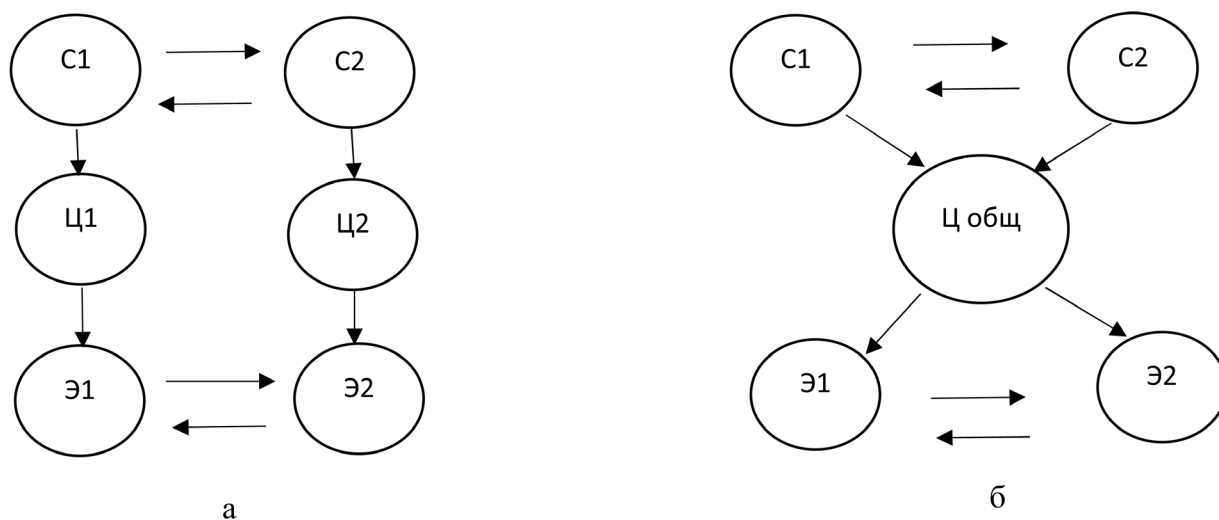

Рис. 4. Визуализация дифференциации дискретных отношений и долгосрочного взаимодействия субъектов в условиях изменившихся ориентиров социально-экономического развития [2]:
 а — отношение (дискретное), персонифицированное;
 б — взаимодействие (длительное), предполагающее общие ценностные установки и обязательства

Заключение. Применительно к территориальному развитию принято выделять концепцию маркетинга пространственного взаимодействия, которая трактуется специалистами как «социально-экономические отношения между различными субъектами региональной экономики в нацеленности на нахождение, производство, распределение и потребление ценностей» в рамках территориального объединения. Эти ценности создаются на компромиссной основе с учетом интересов будущих поколений, будущих потребителей территории, по данной причине в создании инфраструктуры для различных нужд эволюционирования региональной экономики учитываются текущие и прогнозные потребности.

В этом проявляется подход на социально-инфраструктурное развитие территории в новых условиях, детерминированных целями устойчивого развития и маркетинговой парадигмой пространственного взаимодействия. Поясним свою мысль. Инфраструктура в регионе является рыночно ориентированной, если она формируется, исходя из запросов существующих сейчас потребителей территориального продукта. В случае ее ориентации на будущих потребителей (в широком смысле этого слова) она становится маркетинговой ориентированной. Маркетинговая ориентация проявляется в контексте целевых установок устойчивого функционирования социума и экономики, что задает определенные высокие требования социально-инфраструктурному развитию территорий.

Литература

1. Багиев Г.Л., Пинчук А.В., Серова Е.Г., Шульга А.О. К вопросу формирования концепции маркетинга пространственного взаимодействия // ПСЭ. — 2012. — №9. — С. 219–224.
2. Багиев Г.Л., Шульга А.О. Концепция маркетинга пространственного взаимодействия: измерение и оценка эффективности // ПСЭ. — 2010. — №12. — С. 262–265.
3. Багиев Г.Л., Асаул А.Н. Организация предпринимательской деятельности. Учебное пособие / Под общей ред. проф. Г.Л. Багиева. — СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2001. — 231 с.
4. Бондаренко В.А. Маркетинговое сопровождение инфраструктуры внешнеэкономической деятельности: эволюция, современное состояние и трансформационные тенденции. Монография. — Ростов-н/Д, 2010. — 236 с.
5. Бондаренко В.А., Ефременко И.Н., Гузенко Н.В. Вопросы теоретического обоснования зеленой экономики и ее перспективы для России // Финансовые исследования. — 2019. — №2 (63). — С. 23–31.
6. Бондаренко В.А., Гузенко Н.В., Ларионов В.А. Вопросы применения гостиницами зеленых инноваций в рамках проявившихся потребительских предпочтений // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). — 2020. — №1 (69). — С. 17–23.
7. Бондаренко В.А., Ларионов В.А. Исследование ценностных установок российских потребителей услуг «зеленых» гостиниц // Практический маркетинг. — 2021. — №1 (287). — С. 3–11.
8. Костоглодов Д.Д., Бондаренко В.А., Гуськов А.И. Экологический маркетинг в развитии рынка органических продуктов питания в России: эволюция, современное состояние, перспективные тенденции (региональный аспект). Монография. — Ростов-на-Дону, 2014. — 136 с.
9. Лясковская Е.А., Григорьева К.А. Формирование зеленой экономики и устойчивость развития страны и регионов // Вестник ЮУрГУ. Серия «Экономика и менеджмент». — 2018. — Т. 12. — №1. — С. 15–22.
10. Пинчук А.В. Обоснование и оценка экономической эффективности перспективной концепции маркетинга // Известия СПбГЭУ. — 2014. — №2 (86). — С. 112–115.
11. Пинчук А.В. Бифуркация концепции маркетинга и инструментарий обеспечения структурной стабильности маркетинговых систем // ПСЭ. — №9. — С. 230–234.
12. Романишина Т.С., Дадаев Н.А., Полуянова Н.В. Проблемы неравномерности регионального развития в обосновании маркетинговой ориентации социально-инфраструктурного обеспечения территории // Экономика устойчивого развития. — 2021. — №2 (46).
13. Цели в области устойчивого развития [Электронный ресурс]. — Режим доступа:

<https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/> (Дата обращения: 20.02.2021).

14. Meskhi B., Bondarenko V., Efremenko I., Larionov V., Rudoy D., Olshevskaya A. Technical, technological and managerial solutions in ensuring environmental safety / IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. The collection of conference materials. Voronezh State University of Engineering Technologies. — 2020. — P. 12100.

References

1. Bagiev G. L., Pinchuk A. V., Serova E. G., Shul'ga A. O. K voprosu formirovaniya koncepcii marketinga prostranstvennogo vzaimodejstviya [To the question of formation of the concept of marketing in spatial interaction] // PSJe. — 2012. — №9. — Pp. 219–224.

2. Bagiev G. L., Shul'ga A. O. Koncepcija marketinga prostranstvennogo vzaimodejstviya: izmerenie i ocenka jeffektivnosti [The marketing concept of spatial interaction: the measurement and evaluation of effectiveness] // PSJe. — 2010. — №12. — Pp. 262–265.

3. Bagiev G. L., Asaul A. N. Organizacija predprinimatel'skoj dejatel'nosti. Uchebnoe posobie [Organization of Business activity. Training manual] / In prof. G. L. Bagiev (eds.). — Saint Petersburg: Izd-vo SPbGUJeF, 2001. — 231 p.

4. Bondarenko V. A. Marketingovoe soprovozhdenie infrastruktury vneshnejekonomicheskoy dejatel'nosti: jevoljucija, sovremennoe sostojanie i transformacionnye tendencii. Monografija [Marketing support of the infrastructure of foreign economic activity: evolution, current state and transformational trends. Monograph]. — Rostov-on-Don, 2010. — 236 p.

5. Bondarenko V. A., Efremenko I. N., Guzenko N. V. Voprosy teoreticheskogo obosnovaniya zelenoj jekonomiki i ee perspektivy dlja Rossii [Questions of theoretical justification of the green economy and its prospects for Russia] // Finansovyje issledovaniya [Financial research]. — 2019. — №2 (63). — Pp. 23–31.

6. Bondarenko V. A., Guzenko N. V., Larionov V. A. Voprosy primenenija gostinitsami zelenyh innovacij v ramkah projavivshijsja potrebitel'skih predpochtenij [Questions of the use of green innovations by hotels within the framework of manifested consumer preferenc-

es] // Vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo jekonomicheskogo universiteta (RINH) [Vestnik of the Rostov State University of Economics (RSUE)]. — 2020. — №1 (69). — Pp. 17–23.

7. Bondarenko V. A., Larionov V. A. Issledovanie cennostnyh ustanovok rossijskikh potrebitelej uslug «zelenyh» gostinic [Research of value settings of Russian consumers of services of «green» hotels] // Prakticheskij marketing [Practical marketing]. — 2021. — №1 (287). — Pp. 3–11.

8. Kostoglodov D. D., Bondarenko V. A., Gus'kov A. I. Jekologicheskij marketing v razvitii rynka organicheskikh produktov pitanija v Rossii: jevoljucija, sovremennoe sostojanie, perspektivnye tendencii (regional'nyj aspekt). Monografija [Ecological marketing in the development of the organic food market in Russia: evolution, current state, promising trends (regional aspect). Monograph]. — Rostov-on-Don, 2014. — 136 p.

9. Ljaskovskaja E. A., Grigor'eva K. A. Formirovanie zelenoj jekonomiki i ustojchivost' razvitija strany i regionov [Formation of the green economy and sustainability of the development of the country and regions] // Vestnik JuUrGU. Serija «Jekonomika i menedzhment» [Bulletin of the South Ural State University. Series «Economics and Management»]. — 2018. — Vol. 12. — №1. — Pp. 15–22.

10. Pinchuk A. V. Obosnovanie i ocenka jekonomicheskoy jeffektivnosti perspektivnoj koncepcii marketinga [Rationale and evaluation of economic efficiency perspective of the concept of marketing] // Izvestija SPbGJeU [Bulletin of St. Petersburg State Economic University]. — 2014. — №2 (86). — Pp. 112–115.

11. Pinchuk A. V. Bifurkacija koncepcii marketinga i instrumentarij obespechenija strukturnoj stabil'nosti marketingovyh sistem [Bifurcation of marketing concepts and tools to ensure structural stability of the marketing system] // PSJe. — №9. — Pp. 230–234.

12. Romanishina T. S., Dadajan N. A., Polujanova N. V. Problemy neravnomernosti regional'nogo razvitija v obosnovanii marketingovoj orientacii social'no-infrastrukturnogo obespechenija territorii [Problems of uneven regional development in the justification of marketing orientation, socio-infrastructural support site] // Jekonomika ustojchivogo razvitija [The economy of sustainable development]. — 2021. — №2 (46).

13. Celi v oblasti ustojchivogo razvitija [Sustainable Development Goals] [Jelektronnyj resurs]. — URL: [https://www.un.org/sustainable-development-goals/](https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/) (Date accessed: 20.02.2021).

14. Meskhi B., Bondarenko V., Efremenko I., Larionov V., Rudoy D., Olshevskaya A. Techni-

cal, technological and managerial solutions in ensuring environmental safety / IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. The collection of conference materials. Voronezh State University of Engineering Technologies. — 2020. — P. 12100.

Поступила в редакцию

14 апреля 2021 г.

Бондаренко Виктория Андреевна — доктор экономических наук, доцент, заведующая кафедрой «Маркетинг и реклама» Ростовского государственного экономического университета (РИНХ).

Bondarenko Victoria Andreevna — Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Department «Marketing and Advertising», Rostov State University of Economics (RSUE).

344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69
69 B. Sadovaya st., 344002, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: b14v@yandex.ru

Гузенко Наталья Владимировна — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Коммерция и логистика» Ростовского государственного экономического университета (РИНХ).

Guzenko Natalia Vladimirovna — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department «Commerce and Logistics», Rostov State University of Economics (RSUE).

344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69
69 B. Sadovaya st., 344002, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: musamav@mail.ru

Романишина Татьяна Сергеевна — кандидат экономических наук, доцент института сервисных технологий Российского государственного университета туризма и сервиса.

Romanishina Tatiana Sergeevna — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of Institute of Service Technologies, Russian State University of Tourism and Service.

344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69
69 B. Sadovaya st., 344002, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: tankarom@yandex.ru

УДК 33

10.17213/2075-2067-2021-3-126-134

РАЗВИТИЕ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННОЙ СРЕДЫ В НАЛОГОВОМ АДМИНИСТРИРОВАНИИ

© 2021 г. И. В. Гашенко, Ю. С. Зима

*Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
г. Ростов-на-Дону, Россия*

Цель исследования. В статье оценивается влияние информационных технологий на эффективность налогового администрирования и развитие сервис-ориентированного подхода в деятельности налоговых органов с налогоплательщиками. В настоящее время ФНС России ориентирована на создание новой модели цифровой налоговой системы для внедрения бесконтактного взаимодействия участников налоговых отношений и превращения налоговой службы из фискального органа в сервисную компанию для удовлетворения интересов налогоплательщиков, активизации их деятельности и добровольного исполнения налоговых обязательств в рамках создания естественной доверительной среды.

В перспективе инновационные налоговые сервисы должны быть полностью интегрированы в бизнес-среду для гарантированных стабильных государственных доходов и корректности уплаты налоговых платежей, поэтому избранная тема исследования является актуальной.

Ключевые слова: налоговое администрирование; информационно-коммуникационная среда; информационные технологии; модель цифровой экономики; участники налоговых отношений; налоговые органы; налогоплательщики; автоматизированные комплексы; сервисные услуги.

DEVELOPMENT OF INFORMATION AND COMMUNICATION ENVIRONMENT IN TAX ADMINISTRATION

© 2021 I. V. Gashenko, Yu. S. Zima

Rostov State University of Economics (RSUE), Rostov-on-Don, Russia

The purpose of the study. The article assesses the impact of information technology on the efficiency of tax administration and the development of a service-oriented approach in the activities of tax authorities with taxpayers. As part of the creation of tax liabilities as part of the creation of a trust environment.

Research prospects. In the future, innovative tax services should be fully integrated into the business environment for guaranteed stable government revenues and correct payment of tax payments. Therefore, the selected research topic is relevant.

Key words: tax administration; information and communication environment; information technology; digital economy model; participants in tax relations; tax authorities; taxpayers; automated complexes; services.

В условиях кризисов хозяйственных систем налогообложение является одним из наиболее действенных и наиболее популярных рычагов государственного воздействия на экономическую ситуацию. Естественно, что перечень доступных налоговых инструментов достаточно широк и сейчас гибко применяется в зависимости от фазы экономического цикла. С 2015 г. в России активно внедряются информационные технологии в налоговой сфере для повышения качества и эффективности государственного управления в области налогообложения для стабильного поступления налогов и повышения качества предоставления услуг налогоплательщикам. И, конечно же, информационные технологии позволяют создать основу для проведения аналитической работы и обеспечения информационно-технологической поддержки в выполнении задач налогового администрирования. А эффективность налогового администрирования во многом зависит от развития информационно-коммуникационной среды взаимодействия участников налоговых отношений, которая повышает прозрачность, простоту документооборота и уплаты налоговых обязательств.

За последние десять лет цифровые преобразования стали основным движущим фактором эволюционного изменения всего окружающего мира. Сегодня цифровая трансформация имеет широкое применение в глобальной экономике: возникают новые рынки, новые производства, новые программные продукты, формы денег, способы организации бизнеса. Все эти изменения связаны не только с появлением интернета и развитием IT-сферы, но и с изменением парадигмы мышления населения планеты, конечно же, это касается в том числе и участников налоговых отношений.

Лидирующие позиции по уровню развития информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) принадлежат развитым государствам — Исландии, Южной Корее и Дании. РФ занимает 45-ю позицию среди 176 стран в мире и показывает ежегодное улучшение показателя развития информационно-коммуникационных технологий. Высокие

показатели развития ИКТ стали возможными благодаря распространению сети Интернет. В таблице 1 представлен показатель индекса развития информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) по странам мира по состоянию на 01.01.2018 г.¹

Целевой интернет-аудиторией в Исландии и Норвегии являются 98% граждан в возрасте от 15 до 74 лет, в Италии и Греции — 71% и 70% соответственно, наименьший показатель охвата населения интернет-технологиями имеет Бразилия — всего 61%.

Россия занимает одно из ведущих мест среди стран мира по внедрению информационных технологий в деятельности налоговых органов. Официальный сайт ФНС РФ занимает стабильно первое место по посещаемости среди сайтов всех государственных органов и организаций, что свидетельствует о том, что представленная на этом сайте информация и возможности ее применения востребованы всеми участниками налоговых правоотношений. По данным ФНС РФ, в информационной среде ФНС России хранятся и используются сведения более чем на 4,5 млн. организаций, около 4 млн. ИП, более 150 млн. физических лиц. Ежегодно налогоплательщики направляют более 50 млн. налоговых деклараций, обрабатывается более 62 млн. справок формы 2-НДФЛ. Всего объем обрабатываемых данных в информационной системе ФНС России составляет 4 петабайта данных.

На сегодня из действующих цифровых технологий на официальном сайте ФНС РФ используются более 50 электронных сервисов и размещено 40 видеороликов, которые доступно рассказывают, как пользоваться сервисами. Безусловно, ключевыми сервисами являются личные кабинеты для всех категорий налогоплательщиков, уже используемые в практике налоговых органов.

Важное звено в работе налоговых органов — налоговое администрирование, поэтому в налоговом администрировании активно применяются следующие информационные технологии, такие как:

— централизованная база данных, основанная на системе федеральной обработки данных (ЦОД);

1 Рейтинг стран мира по уровню развития информационно-коммуникационных технологий / Гуманитарный портал. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/ict-development-index> (дата обращения: 06.05.2021 г.).

Таблица 1

**Индекс развития информационно-коммуникационных технологий (ИКТ)
по странам мира за 2010–2017 гг.**

Страны	2010	2011	2012	2013	2015	2016	2017
Южная Корея	8,64	8,56	8,81	8,85	8,93	8,8	8,85
Исландия	8,19	8,17	8,64	8,58	8,86	8,78	8,98
Дания	8,18	8,29	8,78	8,86	8,88	8,68	8,71
Норвегия	8,16	7,52	8,35	8,39	8,49	8,45	8,47
Нидерланды	7,82	7,82	8,36	8,38	8,53	8,4	8,49
Люксембург	7,82	7,76	8,19	8,26	8,59	8,4	8,47
Япония	7,73	7,76	8,15	8,22	8,47	8,32	8,43
Великобритания	7,62	7,75	8,28	8,5	8,75	8,53	8,65
Швейцария	7,6	7,68	7,94	8,11	8,56	8,66	8,74
Гонконг (Китай)	7,41	7,68	8,08	8,28	8,52	8,47	8,61
Чехия	6,3	6,17	6,57	6,72	7,21	7,06	7,16
Португалия	6,15	6,05	6,57	6,67	6,93	6,88	7,13
Словакия	5,96	5,86	6,3	6,58	6,82	6,91	7,06
Россия	5,57	6	6,48	6,7	6,91	6,91	7,07

— автоматизированные комплексы контроля (АИС «Налог-3», АСК НДС-3 — автоматизированные системы контроля налоговых деклараций по НДС за правомерностью возмещения налога, СУР АСК НДС — система управления рисками для сопоставления сведений об операциях контрагентов);

— единая государственная автоматизированная информационная система учета объема производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции (ЕГАИС);

— онлайн-кассы (онлайн-обмен данными между торговыми точками и налоговой службой при помощи контрольно-кассовой техники);

— идентификация товаров и услуг в контексте налогообложения (маркировка товаров — RFID метки и мониторинг их оборота);

— развитие IT-инфраструктуры Единого реестра ЗАГС;

— технологии blok-chain в цифровой экономике;

— развитие интернета вещей.

Большое значение имеет внедрение и активное использование официальных приложений и сервисов ФНС России для налогоп-

лательщиков (личный кабинет юридических, ИП и физических лиц, «НДС-офис интернет-компаний», Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства, Государственная регистрация юридических лиц и ИП, «Риски бизнеса: проверь себя и контрагента», «Прозрачный бизнес», Оплата налогов и пошлин, Налоговые калькуляторы, «Мой налог», «Налоги ФЛ», справочная информация и др.).

Сегодня формирование модели сервис-ориентированного налогового администрирования полностью предполагает развитие электронного взаимодействия налоговых органов с налогоплательщиками. Активное внедрение информационных технологий поможет создать систему добровольного соблюдения налогового законодательства, т.е. повысит уровень взаимного доверия между государством и налогоплательщиками. Таким образом, новые инновационные методы налогового администрирования, основанные на современных информационных технологиях, позволят практически полное исключить очное взаимодействие налогового органа и налогоплательщика и перейти на бесконтактное общение. Как пример: внедренный

в практику налоговый мониторинг крупнейших налогоплательщиков, предполагающий полную интеграцию налоговых сервисов в бизнес-среду, автоматическое исполнение ими налоговых обязательств. Так, за последние пять лет проведения налогового мониторинга в РФ количество его участников увеличилось в 30 раз (в 2021 г. — 209 участников из 15 отраслей). В 2020 г. ОЭСР признала налоговый мониторинг ФНС России одной из лучших международных практик по выстраиванию цифрового взаимодействия между государством и бизнесом. Помимо него, в этот список вошел опыт Сингапура, Норвегии, Австралии, Испании, Финляндии и Кении.

В соответствии с Концепцией развития налогового мониторинга ФНС РФ будет достигнуто поэтапное снижение порога для добровольного присоединения компаний к системе — в три раза по каждому из обязательных критериев. Так, с 2022 года в налоговый мониторинг смогут войти организации, объем годовых доходов которых составляет 1 млрд. рублей, активы — 1 млрд. рублей, совокупная сумма исчисленных за год налогов — 100 млн. рублей. При этом будут учитываться не только исчисленные компанией налоги, но и суммы НДС и страховых взносов. Таким образом, число потенциальных участников налогового мониторинга может возрасти до 3,9 тыс. Напомним, что сейчас к системе налогового мониторинга могут подключаться организации, годовой доход которых составляет 3 млрд. рублей, активы — 3 млрд. рублей, сумма исчисленных за год налогов — 300 млн. рублей.

С 2021 года к налоговому мониторингу присоединились 10 компаний группы «Роснефть», включая ПАО «НК «Роснефть», 17 дочерних компаний группы «Газпром», пять дочерних обществ группы «Новатэк», четыре «дочки» группы «Лукойл», «Норильский никель» и Московская биржа.

Среди новых участников есть и иностранные компании: Procter&Gamble с двумя «дочками», «Леруа Мерлен», Metro Cash&Carry, «Нестле», «Ферреро», «Тиккурила».

Также заявления на налоговый мониторинг представили семь компаний, администрируемых в территориальных налоговых органах, в том числе «Роснано».

В рамках построения цифровой модели налоговой системы для того, чтобы добиться добровольного соблюдения налогового законодательства, ФНС России ставит для себя следующие задачи:

- налоговое администрирование на основе больших данных (Big Data) и онлайн-сервисов;

- полная интеграция налоговых сервисов в естественную среду;

- отказ от необходимости взаимодействовать с инспекциями в режиме «офлайн» — бесконтактное взаимодействие между участниками налоговых отношений;

- автоматическое выполнение налоговых обязательств на основе цифровизации налоговых процессов;

- переход от пресечения к предупреждению налоговых нарушений;

- практически полная прозрачность бизнеса;

- новый уровень доверия между государством и обществом.

Однако существуют барьеры, которые нужно преодолевать, чтобы создать современную цифровую администрацию. На пути цифровизации налоговых систем встают следующие проблемы.

1. Цифровое исключение отдельной части налогоплательщиков, которые не имеют возможности или не хотят использовать цифровые методы для взаимодействия с государственными налоговыми органами ввиду отсутствия у пользователей необходимых для этого знаний и навыков, личные убеждения граждан, инвалидность, удаленное местоположение, отсутствие технических возможностей и других факторов.

2. Проблема кибербезопасности и сохранения конфиденциальных данных, агрегированных в информационно-аналитических системах налоговых органов. Хакерские атаки, получение доступа к конфиденциальной информации являются серьезными угрозами в любой сфере. Мы не должны забывать, что в информационно-аналитических системах налоговых органов эти угрозы особенно высоки из-за ценности и полноты содержащихся в них сведений. Со стороны налоговых органов должна быть надлежащая осмотрительность и согласованность с налогоплательщиками о ключевых рисках и мерах предосторожности.

3. Переход к цифровой модели налоговой системы сопровождается дорогостоящим оборудованием и сложностями процесса перехода. Несмотря на очевидные преимущества оцифровки налоговых процессов, сам процесс цифровизации является длительным и может занять несколько лет, и только по истечению определенного времени проявится кумулятивный эффект применения IT-технологий в налогообложении в виде расширения спектра налоговых услуг и упрощения процедуры уплаты, сокращения схем уклонений уплаты налогов, коррупционной составляющей.

4. Нужно признать, что цифровизация налоговой системы — это не первое внедрение компьютерных технологий, а их обновление и расширение, поэтому возникла проблема переноса полных данных из имеющихся старых информационных систем в новые, который сопровождается потерей данных или их искажением. В перспективе потребуется объединение данных из различных существующих информационных систем: налоговых органов, таможенных органов и внебюджетных фондов.

Решение этих основных проблем в использовании IT-технологий в налоговой сфере позволит оказать влияние на эффективность цифровизации и будет способствовать дальнейшему развитию цифровой трансформации налоговой системы. Как следствие, элементами цифровой модели налоговой системы могут стать:

- наличие универсальных форм налоговых деклараций;

- простота и лаконичность налоговой системы (оцифровка сопровождается большими возможностями автоматизации процесса налоговой проверки и исполнения налоговых обязательств в режиме реального времени, что приведет к упрощению налогового законодательства);

- высокий уровень налоговой культуры и грамотности;

- значительно сократятся масштабы теневой экономики.

В рамках развития программы частно-государственного партнерства за 2017–2019 гг. ключевыми IT-поставщиками ФНС России была оказана мощная технологическая поддержка в виде разработки электронных сервисов для активного и продуктивного взаимодействия налоговых органов и налогоплательщиков. На основании данных официального портала госзакупок и базы данных «Контур.Фокус», совокупный объем заключенных ФНС РФ с ведущими топ-5 IT-подрядчиками за 2017–2019 гг. составили:

- IBS — 5067358114 руб. (обслуживание оборудования и ПО АИС, других систем, развитие ЕГР ЗАГС и ЕГР населения России);

- «Форс» — 5000435940 руб. (создание и модернизация систем АИС Налог-3);

- «Компьюлинк» — 2234092755 руб.;

- «Системный софт» — 1911883469 руб.;

- «Инлайн Технолоджис» — 1804509412 руб.².

Таким образом, приведенные данные свидетельствуют о больших объемах государственных средств, выделяемых на развитие и внедрение IT-технологий с целью повышения эффективности методов налогового администрирования. Российские IT-компании с 2021 г. получили налоговые льготы по налогу на прибыль организаций и страховым взносам. Так, ставка по налогу на прибыль снижена до 3 % в части, отчисляемой в федеральный бюджет, и 0 % — для региональной части налога. Также бессрочно установлены пониженные тарифы страховых взносов в совокупном размере 7,6 %. При этом уведомлять о праве пользования льготой не требуется, она предоставляется автоматически³.

Ввиду очевидной значимости цифровых технологий, которые внедряются во все сферы жизнедеятельности, дискусируется вопрос о внедрении новых налогов на цифровую прибыль, необходимо ввести единый подход к реформированию основ международной системы налогообложения транснациональных цифровых компаний. В частности, возникают идеи о введении таких новых налогов, как налог на некоторые виды циф-

2 Информационные технологии в Федеральной налоговой службе РФ (26.02.2021). URL: <https://www.tadviser.ru/index.php/> (дата обращения: 06.05.2021 г.).

3 Налоговые льготы для IT-компаний: как применять с 2021 года? / Информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ. URL: www.garant.ru / (дата обращения: 06.05.2021 г.).

ровых операций, удерживаемый с источника, акциз на электронные услуги и в качестве временной меры — налог на выручку цифрового предприятия (Еврокомиссия предложила ставку 3%). Идея налога на выручку нашла отражение в односторонних действиях в Греции, Индии, Италии и Великобритании. Оборотные налоги были введены для целевых секторов, таких как налог Венгрии на цифровую рекламу и сбор Италии с цифровых транзакций. Данное предложение Европейского союза касается только компаний с глобальной выручкой более 750 млн. евро и налогооблагаемой выручкой в странах — членах ЕС более 50 млн. евро в год, которые продают онлайн-рекламу или являются онлайн-торговыми площадками (Google, Facebook, Uber и др.).

В целях развития информационно-коммуникационной среды в налоговом администрировании с применением цифровых технологий ставится стратегическая задача превращения налоговой службы из фискального органа в сервисную компанию, ориентированную на удовлетворение интересов налогоплательщиков, активизацию их деятельности по выполнению своих налоговых обязательств на добровольной основе в рамках создания условий естественной доверительной среды. В перспективе налоговые сервисы должны быть полностью интегрированы в бизнес-среду.

ФНС РФ постоянно модернизирует существующие онлайн-сервисы, а также разрабатывает и внедряет новые информационные продукты. В 2021 году разработан обширный список мероприятий, связанных с цифровыми технологиями⁴:

1) одним из наиболее глобальных можно назвать разработку концепции автоматизированной информационной системы ФНС четвертого поколения (АИС «Налог-4») с учетом динамического внешнего окружения и импортозамещения;

2) до конца 2021 г. создать Единый федеральный информационный регистр, содержащий сведения о населении РФ (ФГИС ЕРН) на базе ЕГР «ЗАГС», в которой будет находиться более 30 видов сведений о гражданах,

но информация о доходах и налоговых поступлениях в нем учитываться не будет, что позволит своевременно оказывать адресную социальную помощь без истребования информации от других органов и регионов, сократить количество мошеннических действий при получении мер социальной поддержки, коррупцию;

3) создать ФНС России совместно с банками цифровую сервисную платформу для обмена сведений о налогоплательщике при оказании финансовых и иных услуг. В связи с введением с 01.01.2021 г. НДС по банковским вкладам свыше 1 млн. руб. налоговые органы на основании полученных данных будут сами направлять уведомления физическим лицам по налоговым обязательствам по НДС, которые должны быть исполнены не позднее 1 декабря года, следующего за налоговым периодом.

4) внедрить электронную систему «УСН-онлайн» для автоматического учета доходов в оперативном режиме с целью исключения обязанности предоставления налоговой декларации для субъектов малого и среднего предпринимательства. Таковых в ФНС насчитывают 1,2 млн. в России. Налоговый орган будет исчислять налог самостоятельно на основе данных, полученных от онлайн-касс;

5) создать новый единый сводный реестр задолженности по платежам в бюджет для взаимодействия ФНС РФ с ФССП для повышения эффективности взыскания задолженности по обязательным платежам;

6) для разрешения досудебных налоговых споров ввести в эксплуатацию в июне 2021 г. ПО «Налоговые споры» как подсистему в АИС «Налог-3», что позволит получать, обрабатывать, вести учет, анализировать и передавать данные о возникновении споров. Также будет разработан порядок рассмотрения жалоб посредством видеоконференцсвязи;

7) ФНС РФ будет бесплатно выдавать юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям электронные цифровые подписи (ЭЦП), используемые для формирования налогового документооборота;

⁴ Информационные технологии в Федеральной налоговой службе РФ (26.02.2021). URL: <https://www.tadviser.ru/index.php/> (дата обращения: 06.05.2021 г.).

8) с мая 2020 г. активно внедряется новый цифровой сервис ФНС РФ — Удостоверяющий центр (УЦ), на основе которого юридические лица, индивидуальные предприниматели и нотариусы будут обеспечены сертификатами квалифицированной электронной подписи;

9) ФНС получит онлайн-доступ к бухгалтерской и налоговой отчетности компаний, представляющих средний бизнес. Соответствующие поправки в Налоговый кодекс вносит Минфин РФ.

Таким образом, сформирован новый концептуальный подход налогового администрирования — «цифровая модель налоговой системы». Активное внедрение инновационных методов налогового администрирования путем использования массива автоматизированных информационных систем контроля и онлайн-сервисов создают комфортную информационно-коммуникационную среду для участников налоговых отношений и улучшения качества бюджетного планирования, гарантированных стабильных государственных доходов и корректности уплаты налогов.

Литература

1. Башкирова Н.Н. Анализ социально-экономических последствий реформирования НДС / Н.Н. Башкирова, С.Р. Эштиева // Проблемы анализа риска. — 2017. — Т. 14. — №4. — С. 14–23.

2. Динамика абсолютных значений и темпа роста ВВП России в постоянных ценах в 2000–2022 гг. [Электронный ресурс] / International Monetary Fund. — Режим доступа: https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2017/01/weodata/weorept.aspx?sy=2000&ey=2022&scsm=1&ssd=1&sort=subject&ds=%2C&br=0&pr1.x=67&pr1.y=8&c=922&s=NGDP_R%2CNGDP_RPCH&grp=0&a= (Дата обращения: 06.05.2021 г.).

3. Информационные технологии в Федеральной налоговой службе РФ (26.02.2021) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.tadviser.ru/index.php/> (Дата обращения: 06.05.2021 г.).

4. Михайловская Е., Ропотарева Ю. Налоговые меры по обеспечению устойчивого раз-

вития российской экономики в период пандемии коронавируса. 2020. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.dlapiper.com/ru/russia/insights/publications/2020/04/tax-measures-in-russia/> (Дата обращения: 05.05.2021).

5. Налоговые льготы для IT-компаний: как применять с 2021 года? [Электронный ресурс] / Информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ. — Режим доступа: www.garant.ru / (Дата обращения: 06.05.2021 г.).

6. Налоговая безопасность: монография для магистров вузов, обучающихся по направлениям подготовки «Экономика», «Юриспруденция» / Под ред. О. А. Мироновой. Серия «Magister». — М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2019. — 463 с.

7. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. №1632-р [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (Дата обращения: 06.05.2021 г.).

8. Разуваева Е. Б., Якупова Л. Уклонение от уплаты налогов: способы уклонения и методы решения / Е. Б. Разуваева, Л. Р. Якупова // Вестник современных исследований. — 2018. — №6.2 (21). — С. 265–267.

9. Рейтинг стран мира по уровню развития информационно-коммуникационных технологий [Электронный ресурс] / Гуманитарный портал. — Режим доступа: <https://gtmarket.ru/ratings/ict-development-index> (Дата обращения: 06.05.2021 г.).

10. Henry E. Corporate tax avoidance: data truncation and loss firms / E. Henry, R. Sansing // Review of Accounting Studies. — 2018. — №23 (3). — P. 1042–1070.

11. Malik S. An experimental analysis of tax avoidance policies / S. Malik, B. Mihm, F. Timme // International Tax and Public Finance. — 2018. — №25 (1). — P. 200–239.

References

1. Bashkirova N. N. Analiz social'no-ekonomicheskikh posledstvij reformirovaniya NDS [Analysis of the socio-economic consequences of VAT reform] / N. N. Bashkirova, S. R. Jeshtieva // Problemy analiza riska

[Problems of risk analysis]. — 2017. — Vol. 14. — №4. — Pp. 14–23.

2. Dinamika absolutnyh znachenij i tempa rosta VVP Rossii v postojannyh cenah v 2000–2022 gg. [Dynamics of absolute values and the growth rate of Russia's GDP in constant prices in 2000–2022] [Elektronnyj resurs] / International Monetary Fund. — URL: [https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2017/01/weodata/weorept.aspx?sy=2000&ey=2022&scsm=1&ssd=1&sort=subject&ds=%2C&br=0&pr1.x=67&pr1.y=8&c=922&s=NGDP_R%2CNGDP_RPCH&grp=0&a=\(Date accessed: 06.05.2021 g.\)](https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2017/01/weodata/weorept.aspx?sy=2000&ey=2022&scsm=1&ssd=1&sort=subject&ds=%2C&br=0&pr1.x=67&pr1.y=8&c=922&s=NGDP_R%2CNGDP_RPCH&grp=0&a=(Date%20accessed%3A06.05.2021%20g.)).

3. Informacionnye tehnologii v Federal'noj nalogovoj sluzhbe RF [Information technologies in the Federal Tax Service of the Russian Federation] (26.02.2021) [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://www.tadviser.ru/index.php/> (Date accessed: 06.05.2021 g.).

4. Mihajlovskaja E., Ponomareva Ju. Nalogovyje mery po obespecheniju ustojchivogo razvitiya rossijskoj jekonomiki v period pandemii koronavirusa [Tax measures to ensure the sustainable development of the Russian economy during the coronavirus pandemic]. — 2020. [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://www.dlapiper.com/ru/russia/insights/publications/2020/04/tax-measures-in-russia/> (Date accessed: 05.05.2021).

5. Nalogovyje l'goty dlja IT-kompanij: kak primenjat' s 2021 goda? [Tax benefits for IT companies: how to apply them from 2021?] [Elektronnyj resurs] / Informacionno-pravovoj portal GARANT.RU. — URL: www.garant.ru/ (Date accessed: 06.05.2021 g.).

6. Nalogovaja bezopasnost': monografija dlja magistriv vuzov, obuchajushhichsja po napravlenijam podgotovki «Jekonomika», «Jurisprudencija» [Tax security: a monograph

for masters of higher education institutions studying in the areas of training «Economics», «Jurisprudence»] / In O.A. Mironova (eds.). Serija «Magister». — Moscow: JuNITI-DANA: Zakon i pravo, 2019. — 463 p.

7. Programma «Cifrovaja jekonomika Rossijskoj Federacii», utverzhdannaja rasporjazheniem Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 28 ijulja 2017 g. №1632-r [The program «Digital Economy of the Russian Federation», approved by the order of the Government of the Russian Federation of July 28, 2017 №1632-r] [Elektronnyj resurs]. — URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (Date accessed: 06.05.2021 g.).

8. Razuvaeva E. B., Jakupova L. Uklonenie ot uplaty nalogov: sposoby uklonenija i metody reshenija [Tax evasion: methods of evasion and methods of solution] / E. B. Razuvaeva, L. R. Jakupova // Vestnik sovremennyh issledovanij [Bulletin of Modern Research]. — 2018. — №6.2 (21). — Pp. 265–267.

9. Rejting stran mira po urovnju razvitiya informacionno-kommunikacionnyh tehnologij [Rating of the countries of the world on the level of development of information and communication technologies] [Elektronnyj resurs] / Gumanitarnyj portal [Humanitarian Portal]. — URL: <https://gtmarket.ru/ratings/ict-development-index> (Date accessed: 06.05.2021 g.).

10. Henry E. Corporate tax avoidance: data truncation and loss firms / E. Henry, R. Sansing // Review of Accounting Studies. — 2018. — №23 (3). — P. 1042–1070.

11. Malik S. An experimental analysis of tax avoidance policies / S. Malik, B. Mihm, F. Timme // International Tax and Public Finance. — 2018. — №25 (1). — P. 200–239.

Гашенко Ирина Владиленовна — доктор экономических наук, профессор кафедры «Налоги и налогообложение» Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). Специалист в области исследования проблемных аспектов прямого налогообложения. Советник государственной гражданской службы РФ I класса. Награждена знаком отличия «Отличник Министерства Российской Федерации по налогам и сборам». Общий стаж работы на руководящих должностях в налоговых органах составляет 25 лет, стаж преподавательской работы в университете — более 19 лет.

Gashenko Irina Vladilenovna — Doctor of Economic Sciences, Professor of the Department of Taxes and Taxation, Rostov State University of Economics (RSUE). Advisor to the State Civil Service of the Russian Federation, 1st class Awarded with the distinction «Excellent worker of the Ministry of the Russian Federation for Taxes and Duties». The total work experience in management positions in the tax authorities is 25 years, the experience of teaching at the university is over 19 years.

344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69
69 B. Sadovaya st., 344002, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: gaforos@rambler.ru

Зима Юлия Сергеевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Налоги и налогообложение» Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). Специалист в области исследования проблем и перспектив налогообложения юридических и физических лиц. Автор более 100 научных работ в российских и зарубежных изданиях, в том числе нескольких монографий. Общий преподавательский стаж — 20 лет.

Zima Yulia Sergeevna — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Taxes and Taxation, Rostov State University of Economics (RSUE). Specialist in the field of researching the problems and prospects of taxation of legal entities and individuals. She is the author of over 100 scientific papers in Russian and foreign publications, including several monographs. General teaching experience for 20 years.

344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69
69 B. Sadovaya st., 344002, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: zima.julia.sergeevna@gmail.com

УДК 332.1(338.2)

10.17213/2075-2067-2021-3-135-148

РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ: СПОСОБЫ ИЗМЕРЕНИЯ

© 2021 г. В. В. Глазунова

Институт экономики РАН, г. Москва, Россия

Цель исследования. Для реализации крупных федеральных и инфраструктурных проектов в регионах России потребуется оценка результативности региональных команд управления, что требует формирования методических подходов к измерению результативности управления.

Цель исследования сводится к апробации подхода по оценке результативности регионального управления.

Методологию составляют теория управления региональными экономиками, официальная методика оценки эффективности исполнительной власти регионов, утвержденная на федеральном уровне, а также предлагаемые альтернативные подходы. Тем самым исследование имеет сугубо прикладное назначение, сводимое к демонстрации положительных и отрицательных сторон реализации альтернативных подходов к оценке результативности исполнительной власти субъектов РФ. В качестве рассматриваемого объекта выступают регионы Центрального федерального округа России. Именно по ним осуществляется апробация методики оценки эффективности исполнительной власти и ранжирование, исходя из условия равнозначности используемых показателей. Число применяемых показателей в два раза меньше, чем в официальной методике, причем они не предполагают дополнительных усилий по проведению методических разработок, связанных с созданием учетного комплекса показателя или алгоритма его расчета. Это является значимым преимуществом относительно официальной методики, программирующей в виде необходимости именно такие действия в области учета и измерения.

Общий результат сводится к полученной сумме баллов, характеризующих в агрегированном виде действия команды управления, находящие свое выражение в изменении каждого из используемых показателей. Лучшему управлению за рассматриваемый период с 2016 по 2019 год соответствует большее число баллов, итоговая диаграмма отражает расположение регионов по результативности управления.

Ключевые слова: регион; Центральный федеральный округ; региональное управление; эффективность исполнительно власти региона; метод измерения результативности управления.

REGIONAL GOVERNANCE PERFORMANCE: METHOD OF MEASUREMENT

© 2021 V. V. Glazunova

Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

The purpose of the study. Implementation of large federal and infrastructure projects in the regions of Russia will require an assessment of the performance of regional management

teams, which requires the formation of methodological approaches to measuring management performance.

The purpose of the study is to test the approach to assessing the effectiveness of regional governance.

The methodology consists of the theory of management of regional economies, the official methodology for assessing the effectiveness of the executive power of the regions, approved at the federal level, as well as the proposed alternative approaches. Thus, the study has a purely applied purpose, reduced to demonstrating the positive and negative aspects of the implementation of alternative approaches to assessing the effectiveness of the executive power of the constituent entities of the Russian Federation. The considered object is the regions of the Central Federal District of Russia. It is on them that the methodology for assessing the effectiveness of the executive branch is tested and ranking, based on the condition of the equivalence of the indicators used. The number of indicators used is two times less than in the official methodology, and they do not imply additional efforts to carry out methodological developments associated with the creation of an accounting complex of an indicator or an algorithm for its calculation. This is a significant advantage in relation to the official methodology, which programs exactly such actions in the field of accounting and measurement as necessary.

The overall result is reduced to the received sum of points characterizing in an aggregated form the actions of the management team, which are expressed in the change in each of their used indicators. The best management for the period under review from 2016 to 2019 corresponds to a higher number of points, the final diagram reflects the location of the regions in terms of management effectiveness.

Key words: region; Central Federal District; regional administration; efficiency of the executive power of the region; method of measuring the effectiveness of management.

Введение. Российская экономика имеет большую специфику функционирования, вытекающую из различий пространственно-регионального построения [4, 8], особенностей федеративного устройства [1], что сказывается на развитии отраслей, неравномерно распределенных по различным регионам [3], формируя и бюджетные возможности развития [2], а также задает структуру экономического роста, имеющую помимо прочих и региональное измерение [5]. Обычно, рассматривая классические варианты региональной политики, обходят пространственные и федеративные особенности стороной [8, 11]. Однако помимо этих аспектов из поля зрения исследователей часто выпадает, например, совокупность структурных особенностей и проблем развития конкретных регионов, отсутствие или наличие институтов регионального развития.

Нужно отметить, что общие вопросы влияния отдельных институтов на экономический рост исследованы весьма подробно

[10, 14–15]. Однако влияние вновь вводимых институтов развития, в частности регионов в разных странах и обстоятельствах, имеют неоднозначные результаты [6–7]. Так, агентства регионального развития, применявшиеся как институт развития регионов в Африке и Чешской республике, дают совсем не похожие результаты, которые нельзя назвать однозначно удовлетворительными [12–13], не говоря уже о том, чтобы переносить подобные институты в условия российских пространственных особенностей развития хозяйства. В работе 2012 года профессором О.С. Сухаревым подробно изложены аргументы, почему требуется исследовать имеющийся в регионах функционал, отвечающий за разработку и реализацию программы развития. Институциональные реорганизации могут негативно сказаться на управлении развитием, если не понять причин, почему не работают имеющиеся институты и те функции на уровне регионов, которые должны были исполняться [6]. Кроме этого, нужно учиты-

вать институты саморазвития [7], возможное взаимодействие с ними предлагаемых новых институтов, ввод которых требует обоснования для каждого региона протяженной в пространстве экономики страны.

Однако, одновременно с институтами развития в России предлагаются институты оценки, в частности эффективности исполнительной власти регионов, то есть правила измерения эффективности регионального управления. Так, принят Указ Президента РФ от 4 февраля 2021 года №68, где утвержден список из 20 показателей оценки эффектив-

ности региональной исполнительной власти с дальнейшей разработкой, совершенствованием методик измерения [9]. Отметим, что большая часть показателей не имеет непосредственной отношения к оценке эффективности управления. В связи с этим возникает задача — определить результативность регионального управления и апробировать иной подход к оценке успешности работы региональных команд управления, который предложен в трудах В.П. Чичканова и О.С. Сухарева¹. Методологию исследования составляют базовые принципы управления и измерения

Таблица 1

ВРП на душу населения в ценах 2015 года, руб.²

		ВРП на душу населения региона, руб.				
		2015	2016	2017	2018	2019
	РФ	449097,9	468303,5	496404,4	582374,8	602884,7
1	ЦФО	580706,6	608581,5	644596,2	746370,0	773011,8
1.1	Белгородская область	447619,7	454469,6	472057,8	535584,2	550759,4
1.2	Брянская область	221080,0	229157,1	239097,1	281013,5	299856,9
1.3	Владимирская область	262945,5	280918,1	295414,7	344318,3	364957,3
1.4	Воронежская область	345566,8	345263,9	357843,4	382364,6	398632,6
1.5	Ивановская область	174687,5	180785,2	189096,4	237045,9	250608,9
1.6	Калужская область	336353,9	358196,5	378494,1	450913,1	475570,3
1.7	Костромская область	245940,9	251390,9	261842,7	302496,6	317759,6
1.8	Курская область	301242,5	311016,2	324985,3	371468,3	400376,1
1.9	Липецкая область	388074,7	411740,6	427453,6	502885,0	485573,1
1.10	Московская область	437249,1	480976,4	484006,3	569544,9	584896,8
1.11	Орловская область	273107,5	290486,0	296166,9	340270,2	359194,8
1.12	Рязанская область	285257,8	298944,4	318896,9	369417,1	384248,6
1.13	Смоленская область	266927,2	281928,7	304788,4	345113,4	361266,5
1.14	Тамбовская область	300289,9	299510,1	299994,1	346392,6	361386,7
1.15	Тверская область	251633,2	273821,9	292671,0	347725,4	367337,4
1.16	Тульская область	316248,5	331524,6	344180,1	401772,2	413894,5
1.17	Ярославская область	348375,7	367131,4	389304,7	432195,7	451135,5
1.18	г. Москва	1102496,4	1140941,5	1224996,8	1410231,5	1451477,3

¹ Эти работы оказались доступны автору на этапе рукописей, они создавали методику оценки эффективности исполнительной власти регионов, но без апробации. В этой статье проведены количественные расчёты, реализующие именно апробацию этих методик с некоторыми авторскими привнесениями.

² Источник: Федеральная служба государственной статистики. Национальные счета [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/accounts>. Данные приведены к постоянным ценам 2015 года через индекс физического объема ВРП.

эффективности управления, а также сравнительный статистический анализ совместно с оценочным методом изменения отобранных показателей, характеризующих развитие регионов. Апробация альтернативной методики проводилась на примере регионов Центрального федерального округа. Общие результаты обобщены в разделе апробации методики и в заключении.

1. Результативность регионального управления. Под результативностью управ-

ления понимается способность оказывать такие воздействия на управляемые объекты, которые изменяли бы состояние этих объектов в нужном направлении, то есть позволяли бы достичь целей управления. Эффективность управления можно рассматривать как близкий термин, но помимо достижения целей воздействия необходимо соизмерять силу и затраты, связанные с обеспечением тех или иных воздействий, расход ресурсов на достижение поставленных целей с приобретаемым доходом от достижения.

Таблица 2

Уровень бедности (доля населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума)³

		Уровень бедности (доля населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума)				
		2015	2016	2017	2018	2019
	РФ	0,134	0,132	0,129	0,125	0,123
1	ЦФО	0,103	0,100	0,095	0,090	0,090
1.1	Белгородская область	0,085	0,081	0,078	0,075	0,078
1.2	Брянская область	0,142	0,144	0,143	0,138	0,138
1.3	Владимирская область	0,148	0,147	0,134	0,132	0,127
1.4	Воронежская область	0,095	0,094	0,091	0,089	0,090
1.5	Ивановская область	0,161	0,15	0,144	0,149	0,143
1.6	Калужская область	0,108	0,102	0,100	0,104	0,102
1.7	Костромская область	0,144	0,137	0,135	0,128	0,127
1.8	Курская область	0,104	0,105	0,104	0,100	0,100
1.9	Липецкая область	0,093	0,092	0,089	0,088	0,087
1.10	Московская область	0,082	0,077	0,078	0,072	0,073
1.11	Орловская область	0,146	0,143	0,140	0,136	0,138
1.12	Рязанская область	0,130	0,128	0,133	0,130	0,128
1.13	Смоленская область	0,177	0,179	0,170	0,166	0,164
1.14	Тамбовская область	0,108	0,107	0,105	0,100	0,108
1.15	Тверская область	0,131	0,128	0,126	0,123	0,118
1.16	Тульская область	0,107	0,101	0,100	0,101	0,104
1.17	Ярославская область	0,108	0,110	0,107	0,102	0,104
1.18	г. Москва	0,088	0,085	0,074	0,067	0,066

3 Источник: Федеральная служба государственной статистики. Неравенство и бедность [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723>; Регионы России: Социально-экономические показатели 2020. Статистический сборник [Электронный ресурс]. Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/regional_statistics. Расчет: численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, взятая из первого источника, разделена на общую численность населения на конец года по регионам, взятую из второго источника.

Оценивая работу органов исполнительной власти в регионах, прежде всего, важна результативность, как они справляются с движением по установленным целям развития, причем как на региональном, так и на федеральном уровне. Предполагается, что эти цели формируются, исходя из реализации процедур в рамках действующей системы стратегического планирования, хотя именно для российских регионов это является проблемой проблем. Разумеется, цели различны, и их число весьма значительное, поэтому имеет смысл оценить общую результативность, сколько из них достигнуто за плановый период. К тому же исполнительская

дисциплина важна с точки зрения оценки регионального бюджета. Другие показатели регионального развития могут характеризовать общие управленческие усилия власти. К ним относятся валовый региональный продукт на душу населения региона, величина реального дохода и заработной платы, уровень бедности и неравенства, объем загрязнений воздуха и воды, естественный прирост. Именно эти показатели использует альтернативная методика (отличается по числу и составу показателей — берется меньшее число параметров, включен показатель инновационной продукции и средней, а не ожидаемой продолжительности жизни населения региона).

Таблица 3

Уровень неравенства (по коэффициенту фондов, охватывающему доходы региона)⁴

		Уровень неравенства (по коэффициенту фондов, охватывающему доходы региона)				
		2015	2016	2017	2018	2019
	РФ	15,5	15,5	15,4	15,6	15,4
1	ЦФО					
1.1	Белгородская область	13,1	14	13,6	13,6	13
1.2	Брянская область	11,8	12	11,8	12,1	11,9
1.3	Владимирская область	10,4	10,1	10	9,6	9,3
1.4	Воронежская область	15,1	14,8	14,2	14,1	13,7
1.5	Ивановская область	10,4	10,9	11	10,6	10,8
1.6	Калужская область	12	12,1	11,2	10,7	10,9
1.7	Костромская область	10	10,3	10,2	9,2	9,2
1.8	Курская область	12,2	12,2	11,7	11,5	11,3
1.9	Липецкая область	12,8	12,9	12,9	13,4	13,3
1.10	Московская область	13,6	14	13,6	13,6	13,5
1.11	Орловская область	11	11,4	11,2	11,1	11
1.12	Рязанская область	11,6	11,4	11,3	11,2	11,2
1.13	Смоленская область	10,9	10,8	12,1	12,5	12,3
1.14	Тамбовская область	12,4	12,6	12,3	12	11,4
1.15	Тверская область	9,4	9,5	9,1	9,2	9,5
1.16	Тульская область	10,9	11,1	10,9	10,2	9,8
1.17	Ярославская область	12,6	12,3	11,5	10,5	10,5
1.18	г. Москва	18,1	17,3	16,1	15,8	15,9

4 Источник: ЕМИСС. Государственная статистика. Коэффициент фондов (соотношение денежных доходов 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31170>.

Согласно этой методике осуществим оценку результативности управления развитием регионов Центрального федерального округа России.

2. Измерение результативности регионального управления: альтернативная методика. Приведем результаты количественных оценок, входящих в методику девяти основных параметров (таблицы 1–9), и итоговую диаграмму ранжирования регионов Центрального федерального округа по выставленным баллам. Положительное изменение каждого показателя оценивается одним плюсом (рисунок 1), отрицательное изменение — минусом. Если показатель не изменяется (данный год к предыдущему), тогда оце-

нивается, что происходило в экономике России. Если этот показатель улучшался для России, а в данном регионе не изменялся, то это минус, если в России ухудшался, а в регионе не изменялся — тогда плюс. Сумма плюсов и есть общий балл для региона. Если имеется информация за 2016–2019 годы и девять основных показателей, то максимальное число баллов равно 36. Условно можно выделить четыре группы регионов по девятибалловому диапазону. Первые девять баллов — это низкорезультативные с точки зрения управления регионы, вторые девять баллов — это среднерезультативные (низкого уровня), третьи девять баллов — среднерезультативные высокого уровня и четвертые девять баллов — высокорезультативные. Безусловно, такое

Таблица 4

Коэффициент естественного прироста населения на 1000 чел.⁵

		Коэффициент естественного прироста населения на 1000 чел.				
		2015	2016	2017	2018	2019
	РФ	0,3	-0,01	-0,9	-1,6	-2,2
1	ЦФО	-1,8	-1,9	-2,5	-3	-3,3
1.1	Белгородская область	-2,4	-2,8	-3,8	-4,3	-4,8
1.2	Брянская область	-4,4	-4,7	-5,8	-6	-6,4
1.3	Владимирская область	-4,9	-5,3	-6	-6,7	-7,5
1.4	Воронежская область	-4,2	-4,5	-5	-5,5	-5,7
1.5	Ивановская область	-4,6	-5,2	-6,2	-7,1	-7,9
1.6	Калужская область	-2,4	-2,9	-4	-4,7	-5,7
1.7	Костромская область	-3,5	-3,6	-4,2	-5,2	-5,6
1.8	Курская область	-4,7	-5	-5,9	-6,2	-6,6
1.9	Липецкая область	-3,7	-3,9	-4,7	-5	-5,7
1.10	Московская область	-0,1	0,1	-0,4	-1,2	-2,5
1.11	Орловская область	-5,2	-5,5	-6,3	-6,8	-7,2
1.12	Рязанская область	-4,7	-4,7	-5,5	-6,2	-6,9
1.13	Смоленская область	-5,8	-5,9	-6,4	-7,2	-7,6
1.14	Тамбовская область	-6,3	-6,3	-6,5	-7,5	-7,3
1.15	Тверская область	-6,5	-6,6	-7	-7,7	-7,9
1.16	Тульская область	-6,6	-6,8	-7,6	-7,9	-8,3
1.17	Ярославская область	-3,4	-3,6	-4,7	-5,1	-5,8
1.18	г. Москва	1,7	1,8	1,1	0,8	1,2

⁵ Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели 2020. Статистический сборник [Электронный ресурс]. Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/regional_statistics.

выделение нормативное и условно, но, тем не менее, оно позволяет выделить некое ранжирование регионов и дать характеристику системе их управления. При отсутствии плюсов на данном интервале выставляют нулевой балл (согласно методике).

По исходным расчетным данным по регионам Центрального федерального округа России по девяти базовым параметрам (согласно методике требуется синхронное увеличение реальных располагаемых доходов и заработной платы, чтобы был выставлен плюс) в таблицах 1–9 далее осуществлялся анализ изменения каждого параметра для каждого региона. Если параметр улучшался в текущем году относительно предыдущего, то выставлялся

плюс, затем считалось общее число плюсов, собранных регионом за период 2016–2019 гг. Эта сумма плюсов и составляет общий балл — рейтинг региона с точки зрения того, как система управления обеспечивала развитие региональной экономики и решение социальных и экологических проблем.

В данном варианте методики не используется оценка исполнения региональной властью программных документов регионального и федерального уровня, так как эту статистику должны предоставлять регионы, и на сегодня сбор этих данных для отдельного исследователя затруднителен. Но этот показатель присутствует изначально в альтернативной методике и может использоваться

Таблица 5

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет⁶

		Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет				
		2015	2016	2017	2018	2019
	РФ	71,39	71,87	72,7	72,91	73,34
1	ЦФО	72,72	73,07	73,89	74,01	74,54
1.1	Белгородская область	72,61	72,87	73,67	73,67	74,21
1.2	Брянская область	70,36	70,92	71,27	71,71	72,31
1.3	Владимирская область	69,82	70,28	71,15	71,23	71,87
1.4	Воронежская область	71,67	72,08	73,03	73,15	73,63
1.5	Ивановская область	70,62	70,77	71,47	71,29	71,84
1.6	Калужская область	70,73	71,18	71,87	71,89	72,35
1.7	Костромская область	70,38	70,87	71,81	71,87	72,35
1.8	Курская область	70,8	70,94	71,74	71,91	72,27
1.9	Липецкая область	71,07	71,62	72,46	72,62	73,34
1.10	Московская область	72,26	72,5	73,34	73,52	73,86
1.11	Орловская область	70,38	70,73	71,63	71,56	72,56
1.12	Рязанская область	71,46	71,87	72,7	72,84	73,2
1.13	Смоленская область	69,74	69,98	71,14	71,16	71,89
1.14	Тамбовская область	71,67	72,11	73,21	72,95	73,56
1.15	Тверская область	69,1	69,24	70,45	70,47	71,24
1.16	Тульская область	70,06	70,56	71,18	71,77	72,21
1.17	Ярославская область	70,98	71,21	71,85	72,25	72,92
1.18	г. Москва	76,77	77,08	77,87	77,84	78,36

6 Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели 2020. Статистический сборник [Электронный ресурс]. Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/regional_statistics.

в дальнейшем. Кроме этого, рост реальных расходов бюджета на одного жителя может отмечаться положительно лишь при ограничении на бюджетный дефицит. Планы ликвидации дефицитов региональных бюджетов и реструктуризации их задолженности разрабатываются Правительством России в 2021 года и на перспективу 2022–2023 гг. В связи с этим выставление плюса или минуса можно привязать к правилу преодоления проблемы дефицитного регионального бюджета. В этом случае рост реальных расходов означает увеличение финансирования социальных секторов региона. Чтобы не загромождать таблицами данную статью, набор

набранных баллов каждым регионом по каждому показателю здесь опускается, но приводится диаграмма расположения регионов по общему набранному числу баллов (рисунок 1) как итог апробации рассматриваемой методики.

На рисунке 1 по убыванию числа баллов (слева направо) расположены регионы Центрального федерального округа России, что означает снижение результативности регионального управления. Можно выделить четыре участка по девять баллов каждый: от нуля до девяти баллов — низкорезультативные регионы (такие для Центрального округа отсутствуют), от девяти до восемнадцати бал-

Таблица 6

Реальные расходы регионального бюджета на одного жителя в ценах 2015 года, руб.⁷

		Реальные расходы регионального бюджета на одного жителя, руб.				
		2015	2016	2017	2018	2019
1	ЦФО	68312,38	77237,70	89114,59	97533,54	109819,05
1.1	Белгородская область	42916,91	43356,02	49626,38	56058,22	67491,68
1.2	Брянская область	37018,60	42980,78	45919,71	48138,31	55841,08
1.3	Владимирская область	32275,02	37770,19	40104,63	47029,40	52583,98
1.4	Воронежская область	35657,09	40009,95	41798,65	48112,32	53909,34
1.5	Ивановская область	32105,78	31822,73	32356,48	39196,14	45292,60
1.6	Калужская область	47033,51	51032,27	58987,98	67347,38	72393,13
1.7	Костромская область	34776,06	39319,17	40158,70	47515,19	56471,98
1.8	Курская область	38592,90	43795,51	49200,60	53478,48	63051,84
1.9	Липецкая область	42219,33	46372,08	47142,94	52139,79	59680,12
1.10	Московская область	53661,47	54160,10	63045,75	69522,98	79657,27
1.11	Орловская область	37922,81	41388,11	42582,69	46214,82	50318,76
1.12	Рязанская область	37107,97	40139,58	43559,06	49251,69	57782,44
1.13	Смоленская область	40728,96	43550,35	41924,41	44174,26	51124,35
1.14	Тамбовская область	41808,25	45927,30	45041,90	48236,78	53544,33
1.15	Тверская область	38186,20	38716,23	44485,24	45865,25	52053,13
1.16	Тульская область	41022,76	44524,27	48498,93	51807,99	61105,68
1.17	Ярославская область	44132,91	47492,08	52078,01	60773,91	63808,95
1.18	г. Москва	123410,70	146581,02	172461,49	185589,77	205342,69

⁷ Источники: а) Распоряжения правительства об утверждении отчетов об исполнении бюджетов регионов [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/>; б) Регионы России: Социально-экономические показатели 2020. Статистический сборник [Электронный ресурс]. Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/regional_statistics. Расчет: Общие расходы бюджетов регионов за указанные годы были приведены к ценам 2015 года с использованием индекса «Реальные денежные доходы населения» (в % к предыдущему году), приведенные к 2015 году расходы бюджетов на основе данных из источника (а) были разделены на численность населения на конец года (б).

Таблица 7

Изменение реальных денежных доходов населения и реальной начисленной заработной платы работников организаций (в % к предыдущему году)⁸

		Реальные денежные доходы населения (в % к предыдущему году)				
		2015	2016	2017	2018	2019
	РФ	96,4	95,5	99,8	101,1	101,7
1	ЦФО	96,2	96,5	100,3	101	102,8
1.1	Белгородская область	99,3	100,8	99,1	98,7	100,6
1.2	Брянская область	97	95	99,4	102,1	100,5
1.3	Владимирская область	99,5	92,2	100,9	96,4	101,9
1.4	Воронежская область	101,1	93,6	97,4	100	101,1
1.5	Ивановская область	95,5	98,5	100,4	94,4	99,5
1.6	Калужская область	96,4	97,7	95,2	98	102,8
1.7	Костромская область	98,6	98,1	99,8	94,7	100,9
1.8	Курская область	100,4	93,2	99,1	100,1	100,9
1.9	Липецкая область	96,1	96,8	100,1	100,1	102,6
1.10	Московская область	97,5	99,7	100	102,6	102,1
1.11	Орловская область	98,9	96	99,7	100,5	99,1
1.12	Рязанская область	94,8	94,2	97,3	100,3	99,9
1.13	Смоленская область	99,1	93,1	100,9	101	100,4
1.14	Тамбовская область	98,5	95,8	97	98,8	98,1
1.15	Тверская область	96,7	94,4	97,5	99,8	103,2
1.16	Тульская область	99	97,9	97,7	95,9	99,9
1.17	Ярославская область	99,5	93	98	96,2	99,5
1.18	г. Москва	94,4	95,7	101,5	101,8	104,3
		Реальная начисленная заработная плата работников организаций (в % к предыдущему году)				
		2015	2016	2017	2018	2019
	РФ	91	100,8	102,9	108,5	104,8
1	ЦФО	90,3	101,7	101,6	108,8	106,2
1.1	Белгородская область	93,2	100,8	104,5	106,8	104
1.2	Брянская область	89	98,5	103,2	107	104
1.3	Владимирская область	91	99,2	103,6	109,9	103,5
1.4	Воронежская область	89,1	99,1	102,8	108,7	103,4
1.5	Ивановская область	87,9	97,6	102,1	106	102,1
1.6	Калужская область	90,3	98,3	103,4	107,8	103,9
1.7	Костромская область	90,1	98,5	103,1	109,6	108,1
1.8	Курская область	89,8	98,4	103,8	106	103,8

⁸ Источник: Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/regional_statistics.

Окончание таблицы 7

1.9	Липецкая область	92,1	100,4	105,1	107,8	103,3
1.10	Московская область	91,1	96,3	105,7	106,5	102,2
1.11	Орловская область	89,3	98,6	103,5	108,2	103,2
1.12	Рязанская область	90	100,7	101,2	106,5	102,7
1.13	Смоленская область	90,8	100,4	101,1	108,7	101,8
1.14	Тамбовская область	90,9	97,9	102,9	106,7	101,9
1.15	Тверская область	89,3	98,8	102,4	109,8	103,9
1.16	Тульская область	91,3	99,7	104,1	106	105,7
1.17	Ярославская область	89,8	98,7	104	106	101,6
1.18	г. Москва	90,1	103	98,7	109,6	107,6

Таблица 8

Сброс загрязненных сточных вод на человека, м³/чел.⁹

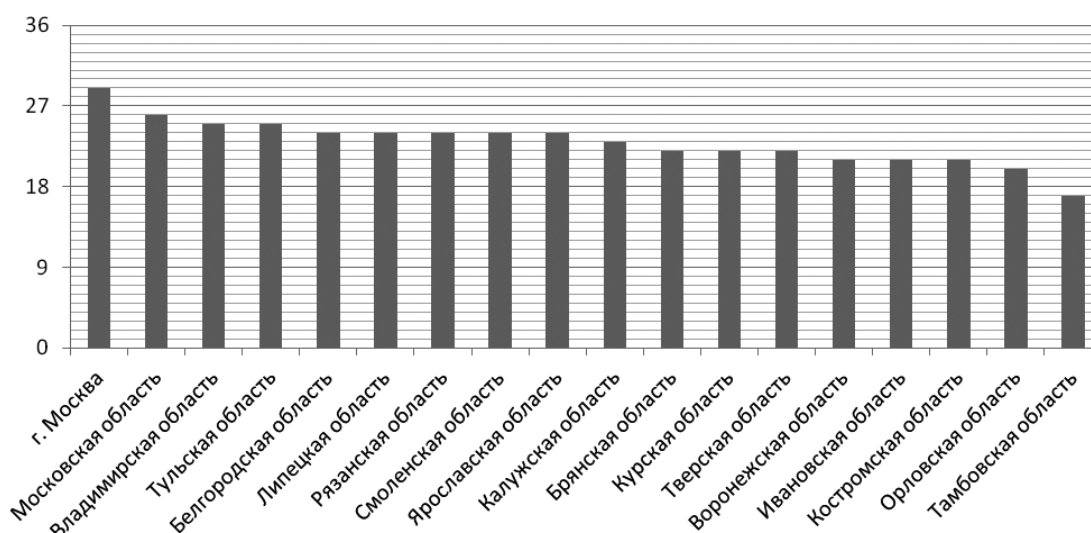
		Сброс загрязненных сточных вод на человека, м ³ /чел				
		2015	2016	2017	2018	2019
	РФ	98,39	100,26	92,52	89,49	85,87
1	ЦФО	81,91	81,28	79,95	77,02	73,01
1.1	Белгородская область	39,35	47,65	45,81	45,22	44,54
1.2	Брянская область	47,31	47,5	45,42	45	42,75
1.3	Владимирская область	78,02	78,42	76,2	72,47	69,22
1.4	Воронежская область	50,15	52,25	51,01	51,12	51,2
1.5	Ивановская область	67,96	67,45	67,98	59,76	61,18
1.6	Калужская область	85,15	82,84	71,15	70,37	70,79
1.7	Костромская область	55,3	55,56	54,43	53,38	55,29
1.8	Курская область	9,82	10,69	11,66	10,84	9,96
1.9	Липецкая область	65,74	71,8	66,96	60,31	66,73
1.10	Московская область	147,29	143,74	138,08	125,81	113,12
1.11	Орловская область	67,11	68,87	69,61	77,03	64,03
1.12	Рязанская область	72,57	70,98	67,74	67,32	67,63
1.13	Смоленская область	60,48	61,91	62,11	57,32	49,2
1.14	Тамбовская область	39,05	39,42	43,56	44,29	42,7
1.15	Тверская область	64,37	60,14	60,75	58,27	53,97
1.16	Тульская область	108,9	107,4	107,24	105,48	105,05
1.17	Ярославская область	158,02	140,83	140,6	138,1	134,77
1.18	г. Москва	66,34	66,63	67,56	67,78	64,68

⁹ Источник: Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/regional_statistics. Данные по сбросу загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты разделены на численность населения на конец года.

Таблица 9

Выбросы в атмосферу от стационарных источников на человека, кг/чел.¹⁰

		Выбросы в атмосферу от стац.источников на человека, кг/чел				
		2015	2016	2017	2018	2019
	РФ	118,05	117,84	119,14	116,5	117,89
1	ЦФО	39,15	39,76	39,33	38,83	40,65
1.1	Белгородская область	76,13	72,76	75,48	113,05	101,36
1.2	Брянская область	30,18	31,94	38,81	33,33	38,56
1.3	Владимирская область	21,47	23,74	26,85	30,75	39,76
1.4	Воронежская область	29,58	31,26	32,58	44,67	45,18
1.5	Ивановская область	32,04	26,39	22,66	21,91	17,05
1.6	Калужская область	25,74	22,68	26,68	28,74	26,92
1.7	Костромская область	70,66	77,16	83,98	50,24	69,51
1.8	Курская область	27,68	34,73	35,87	46,07	52,54
1.9	Липецкая область	283,74	276,82	283,48	276,22	272,17
1.10	Московская область	30,2	34,08	30,25	29,35	24,57
1.11	Орловская область	17,11	27,81	28,11	37,84	35,42
1.12	Рязанская область	86,73	87,84	85,56	74,51	91,97
1.13	Смоленская область	61,52	60,86	65,26	60,51	56,68
1.14	Тамбовская область	53,33	53,85	60,99	55,12	72,49
1.15	Тверская область	45,98	48,57	57,63	22,05	53,17
1.16	Тульская область	98,94	94,73	80,43	73,7	72,99
1.17	Ярославская область	71,54	67,66	60,03	57,94	73,37
1.18	г. Москва	5,11	5,09	4,8	4,84	5,92

Рис. 1. Ранжирование регионов по числу набранных баллов (согласно назначенным баллам по таблицам 1–9)

¹⁰ Источник: Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/regional_statistics. Данные по выбросам загрязняющих веществ в атмосферный воздух, отходящих от стационарных источников, разделены на численность населения на конец года.

лов — средней результативности, но низкого уровня (Тамбовская область), от восемнадцати до двадцати семи баллов — средней результативности, но высокого уровня (это большая часть регионов Центрального федерального округа от Московской до Орловской областей), и выше двадцати семи баллов до максимального значения в тридцать шесть баллов — это высокорезультативные регионы (город Москва).

Таким образом, апробация данной методики позволяет получить карту результативности общего регионального управления, которая дает характеристику не только тому, как реализуется региональная политика, но и как именно развивается сам регион. Любой подход в этом смысле будет условным, но преимущество имеет тот из них, который позволяет получить с малыми затратами весьма правдоподобную картину оценки эффективности исполнительной власти в регионах.

Заключение. Официальная методика оценки эффективности исполнительной власти в регионах России не позволяет получить аналогичную карту распределения эффективности регионального управления и развития.

Слишком большое число показателей, которые характеризуются низкой информативностью и уровнем согласования, а также измерительными и интерпретационными трудностями, делает применение стандартной методики не только условным, но и требующим относительно высоких затрат.

Как видно по полученным результатам, самая высокую результативность регионального управления для ЦФО показывает город Москва, затем блок регионов показывает отличающуюся, но среднюю результативность (высокого уровня), и только один регион — Тамбовская область — показывает среднюю результативность низкого уровня. Тем самым исследование подтверждает существенный отрыв Москвы от регионов даже своего федерального округа по общим результатам развития и управления в 2016–2019 гг. на интервале, охваченном настоящим исследованием.

Представленная апробация альтернативного подхода, который также нельзя рассматривать как некую измерительную или оценочную панацею, вполне может использоваться в качестве более удобного спосо-

ба решения поставленной задачи, сводимой к оценке региональных команд управления. Их деятельность выражается в изменении базовых показателей экономического, социального, экологического свойства, а также требует оценки административной дисциплины, сводимой к тому, как исполняются Указы Президента РФ, национальные проекты и программы развития федерального и регионального уровня. Альтернативная методика, применение которой продемонстрировано в настоящем исследовании, может быть легко вписана в процедуры стратегического планирования развития региональной экономики.

Литература

1. Валентей С.Д. Российский федерализм. Экономико-правовые проблемы. — М.: Алетейя, 2008. — 320 с.
2. Глазунова В.В. Оценка структурной эффективности бюджета брянской области на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов // Сборник статей III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Экономическая политика и ресурсный потенциал региона». — 2020. — С. 45–49.
3. Леонтьев В.В. Межотраслевая экономика. — М.: Экономика, 1997. — 479 с.
4. Минакир П.А. Теоретические аспекты исследования пространственных экономических систем // Журнал экономической теории. — 2017. — №3. — С. 7–10.
5. Сухарев О.С. Структура экономического роста. Нужны ли кардинальные изменения. — М.: Ленанд, 2021. — 352 с.
6. Сухарев О.С. Институты регионального развития: концептуально-практический анализ организационных изменений // Экономический анализ: теория и практика. — 2012. — №3. — С. 2–12.
7. Татаркин А.И. Институты саморазвития региональных социально-экономических систем // Институты современной экономики. — СПб: Алетейя, 2015. — Т. 4. — С. 87–160.
8. Татаркин А.И. Региональная направленность экономической политики Российской Федерации как института пространственного обустройства территорий // Экономика региона. — 2016. — №1. — С. 9–27.

9. Указ Президента РФ от 4 февраля 2021 года №68 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/news/64970>.

10. *Ahmad M.* Economic growth and convergence: Do institutional proximity and spillovers matter? // *Journal of Policy Modeling*. November-december 2017. — Vol. 39. — Issue 6. — P. 1065–1085.

11. *Hoover E. M.* An Introduction to Regional Economics. — Knopf, New York, 1971. — 395 p.

12. *Lawrence F.* The Role of Local Economic Development Agencies in the South African Local Economic Development Landscape // *Urban Forum*, 2013. — Vol. 24. — Pp. 523–541.

13. *McMaster I.* Czech regional development agencies in a shifting institutional landscape // *Europe-Asia Studies*, 2006. — Vol. 58. — Issue 3. — Pp. 347–370.

14. *Neyapti B., Arasil Ya.* The nexus of economic and institutional evolution Economic Modelling. — January 2016. — Vol. 52. — Part B. — P. 574–582.

15. *North D. C.* Institutions and economic growth: An historical introduction. *World Development*. — September 1989. — Vol. 17. — Issue 9. — P. 1319–1332.

References

1. *Valentej S. D.* Rossijskij federalizm. Jekonomiko-pravovye problemy [Russian federalism. Economic and legal problems]. — Moscow: Aletejja, 2008. — 320 p.

2. *Glazunova V. V.* Ocenka strukturnoj jeffektivnosti bjudzheta brjanskoj oblasti na 2020 god i na planovyj period 2021 i 2022 godov [Evaluation of the structural efficiency of the budget of the Bryansk region for 2020 and for the planning period of 2021 and 2022] // *Sbornik statej III Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem «Jekonomicheskaja politika i resursnyj potencial regiona»* [Collection of articles of the III All-Russian Scientific and practical Conference with in-

ternational participation «Economic policy and resource potential of the region»]. — 2020. — Pp. 45–49.

3. *Leont'ev V. V.* Mezhotraslevaja jekonomika [Mezhotraslevaya ekonomika]. — Moscow: Jekonomika, 1997. — 479 p.

4. *Minakir P. A.* Teoreticheskie aspekty issledovanija prostranstvennyh jekonomicheskikh sistem [Theoretical aspects of the study of spatial economic systems] // *Zhurnal jekonomicheskoi teorii* [Journal of Economic Theory]. — 2017. — №3. — Pp. 7–10.

5. *Suharev O. S.* Struktura jekonomicheskogo rosta. Nuzhny li kardinal'nye izmenenija [The structure of economic growth. Whether drastic changes are needed]. — Moscow: Lenand, 2021. — 352 p.

6. *Suharev O. S.* Instituty regional'nogo razvitija: konceptual'no-prakticheskij analiz organizacionnyh izmenenij [Institutes of regional development: a conceptual and practical analysis of organizational changes] // *Jekonomicheskij analiz: teorija i praktika* [Economic analysis: theory and practice]. — 2012. — №3. — Pp. 2–12.

7. *Tatarkin A. I.* Instituty samorazvitija regional'nyh social'no-jekonomicheskikh sistem [Institutes of self-development of regional socio-economic systems] // *Instituty sovremennoj jekonomiki* [Institutes of Modern Economics]. — Saint Petersburg: Aletejja, 2015. — Vol. 4. — Pp. 87–160.

8. *Tatarkin A. I.* Regional'naja napravlenost' jekonomicheskoi politiki Rossijskoj Federacii kak instituta prostranstvennogo obustrojstva territorij [Regional orientation of the economic policy of the Russian Federation as an institution of spatial arrangement of territories] // *Jekonomika regiona* [The economy of the region]. — 2016. — №1. — Pp. 9–27.

9. Ukaz Prezidenta RF ot 4 fevralja 2021 goda №68 «Ob ocenke jeffektivnosti dejatel'nosti vysshih dolzhnostnyh lic (rukovoditelej vysshih ispolnitel'nyh organov gosudarstvennoj vlasti) subektov Rossijskoj Federacii i dejatel'nosti organov ispolnitel'noj vlasti subektov Rossijskoj Federacii» [Decree of the President of the Russian Federation №68 of February 4, 2021 «On Assessing the Effectiveness of the activities of Senior Officials (Heads of the Highest Executive bodies of State Power) of the Subjects of the Russian Federation and the activities of executive bodies of the subjects of the Russian Fed-

eration»] [Jelektronnyj resurs]. — URL: <http://kremlin.ru/acts/news/64970>.

10. *Ahmad M.* Economic growth and convergence: Do institutional proximity and spillovers matter? // *Journal of Policy Modeling*. November-december 2017. — Vol. 39. — Issue 6. — P. 1065–1085.

11. *Hoover E. M.* An Introduction to Regional Economics. — Knopf, New York, 1971. — 395 p.

12. *Lawrence F.* The Role of Local Economic Development Agencies in the South African Local Economic Development Landscape // *Urban Forum*, 2013. — Vol. 24. — Pp. 523–541.

13. *McMaster I.* Czech regional development agencies in a shifting institutional landscape // *Europe-Asia Studies*, 2006. — Vol. 58. — Issue 3. — Pp. 347–370.

14. *Neyapti B., Arasil Ya.* The nexus of economic and institutional evolution *Economic Modelling*. — January 2016. — Vol. 52. — Part B. — P. 574–582.

15. *North D. C.* Institutions and economic growth: An historical introduction. *World Development*. — September 1989. — Vol. 17. — Issue 9. — P. 1319–1332.

Поступила в редакцию

19 мая 2021 г.

Глазунова Вильгельмина Витальевна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института экономики РАН. Область научных интересов: инновации, оценка инновационного потенциала организаций, управление промышленностью, структурный анализ экономических систем, экономическая синергетика, устойчивость экономической динамики.

Glazunova Vilhelmina Vitalievna — Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences. Research interests: innovations, assessment of innovative potential of organizations, industrial management, structural analysis of economic systems, economic synergy, stability of economic dynamics.

117218, г. Москва, Нахимовский пр., 32
32 Nakhimovsky av., 117218, Moscow, Russia
E-mail: o_sukharev@list.ru

УДК 336.58

10.17213/2075-2067-2021-3-149-153

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВИЗАЦИИ БАНКОВСКИХ ГАРАНТИЙ В СЕГМЕНТЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ ЗАКУПОК

© 2021 г. Л. В. Голощапова, О. И. Чуприна

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, г. Москва, Россия

Цель исследования. В исследовании рассматриваются актуальные перспективы цифровизации банковских гарантий в сегменте государственных закупок. Представлены аргументы, обосновывающие необходимость активного внедрения цифровых банковских гарантий. С каждым годом механизм функционирования государственных закупок становится более технологичным, упрощаются закупочные процессы, применяются новейшие технологии, такие изменения заставляют переводить каждый этап сделки в электронный формат, в том числе и банковские гарантии, что становится особенно актуальным в условиях санкционного ограничения и дистантной работы.

Цель исследования — провести анализ и оценку внедрения цифровых банковских гарантий на рынке государственных и муниципальных закупок.

Материалы, методы и условия проведения исследований. Изучены нормативно-правовые акты, а именно — федеральный закон от 05.04.2013 №44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» и федеральный закон от 18.07.2011 №223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц».

Задачи исследования — проанализировать и оценить целесообразность внедрения цифровых банковских гарантий в сферу государственных и муниципальных закупок в современных условиях.

Перспектива исследования. Банковские гарантии все чаще используются поставщиками в качестве обеспечения контрактов, а в эпоху цифровых технологий, когда каждый этап закупочного процесса переходит в электронный формат. Немаловажную роль играет переход банковских гарантий в полностью цифровой вид, однако в настоящее время нет технических возможностей осуществить этот переход полностью.

Ключевые слова: государственные и муниципальные закупки; обеспечение контрактов; банковские гарантии; цифровизация; блокчейн.

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF DIGITALIZATION OF BANK GUARANTEES IN THE SEGMENT OF STATE AND MUNICIPAL PROCUREMENT

© 2021 L. V. Goloshchapova, O. I. Chuprina

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

The aim of the study. The study examines the current prospects for digitalization of bank guarantees in the public procurement segment. The arguments justifying the need for active implementation of digital bank guarantees are presented. Every year, the mechanism of functioning

of public procurement becomes more technologically advanced, procurement processes are simplified, the latest technologies are used, such changes make it necessary to transfer each stage of the transaction to an electronic format, including bank guarantees, which becomes especially relevant in the context of sanctions restrictions and remote work.

The purpose of the study — *to analyze and evaluate the implementation of digital bank guarantees in the market of state and municipal procurement.*

Materials, methods and conditions for conducting research. *We studied the normative legal acts, namely Federal Law №44-FZ of 05.04.2013 «On the Contract System in the field of Procurement of Goods, Works, and Services for State and Municipal Needs» and Federal Law №223-FZ of 18.07.2011 «On Procurement of Goods, Works, and Services by Certain Types of Legal Entities».*

Research objectives — *to analyze and evaluate the feasibility of introducing digital bank guarantees in the field of state and municipal procurement in modern conditions.*

Research perspective. *Bank guarantees are increasingly used by suppliers as security for contracts, and in the digital age, when every stage of the procurement process is moving to an electronic format. The transition of bank guarantees to a fully digital form plays an important role. However, there is currently no technical capacity to fully implement this transition.*

Key words: *state and municipal procurement; contract security; bank guarantees; digitalization; blockchain.*

В настоящее время использование цифровых технологий в сферах экономики, политики, образования, промышленности и в целом в повседневной жизни является неотъемлемой частью нашей реальности. Внедрение их позволяет упростить и автоматизировать рабочие процессы, снизить риск влияния человеческого фактора на результат.

Под цифровой экономикой (веб-экономикой, интернет-экономикой, digital economy) в самом упрощенном изложении понимается система экономических и правовых отношений, основанных на использовании цифровых технологий [3].

Рынок государственных и муниципальных закупок — не исключение. Внедрение цифровых технологий приводит к упрощению механизма работы единой информационной системы (ЕИС), применению электронного документооборота на каждом этапе заключения сделок, а также прозрачности закупок и повышению конкуренции среди потенциальных подрядчиков. Однако для полной цифровизации такого процесса необходимо введение и электронных банковских гарантий.

Банковская гарантия — это обязательство, выданное банком-гарантом по просьбе

принципала, уплатить денежные средства бенефициару по письменному требованию, если принципал не выполнит полностью или частично обязательства по контракту.

Анализ реестра банковских гарантий показал, что за 9 месяцев в 2020 году банки выпустили 529816 банковских гарантий на сумму более чем 1 трлн. рублей. Однако по сравнению с 2019 годом количество банковских гарантий уменьшилось на 8,4%, а их объем увеличился на 11%.

Статья 45 ФЗ-44 регламентирует пункты, которые должна содержать безотзывная банковская гарантия: сумму, срок БГ, обязательства принципала, которые обеспечиваются БГ, отлагательное условие и т.д. Отсутствие хотя бы одного из этих пунктов может повлечь за собой отказ заказчика от заключения контракта с принципалом и признание поставщика уклонистом.

Банковские гарантии имеют ряд преимуществ:

— позволяют принципалу не выводить из оборота компании собственные денежные средства, которые могут быть направлены на другие цели;

— дают возможность поставщику участвовать не в одной закупке, а в нескольких, что

Таблица 1

Динамика банковских гарантий за 2019–2020 гг.

Параметр/период		2019 год	2020 года
Количество выданных банковских гарантий, шт.	I квартал	145307	157609
	II квартал	219785	205990
	III квартал	213534	166217
Объем выданных банковских гарантий, млрд. руб.	I квартал	160	304,3
	II квартал	351,8	393,5
	III квартал	396,9	324,7

соответственно увеличивает шансы на заключение контракта;

— предоставление БГ на гарантийные обязательства позволяет принципалу получить полную сумму по контракту сразу после его выполнения, а не частично, так как по закону №44-ФЗ предусмотрено удержание определенной суммы бенефициаром от цены контракта на срок гарантийных обязательств.

По оценкам аналитиков, высоким спросом пользуются банковские гарантии на исполнение государственных контрактов. В то же время этот вид гарантий для банков самый рискованный: претензий к подрядчику по качеству работ и используемых материалов становится все больше. На втором месте с большим отрывом идут гарантии на участие в торгах, обязывающие победителя конкурса подписать договор с государственным заказчиком. Они, напротив, имеют самые низкие риски. Реже всего поставщики обращаются в банки за гарантиями для обеспечения гарантийных обязательств.

Для того чтобы получить банковскую гарантию, у поставщика есть два варианта: обратиться напрямую в банк или к финансовому агенту, у которого заключены договоры со множеством банков. Затем, предоставив определенный список запрашиваемых документов, объем которого зависит от финансового состояния компании, опыта участия в государственных закупках, наличия негативных факторов, например, исполнительных производств арбитражей, где поставщик выступает ответчиком, банк проводит анализ поставщика, после которого второй получает или не получает одобрение на выдачу банковской гарантии.

В некоторых банках уже происходит рассмотрение заявок на небольшие суммы банковских гарантий (примерно до 1–1,5 млн. рублей) автоматически с помощью цифровых технологий. Однако на более крупные суммы банковских гарантий необходимо более детальное рассмотрение компании принципала с применением знаний аналитиков. После оплаты комиссии происходит выпуск банковской гарантии, как правило, в бумажной форме и размещение ее сканов в реестре банковских гарантий. Получается, что с момента выпуска до полного прекращения срока действия банковской гарантии цифровые технологии применяются не в полном объеме.

Однако, если привести банковскую гарантию полностью в структурированный цифровой формат, то это позволит:

— упростить и ускорить процесс проверки подлинности выданной гарантии;

— уменьшить количество спорных ситуаций при принятии заказчиком банковской гарантии, а также в случаях предъявления требований по ней;

— унифицировать форму банковской гарантии для большинства заказчиков по федеральному закону №223-ФЗ, в том числе для ОАО «РЖД», Госкорпорации «Росатом»;

— сократить транзакционные издержки участников сделок;

— избавить от необходимости получения оригинала банковской гарантии, так как цифровой формат будет приравнен к оригиналу.

Опыт выдачи такого формата банковской гарантии был проведен впервые в декабре 2020 года банком «ВТБ» с помощью российской блокчейн-платформы Мастерчейн.

Мастерчейн — первая сертифицированная в России блокчейн-платформа, в которой используются российские средства криптографической защиты информации. Платформа разработана Ассоциацией «ФинТех» совместно с Банком России и участниками финансового рынка [6]. Банком была выдана банковская гарантия на исполнение платежных обязательств на сумму 392 млн. рублей в пользу ПАО «МТС». Сделка прошла в режиме реального времени, цифровая гарантия, выпущенная банком «ВТБ», была подписана усиленной квалифицированной подписью, ПАО «МТС» принял ее, направив уведомление в банк. Применение данной технологии позволит повысить прозрачность сделок, конфиденциальность, так как вся информация сохраняется в зашифрованном виде, а для проведения какой-либо операции требуется определенный код доступа.

Однако для общего применения такой блокчейн-технологии всеми российскими банками необходимо обеспечить правовое регулирование этой технологии на законодательном уровне, решить вопрос ее финансирования, разработать регламент безопасности и технические требования.

Литература

1. Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 г. №44-ФЗ (в ред. от 24.04.2020 г.) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>.

2. Федеральный закон «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» от 18.07.2011 г. №223-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>.

3. Шмелев М. В. Цифровые технологии в государственных и муниципальных закупках: будущее или реальность [Электронный ресурс] // Журнал «Актуальные проблемы российского права». — 2019. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/>.

4. Цифровая банковская гарантия близко [Электронный ресурс] // Российская ежедневная онлайн-газета новостей о цифровой

трансформации, телекоммуникациях, вещания и ИТ ComNews.ru. — Режим доступа: <https://www.comnews.ru/>.

5. Официальный сайт Министерства финансов РФ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://minfin.gov.ru>.

6. Официальный сайт ПАО «ВТБ» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.vtb.ru/o-banke/press-centr/novosti-i-press-relizy/2020/12/2020-12-16-vtb-i-mts-pervymi-proveli-sdelku-po-vydache-bankovskoy-garantii-cherez-rossiyskuyu-blokch/>.

References

1. Federal'nyj zakon «O kontraktnoj sisteme v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlja obespechenija gosudarstvennyh i municipal'nyh nuzhd» ot 05.04.2013 g. №44-FZ (v red. ot 24.04.2020 g.) [Federal Law №44-FZ of 05.04.2013 «On the Contract System in the field of Procurement of Goods, Works, and Services for State and Municipal Needs» (as amended from 24.04.2020)] [Elektronnyj resurs]. — URL: <http://www.consultant.ru/>.

2. Federal'nyj zakon «O zakupkah tovarov, rabot, uslug ot del'nymi vidami juridicheskikh lic» ot 18.07.2011 g. №223-FZ (poslednjaja redakcija) [Federal Law №223-FZ of 18.07.2011 «On Procurement of Goods, Works, and Services by Certain Types of Legal Entities» (latest version)] [Elektronnyj resurs]. — URL: <http://www.consultant.ru/>.

3. Shmelev M. V. Cifrovye tehnologii v gosudarstvennyh i municipal'nyh zakupkah: budushhee ili real'nost' [Digital technologies in state and municipal procurement: the future or reality] [Elektronnyj resurs] // Zhurnal «Aktual'nye problemy rossijskogo prava» [Journal «Actual problems of Russian law»]. — 2019. — URL: <https://cyberleninka.ru/>.

4. Cifrovaja bankovskaja garantija blizko [Digital bank guarantee is close] [Elektronnyj resurs] // Rossijskaja ezheдневnaja onlajn-gazeta novostej o cifrovoj transformacii, telekommunikacijah, veshhanija i IT ComNews.ru [Russian daily online news newspaper about digital transformation, telecommunications, broadcasting and IT ComNews.ru]. — URL: <https://www.comnews.ru/>.

5. Oficial'nyj sajт Ministerstva finansov RF [Official website of the Ministry of Finance of

the Russian Federation] [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://minfin.gov.ru>.

6. Oficial'nyj sayt PAO «VTB» [Official website of PJSC «VTB»] [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://www.vtb.ru/o-banke/press-centr/>

novosti-i-press-relizy/2020/12/2020-12-16-vtb-i-mts-pervymi-proveli-sdelku-po-vydache-bankovskoy-garantii-cherez-rossiyskuyu-blokh/.

Поступила в редакцию

12 мая 2021 г.

Голошапова Людмила Вячеславовна — кандидат экономических наук, доцент базовой кафедры финансового контроля, анализа и аудита Главного контрольного управления города Москвы Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова.

Goloshchapova Liudmila Vyacheslavovna — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Basic Department of Financial control, Analysis and Audit of the Main Control Department of Moscow, Plekhanov Russian University of Economics.

117997, г. Москва, Стремянный пер., 36
36 Stremyanny Ln., 117997, Moscow, Russia
E-mail: cool.lvg2012@yandex.ru

Чуприна Ольга Игоревна — студентка 1 курса магистратуры базовой кафедры финансового контроля, анализа и аудита Главного контрольного управления города Москвы Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова.

Chuprina Olga Igorevna — 1st year magistracy student of the Basic Department of Financial control, Analysis and Audit of the Main Control Department of Moscow, Plekhanov Russian University of Economics.

117997, г. Москва, Стремянный пер., 36
36 Stremyanny Ln., 117997, Moscow, Russia
E-mail: cool.lvg2012@yandex.ru

УДК 330;65

10.17213/2075-2067-2021-3-154-161

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЛОГИСТИЧЕСКИХ СИСТЕМ И ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ПОВЕДЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19

© 2021 г. Т. Б. Ерохина, Т. В. Пархоменко

*Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
г. Ростов-на-Дону, Россия*

Целью исследования выступает аналитика и качественная проработка существенных изменений поведения современного потребителя в рамках условий, спровоцированных распространением пандемии COVID-19, а также трансформация логистического и маркетингового инструментария, задействованного в обеспечении систем товародвижения.

Методологическая база исследования. В основе методологического аппарата исследования содержатся элементы анализа и синтеза, экспертных оценок и методики классического форсайта (метод Дельфи, мозговой штурм). В процессе исследовательского поиска использованы статистические материалы и данные, представленные на официальных электронных и сетевых носителях в территориальном охвате мировой, внутринациональной и региональной статистики. Учитывая характеристики зарубежных и отечественных исследователей, проведен авторский анализ тенденций и факторов, порожденных распространением коронавирусной инфекции и пандемией COVID-19.

Результаты исследования. Фундаментальность представленных результатов продиктована базисными характеристиками изменения внутренних и внешних условий функционирования логистических систем в период пандемии, доказательно свидетельствующей о долговременном характере стремительных перемен, о наличии и обоснованном научно-методическом анализе инновационных решений, полученных в ходе изначально негативных перемен.

Перспективу исследования обеспечивает авторское мнение о том, что преобразования, которые продиктовал кризис, порожденный коронавирусом, явились своего рода триггером трансформации социальной действительности, в результате чего общество оказалось на новом витке развития, а логистика и маркетинг, как компоненты, имеющие первостепенную значимость для современного потребителя, получили неожиданно новые стимулы ускоренного развития.

Ключевые слова: логистика; маркетинг; поведение потребителя; изменения; пандемия COVID-19; цифровизация.

THE TRANSFORMATION OF LOGISTICS SYSTEMS AND CONSUMER BEHAVIOUR IN THE CONTEXT OF THE COVID-19 PANDEMIC

© 2021 T. B. Erokhina, T. V. Parkhomenko

Rostov State University of Economics (RSUE), Rostov-on-Don, Russia

The purpose of the study is to provide an analytical and qualitative insight into the significant changes in consumer behaviour under the conditions brought about by the COVID-19 pandemic

and the transformation of the logistics and marketing tools involved in the supply chain systems.

The methodological base of the study. *The methodological approach is based on the elements of analysis and synthesis, expert assessments and the methodology of classical foresight (Delphi method, brainstorming). Statistical materials and data provided in the official electronic and online media in the territorial scope of global, domestic and regional statistics were used in the course of the research search. Considering the characteristics of foreign and domestic researchers, the authors conducted an analysis of trends and factors generated by the spread of coronavirus infection and the COVID-19 pandemic.*

The results of the study. *The fundamentality of the results presented is based on the underlying characteristics of the changing internal and external environment in which logistics systems function during a pandemic, evidence of the long-term nature of rapid change and the availability and sound scientific and methodological analysis of innovative solutions derived from the initially negative changes.*

The prospect of the study *provides the author's view that the transformation dictated by the coronavirus crisis acted as a kind of trigger for the transformation of social reality, resulting in a new turn in society, and that logistics and marketing, as components of paramount importance to the modern consumer, received unexpectedly new impetuses for accelerated development.*

Key words: *logistics; marketing; consumer behaviour; changes; COVID-19 pandemic; digitalisation.*

Введение. Логистическое пространство изменяется на глазах, революционные преобразования продиктовал кризис, порожденный коронавирусом, который выстрелил, как триггер, и трансформировал социальную действительность, общество оказалось на новом витке развития.

Для того чтобы человек существовал, он должен потреблять и удовлетворять свои нужды, ему необходимо предоставить эту услугу, и чем качественнее и быстрее случится этот процесс, тем комфортнее будет чувствовать себя личность, тем легче адаптируется к меняющимся обстоятельствам и не станет ощущать их как ущербность, недостаток, а сможет жить нормальной полноценной жизнью и даже не замечать, что пандемия стала драйвером для будущего развития и значительного роста логистической отрасли.

Чисто человеческие потребности остаются прежними, нужды потребителей стабильны, их цель — обеспечивать жизнедеятельность, но разнообразие предложений на рынке совершенствует запросы потребителей, они становятся дифференцированными, многогранными, многоуровневыми и конструируют новую жизнедеятельность — потребность в благах постоянна и не имеет на-

сыщения. Потребительская среда усложняется благодаря конкуренции, и ей необходимы новые источники информации для увеличения влияния на сознание людей при соответствующих ситуационных факторах, что может выдавать когнитивные искажения или отторгаться системой убеждений потребителя. В течение жизни индивид приобретает знания, включается в информационный процесс, накапливает жизненный опыт и на основе этого может определить уровень вероятного ущерба в ситуации неопределенности для принятия верного решения во время приобретения товара [5].

Сегодня в информационное пространство вторглась всемирная проблема COVID-19, агрессивно влияя на формирование общественного мнения и определяя общественное сознание по многим вопросам под углом угрозы ущерба здоровью, непосредственно затрагивая политические, государственные, правовые, нравственные и другие проблемы. Роль связей с общественностью в данной ситуации переоценить невозможно: зная структуру и особенности функционирования общественного мнения, можно спасти общество от паники, всевозможных недовольств, страхов и угроз, предоставить правдивую

информацию в доступной форме для всех групп населения, избежать дезинформации и манипулятивных технологий. Общественное мнение — это одна из ключевых категорий не только для связей с общественностью, права, политики, но и социологии, психологии и других наук, которые помогают проникнуть в сознание людей и направлять формы их активности, подсказывая без навязывания, а только правдиво информируя оптимальный вариант поведения.

Интерес к информации и сводкам СМИ о количестве больных и умерших от COVID-19 у населения колеблется, люди, утомившись от избытка сведений, перестают напряженно следить за ситуацией, но в период всплеска заболевания повышается чувство страха, усиливаются тревоги за себя и близких, гнетущее состояние от ограничений на многих людей действует разрушительно. В PR-деятельности важную роль относительно формирования позитивного общественного мнения по поводу проблемы играет информация о самом событии, ее распространении, движении и последствиях.

Общественное сознание населения как членов общества обладает определенной структурой и включает нравственный и обыденный уровень, имея тенденцию преобразовываться в общественное мнение, проявляя себя как побудительная сила для действия групп людей, зачастую в заданном направлении. Направленность и содержание общественного мнения формирует интересы различных групп людей, поскольку общественное сознание функционирует как совокупность сознаний каждого отдельного человека и существует целостным явлением, обладающим определенной структурой. Одной из особенностей общественного мнения является тот факт, что его носителем выступает определенная группа людей, имея взаимосвязи в конкретной социальности, их суждения проявляются как оценочные о происходящих событиях и фактах.

Материалы и методы. Что может придать силы развитию данной сферы? На первый взгляд, кажется крахом, если слабым игрокам приходится уходить с рынка логистических услуг, но такие обстоятельства порождают не только банкротства, но и сли-

яния, а также поглощения, они расширяют возможности и провоцируют укрупнение логистических систем.

Конкурентная борьба между мелкими грузоперевозчиками заставляет применять демпинговую политику, принуждая не идти по накатанной дорожке, а искать новые пути объединения сервисов и привлекать клиентов комплексом предлагаемых услуг.

Изменение спроса на услуги дает возможность заменить заказы на небольшие партии продукции, присовокуплять и отправлять неоднородный товар, собирать полноценный по объему груз, но с разным наполнением.

Диджитализация давно маячила, но никак не могла прорасти, проблемы пандемии невольно обязали буквально все логистические компании использовать IT-технологии, заставили обмениваться тарифами, большинство логистических мероприятий проводится онлайн (вебинары, конференции, переговоры и др.), большой объем перевозок по праву отвоевала мобильная сеть, ведь можно заказать перевозку в один клик.

Кроме пандемического кризиса, заявил о себе кризис санкционных ограничений, что подтолкнуло российских производителей к выпуску отечественных товаров, которые не надо вывозить из-за границы. А если организовано самостоятельное производство, значит, потребовались внутренние перевозчики, которые ранее были задействованы на экспорте, силы пригодились дома, некоторые перевозчики даже усилили свои позиции и приобрели новый уровень качества.

Вирус COVID-19 изначально породил вирус массовой общественной паники, противостоять распространению которого возможно с помощью положительно направленной, сформированной с определенной целью информации, транслируемой через связи с общественностью, выступающие единственным механизмом влияния на общественное сознание.

Механизм формирования общественного мнения соответствует определенным критериям. Это объекты, связанные с событиями, процессы, явления, факты, которые отвечают интересам общества, поэтому объектом могут стать лишь те данные, которые затрагивают личные интересы практически каждого человека, определенной социальной группы

или всего общества в целом как мирового пространства.

Для правильного формирования общественного мнения о COVID-19 полезно знать, что около 40% заболевших переносят это заболевание сравнительно легко, но они ходят и заражают других людей, поэтому стало ясно, что удержать заболевание методами карантина не удастся. Особенностью коронавируса является зависимость заражения от масштаба: сто вирусов — болезнь с легкими симптомами или бессимптомно, тысяча — серьезное недомогание, десять тысяч — очень тяжелое, угрожающее протекание. Изоляция, масочный режим, социальное дистанцирование не дают гарантированной защиты, но обеспечивают резкое снижение последствий заражения, существенно повышая шансы на выживание, и если люди правильно информированы и через общественное мнение у них сложилось свое собственное, они будут результативно исполнять предписания.

Человек обитает не изолированно, а в социуме, поэтому потребление — это не акт индивидуального поведения, а полноправный социальный процесс, совершающийся по правилам своей социальной принадлежности в соответствии с ее стандартами. Потребительское поведение каждого человека зависит от воздействия культуры, семьи, религии, образования, традиций, ценностей, социального окружения, рассудительности, инициатив, характера и опыта личности. Приобретая товар, люди сомневаются, в процесс вступают риски, которые распространяются на всю массу решений, предшествующих совершению покупок, когда человек взвешивает свои действия, соизмеряет возможности, рассчитывает последствия, оценивает возможный результат, ведь потребитель может попасть в неблагоприятные обстоятельства, потерять денежные средства, нанести вред здоровью, пережить психологические проблемы. Для поведения потребителей характерны понятия, сопутствующие рисковому действию: неопределенность, вероятность, возможность, опасность, ущерб, отклонение от результатов и др. Риски всегда подразумевают нанесение какого-либо ущерба: угроза потери денег, здоровью, душевному благополучию приводит к личной травме и негативному

отношению к определенному товару — такое поведение можно считать рискованным, так как оно ведет к всевозможным потерям. Поскольку риск возникает в условиях неопределенности, порожденной неполным знанием ситуации для принятия оптимального решения, невозможностью учета всей доступной информации, наличием факторов, которые невозможно предусмотреть и спрогнозировать, возникновение субъективных проблем зависит от уровня потребительской культуры личности. Риск — это потенциальная возможность неблагоприятных ситуаций в виде потерь, ущерба, убытков, ошибки, он определяется через количество упущенной выгоды, моральной, материальной, психологической коммуникационной, то есть, обладая неким объемом информации, человек осмысливает стремление к снижению своих затрат, но подразумевает и желает высокое качество товара, при этом все чаще принимает ситуационные решения, транслируемые как саморегуляция и самозащита, компенсирующая возможные риски [5].

Обсуждение. Многозначное и неоднозначное толкование проблемы не способствует формированию общественного мнения, в соответствии с этим отстаиваются объекты, которые нуждаются в дополнительном толковании и должны быть доступны осмыслению людей, составляющих субъект общественно-го мнения.

Общественное мнение обладает множеством функций, но базовой является оценочная (кроме нее, существуют: регулятивная, воспитательная, нормативно-аналитическая, консультативно-экспрессивная, директивная и другие), которая связана с формой проявления суждения в вербальном и невербальном выражении.

Выделяют три компонента в структуре общественного мнения: рациональный, эмоциональный и волевой. Основу рационального компонента составляют знания об объекте, где полнота, достоверность и точность преобладают. Например, без информации общественность не предполагала бы, что повторное заражение коронавирусом возможно, по наблюдениям, примерно через полгода это может произойти, антитела формируются, но уходят в течение 3–4 месяцев.

Эмоциональные переживания порождают групповые настроения, длительное состояние имеет либо положительную, либо отрицательную направленность и проявляется в оценочных суждениях.

Волевой компонент существует как элемент психики человека, способствует выбору цели, затрачивает внутренние усилия, поэтому связан с рациональными и эмоциональными компонентами, мнением о COVID-19 (которое должно располагать, например, такой информацией: на сегодняшний день микробиологи выявили менее 0,001 % существующих на Земле вирусов, и вообще о наличии вирусов узнали только в конце XIX века. Попадая в живое существо, вирусы вырабатывают ответную реакцию организма — иммунитет, который перестраивает жизнь, творя новые архетипы: приобретая антитела, иммунная система защищает организм).

Структура общественного мнения в полной мере дает представление о массовых акциях, имеющих поддержку действий, событиях, явлениях осуществления связей с общественностью как обуславливающих сложный процесс, который имеет свою динамику и характеризуется определенными стадиями, проходит условные этапы и имеет механизмы формирования, то есть жизненный цикл.

Стадия возникновения и формирования начинается с кристаллизации общей точки зрения, объективно проявляется широкий интерес к социальному субъекту, происходит формирование индивидуальных заинтересованных оценочных суждений, возникает потребность выразить свою оценку, обменяться мнением с другими индивидами: присутствует активное обсуждение, происходит столкновение мнений в форме дискуссий и споров, происходит интеграция всех или большинства мнений вокруг единой точки зрения, которая сформировалась в процессе обсуждения проблемы, на основе совпадающих оценочных мнений. Примером может служить парадокс: болеть — полезно, хотя от болезни иногда умирают, но убивает она отдельного человека, а иммунитет приобретает человечество, что делает популяцию в целом более жизнеспособной и сильной; переболевший укрепляет свой собственный иммунитет, в его организме вирус меняется (мутирует), а исходный вирус становится более слабым,

менее вирулентным. Именно благодаря мутации вируса и большому количеству переболевших, невосприимчивых к нему повторно, эпидемии и пандемии затухают.

Механизм формирования общественного мнения включает внушение, убеждение, заражение, подражание и другие составляющие. Включенная активность масс происходит в момент сформировавшегося общественного мнения от отражательного состояния к преобразующим, у людей включается блок готовности, который характеризуется выработкой социальной оценки, в актах поведения наблюдаются массовые действия в поддержку суждений и социальных действий.

Спад или отмирание общественного мнения происходит как снижение интереса к объекту у большинства людей, что вызывается различными факторами, в нашем случае — выработкой коллективного иммунитета: достаточно, чтобы примерно 60 % населения проиммунизировалось (популяция подверглась заражению или получила вакцину), чтобы эпидемия пошла на убыль, выработался коллективный иммунитет. «Если суждение (мнение) теряет качество общественного, оно превращается в конгломерат оценочных суждений разрозненных индивидов и отдельных групп, объект общественного мнения перестает представлять интерес, качественные характеристики, где учитывается не только динамика, но и характеристика, отражающая определенность проблемы» [3].

Результаты. Появился ранее не существовавший в России спрос — спрос на доставку товаров по всей стране, а не только в мегаполисах. Сегодня особой популярностью пользуется курьерская доставка до конечного потребителя, такая тенденция бесконтактной доставки не исчезнет вместе с окончанием пандемии в социальности, которая нуждается в ней. Спрос прижился, люди оценили предложенный условиями сервис, организовались новые логистические компании, которые уже завоевали свое место на рынке.

Компании, работающие в системе доставки «последней мили», имеют шанс нарастить свои мощности, а вот популярная доставка в Китае и на Востоке товаров дронами в России не прижилась. В настоящее время более интенсивно стал использоваться

железнодорожный транспорт, он оказался более доступным, ведь можно пустить просто грузовой состав, который раньше в основном возил только песок и стройматериалы.

Социальная поддержка общественного мнения служит мерилom управления. Компетентность в технологиях, изучение ориентации индивидов в ценностях, мониторинг устойчивости представлений об объекте и сформированной предрасположенности на основе жизненного опыта обеспечивают устойчивое взаимодействие с сознанием.

Литература

1. *Василенок В.Л., Филимонова А.В., Алексашкина Е.И., Мержанова В.Д.* Управление реверсивной логистикой [Электронный ресурс] // Экономика и экологический менеджмент. — 2020. — №2. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-reversivnoy-logistikoy> (Дата обращения: 04.02.2021).

2. *Долгов С.И., Савинов Ю.А.* Влияние вспышки нового коронавируса на международную торговлю [Электронный ресурс] // Российский внешнеэкономический вестник. — 2020. — №2. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-vspyshki-novogo-koronavirusa-na-mezhdunarodnuyu-torgovlyu> (Дата обращения: 12.02.2021).

3. *Емельянов С.М.* Теория и практика связей с общественностью [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://e.lanbook.com/book/63794> (Дата обращения: 15.02.2021).

4. *Ерохина Т.Б.* Общественное мнение о COVID-19 как специфическое проявление связей с общественностью // Логистика vs COVID-19: последствия, риски, новые возможности роста. Материалы международной научно-практической конференции. XVI Южно-Российский логистический форум. — 2020. — С. 124–128.

5. *Ерохина Т.Б., Пархоменко Т.В.* Влияние маркетинга и логистики на минимизацию рисков потребителей // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). — 2019. — №4 (68). — С. 40–44.

6. *Казанцев А.А.* Влияние пандемии коронавируса на цепи поставок [Электронный ресурс] // Скиф. — 2020. — №6 (46). — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/>

[vliyanie-pandemii-koronavirusa-na-tsepi-postavok](https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-pandemii-koronavirusa-na-tsepi-postavok) (Дата обращения: 01.03.2021).

7. *Литвинов Е.А., Савинов Ю.А., Тарановская Е.В., Булыгина Н.Ю.* Влияние коронавируса на глобальные цепочки поставок [Электронный ресурс] // Российский внешнеэкономический вестник. — 2020. — №6. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-koronavirusa-na-globalnye-tsepochki-postavok> (Дата обращения: 12.01.2021).

8. *Маслова Ж.Н.* Основные тенденции развития и трансформации трансграничной электронной торговли в период пандемии covid-19 [Электронный ресурс] // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. — 2020. — №2 (74). — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-tendentsii-razvitiya-i-transformatsii-transgranichnoy-elektronnoy-torgovli-v-period-pandemii-c-o-v-i-d-19> (Дата обращения: 07.02.2021).

References

1. *Vasilenok V.L., Filimonova A.V., Aleksashkina E.I., Merzhanova V.D.* Upravlenie reversivnoj logistikoj [Management of reverse logistics] [Elektronnyj resurs] // Ekonomika i jekologicheskij menedzhment [Economics and Environmental Management]. — 2020. — №2. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-reversivnoy-logistikoy> (Date accessed: 04.02.2021).

2. *Dolgov S.I., Savinov Ju. A.* Vliyanie vspyshki novogo koronavirusa na mezhhdunarodnuju trgovlju [The impact of the outbreak of a new coronavirus on international trade] [Elektronnyj resurs] // Rossijskij vneshejekonomicheskij vestnik [Russian Foreign Economic Bulletin]. — 2020. — №2. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-vspyshki-novogo-koronavirusa-na-mezhdunarodnuyu-torgovlyu> (Date accessed: 12.02.2021).

3. *Emel'janov S. M.* Teorija i praktika svjazej s obshhestvennost'ju [Theory and practice of public relations] [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://e.lanbook.com/book/63794> (Date accessed: 15.02.2021).

4. *Erokhina T.B.* Obshhestvennoe mnenie o COVID-19 kak specificheskoe projavlenie svjazej s obshhestvennost'ju [Public opinion about

COVID-19 as a specific manifestation of public relations] // Logistika vs COVID-19: posledstviya, riski, novye vozmozhnosti rosta. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. XVI Juzhno-Rossiiskij logisticheskij forum [Logistics vs COVID-19: consequences, risks, new growth opportunities. Materials of the international scientific and practical conference. XVI South-Russian Logistics Forum]. — 2020. — Pp. 124–128.

5. Erokhina T. B., Parhomenko T. V. Vliyanie marketinga i logistiki na minimizaciju riskov potrebitel'ev [Influence of marketing and logistics on minimizing consumer risks] // Vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo jekonomicheskogo universiteta (RINH) [Bulletin of the Rostov State University of Economics (RSUE)]. — 2019. — №4 (68). — Pp. 40–44.

6. Kazancev A. A. Vliyanie pandemii koronavirusa na cepi postavok [Effect of the pandemic of the coronavirus on the supply chain] [Elektronnyj resurs] // Skif. — 2020. — №6 (46). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-pandemii-koronavirusa-na-tsepi-postavok> (Date accessed: 01.03.2021).

7. Litvinov E. A., Savinov Ju. A., Taranovskaja E. V., Bulygina N. Ju. Vliyanie koronavirusa na global'nye cepochki postavok [The Impact of coronavirus on the global supply chain] [Elektronnyj resurs] // Rossiiskij vneshnejekonomicheskij vestnik [Russian Foreign Economic Bulletin]. — 2020. — №6. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-koronavirusa-na-globalnye-tsePOCHki-postavok> (Date accessed: 12.01.2021).

8. Maslova Zh. N. Osnovnye tendencii razvitiya i transformacii transgranichnoj jelektronnoj trgovli v period pandemii covid-19 [The main trends in the development and transformation of cross-border electronic commerce during the covid-19 pandemic] [Elektronnyj resurs] // Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo imeni V. B. Bobkova filiala Rossijskoj tamozhennoj akademii [Scientific notes of the St. Petersburg branch of the Russian Customs Academy named after V. B. Bobkov]. — 2020. — №2 (74). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-tendentsii-razvitiya-i-transformatsii-transgranichnoy-elektronnoy-torgovli-v-period-pandemii-covid-19> (Date accessed: 07.02.2021).

Поступила в редакцию

14 апреля 2021 г.

Ерохина Татьяна Борисовна — доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры «Маркетинг и реклама» Ростовского государственного экономического университета (РИНХ).

Erokhina Tatyana Borisovna — Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Professor, Department of Marketing and Advertising, Rostov State University of Economics (RSUE).

344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69
69 B. Sadovaya st., 344002, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: tb.erohina@gmail.com

Пархоменко Татьяна Валерьевна — доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры «Коммерция и логистика» Ростовского государственного экономического университета (РИНХ).

Parkhomenko Tatyana Valeriyevna — Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Professor, Commerce and Logistics Department, Rostov State University of Economics (RSUE).

344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69
69 B. Sadovaya st., 344002, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: inrost@list.ru

УДК 338.24

10.17213/2075-2067-2021-3-162-181

**ПОСТРОЕНИЕ ТРЕНДОВ РАЗВИТИЯ
ПРЕДПРИЯТИЙ ТОПЛИВНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА РФ
В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ БИЗНЕСА**

© 2021 г. И. М. Зайченко*, А. М. Фадеев**, А. И. Костюченко*

**Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
г. Санкт-Петербург, Россия*

***Институт экономических проблем им. Г. П. Лузина, г. Апатиты, Россия*

Целью исследования является построение трендов развития предприятий ТЭК РФ в условиях цифровой трансформации экономики.

Методологическую базу исследования представляет анализ сущности цифровой трансформации и концепции Industry 4.0, сравнительный анализ перспективных цифровых технологий для ТЭК РФ. Ключевым методом исследования стал графический метод. Построение причинно-следственной диаграммы Исикавы на основе анализируемых факторов и определило тренды развития предприятий ТЭК РФ в условиях цифровой трансформации.

Результаты исследования. Описана сущность цифровой трансформации предприятий ТЭК РФ в рамках реализации концепции Industry 4.0, проанализированы предпосылки проведения цифровой трансформации предприятий ТЭК РФ, проведен анализ перспективных технологий и возможностей их применения на месторождениях. В условиях развития и внедрения цифровых технологий на предприятиях ТЭК встает вопрос о том, каким путем будут развиваться эти предприятия. Для определения пути развития был рассмотрен успешный опыт внедрения цифровых технологий в российских нефтегазовых компаниях. Выявлены и охарактеризованы предпосылки и причины цифровой трансформации деятельности предприятий топливно-энергетического комплекса Российской Федерации. На основе проанализированной информации были построены тренды развития российского топливно-энергетического комплекса в условиях цифровой трансформации. Тренды были выстроены с помощью причинно-следственной диаграммы Исикавы. Построенные диаграммы указали на два тренда развития ТЭК РФ в условиях цифровой трансформации: развитие нетрадиционных месторождений и месторождений Арктического шельфа.

Перспективу исследования составляет более углубленный анализ политических, экономических, социальных и экологических факторов, использование различного набора инструментов и методов для построения трендов. Также перспективой для исследования может быть более глубокий анализ политики Российской Федерации по отношению к нефтегазовой отрасли.

Ключевые слова: Industry 4.0; предприятия ТЭК РФ; цифровая трансформация; арктические месторождения; нетрадиционные месторождения; тренды развития предприятий ТЭК РФ; информационно-коммуникационные технологии.

**BUILDING DEVELOPMENT TRENDS OF ENTERPRISES
OF THE FUEL AND ENERGY COMPLEX OF THE RUSSIAN FEDERATION
IN THE CONDITIONS OF DIGITAL TRANSFORMATION OF BUSINESS**

© 2021 I. M. Zaychenko*, A. M. Fadeev**, A. I. Kostyuchenko*

*Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia

**Luzin Institute for Economic Studies, Apatity, Russia

The aim of the study is to build trends in the development of enterprises in the fuel and energy complex of the Russian Federation in the context of digital transformation of the economy.

The methodological basis of the study is the analysis of the essence of digital transformation and the concept of Industry 4.0. Comparative analysis of promising digital technologies for the fuel and energy complex of the Russian Federation. The graphical method has become the key research method. The construction of a causal diagram of Ishikawa based on the analyzed factors determined the development trends of enterprises in the fuel and energy complex of the Russian Federation in the context of digital transformation.

The results of the study. The essence of the digital transformation of enterprises in the fuel and energy complex of the Russian Federation is described in the framework of the implementation of the Industry 4.0 concept, the prerequisites for the digital transformation of enterprises in the fuel and energy complex of the Russian Federation are analyzed, and promising technologies and the possibilities of their application in the fields are analyzed. In the context of the development and implementation of digital technologies at the enterprises of the fuel and energy complex, the question arises of how these enterprises will develop. To determine the development path, the successful experience of introducing digital technologies in Russian oil and gas companies was considered. The prerequisites and reasons for the digital transformation of the activities of enterprises of the fuel and energy complex of the Russian Federation are identified and characterized. Based on the analyzed information, trends in the development of the Russian fuel and energy complex in the context of digital transformation were built. The trends were built using the Ishikawa causal diagram. The constructed diagrams indicated 2 trends in the development of the Russian fuel and energy complex in the context of digital transformation: the development of unconventional fields and fields on the Arctic shelf.

The prospect of the study is a more in-depth analysis of political, economic, social and environmental factors. Using a different set of tools and methods for building trends. A deeper analysis of the policy of the Russian Federation in relation to the oil and gas industry can also be a prospect for the study.

Key words: *Industry 4.0; enterprises of the Russian fuel and energy complex; digital transformation; arctic fields; unconventional fields; development trends of enterprises of the Russian fuel and energy complex; information and communication technologies.*

Введение. В настоящее время истощение традиционных запасов нефти и газа вызывает необходимость разработки трудноизвлекаемых запасов, более того, разработки с применением новых технологий разведки и добычи углеводородов в труднодоступных районах

Восточной Сибири и на Арктическом шельфе. Решение этих проблем требует интенсификации внедрения информационных технологий в нефтегазовом комплексе.

В настоящее время в нефтегазовом комплексе РФ происходит интенсивная цифровая

трансформация. Предприятия ТЭК осваивают новые информационно-коммуникационные технологии, чтобы удержать свои конкурентные преимущества в ближайшие годы.

Очевидно, что внедрение информационно-коммуникационных технологий — инструмент повышения экономической эффективности разработки нефтяных и газовых месторождений. Использование данных технологий позволяет оптимизировать производственные затраты, а также повысить эффективность документооборота, логистики и финансовых операций.

Несмотря на то, что российские технологии и оборудование, применяемые в нефтегазовой отрасли, претерпели в последнее время существенную модернизацию, все равно российские геологоразведочные работы, добыча и транспортировка нефти и газа явно отстают от зарубежного уровня.

Это связано с тем, что до последнего времени развитие этого сектора происходило по пути экстенсивного способа. Однако под влиянием современных вызовов экономики, а именно: истощения традиционных месторождений; изменения структуры энергетического баланса, структуры мирового рынка; достаточно высокой волатильности цен на нефть и газ; появления нового оборудования и технологий по добыче ранее недоступных энергетических ресурсов — вызывает необходимость создания новых и удержание существующих конкурентных преимуществ, что возможно лишь при переходе на интенсивный путь развития предприятий ТЭК в нашей стране.

Применение информационно-коммуникационных технологий может способствовать скорейшему переходу на интенсивный путь развития предприятий ТЭК.

Изменения становятся настолько кардинальными, что новый период развития ТЭК ознаменован новой парадигмой развития. Одной из основных движущих сил новой парадигмы развития является активная реализация концепции «Industry 4.0».

Современные цифровые технологии смещают тренды развития ТЭК РФ и мира в сторону ранее недоступных месторождений Арктики.

Таким образом, целью данной работы является построение трендов развития пред-

приятий ТЭК РФ в условиях цифровой трансформации экономики.

Задачи: охарактеризовать сущность цифровой трансформации ТЭК; сделать обзор перспективных цифровых технологий ТЭК; изучить лучшие практики цифровой трансформации компаний России; описать глобальные, локальные причины и предпосылки цифровой трансформации предприятий топливно-энергетического комплекса; построить тренд на развитие арктических территорий в условиях цифровой трансформации; построить тренд развития нетрадиционных месторождений в условиях цифровой трансформации.

Объектом работы являются предприятия ТЭК РФ.

Предметом — тренды развития предприятий ТЭК РФ.

Актуальность исследования состоит в том, что современные реалии топливно-энергетического комплекса достаточно негативные. Переизбыток нефти на мировом рынке, низкие цены на нефть, высокая волатильность цен, санкционные и торговые войны, а также истощение традиционных месторождений, изменение энергетического баланса и цифровая трансформация как ТЭК, так и других отраслей заставляют нефтегазовые предприятия менять свой путь развития. По какому пути будет идти развитие предприятий ТЭК — один из актуальных вопросов на сегодняшний день, так как топливно-энергетический комплекс является одним из драйверов российской экономики.

В настоящее время в научной литературе появилось большое количество работ, посвященных вопросам осуществления деятельности в рамках реализации концепции Industry 4.0 в целом, особенностям проведения цифровой трансформации предприятий ТЭК в частности. Все многообразие научных исследований можно разделить на несколько больших групп.

Первая группа работ [1–4] носит общий характер и представляет собой описание общих условий проведения цифровой трансформации, трактовки понятия Industry 4.0, характеристики ее основных направлений, выявления отличий от Industry 3.0.

Следующая группа работ [5–8] посвящена характеристике самых часто используемых, а потому, возможно, наиболее перспек-

тивных с точки зрения применения на предприятиях ТЭК РФ информационно-коммуникационных технологий. Есть отдельные исследования [9], которые построены на эмпирическом анализе применения данных технологий в нефтегазовой сфере, выявлены преимущества и недостатки их применения.

Интересным является анализ рисков и барьеров цифровой трансформации предприятий нефтегазового сектора [10, 11].

Опыт внедрения цифровых технологий в российских компаниях на примере ПАО «Газпром нефть» представлен в [12, 13], в которых описаны возможности применения информационно-коммуникационных технологий в различных сферах, обоснованы экономическая эффективность и применение.

Региональные особенности внедрения цифровых технологий представлены в [14–18], авторы исследовали развитие нефтегазовых предприятий в Арктической зоне, сложности и перспективы.

Предпосылки, глобальные и локальные причины цифровой трансформации предприятий ТЭК выявлены, охарактеризованы и проанализированы в [19–22]. Данная группа работ представляет наибольший интерес и может составить базу для дальнейшего построения трендов развития предприятий ТЭК РФ.

Последняя группа научных исследований [23–26] представляет собой оценку влияния перспектив применения цифровых технологий в нефтегазовой сфере, в частности влияния цифровых технологий на геологоразведочные работы и преимущества цифровой трансформации деятельности при проведении данного типа работ.

Таким образом, проведенный обзор литературы показал, что существует достаточно большое количество научных исследований, посвященных цифровой трансформации российского топливно-энергетического комплекса, возможностям применения информационно-коммуникационных технологий в нефтегазовом комплексе, но ни в одном из рассмотренных исследований нет построения или описания возможных трендов развития топливно-энергетического комплекса РФ в условиях цифровой трансформации экономики, что еще раз подтверждает актуальность данного исследования.

Теоретические основы цифровой трансформации ТЭК. Структурный кризис российской экономики полностью проявил себя во втором десятилетии XXI века и предопределил необходимые изменения в отечественных отраслях. Эти изменения, безусловно, должны основываться на широко распространенных в мире инновациях.

Качественный скачок развития многих отраслей неразрывно связан с использованием современного оборудования и передовых информационно-коммуникационных технологий, а также их применения.

Концепция Industry 4.0 включает в себя не только цифровизацию, но и интеграцию каждого из процессов жизненного цикла в единое целое [1]. Информация обо всех текущих процессах, ступенях производства, деталях, сборочных единицах и продукции должна быть доступна всем авторизованным пользователям в режиме онлайн в единой информационной системе. Бизнес-интеграция осуществляется как по вертикали, так и по горизонтали, влияя и привлекая все большее количество деловых партнеров в цепочке создания стоимости. Потребители и клиенты также вовлекаются в единую интегрированную экосистему создания стоимости.

Учитывая факт повсеместного использования прорывных (информационно-коммуникационных) технологий во всех отраслях социально-экономической жизни общества, можно утверждать, что существует и широчайший потенциал для применения их и на предприятиях ТЭК РФ, что позволит обеспечить достаточно высокий уровень инновационного развития данных предприятий. За исключением сектора разведки полезных ископаемых, современные добывающие отрасли имеют тенденцию доминировать на мировом рынке над другими отраслями. Последний сырьевой бум привел к эскалации слияний и приобретения среди уже высококонцентрированных компаний. Потребность добывающих отраслей в использовании современных информационно-коммуникационных технологий может привести к более эффективному взаимодействию между добывающими отраслями и технологиями разработчиков. Добывающие отрасли должны изучить возможности сотрудничества между ключевыми игроками. Цифровизация

дает возможность новаторским российским и иностранным технологиям улучшить жизнеспособность добывающих отраслей [2].

Таким образом, применение концепции Industry 4.0 получило определенное развитие и в топливно-энергетическом комплексе, трансформировавшись в концепции «Energy 4.0» и «Oil and Gas 4.0». Цифровая трансформация в нефтегазовой отрасли развивается в двух направлениях: так называемые «Цифровой upstream» и «Цифровой downstream». Мировая история нефтегазовой отрасли показывает, что сектор «upstream» в плане внедрения новых технологий развивается быстрее, чем «downstream», ввиду более высокой рентабельности. Однако полный переход к реализации концепции Industry 4.0 повлечет за собой ряд изменений. Ключевой технологией, которая составит основу всех технологических изменений и улучшений, будет «Интернет вещей».

Данная технология является главной технологией Индустрии 4.0. Она позволяет в режиме реального времени контролировать и получать все данные обо всех процессах за счет совместной работы программного обеспечения и аппаратных средств. В таблице 1 на основе [3, 4] представлено сравнение парадигмы Industry 3.0 и Industry 4.0 в аспекте развития предприятий энергетического сектора.

Всеоъемлющая долгосрочная поддержка развития, применения и внедрения цифровых технологий во всех сферах ТЭК РФ будет служить драйвером для выхода энергетической и топливной отрасли на новый уровень развития, позволит сохранять сильные конкурентноспособные позиции всего топливно-энергетического комплекса на мировой арене и доминировать на мировом рынке научно-технических знаний и технологий.

Далее в таблице 2 представлен анализ возможностей применения информационно-коммуникационных технологий в нефтегазовом секторе [5–9].

Анализ возможностей применения информационно-коммуникационных технологий в нефтегазовом секторе был бы неполным без рассмотрения так называемых рисков их применения на данных предприятиях [10, 11], а именно:

1) сильная потребность и зависимость от западных технологий и нестабильная по-

литическая обстановка способствуют увеличению влияния санкций на важнейшие направления деятельности топливно-энергетических компаний России. В России для уменьшения зависимости от технологий Запада и уменьшения санкционного влияния проводится политика импортозамещения и поддержка отечественных разработок;

2) тяжелые условия эксплуатации цифровых технологий ведут к повышенным требованиям защищенности от таких факторов, как воды, холода, влажности, что ведет к удорожанию для конечного потребителя и несет дополнительные экономические и экологические риски;

3) также при внедрении цифровых технологий в логистику освоения нефтегазовых месторождений возникает угроза кибер-атак, захвата контроля над датчиками и системами, что несет очень серьезные последствия для компаний;

4) высокая волатильность мировых цен на нефть и газ ставят под угрозу проекты по цифровизации как добычи, так и логистики нефтегазового комплекса. Цифровые технологии дорогие, что при высокой волатильности и низких ценах делает их недоступными для компаний, при этом возрастают экономические риски. Такие проекты по цифровизации имеют большой срок окупаемости, что при нестабильной экономической обстановке в мире может превратиться в убыточный проект;

5) высокотехнологичных компаний, которые занимаются разработкой и производством цифровых технологий для нефтегазового комплекса, мало, что создает угрозу попадания в зависимость и монополизации рынка цифровых решений для нефтегазового комплекса.

При этом при анализе возможностей применения информационно-коммуникационных технологий на предприятиях нефтегазового комплекса нельзя не учитывать положительный опыт. Так, ПАО «Газпром нефть» имеет опыт успешного использования цифрового симулятора Cyber Fracturing 2.0 в своих активах. Это программное обеспечение моделирует создание гидроразрыва (ГРП), а также находит лучшие алгоритмы для геологических операций. В сочетании с другими цифровыми инструментами «Газпром нефти» данная технология позволя-

Таблица 1

Сравнительный анализ развития энергетического сектора в формате Industry Industry 4.0

Критерии сравнения	Старая парадигма развития энергетического сектора в формате Industry 3.0	Новая парадигма развития энергетического сектора в формате Industry 4.0
Резервы	Крупные и сверхкрупные месторождения с традиционными ресурсами	Малые и средние месторождения, также месторождения с ТРИЗами
Базовый ресурс	До 30-х гг. XX века — уголь, до 80-х гг. XX века — нефть	Гибридные ресурсы — «mix energy»
Топливный баланс	Один ресурс (нефть или уголь)	Многокомпонентный баланс, все источники первичной энергии
Ключевой субсектор	Разведка и добыча	Все уровни (upstream, midstream, downstream)
Ключевые технологии	Экстенсивные технологии добычи, стандартизация	Цифровые технологии Industry 4.0, подход «точно в срок» и «бережливое производство»
Подход к организации производства в секторе	Преимущественно экстенсивное развитие с элементами интенсификации некоторых базовых производств, четкое разграничение между субсекторами и отраслями	В основном интенсивное развитие в основе учета локальных особенностей. Гибкость и мобильность добычи и поставок ресурсов на основе блоков и модулей. Нет четких границ между субсекторами и отраслями
Цепочки поставок	Закрытые, вертикальные, высокие, восходящие, глобальные	Открытые, низкие, разветвленные, нисходящие. Ведущая роль принадлежит сервисным, проектным и научно-исследовательским структурам. Национальные и локализованные
Рынок	Рынок продавца. Глобальный рынок	Рынок покупателя. Растущая роль национальных и локальных рынков
Основные компании	Глобальные ВИНК	Большое разнообразие компаний, в том числе и национальные и малые компании
Ключевая форма взаимодействия	Глобальная конкуренция за доступные запасы	Конкуренция и сотрудничество на основе совместного доступа к уникальным нематериальным активам и компетенциям
Основные источники конкурентоспособности	Высокое качество и доступность запасов. Цена ресурса. Снижение затрат на добычу ресурса	Гибкость добычи и доставки энергоресурсов. Качество ресурсов и неценовые факторы. Снижение затрат во всех сегментах энергетического сектора
Базовый доход	Природная рента от использования минеральных энергоресурсов	Снижение роли природной ренты и рост роли предпринимательского дохода
Подходы к государственному регулированию энергетического сектора	Минимальное вмешательство в деятельность рынка. Косвенные административные меры	Растущее вмешательство государства, поддержка новых технологий, компетенций, кооперация, ГЧП. Поддержка малого и среднего бизнеса

Таблица 2

**Возможности применения информационно-коммуникационных технологий
в нефтегазовом секторе**

Технология	Возможность применения в нефтегазовом комплексе
IoT (Интернет вещей)	Существует множество вариантов использования Интернета вещей в нефтегазовой отрасли на разных этапах этой цепочки поставок. Группа компаний Endress + Hauser, например, предлагает платформу IoT Netilion и комплекс инструментов для профилактического обслуживания, максимизации производительности и повышения безопасности на заводах и других звеньях цепочки создания стоимости в нефтегазовой отрасли. Еще одно приложение IoT в нефтегазовой отрасли, созданное Intelligent Sensing Anywhere в сотрудничестве с Telit, сфокусировано на телеметрии резервуаров и охватывает рынок сбыта продукции. Оснащая топливные и газовые цистерны беспроводными датчиками, компании обеспечивают удаленный мониторинг и предоставляют своим клиентам подробную картину эксплуатации цистерн. Многие компании корпоративного уровня, лидеры рынка
Интеллектуальные датчики	Одним из важнейших условий эффективной добычи нефти и газа является профилактическое обслуживание и регулярный ремонт оборудования. Однако, несмотря на строгое соблюдение графиков технического обслуживания, надежность оборудования довольно низкая. В результате компаниям необходимо поддерживать на платформах большое количество обслуживающего персонала. Эта проблема решается с помощью системы прогнозной аналитики. Системная установка датчиков, собирающих различные данные о работе устройств, а также программное обеспечение для анализа работоспособности оборудования и хода ремонтных работ позволяет решить многие проблемы до того, как они появились. В то же время есть предпосылки для оптимизации количества ремонтных бригад на 15-20% и сокращения времени простоя оборудования для планово-предупредительных и капитальных ремонтов
Дополненная реальность	Приложения AR могут помочь повысить безопасность на месторождениях за счет эффективной передачи необходимой информации в режиме реального времени. На рабочих местах в нефтегазовой отрасли должны соблюдаться строгие правила техники безопасности из-за опасной рабочей среды и наличия легковоспламеняющихся веществ. Своевременная информация и инструкции могут быть наложены на полевого работника, чтобы предпринять соответствующие действия для обеспечения безопасного выполнения любой задачи. Нефтегазовые компании сотрудничают с такими технологическими компаниями, как Microsoft и Google для разработки отраслевых решений AR. Технологические стартапы также присоединяются к усилиям по разработке индивидуальных решений дополненной реальности для конкретных нужд нефтегазовых компаний
Моделирование и прогнозирование на основе продвинутой аналитики и технологий Big Data	Big Data аналитика может быть использована для повышения безопасности труда в нефтегазовой отрасли. Сначала необходимо выполнить сбор и обработку данных. Затем надо структурировать данные по формату, чтобы представить легко понятный результат для принятия управленческого решения и минимизирования шанса на травму или поломку оборудования

Окончание таблицы 2

3D-печать	В последние годы нефтегазовая промышленность демонстрирует медленное, но устойчивое внедрение 3D-печати. Первоначально эта технология была в основном ограничена продуктами на основе полимеров. Однако недавние достижения в области 3D-печати на основе металла делают эту технологию более актуальной для нефтегазовой отрасли. Ключевое преимущество технологии 3D-печати заключается в сокращении времени, необходимого для изготовления сложных прототипов. 3D-принтеры также могут сократить время, необходимое для производства функциональных продуктов? для использования в производственной деятельности. Из-за более строгих экологических норм, неустойчивых цен на нефть и постоянно растущей конкуренции компании тяготеют к сложным конструкциям оборудования для достижения операционной эффективности. Возможность производить сложные компоненты, которые в противном случае невозможно было бы изготовить с использованием обычных процессов, превращает 3D-печать в обязательную технологию. Длительные процессы закупки запасных частей часто вынуждают нефтегазовые компании поддерживать чрезвычайно высокий уровень запасов, что приводит к затратам на складское хранение
-----------	---

ет повысить эффективность добычи нефти из низкопроницаемых резервуаров на 5%. В долгосрочной перспективе экономический эффект от внедрения цифрового инструмента оценивается в 4,8 млрд. рублей дополнительной прибыли.

Пилотный проект по использованию блокчейна в логистике был реализован компаниями «Газпромнефть-Снабжение» и «Газпром нефть шельф» при доставке арматуры на МЛСП «Приразломная». Для того чтобы данные о движении груза записывались в блокчейн автоматически, на груз на заводе в Великом Новгороде были нанесены радиочастотные метки (RFID) и установлены датчики GPS.

Чтение RFID-метки также позволило быстро получить доступ к информации о генеральном грузе и отсканированных копиях сопроводительных документов в формате PDF. Технология позволила автоматизировать все складские операции и контролировать их выполнение в установленные сроки [12, 13].

Очевидно, что реализация крупнейших нефтегазовых проектов в арктических условиях требует нового подхода и технологических решений для эффективного освоения

углеводородов на шельфе. Компании, имеющие необходимые лицензии для разработки шельфовых месторождений, стремятся следовать цифровым трендам отрасли и активно внедряют инновационные технологии в рамках масштабных инвестиционных проектов, таких как «Новый порт» и «Приразломная» («Газпром»), «Северная оконечность месторождения «Чайво» и «Сахалин-1» («Роснефть»).

Это также подтверждается тем, что ведущие компании уже реализуют долгосрочные планы по развитию цифровых технологий. Так, согласно стратегии «Роснефть-2022» компания отдает приоритет развитию потенциала цифровизации и прорывным технологическим решениям. В рамках нефтегазовых проектов по освоению шельфовой и материковой территорий Российской Федерации активно развиваются концепция «Цифровое месторождение», индустриальный интернет, технологии Больших Данных и удаленное управление бурением и добычей. Между тем, цифровая стратегия ПАО «Газпром нефти» включает основные направления, объединяющие всю цепочку создания стоимости и управления бизнес-процессами. Приоритет отдается таким аспектам, как создание единой

цифровой платформы управления бизнесом и систем управления данными. Всеми производственными активами можно будет управлять из единого центра, что позволит значительно повысить эффективность бизнес-процессов, а также наладить коммуникации между блоками компании, увеличив скорость принятия технологических и организационных решений.

Ключевые направления стратегии технологических преобразований компании ПАО «Газпром Нефть»:

- когнитивная геологоразведка (применение искусственного интеллекта в поиске промышленных запасов нефти и оценке вероятности успеха того или иного проекта);

- когнитивный инжиниринг (формирование схемы разработки месторождения с помощью машинного обучения);

- корпоративный центр управления бурением (дистанционный контроль производственных объектов);

- центр управления добычи (объединение всех производственных процессов добычи в единую интегрированную среду);

- цифровые двойники (создание прототипов реальных объектов в виртуальной среде поиска оптимальных решений).

Ключевые аспекты стратегии «Роснефть-2022»:

- запуск корпоративного центра обработки данных с платформой индустриального интернета и интегрированного цифрового двойника месторождений;

- испытания технологии мониторинга производственных объектов с помощью дронов и машинного зрения, применения искусственного интеллекта при разработке месторождений;

- тестовые испытания системы мониторинга ледовой установки для бурения на шельфе;

- введение систем предиктивной аналитики и индикаторов состояния динамического оборудования.

Технологии, которые не предполагают непосредственного присутствия людей на объекте, проще говоря? «безлюдные», уже стали активно внедряться и использоваться на отечественных предприятиях для добычи нефти. Так, например, в ООО «Газпромнефть-Хантос» (дочернее предприятие ПАО «Газ-

промнефть») производственные процессы на Южно-Приобском месторождении обслуживаются из центрального офиса компании благодаря цифровому двойнику месторождения. По предварительным оценкам, с запуском системы цифрового двойника эксплуатационные расходы на разработку месторождения могут сократиться на 15% [14–18].

Данные примеры использованы для того, чтобы показать, что цифровые технологии уже используются и активно внедряются в ТЭК РФ, также у российских компаний есть опыт использования таких технологий, и они используются на нетрадиционных месторождениях и на Арктическом шельфе. Это дает основание полагать, что предприятия ТЭК РФ все-таки ориентированы на интенсивный путь развития.

Предпосылки перехода предприятий ТЭК к цифровой трансформации.

Построение трендов развития предприятий ТЭК РФ невозможно без анализа предпосылок проведения цифровой трансформации данных предприятий, так как качественный анализ причин перехода к цифровой трансформации дает возможность более точного прогнозирования социально-экономических и экологических последствий их внедрения на предприятиях ТЭК РФ. В таблице 3 представлены предпосылки цифровой трансформации предприятий топливно-энергетического комплекса и причины их возникновения [19–22].

Как видно из таблицы 3, причин как глобальных, так и локальных достаточно для того, чтобы цифровая трансформация охватила все сферы деятельности предприятий топливно-энергетического комплекса. Проведенный анализ также показал, что в целом ТЭК РФ готов к этой трансформации.

Построение трендов развития ТЭК РФ.

Далее в соответствии с целью исследования были построены тренды развития ТЭК РФ в условиях цифровой трансформации экономики.

Проведенный анализ также позволил выявить два приоритетных тренда в современном развитии предприятий топливно-энергетического комплекса РФ:

- 1) тренд на освоение арктических месторождений в условиях цифровой трансформации;

Таблица 3

Предпосылки к цифровой трансформации ТЭК РФ

Предпосылки	Причины
Экономические предпосылки	<i>Глобальные причины:</i>
	1) рост городского населения
	2) недостаток инвестиционных вложений в модернизацию инфраструктуры топливно-энергетического комплекса
	3) новые бизнес-модели, основанные на парадигме «цифрового бизнеса» через одноранговые и прозрачные транзакции
	4) сегментация рынка по платежеспособному спросу
	5) экономическая нестабильность
	<i>Локальные причины:</i>
	6) истощение традиционных ресурсов углеводородов и смещение производства в сторону нефти и сланцевого газа и арктической платформы
	7) отсутствие окупаемости российского рынка сбыта высокотехнологичных инноваций и энергоэффективного оборудования
	8) проблемы роста коммерческих потерь и неэффективности энергокомпаний
	9) ежегодный рост тарифов на энергоресурсы и затрат населения на их оплату
Технологические предпосылки	10) низкая энергоэффективность экономики России
	11) зависимость отрасли от зарубежных технологий и оборудования
	<i>Глобальные причины:</i>
	1) рост спроса на надежное и качественное оборудование и менеджмент в топливно-энергетическом комплексе
	2) рост потребления углеводородов
	3) развитие городов и городских агломераций
	4) общая тенденция к децентрализации
	5) разработка инновационных технологий, устройств и материалов
	6) масштабное развитие распределенной энергетики
	<i>Локальные причины:</i>
	7) моральное устаревание инфраструктуры (износ ТЭК достигает 66%) и логики развития энергосистемы
Институциональные предпосылки	8) техническое состояние производственных фондов
	9) отсутствие наблюдаемости сетевых объектов и режимов работы
	<i>Глобальные причины:</i>
	1) объединение усилий всех заинтересованных сторон, а именно отраслевого бизнес-сообщества, органов власти, научно-исследовательских организаций и образовательных учреждений
	2) дефицит системных мер по стимулированию коммерциализации инноваций в компаниях ТЭК
	3) необходимость внесения поправок в законы в связи с появлением новых субъектов (просьюмеров, активных потребителей, агрегаторов), регулирования отношений между ними, стандартизации интерфейсов взаимодействия с Единой энергетической системой

Окончание таблицы 3

Институциональные предпосылки	<i>Локальные причины:</i>
	4) необходимость мгновенных откликов на неисполнение обязательств участниками рынка
	5) необходимость стимулирования повышения энергоэффективности и энергосбережения
Экологические предпосылки	<i>Глобальные причины:</i>
	1) снижение доли инвестиций в охрану окружающей среды
	2) увеличение выбросов парниковых газов
	3) международная и национальная политика поощряют декарбонизацию (общая тенденция декарбонизации)
	<i>Местные причины:</i>
	4) повышение риска аварийности к 2030 году до 80% в результате ухудшения технического состояния устройств из-за недостаточных инвестиционных затрат
	5) более 42 стихийных бедствий, произошедших на территории России в 2018 году
Социальные предпосылки	6) необходимость стимулировать и учитывать использование вторичных ресурсов
	<i>Глобальные причины:</i>
	1) трудовые кадры умеют работать с цифровыми технологиями
	2) многие сотрудники нефтяных компаний имеют «цифровой» опыт
	<i>Локальные причины:</i>
	3) российские университеты готовят кадры с учетом требований цифровой экономики
	4) компетентные работники готовы использовать цифровые технологии

2) тренд на освоение нетрадиционных месторождений в условиях цифровой трансформации.

В качестве основной методики построения трендов принята диаграмма Исикавы [23], популярный инструмент для анализа корневых причин того или иного факта, но в построении трендов ТЭК России он не использовался. Выбор данного инструмента был обусловлен его наглядностью, гибкостью, простотой анализа, удобством применения, а также данный инструмент прошел проверку временем и доказал свою эффективность в других областях.

1. Тренд на освоение арктических месторождений в условиях цифровой трансформации. Смена парадигмы разработки нефтегазовых месторождений произошла из-за новой научно-технической революции в области добычи нефти и газа. Добыча нефти

и газа в Арктике как новая парадигма — это новейшая концепция ценностей, технологических и инженерных решений, направленных на максимизацию роста капитализации и прибыльности ключевых активов нефтегазовых компаний в реальном времени.

Информация, полученная исходя из анализа научных исследований [19–22], была положена в основу построения причинно-следственной диаграммы тренда освоения арктических месторождений в условиях цифровой трансформации.

Анализ современного состояния разработки нефтегазовых месторождений Арктики определил основные перспективные направления освоения арктических нефтегазовых месторождений. На рис. 1 представлена причинно-следственная диаграмма Исикавы, которая является основанием для формирования тренда освоения Арктического шельфа в рамках цифровой трансформации ТЭК РФ.

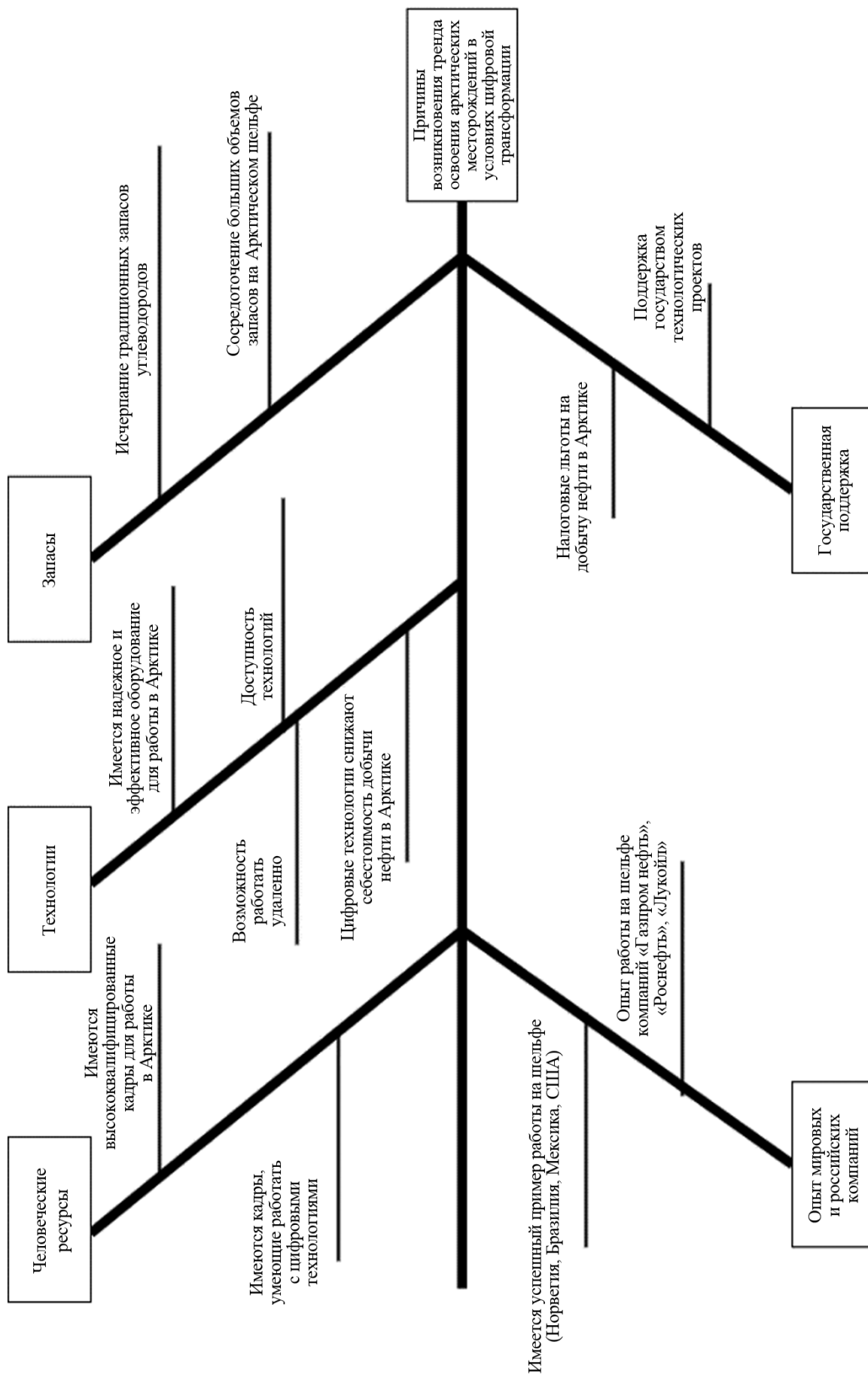

Рис. 1. Причинно-следственная диаграмма тренда на освоение Арктического шельфа

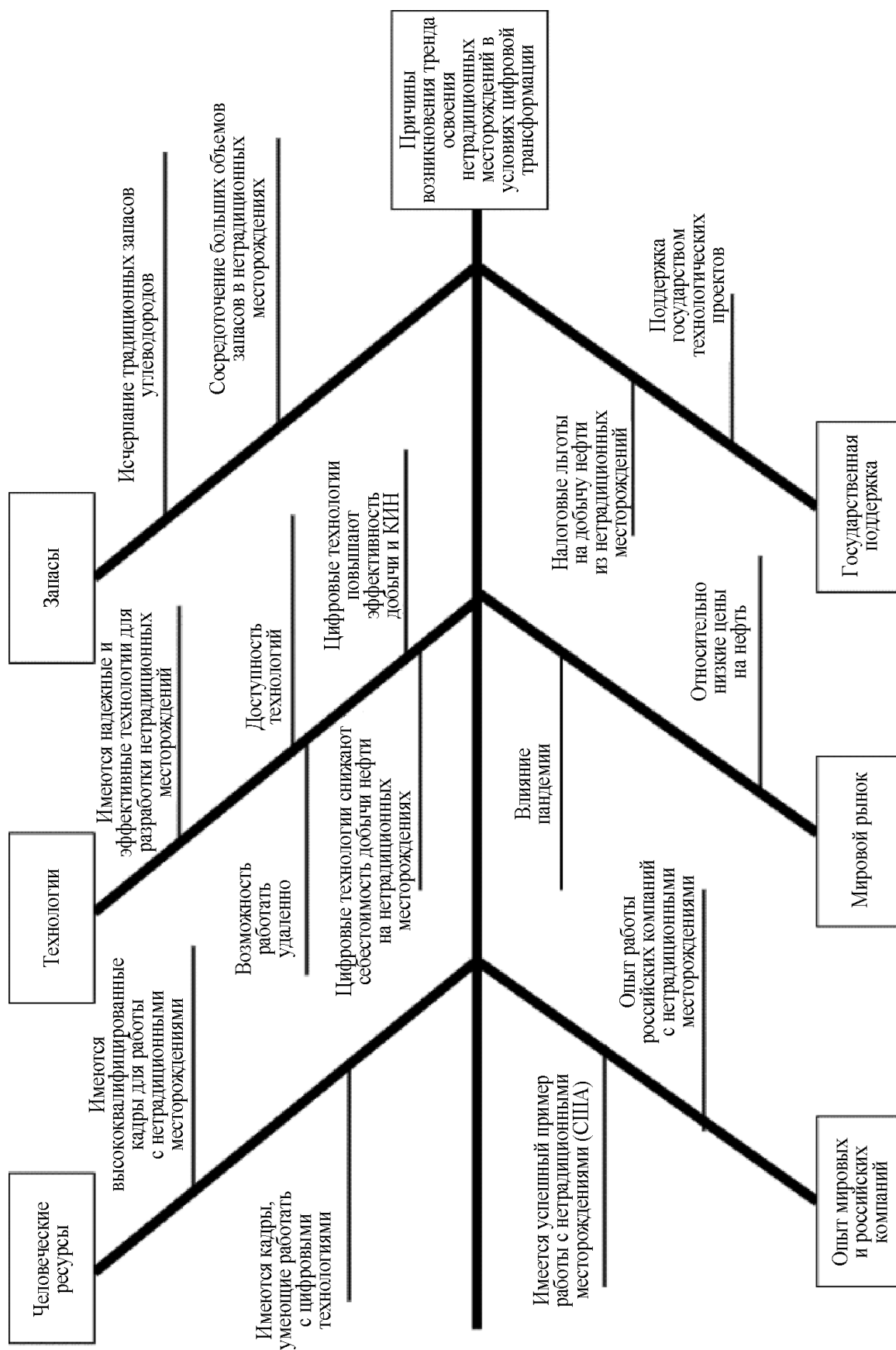

Рис. 2. Причинно-следственная диаграмма тренда на освоение нетрадиционных месторождений

Диаграмма состоит из пяти основных блоков: запасы, технологии, человеческие ресурсы, опыт мировых и российских компаний, государственная поддержка.

Из данной диаграммы видно, что технологии, человеческие ресурсы и государство готовы к освоению Арктики. Также одной из основных причин является исчерпание запасов на традиционных месторождениях. Соответственно, данная диаграмма подтверждает тот факт, что один из трендов развития ТЭК РФ будет направлен на освоение арктических месторождений.

2. Тренд на освоение нетрадиционных месторождений в условиях цифровой трансформации. Предприятия ТЭК РФ переживают непростые времена. Низкие цены на нефть, пандемия и истощение традиционных месторождений подталкивают российские нефтегазовые компании к поиску новых путей развития. Россия, располагающая лишь 13% мировых запасов сырой нефти, является одной из крупнейших стран в мире по объемам добычи. При нынешней скорости исчерпания традиционных месторождений существует необходимость создания стратегического резерва увеличения уровня добычи нефти и газа из нетрадиционных месторождений, которые выглядят достаточно оптимистично и будут развиваться разнонаправленно в мировом тренде.

Разработка сланцевых месторождений. Российский ТЭК неизбежно приближается к моменту, когда наступит необходимость в разработке и освоении нетрадиционных углеводородов в пластах с низкой проницаемостью, в основном нефти с месторождений баженовской свиты, аналогичных этому, Ачимовских пластов и тюменских месторождений.

Результаты научных исследований [24–27] были положены в основу построения причинно-следственной диаграммы тренда на освоение нетрадиционных месторождений в условиях цифровой трансформации.

Активно внедряются и используются цифровые технологии, что увеличивает эффективность производства и снижает стоимость. Именно эти технологии позволяют работать на нетрадиционных месторождениях и оставаться конкурентоспособными. На рис. 2 представлена причинно-следствен-

ная диаграмма тренда на освоение нетрадиционных месторождений в условиях цифровой трансформации ТЭК РФ.

С помощью данной диаграммы обосновано существование тренда на нетрадиционные месторождения. Исчерпание ресурсов, пандемия, низкие цены на нефть вынуждают предприятия ТЭК к изменению вектора своего развития в сторону использования интенсивных методов, а цифровые технологии, поддержка государства и высококвалифицированные кадры обосновывают наличие тренда на освоение нетрадиционных месторождений.

Заключение. В заключение можно утверждать, что предприятия ТЭК РФ следующего поколения разделяют основные положения концепции Industry 4.0 и взяли курс на цифровую трансформацию своей деятельности. Однако нельзя отрицать, что существует ряд проблем и барьеров, возникающих в результате цифровой трансформации этих предприятий.

В рамках цифровой экономики современные предприятия топливно-энергетического комплекса могут получать выгоды, в том числе повышение безопасности труда рабочих, улучшение экологических показателей регионов в целом и как следствие — сохранение баланса биоразнообразия, защиту общественного здоровья, повышение производительности и эффективности труда, сокращение продолжительности цикла «разведка — разработка — добыча», повышение надежности использования оборудования и снижение капитальных затрат. В глобальном масштабе информационно-коммуникационные технологии трансформируют и добывающие отрасли. Для России это дает возможность возглавить разработку и коммерциализацию стимулирующих технологий, интеграцию этих технологий в глобальные операции, а также в широкие социально-экономические и нормативные последствия цифровизации.

Тренды на освоение нетрадиционных месторождений и месторождений Арктического шельфа показывают, в каких направлениях будет двигаться ТЭК РФ следующие десятилетия. Тренд на освоение Арктического шельфа и разработку нетрадиционных месторождений означает, что количество проектов по добыче нефти и газа в Северном Ледови-

том океане и количество проектов по добыче сланцевой нефти будет только расти, через некоторое время они начнут вносить основной вклад в уровень добычи нефти и газа.

Тренды дают понять, в каких областях потребуется поддержка государства и изменения законодательства для успешной деятельности. Так как ТЭК — это огромный сектор промышленности, который своим развитием создает мультипликативный эффект для развития других отраслей экономики и является как драйвером развития других секторов экономики, так и зависимой стороной от других отраслей и технологий, то заранее намеченные направления развития помогут плавно и оптимально совершить переход компаний к работе на Арктическом шельфе и с нетрадиционными месторождениями. Именно построение трендов даёт возможность адекватно прогнозировать будущее, подстраивать производство под новые задачи и требования, создавать новые подходы к ведению бизнеса, лоббировать законодательную деятельность для развития Арктики и нетрадиционных месторождений. Построение трендов дает время на плавную подготовку и трансформацию всех секторов экономики, связанных с ТЭК.

Благодаря заблаговременной подготовке и прогнозированию с помощью трендов российский топливно-энергетический комплекс сможет не только сохранить свои позиции на мировом рынке, но и повысить свою конкурентоспособность, а также выйти на новый высочайший этап развития.

Литература

1. Щетинина Н. Ю. Industry 4.0: практические аспекты реализации в российских условиях [Электронный ресурс] // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. — 2017. — №1 (21). — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/industriya-4-0-prakticheskie-aspekty-realizatsii-v-rossijskih-usloviyah/> (Дата обращения: 29.10.2020).
2. Никитенко С. М., Гоосен Е. В., Пахомова Е. О. Мировой инновационный проект «Industry 4.0» и перспективы комплексного освоения недр в топливно-энергетическом комплексе России [Электронный ресурс] // Инновации. — 2019. — №10 (252). — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/mirovoy-innovatsionnyy-proekt-industriya-4-0-i-perspektivy-kompleksnogo-osvoeniya-neдр-v-toplivno-energeticheskom-komplekse-rossii/> (Дата обращения: 26.09.2020).
3. Пиголева И. В., Миловидов К. Н. Мировая нефтегазохимия: основные тенденции развития в условиях трансформации мировой энергетики // Микроэкономика. — 2018. — №5. — С. 22–30.
4. Dmitrievskiy A. N., Eremin N. A., Filippova D. S., Safarova E. A. Digital oil and gas complex of Russia // Georesursy, 2020. — Special Issue. — P. 32–35.
5. Линник Ю. Н., Кириухин М. А. Цифровые технологии в нефтегазовом комплексе [Электронный ресурс] // Вестник ГУУ. — 2019. — №7. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-tehnologii-v-neftegazovom-komplekse/> (Дата обращения: 26.09.2020).
6. Тчаро Х., Воробьев А. Е., Воробьев К. А. Цифровизация нефтяной промышленности: базовые подходы и обоснование «интеллектуальных» технологий [Электронный ресурс] // Вестник евразийской науки. — 2018. — №2. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-neftyanoy-promyshlennosti-bazovye-podhody-i-obosnovanie-intellektualnyh-tehnologiy/> (Дата обращения: 28.09.2020).
7. Shishkin A. N., Timashev E. O., Solovykh V. I., Volkov M. G., Kolonskikh A. V. Bashneft digital transformation: From concept design to implementation. Neftyanoe Khozyaystvo — Oil Industry. — 2019. — №3. — P. 7–12.
8. «Цифровая энергетика»: новые возможности и вызовы для ТЭК [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.gazprom-neft.ru/press-center/sibneft-online/archive/2020-july-august/4877850/> (Дата обращения: 23.09.2020).
9. Khan W. Z., Aalsalem M. Y., Gharibi W., Arshad Q. Oil and gas monitoring using wireless sensor networks: Requirements, issues and challenges // Paper presented at the Proceeding — 2016 International Conference on Radar, Antenna, Microwave, Electronics, and Telecommunications. — ICRAMET, 2016. — P. 31–35.
10. Мозохин Ан. Е., Мозохин Ал. Е. Анализ перспективного развития энергетических систем в условиях цифровой трансформации

Российской экономики [Электронный ресурс] // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. — 2020. — №1. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-perspektivnogo-razvitiya-energeticheskikh-sistem-v-usloviyah-tsifrovoy-transformatsii-rossiyskoy-ekonomiki> (Дата обращения: 29.10.2020).

11. Халов О., Юдин Д. А. Влияние санкций на развитие нефтегазового сектора Российской Федерации [Электронный ресурс] // Инновации и инвестиции. — 2020. — №8. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-sanktsiy-na-razvitie-neftegazovogo-sektora-rossiyskoy-federatsii/> (Дата обращения: 29.10.2020).

12. Блокчейн для «Приразломной» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.gazprom-neft.ru/press-center/sibneft-online/archive/2018-april/1533012/> (Дата обращения: 23.09.2020).

13. О цифровой трансформации «Газпром нефти» и технологических трендах нефтяной отрасли [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.gazprom-neft.ru/press-center/lib/4029430/> (Дата обращения: 23.09.2020).

14. Hermann M., Pentek T., Otto B. Design principles for industrie 4.0 scenarios // Paper presented at the Proceedings of the Annual Hawaii International Conference on System Sciences. — March, 2016. — Pp. 3928–3937.

15. Gafurov A. R., Skotarenko O. V., Nikitin Y. A., Plotnikov V. A. Digital transformation prospects for the offshore project supply chain in the Russian Arctic // Paper presented at the IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. — 2020. — №539 (1).

16. Golubev S. S., Efremov A. A. Development of digital technologies for the arctic zone of the Russian Federation. Journal of Advanced Research in Law and Economics. — 2019. — №10 (8). — Pp. 2346–2356.

17. Didenko N. I. Concept and mechanism for managing the digital transformation of arctic target subspaces and spheres of vital activity // Paper presented at the IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. — 2020. — №940 (1).

18. Kulyasov N. S., Shipkova O. T., Zavalov A. E., Charyyarova G. D. Directions of development of digitalization of the oil industry in

the russian federation // Paper presented at the IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. — 2020. — №919 (6).

19. Zeynalli A., Butdayev R., Salmanov V. Digital transformation in oil and gas industry // Paper presented at the Society of Petroleum Engineers — SPE Annual Caspian Technical Conference 2019, CTC 2019.

20. Chernova E. G., Razmanova S. V. Structural shifts in the oil and gas industry: Key factors, indicators, consequences // Vestnik SPbGU. Ekonomika. — 2017. — №4. — Pp. 622–640.

21. Nixon J. Digitalization deployed: Lessons learned from early adopters // Paper presented at the Proceedings of the Annual Offshore Technology Conference. — May 2020.

22. Бажитов А. В., Ермолина Л. В., Овчинников К. А. Трансформация нефтегазового сектора в условиях цифровизации [Электронный ресурс] // Эксперт: теория и практика. — 2019. — №3 (3). — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-neftegazovogo-sektora-v-usloviyah-tsifrovizatsii> (Дата обращения: 29.10.2020).

23. Федюкин В. К. Управление качеством процессов. — СПб.: Питер, 2005. — 202 с.

24. Le Turdu C., Pugh A., Fraser C., Nollet S., Castagnac C., Stabell F., Tushingham K. Benefits of digital for better exploration planning and execution // Paper presented at the 1st EAGE Digitalization Conference and Exhibition. — 2020.

25. What are the three key actions being used by leading oil and gas companies to start their digital journey? Accenture Blog. — 2017.

26. World Economic Forum. Digital transformation initiative. Digital Transformation Initiative. Retrieved from www.scopus.com. — 2017.

27. Razmanova S. V., Andrukhova O. V. Oil-field service companies as part of economy digitalization: Assessment of the prospects for innovative development // Journal of Mining Institute. — 2020. — №244 (4). — Pp. 482–492.

References

1. Shhetinina N. Ju. Industry 4.0: prakticheskie aspekty realizatsii v rossijskikh usloviyah [Industry 4.0: practical aspects of implementation in Russian conditions] [Elektronnyj resurs] // Modeli, sistemy, seti v jekonomike,

tehnike, prirode i obshchestve [Models, systems, and networks in economics, technology, nature, and society]. — 2017. — №1 (21). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/industriya-4-0-prakticheskie-aspekty-realizatsii-v-rossijskih-usloviyah/> (Date accessed: 29.10.2020).

2. Nikitenko S. M., Goosen E. V., Pahomova E. O. Mirovoj innovacionnyj proekt «Industry 4.0» i perspektivy kompleksnogo osvoenija nedr v toplivno-jenergeticheskom komplekse Rossii [World innovation project «Industry 4.0» and prospects for integrated development of mineral resources in the fuel and energy complex of Russia] [Elektronnyj resurs] // Innovacii [Innovation]. — 2019. — №10 (252). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mirovoy-innovatsionnyj-proekt-industriya-4-0-i-perspektivy-kompleksnogo-osvoenija-nedr-v-toplivno-energeticheskom-komplekse-rossii/> (Date accessed: 26.09.2020).

3. Pigoleva I. V., Milovidov K. N. Mirovaja neftegazohimija: osnovnye tendencii razvitiya v uslovijah transformacii mirovoj jenergetiki [World oil and gas chemistry: the main trends of development in the conditions of transformation of world energy] // Mikroekonomika. — 2018. — №5. — Pp. 22–30.

4. Dmitrievskiy A. N., Eremin N. A., Filippova D. S., Safarova E. A. Digital oil and gas complex of Russia // Georesursy, 2020. — Special Issue. — P. 32–35.

5. Linnik Ju. N., Kirjuhin M. A. Cifrovye tehnologii v neftegazovom komplekse [Digital technologies in the oil and gas complex] [Elektronnyj resurs] // Vestnik GUU. — 2019. — №7. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-tehnologii-v-neftegazovom-komplekse/> (Date accessed: 26.09.2020).

6. Tcharo H., Vorob'ev A. E., Vorob'ev K. A. Cifrovizacija nefjtanoj promyshlennosti: bazovye podhody i obosnovanie «intellektual'nyh» tehnologij [Digitalization of the oil industry: basic approaches and justification of «intelligent» technologies] [Elektronnyj resurs] // Vestnik evrazijskoj nauki [Bulletin of Eurasian Science]. — 2018. — №2. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-neftyanoy-promyshlennosti-bazovye-podhody-i-obosnovanie-intellektualnyh-tehnologij/> (Date accessed: 28.09.2020).

7. Shishkin A. N., Timashev E. O., Solovykh V. I., Volkov M. G., Kolonskikh A. V. Bash-

neft digital transformation: From concept design to implementation. Neftyanoe Khozyaystvo — Oil Industry. — 2019. — №3. — P. 7–12.

8. «Cifrovaja jenergetika»: novye vozmozhnosti i vyzovy dlja TJeK [«Digital Energy»: new opportunities and challenges for the fuel and energy sector] [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://www.gazprom-neft.ru/press-center/sibneft-online/archive/2020-july-august/4877850/> (Date accessed: 23.09.2020).

9. Khan W. Z., Aalsalem M. Y., Gharibi W., Arshad Q. Oil and gas monitoring using wireless sensor networks: Requirements, issues and challenges // Paper presented at the Proceeding — 2016 International Conference on Radar, Antenna, Microwave, Electronics, and Telecommunications. — ICRAMET, 2016. — P. 31–35.

10. Mozohin An. E., Mozohin Al. E. Analiz perspektivnogo razvitiya jenergeticheskikh sistem v uslovijah cifrovoj transformacii Rossijskoj jekonomiki [Analysis of the prospective development of energy systems in the conditions of digital transformation of the Russian economy] [Elektronnyj resurs] // Nauchno-tehnicheskij vestnik informacionnyh tehnologij, mehaniki i optiki [Scientific and Technical Bulletin of information Technologies, Mechanics and Optics]. — 2020. — №1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-perspektivnogo-razvitiya-energeticheskikh-sistem-v-usloviyah-tsifrovoy-transformatsii-rossiyskoj-ekonomiki/> (Date accessed: 29.10.2020).

11. Halov O., Judin D. A. Vlijanie sankcij na razvitie neftegazovogo sektora Rossijskoj Federacii [The impact of sanctions on the development of the oil and gas sector of the Russian Federation] [Elektronnyj resurs] // Innovacii i investicii [Innovations and Investments]. — 2020. — №8. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-sanktsiy-na-razvitie-neftegazovogo-sektora-rossiyskoj-federatsii/> (Date accessed: 29.10.2020).

12. Blokchejn dlja «Prirazlomnoj» [Blockchain for Prirazlomnaya] [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://www.gazprom-neft.ru/press-center/sibneft-online/archive/2018-april/1533012/> (Date accessed: 23.09.2020).

13. O cifrovoj transformacii «Gazprom nefiti» i tehnologicheskikh trendah nefjtanoj otrasli [On the digital transformation of Gazprom Neft and technological trends in the oil industry] [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://>

www.gazprom-neft.ru/press-center/lib/4029430/ (Date accessed: 23.09.2020).

14. *Hermann M., Pentek T., Otto B.* Design principles for industrie 4.0 scenarios // Paper presented at the Proceedings of the Annual Hawaii International Conference on System Sciences. — March, 2016. — Pp. 3928–3937.

15. *Gafurov A. R., Skotarenko O. V., Nikitin Y. A., Plotnikov V. A.* Digital transformation prospects for the offshore project supply chain in the Russian Arctic // Paper presented at the IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. — 2020. — №539 (1).

16. *Golubev S. S., Efremov A. A.* Development of digital technologies for the arctic zone of the Russian Federation. Journal of Advanced Research in Law and Economics. — 2019. — №10 (8). — Pp. 2346–2356.

17. *Didenko N. I.* Concept and mechanism for managing the digital transformation of arctic target subspaces and spheres of vital activity // Paper presented at the IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. — 2020. — №940 (1).

18. *Kulyasov N. S., Shipkova O. T., Zavalov A. E., Charyyarova G. D.* Directions of development of digitalization of the oil industry in the russian federation // Paper presented at the IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. — 2020. — №919 (6).

19. *Zeynalli A., Butdayev R., Salmanov V.* Digital transformation in oil and gas industry // Paper presented at the Society of Petroleum Engineers — SPE Annual Caspian Technical Conference 2019, CTC 2019.

20. *Chernova E. G., Razmanova S. V.* Structural shifts in the oil and gas industry: Key fac-

tors, indicators, consequences // Vestnik SPbGU. Ekonomika. — 2017. — №4. — Pp. 622–640.

21. *Nixon J.* Digitalization deployed: Lessons learned from early adopters // Paper presented at the Proceedings of the Annual Offshore Technology Conference. — May 2020.

22. *Bazhitov A. V., Ermolina L. V., Ovchinnikov K. A.* Transformacija neftegazovogo sektora v uslovijah cifrovizacii [Transformation of the oil and gas sector in the conditions of digitalization] [Jelektronnyj resurs] // Jekspert: teorija i praktika [Expert: theory and practice]. — 2019. — №3 (3). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-neftegazovogo-sektora-v-usloviyah-tsifrovizatsii> (Date accessed: 29.10.2020).

23. *Fedjukin V. K.* Upravlenie kachestvom processov [Process quality management]. — Saint Petersburg: Piter, 2005. — 202 p.

24. *Le Turdu C., Pugh A., Fraser C., Nollet S., Castagnac C., Stabell F., Tushingham K.* Benefits of digital for better exploration planning and execution // Paper presented at the 1st EAGE Digitalization Conference and Exhibition. — 2020.

25. What are the three key actions being used by leading oil and gas companies to start their digital journey? Accenture Blog. — 2017.

26. World Economic Forum. Digital transformation initiative. Digital Transformation Initiative. Retrieved from www.scopus.com. — 2017.

27. *Razmanova S. V., Andrukhova O. V.* Oil-field service companies as part of economy digitalization: Assessment of the prospects for innovative development // Journal of Mining Institute. — 2020. — №244 (4). — Pp. 482–492.

Поступила в редакцию

28 мая 2021 г.

Зайченко Ирина Михайловна — кандидат экономических наук, доцент Высшей школы управления и бизнеса Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого. Сфера научных интересов: стратегическое управление предприятиями, в том числе разработка и реализация стратегии развития предприятия; анализ и совершенствование систем корпоративного управления; анализ отрасли и конкуренции в ней, анализ и совершенствование систем управления персоналом на предприятиях различных организационно-правовых форм; осуществление цифровой трансформации бизнеса.

Zaychenko Irina Mikhailovna — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Higher School of Management and Business, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. Research interests: strategic management of enterprises, including the development and implementation of enterprise development strategies; analysis and improvement of corporate governance systems; analysis of the industry and competition in it, analysis and improvement of personnel management systems at enterprises of various organizational and legal forms; implementation of digital business transformation.

195251, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
29 Polytekhnicheskaya st., 195251, Saint Petersburg, Russia
E-mail: zaychenko@spbstu.ru

Фадеев Алексей Михайлович — доктор экономических наук, Главный научный сотрудник Института экономических проблем им. Г.П. Лузина, профессор Высшей школы управления и бизнеса Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого. Сфера научных интересов: стратегическое управление нефтегазовым комплексом в Арктике, теория и практика стратегирования, логистика и обеспечение энергетических проектов.

Fadeev Alexey Mikhailovich — Doctor of Economic Sciences, Chief Researcher of the Luzin Institute for Economic Problems, Professor of the Higher School of Management and Business of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. Research interests: strategic management of the oil and gas complex in the Arctic, theory and practice of strategizing, logistics and support of energy projects.

184209, г. Апатиты, ул. Ферсмана, 24а
24a Fersmana st., 184209, Apatity, Russia
E-mail: alexfadeev79@gmail.com

Костюченко Александр Игоревич — бакалавр, Ярославский государственный технический университет, магистр Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого. Сфера научных интересов: логистика арктических месторождений, управление проектами, цифровые технологии в нефтегазовой сфере.

Kostyuchenko Alexander Igorevich — Bachelor's Degree, Yaroslavl State Technical University, Master's Degree, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. Research interests: logistics of Arctic fields, project management, digital technologies in the oil and gas sector.

195251, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
29 Polytekhnicheskaya st., 195251, Saint Petersburg, Russia
E-mail: sascha.kostyuchenko@gmail.com

УДК 331.101.52

10.17213/2075-2067-2021-3-182-190

РАЗРАБОТКА ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО МЕХАНИЗМА УПРАВЛЕНИЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ

© 2021 г. М. А. Киселева

Национальный исследовательский университет «МЭИ», г. Москва, Россия

Целью исследования является разработка организационно-экономического механизма управления научно-исследовательской деятельностью национального исследовательского университета, отличающаяся от существующих разработок возможностью оценки научно-исследовательской деятельности на основе анализа показателей эффективности деятельности научных групп.

Методологическую базу исследования составили методы: диалектический, научного познания и частные научные (анализ, синтез, сравнение, логический и системно-структурный анализ, формализация, анализ нормативно-правовых документов), моделирование.

Результаты исследования помогут формировать научные группы для подачи заявок и выполнения проектов в области научно-технической и грантовой деятельности национальных исследовательских университетов.

Перспектива исследования. Модернизированный организационно-экономический механизм в дальнейшем сможет оптимизировать другие составляющие научно-исследовательской деятельности университетов.

Ключевые слова: национальные исследовательские университеты; субъекты научно-исследовательской деятельности; заявочная активность; научно-техническая и грантовая деятельность; научные группы; организационно-экономический механизм.

DEVELOPMENT OF AN ORGANIZATIONAL AND ECONOMIC MECHANISM FOR MANAGING THE RESEARCH ACTIVITIES OF NATIONAL RESEARCH UNIVERSITIES

© 2021 М. А. Kiseleva

National Research University «MPEI», Moscow, Russia

The purpose of the study is to develop an organizational and economic mechanism for managing the research activities of the national Research University, which differs from the existing developments in the ability to evaluate research activities based on the analysis of performance indicators of research groups.

The methodological base of the study was made up of methods: dialectical scientific knowledge and private scientific (analysis, synthesis, comparison, logical and system-structural analysis, formalization, analysis of legal documents), modeling.

The results of the study will help to form research groups for submitting applications and implementing projects in the field of scientific, technical and grant activities of national research universities.

Research perspective. *The modernized organizational and economic mechanism will be able to optimize other components of the research activities of universities in the future.*

Key words: *national research universities; subjects of research activity; application activity; scientific and technical and grant activities; research groups; organizational and economic mechanism.*

Введение. В стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2025 года [1] одним из приоритетных направлений развития науки является ее обеспечение высокопрофессиональными техническими кадрами с набором компетенций, способных решать меняющиеся запросы реального сектора экономики. Наука должна отвечать на вызовы глобального мира. Таким образом, возникла необходимость для скорейшего решения возникающих критических проблем в ее управлении. Эту проблему могут решать национальные исследовательские университеты (НИУ) Российской Федерации. На данный момент в качестве основного метода оценки результативности субъектов научно-исследовательской деятельности (НИД) НИУ используются только наукометрические показатели индивидуальных субъектов, такие как индекс цитирования, индекс Хирша, экспертные оценки и т.д. Однако для оценки заявочной активности в области научно-технической и грантовой деятельности не учитывается результативность научных групп как единого целого. Кроме того, наблюдается отсутствие комплексных механизмов управления НИД национальных исследовательских университетов, где отражалась бы значимость созданных научных групп и их оценка, в связи с чем возникает острая необходимость в обеспечении грамотного формирования научных групп для развития НИД как первостепенного показателя его статуса, а также их дальнейшего участия в развитии инновационного экономического потенциала страны.

Целью исследования является разработка организационно-экономического механизма управления научно-исследовательской деятельностью национального исследовательского университета, отличающаяся от существующих разработок возможностью оценки научно-исследовательской деятельности на основе анализа показателей эффективности деятельности научных групп.

Методологическую базу исследования составили следующие методы: диалектического научного познания и частные научные (анализ, синтез, сравнение, логический и системно-структурный анализ, формализация, анализ нормативно-правовых документов), моделирование.

За последние 10 лет численность исследователей по техническим наукам по Российской Федерации сокращается. Такую тенденцию можно проследить на рисунке 1. В Ростате данный показатель состоит из трех составляющих: численность исследователей, не имеющих степени, численность кандидатов наук и докторов наук [2]. В 2019 году все эти составляющие существенно сократились. Численность исследователей, не имеющих ученой степени, снизилась на 2,01 %, кандидатов наук — на 1,75 %, докторов наук — на 3,02 %.

Численность исследователей по экономическим наукам в Российской Федерации также постепенно сокращается. Это можно увидеть на рисунке 2. Так, например, в 2019 году все эти показатели существенно снизились. Численность исследователей, не имеющих ученой степени, снизилась на 0,95 %, кандидатов наук — на 0,96 %, докторов наук — на 0,35 %. Учитывая такую тенденцию, автор выявляет необходимость в разработке мер по привлечению, стимулированию и «выращиванию» наиболее перспективных сотрудников организаций, выполняющих НИОКР.

Автором отмечается возможность получения грамотных специалистов, обладающих уникальными навыками, способностями, умениями и достижениями в какой-либо конкретной области деятельности, а также появления инноваций, которые должны начинаться в первую очередь с самого развития научно-исследовательской деятельности национальных исследовательских университетов. Так как именно с этой деятельности начинается весь цикл производства и формиро-

вания инноваций (полезных моделей, открытий, опытных образцов, рационализаторских решений и баз данных) и тех, кто сможет ее производить.

Чтобы увеличить количество таких специалистов, необходимо привлекать, мотивировать и заинтересовывать потенциальных субъектов научно-образовательного процесса заниматься научно-исследовательской деятельностью в национальных исследовательских университетах с помощью их формирования в научные группы. Существуют различные трактовки понятия «научных групп» различными университетами, представленными на рисунке 3.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (НовГУ) [3] дает следующее описание НГ: для выполнения каждой научно-исследовательской, опытно-конструкторской, опытно-технологической, проектной, конструкторской или технологической работы в структуре университета приказом формируется временный творческий коллектив (научная группа), назначается научный руководитель и при необходимости — ответственный исполнитель. Обязательным условием выполнения НИР в рамках государственного задания служит наличие в составе научной группы аспирантов и студентов НовГУ.

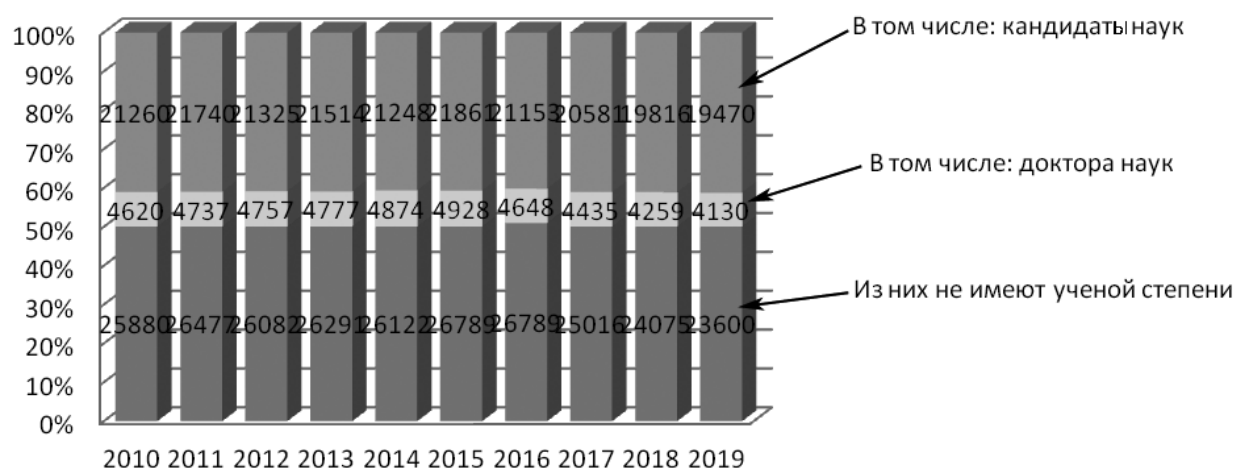

Рис. 1. Численность исследователей по техническим наукам в Российской Федерации (разработано автором на основании [2])

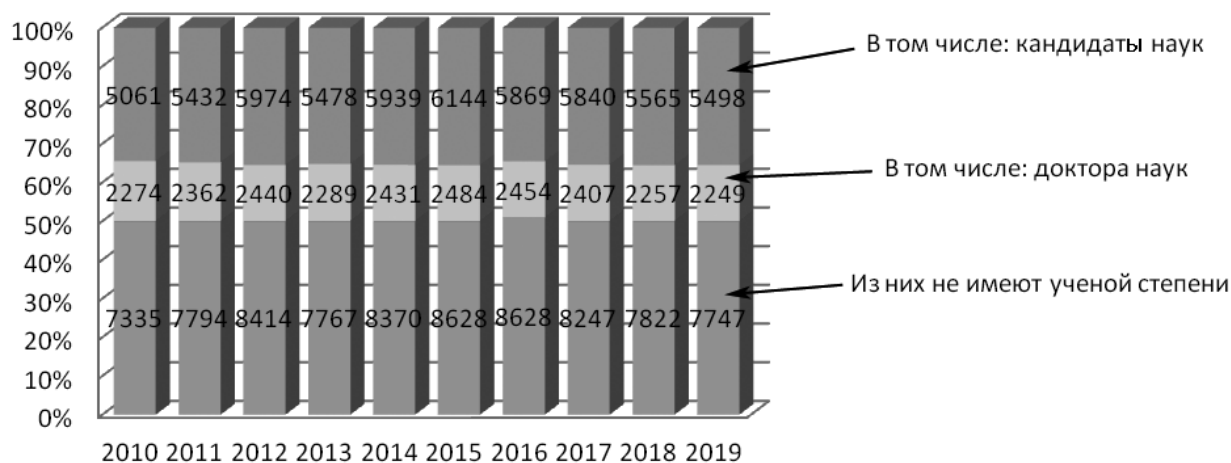

Рис. 2. Численность исследователей по экономическим наукам в Российской Федерации (разработано автором на основании [2])

МГТУ им. Баумана [4] определяет научные группы как коллектив, выполняющий комплекс следующих задач:

- эффективное использование научного потенциала МГТУ им. Н. Э. Баумана для проведения научно-исследовательских работ;

- развитие фундаментальных научных исследований в соответствии с профилями подготовки специалистов в университете;

- развитие научного и научно-технического сотрудничества с вузами, научными, проектно-конструкторскими организациями, предприятиями и фирмами, зарубежными партнерами в целях усиления интеграционных процессов образования, науки и промышленности.

Научные группы МАИ [5] определяются как коллектив, реализующий научно-исследовательские проекты в области конструирования авиакосмической техники, перспективных двигательных и энергетических установок, беспилотных летательных аппаратов, технологий гиперзвука, систем искусственного интеллекта и др.

НИЯУ МИФИ [6] использует определение «Инжиниринговый центр» вместо научной группы. ИЦ НИЯУ МИФИ (Инжиниринговый центр НИЯУ МИФИ) — структурное подразделение Национального Исследовательского Ядерного Университета МИФИ,

в задачи которого входит управление перспективными научными исследованиями молодых ученых вуза.

НИУ «МЭИ» [7] определяет научные группы как творческий коллектив сотрудников, аспирантов и студентов НИУ «МЭИ», объединившихся в рамках научно-технической деятельности для развития научного потенциала НИУ «МЭИ», поддержания действующих и создания новых научных школ, обеспечения кадрового воспроизводства научно-педагогических работников НИУ «МЭИ», для выполнения НИОКТР, формирования портфеля заказов, подготовки заявок на объекты интеллектуальной собственности, подготовки статей и докладов, подготовки кадров высшей квалификации, осуществления экспертной деятельности.

К положительным сторонам научных групп в университете можно отнести наличие в составе научных групп не менее 50% молодежи (студентов, магистрантов, аспирантов). Кроме того, при работе в группе уменьшается риск принятия ошибочного решения и опасность того, что в поле зрения не попадут некоторые важные факты.

К главным недостаткам научных групп можно отнести такие факторы, как:

- отсутствие результативности;

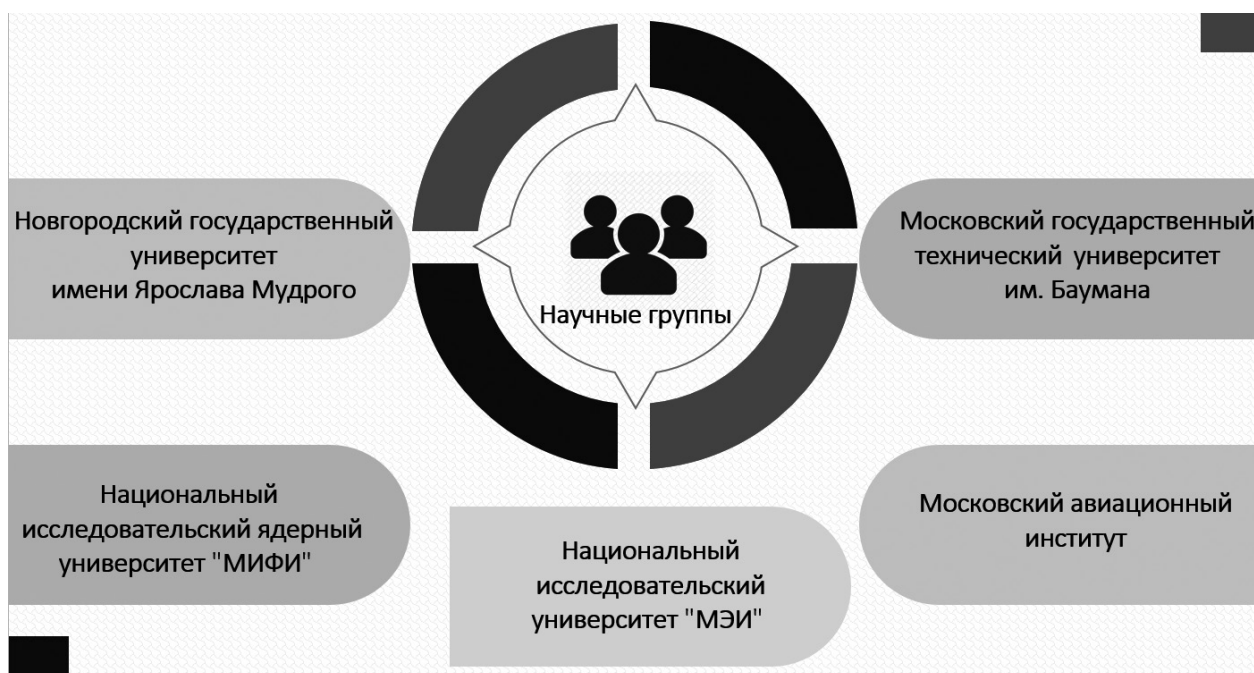

Рис. 3. Примеры университетов, трактующих различные понятия и задачи «научных групп»

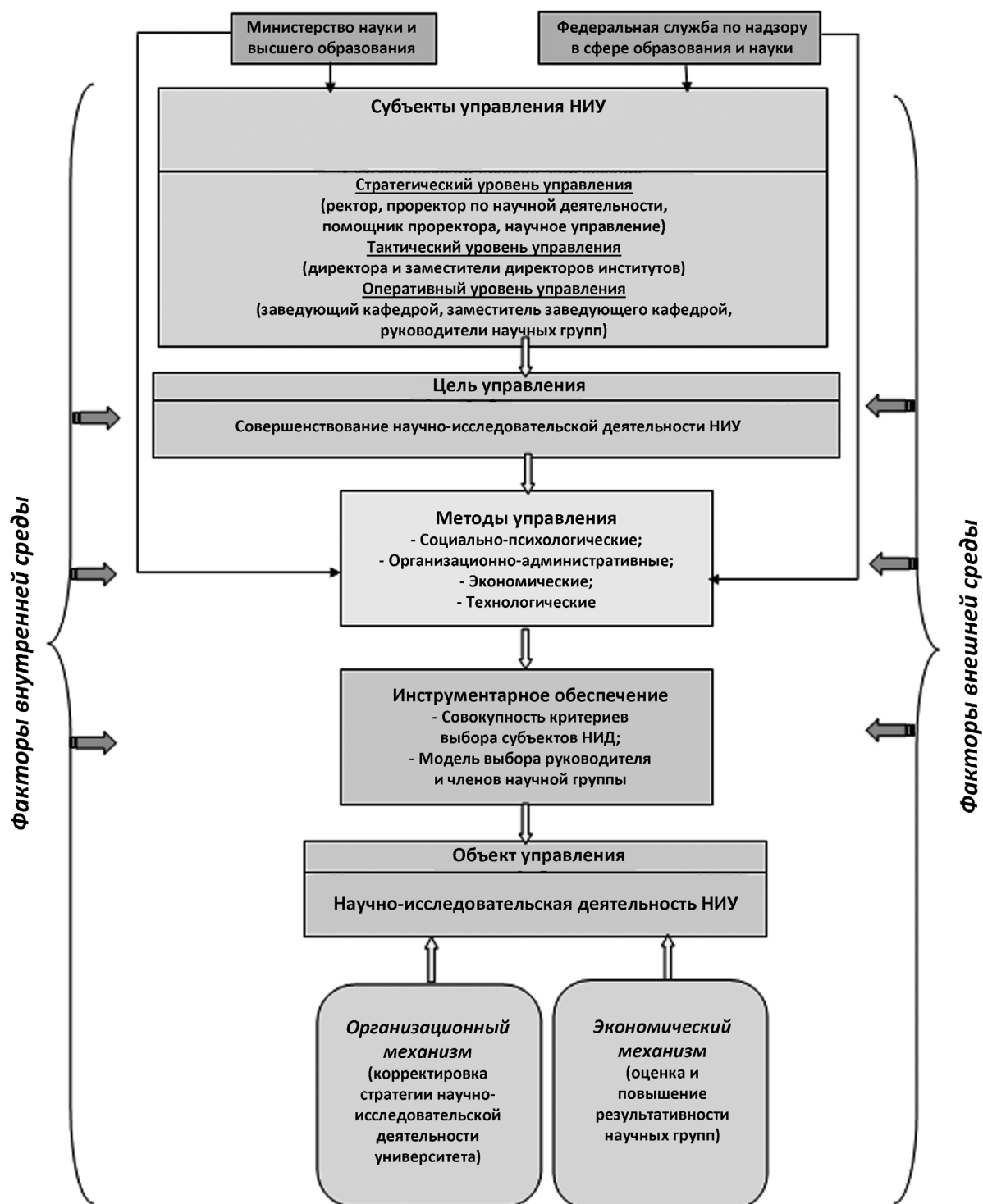

Рис. 4. Организационно-экономический механизм управления научно-исследовательской деятельностью в университете (разработано автором на основе [8])

— отсутствие взаимодействия с другими подразделениями;

— отсутствие в научных группах научно-го задела (совокупность новых результатов интеллектуальной деятельности в сфере науки и техники).

В связи с проведенным анализом в рамках исследования разработан организационно-экономический механизм (ОЭМ) [8] управления научно-исследовательской деятельностью национального исследовательского университета. Организационно-экономический механизм управления научно-исследовательской деятельностью в университете представлен на рисунке 4.

Проблема управления научно-исследовательской деятельностью в университете видится в том, что при формировании научных групп их деятельность часто носит формальный характер и не связана между собой. Например, сроки и количество подач заявок по проекту, их публикационная активность носят лишь краткосрочный характер. Таким образом, автором сформирован ОЭМ, целью управления которого будет являться совершенствование научно-исследовательской деятельности национального исследовательского университета [9, 10].

Рассмотрим структуру организационно-экономического механизма управления научно-исследовательской деятельностью национальных исследовательских университетов.

Объектом управления в организационно-экономическом механизме выступает научно-исследовательская деятельность.

Внешними субъектами управления ОЭМ являются Министерство науки и высшего образования, а также Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки.

Внутренними субъектами управления национальным исследовательским университетом в предложенном механизме выступают:

— стратегический уровень управления — ректор, проректор по научной деятельности, помощник проректора, научное управление;

— тактический уровень управления — директора и заместители директоров институтов;

— оперативный уровень управления — заведующий кафедрой, заместитель заведующего кафедрой, руководители научных групп.

На наш взгляд, наиболее конкретно организационную сторону ОЭМ [11] раскрывают такие методы, как:

1) отражение и проверка результатов НИД в индивидуальных планах сотрудников (организационно-административный метод);

2) повышение баллов в системе стимулирования за НИД (KPI) (экономический метод);

3) продление контракта с сотрудниками (организационно-административный метод);

4) обновление и расширение материально-технического обеспечения НИУ (технологический метод);

5) присуждение именных наград или грамот Министерством науки и высшего образования (социально-психологический метод).

Оценка внутреннего воздействия на предлагаемый организационно-экономический механизм управления научно-исследовательской деятельностью в университете производится с помощью матрицы SNW [12] (сильные, слабые и нейтральные стороны). Матрица SNW представлена в таблице 1.

Оценка внешнего воздействия на предлагаемый организационно-экономический механизм управления научно-исследовательской деятельностью в университете производится с помощью матрицы PESTEL [12] (политические, экономические, социо-культурные, технологические, правовые и экологические воздействия). Матрица PESTEL представлена в таблице 2.

Рассмотрим все перечисленные факторы более подробно [12].

Р (Политические факторы) — налоги, устанавливаемые органами власти, правовые и регулирующие вмешательства в деятельность рынка.

Е (Экономические факторы) — общий макроэкономический фон, в том числе эконо-

Таблица 1

Матрица SNW

S	N	W
(Сильные стороны)	(Нейтральные стороны)	(Слабые стороны)

Таблица 2

Матрица PESTEL

P	E	S
(Политические факторы)	(Экономические факторы)	(Социо-культурные факторы)
T	E	L
(Технологические факторы)	(Экологические воздействия)	(Правовые факторы)

мический рост, инфляция, процентные ставки и обменные курсы.

S (Социокультурные факторы) — общий социальный фон, в том числе тренды, относящиеся к населению, типы потребления и распределение населения по возрастам.

T (Технологические факторы) — тренды в НИОКР и инновациях, влияющие на продукцию и производство, а также угрозы со стороны продуктов-субститутов.

E (Экологические факторы) — тренды, связанные с погодой и климатом, влияние климатических изменений на операции университета.

L (Правовые факторы) — тренды в законодательной деятельности, влияющие на университет и принимаемые там решения, в том числе относящиеся к найму персонала, созданию среды, обеспечивающей сохранение здоровья и безопасность труда, а также антимонопольная деятельность, защита прав потребителей, достаточность капитала у финансовых учреждений и законы об управлении.

Разрабатываемый механизм должен выполнять ряд функций:

— планирование показателей научно-исследовательской деятельности национально-исследовательского университета;

— организация научно-исследовательской деятельности национального исследовательского университета;

— мотивация сотрудников и обучающихся для выполнения научно-исследовательской деятельности;

— контроль за выполнением показателей научно-исследовательской деятельности и сравнение фактических показателей с запланированными;

— координация выполнения научно-исследовательской деятельности ответственными лицами на всех этапах ее выполнения.

С помощью предложенного организационно-экономического механизма активизируется работа научных групп и как следствие — сама научно-исследовательская деятельность университета.

Данный механизм опирается на следующие принципы:

— принцип коммуникаций;

— принцип единства управления и самоуправления;

— принцип научности;

— принцип целостности и системности;

— принцип взаимосвязи единоначалия и коллегиальности;

— принцип преемственности;

— принцип интеграции;

— принцип целенаправленности;

— принцип иерархичности;

— принцип ответственности;

— принцип реактивности.

Перечисленные принципы служат методическим фундаментом развития стратегии, приводящей к развитию научно-исследовательской деятельности университета.

Заключение. Таким образом, в исследовании решена задача совершенствования управления научно-исследовательской деятельностью национальных исследовательских университетов на основе привлечения потенциальных субъектов к этой работе и формирования их в научные группы. Совершенствование управления научно-исследовательской деятельностью определяется на базе оценки и повышения эффективности деятельности научных групп для национальных исследовательских университетов как одного из главных показателей деятельности вуза. Решение указанной задачи представлено определенными методами и инструментами, которые прописаны в организационно-экономическом механизме. Примерами выступают

модель выбора руководителя и членов научной группы, а также совокупность критериев выбора субъектов научно-исследовательской деятельности [9, 10].

Литература

1. Стратегия пространственного развития РФ на период до 2025 г. (утверждена распоряжением Правительства РФ №207-р от 13.02.2019) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

2. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс] / Признаки НИУ. — Режим доступа: <http://www.edu.ru> (Дата обращения: 25.03.2021).

3. Портал Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого [Электронный ресурс] / Научные группы. — Режим доступа: <https://www.novsu.ru/> (Дата обращения: 01.04.2021).

4. Портал Московского технического университета имени Н.Э. Баумана [Электронный ресурс] / Научные группы. — Режим доступа: <https://bmstu.ru/> (Дата обращения: 01.04.2021).

5. Портал Московского авиационного института (национальный исследовательский университет) [Электронный ресурс] / Научные группы. — Режим доступа: <https://mai.ru/common/> (Дата обращения: 01.04.2021).

6. Портал Национального исследовательского ядерного университета МИФИ [Электронный ресурс] / Научные группы. — Режим доступа: <https://mephi.ru/sveden/common> (Дата обращения: 01.04.2021).

7. Портал Национального исследовательского университета «МЭИ» [Электронный ресурс] / Научные группы. — Режим доступа: <https://mpei.ru/Science/ScienceGroup/Pages/default.aspx/> (Дата обращения: 01.04.2021).

8. Костин Р. С. Организационно-экономический механизм управления рисками инновационной деятельности предприятий: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / Костин Роман Сергеевич. — Санкт-Петербург, 2017. — 167 с.

9. Киселева М. А. Модель управления научно-исследовательской деятельностью национальных исследовательских университетов // Экономика и управление в машиностроении. — 2019. — №5. — С. 10–14.

10. Киселева М. А. Структурная модель процесса разработки и реализации принятия эффективных управленческих решений по выбору субъектов научно-исследовательской деятельности // Креативная экономика. — 2020. — Т. 14. — №11.

11. Арнаут М. Н. Организационно-экономический механизм управления устойчивым развитием университета: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / Арнаут Марина Николаевна. — Владивосток, 2014. — 189 с.

12. Пономарева Е. В. Методология проведения pestel-анализа / Е. В. Пономарева // Научный журнал «Экономика и социум». — 2016. — №11–2 (30). — С. 264–270.

References

1. Strategija prostranstvennogo razvitiya RF na period do 2025 g. (utverzhdjena rasporyazheniem Pravitel'stva RF №207-r ot 13.02.2019) [The strategy of spatial development of the Russian Federation for the period up to 2025 (approved by the decree of the Government of the Russian Federation №207-r of 13.02.2019)] // Spravochno-pravovaja sistema «Konsul'tant Pljus» [Reference and legal system «Consultant Plus»].

2. Federal'naja sluzhba gosudarstvennoj statistiki [Federal State Statistics Service] [Elektronnyj resurs] / Priznaki NIU [Signs of the National Research University]. — URL: <http://www.edu.ru> (Date accessed: 25.03.2021).

3. Portal Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Jaroslava Mudrogo [Portal of the Yaroslav-the-Wise Novgorod State University] [Elektronnyj resurs] / Nauchnye gruppy [Scientific Groups]. — URL: <https://www.novsu.ru/> (Date accessed: 01.04.2021).

4. Portal Moskovskogo tehničeskogo universiteta imeni N. Je. Baumana [Portal of the Bauman Moscow Technical University] [Elektronnyj resurs] / Nauchnye gruppy [Scientific Groups]. — URL: <https://bmstu.ru/> (Date accessed: 01.04.2021).

5. Portal Moskovskogo aviacionnogo instituta (nacional'nyj issledovatel'skij universitet) [Portal of the Moscow Aviation Institute (National Research University)] [Elektronnyj resurs] / Nauchnye gruppy [Scientific Groups]. — URL: <https://mai.ru/common/> (Date accessed: 01.04.2021).

6. Portal Nacional'nogo issledovatel'skogo jadernogo universiteta MIFI [Portal of the National Research Nuclear University MEPhI] [Elektronnyj resurs] / Nauchnye gruppy [Scientific Groups]. — URL: <https://mephi.ru/sveden/common> (Date accessed: 01.04.2021).

7. Portal Nacional'nogo issledovatel'skogo universiteta «MPEI» [Portal of the National Research University «MPEI»] [Elektronnyj resurs] / Nauchnye gruppy [Scientific Groups]. — URL: <https://mpei.ru/Science/ScienseGroup/Pages/default.aspx/> (Date accessed: 01.04.2021).

8. *Kostin R. S.* Organizacionno-jekonomicheskiy mehanizm upravleniya riskami innovacionnoj dejatel'nosti predpriyatij: dis. ... kand. jekon. nauk: 08.00.05 [Organizational and economic mechanism of risk management of innovative activity of enterprises: Cand. Sci. (Economy) diss.: 08.00.05] / Kostin Roman Sergeevich. — Saint Petersburg, 2017. — 167 p.

9. *Kiseleva M. A.* Model' upravleniya nauchno-issledovatel'skoj dejatel'nost'ju nacional'nyh issledovatel'skih universitetov [Model of management of research activities of national research universities] // *Jekonomika i upravlenie v mashinostroenii* [Economics and Management

in mechanical engineering]. — 2019. — №5. — Pp. 10–14.

10. *Kiseleva M. A.* Strukturnaja model' processa razrabotki i realizacii prinjatija jeffektivnyh upravlencheskih reshenij po vyboru sub'ektov nauchno-issledovatel'skoj dejatel'nosti [Structural model of the process of development and implementation of effective management decisions on the choice of subjects of research activity] // *Kreativnaja jekonomika* [Creative Economy]. — 2020. — Vol. 14. — №11.

11. *Arnaut M. N.* Organizacionno-jekonomicheskiy mehanizm upravleniya ustojchivym razvitiem universiteta: dis. ... kand. jekon. nauk: 08.00.05 [Organizational and economic mechanism of management of sustainable development of the university: Cand. Sci. (Economy) diss.: 08.00.05] / Arnaut Marina Nikolaevna. — Vladivostok, 2014. — 189 p.

12. *Ponomareva E. V.* Metodologija provedenija pestel-analiza [Methodology of conducting pestel-analysis] / E. V. Ponomareva // *Nauchnyj zhurnal «Jekonomika i socium»* [Scientific journal «Economics and Society»]. — 2016. — №11–2 (30). — Pp. 264–270.

Поступила в редакцию

16 апреля 2021 г.

Киселева Мария Андреевна — старший преподаватель кафедры «Менеджмент в энергетике и промышленности» Национального исследовательского университета «МЭИ». Научные интересы: управление персоналом, управление научной и образовательной деятельностью университета.

Kiseleva Maria Andreevna — Senior Lecturer of the Department «Management in Energy and Industry», National Research University «MPEI». Research interests: personnel management, management of scientific and educational activities of the university.

109147, г. Москва, ул. Марксистская, 5, кв. 275
5 Marksistskaya st., app. 275, 109147, Moscow, Russia
E-mail: goldenrose.91@mail.ru

**ТЕХНИЧЕСКОЕ ПЕРЕВООРУЖЕНИЕ
КАК ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ ФАКТОР РАЗВИТИЯ
ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ПОТЕНЦИАЛА ОТДЕЛЬНЫХ ОТРАСЛЕЙ¹**

© 2021 г. *Е. Н. Красина, Н. П. Горидько*

Институт проблем управления РАН, г. Москва, Россия

Цель исследования — определение видов экономической деятельности, для которых модернизация производства является одним из ключевых механизмов реализации его производственного потенциала.

Методология исследования. Авторами использованы общенаучные методы познания, а также анализ временных рядов, корреляционный анализ.

Результат исследования. В результате выявлено, что динамика современного промышленного производства в России в XXI веке подвергалась серьезным колебаниям, причем мировой экономический кризис и дальнейшие макроэкономические шоки не позволили полностью реализовать потенциал во многих сферах производства. Зачастую причиной этого являются неудовлетворительные темпы обновления технической базы, которые не позволяют повысить производительность труда.

Перспективы исследования. В статье предлагается ряд мероприятий, которые призваны частично решить существующие проблемы как в экономике в целом, так и в отдельных ее отраслях.

Ключевые слова: промышленное производство; основные фонды; техническое перевооружение; коэффициент обновления; коэффициент выбытия; производительность труда.

**TECHNICAL RE-EQUIPMENT
AS A KEY FACTOR OF THE PRODUCTION POTENTIAL ENHANCEMENT
FOR SEPARATE BRANCHES OF ECONOMY**

© 2021 *E. N. Krasina, N. P. Goridko*

Institute of Control Sciences, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

The aim of the study is to determine the types of economic activities for which the modernization of production is one of the key mechanisms for realizing its production potential.

Research methodology. The authors used general scientific methods of cognition, as well as analysis of time series, correlation analysis.

The result of the study. As a result, it was revealed that the dynamics of modern industrial production in Russia in the 21st century was subject to serious fluctuations, and the global economic crisis and further macroeconomic shocks did not allow full potential in many production areas. Often the reason for this is the unsatisfactory pace of updating the technical base, which does not allow increasing labor productivity.

Research prospects. Several measures that are designed to partially solve the existing problems both in the economy as a whole and in its some sectors are proposed in the paper.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-310-90008.

Key words: *industrial production; fixed access; technical re-equipment; renewal rate, retirement rate; labor productivity.*

Введение. Сейчас во многих отраслях экономики наблюдается отставание производства от потребительского спроса, предъявляемого на современных рынках товаров и услуг, зачастую оно вызвано недостатком ресурсов на отечественных предприятиях и неготовностью имеющихся мощностей. Такого рода дефицит является не только барьером в развитии отдельных субъектов хозяйствования, но и сказывается на социально-экономическом положении страны в целом. Оценка производственного потенциала российских компаний за счет возможного преодоления недостатка ресурсов, в т. ч. путем модернизации собственного производства, внедрения более производительных или более экономичных технологий, позволит выработать управленческие решения по наращиванию выпуска конкурентной продукции, находящей своего покупателя не только на внутреннем, но и, возможно, на внешнем рынке.

Анализ динамики промышленного производства. На основании данных Федеральной службы государственной статистики для анализа динамики валового выпуска предприятий России в XXI веке построены гистограммы темпов роста производства по отдельным видам промышленного производства (рис. 1).

На рис. 1 в 2001 году заметен резкий спад изготовления транспортных средств (на 26,4%). С 2002 по 2005 годы наблюдается значительный рост производства электронного оборудования, вычислительной техники, аппаратуры, средств измерений и испытаний (в общем на 33,2–43,2%).

Отдельно следует отметить резкое сокращение выпуска продукции по всем видам экономической деятельности в кризисном 2009 году. В большей степени это касается сферы обработки древесины (снижение на 23,1%), изготовления огнеупорных, изоляционных, звукопоглощающих (неметаллических) материалов, машин, технологических станков, транспортных средств, электронных и оптических приборов (уменьшение

на 31,3–33,2%). Скачок 2010 года по всем отраслям вызван, по нашему мнению, низкой базой сравнения, и выводы по возобновлению объемов производства необходимо производить на основании анализа стоимостных, а то и натуральных показателей.

Особое внимание с точки зрения оценки потенциала всех отраслей следует уделить развитию машиностроительного комплекса, поскольку именно его продукция (автоматизированная техника, компьютеры, оптическое и электронное оборудование, пресовочные и литейные машины, контрольно-измерительные приборы, металлорежущие инструменты и пр.) является базовой для современной российской промышленности и определяет технологический уровень страны, а также обеспечивает её безопасность [2]. Мировой кризис и последовавшее после него введение санкций заметно повлияли на отечественное станкостроение — в 2008–2009 годах и в 2013–2015 годах отмечается снижение производства (рис. 1). В 2016 году по сравнению с 2015 годом наблюдался рост на 5,5% изготовления транспортных средств и на 6,9% — электрооборудования, на 14,9% — машин и техоборудования [5].

Оценка технологического перевооружения отдельных отраслей. В современных условиях научно-технического прогресса успешное развитие компаний напрямую зависит от обеспеченности обновленной техникой, способной создавать конкурентную продукцию инновационной направленности [3]. Техническую оснащенность предприятия в динамике можно оценить с помощью коэффициентов движения основного капитала — обновления и выбытия основных фондов ($K_{\text{обн}}$ и $K_{\text{выб}}$), изменение которых в XXI веке в России имеет четко выраженную тенденцию (рис. 2).

Из графика на рис. 2 можно сделать вывод, что в сглаженном виде наблюдается скорее линейная положительная динамика $K_{\text{обн}}$, и это свидетельствует о постепенном введении в производственные процессы нового и модернизированного оборудования. В 2010

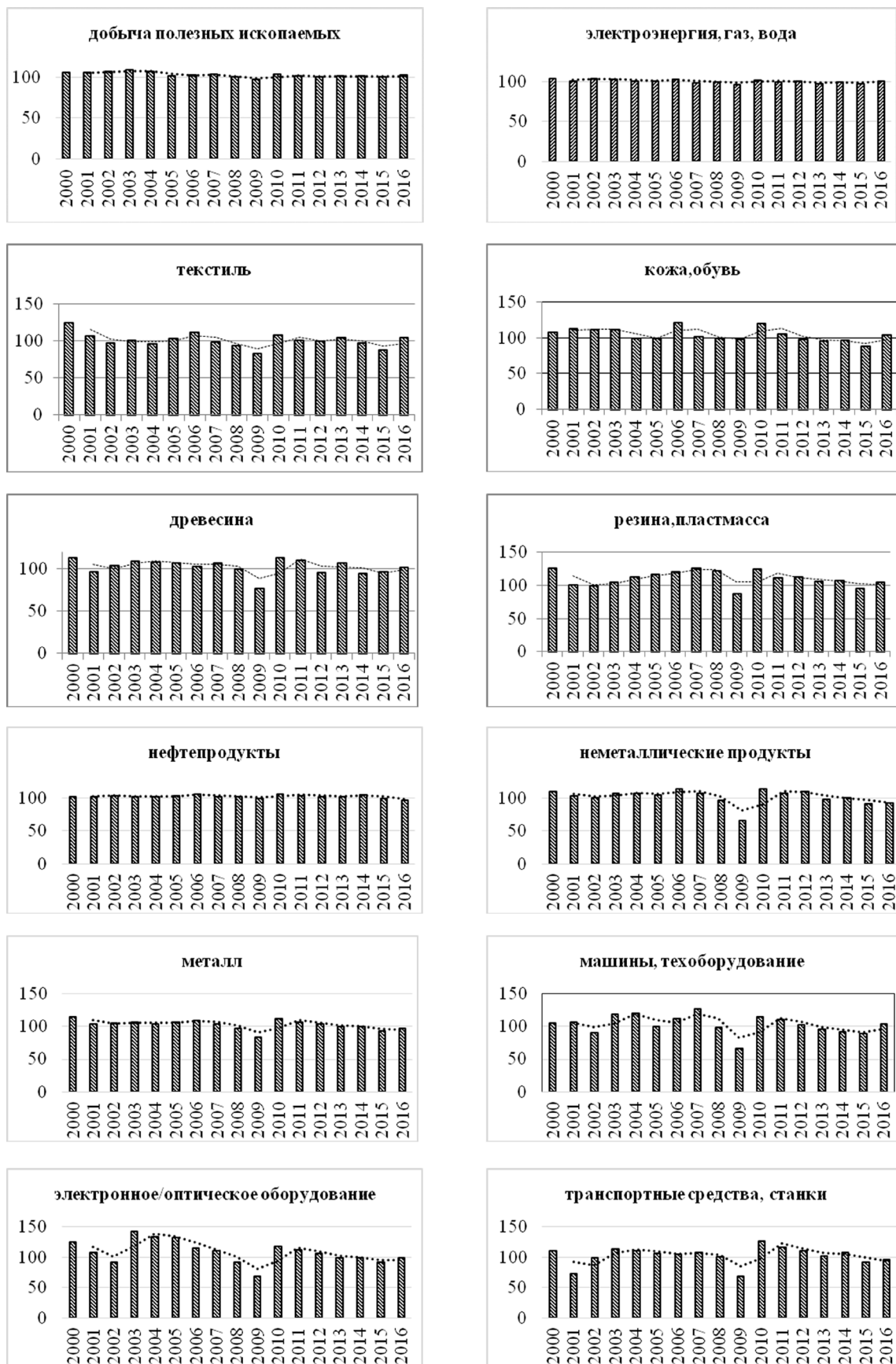

Рис. 1. Динамика промышленного производства (% к предшествующему периоду), 2000–2016 гг. (построено авторами на основании [5])

и в 2015 годах заметны выбросы: снижение коэффициента обновления ($K_{\text{обн}2010} = 3,7$; $K_{\text{обн}2015} = 3,9$) и резкое увеличение коэффициента выбытия (ликвидации) ($K_{\text{выб}2015} = 1$). По статистическим данным, в 2015 году отмечается также спад валового выпуска по большинству отраслей, резкое сокращение высокопроизводительных мест на 9,1% (уменьшение на 1679,1 тыс. единиц) [5].

Коэффициент выбытия, превышающий единицу, может свидетельствовать об увеличении темпов списания негодных, изношенных непроизводительных станков в текущем году по сравнению с предыдущим. Рассматривая период с 2000 по 2009 годы, стоит отметить следующие значения этого показателя: $K_{\text{выб}2000-2005} = 1,1-1,3$ и $K_{\text{выб}2006-2009} = 1$, которые могут указывать на то, что, несмотря на рост закупаемого оборудования, процент износа превышает темпы его обновления. С 2010 по 2019 годы значение показателя иное: $K_{\text{выб}2010-2014, 2016-2019} = 0,7-0,8$, и это говорит о росте модернизации производства путем обновления основных средств.

$K_{\text{обн}}$ характеризует технический потенциал компании, приобретение современных спецстанков и введение их в эксплуатацию, что, как правило, отражается на улучшении качества выпускаемой продукции, увеличении производительности труда, расширяет возможности развития новаторства.

Анализ данного показателя по отдельным отраслям в динамике показал, что самые высокие его значения в 2019 году

наблюдались в сфере добычи полезных ископаемых ($K_{\text{обн}}(B)_{2019} = 8,1$), строительства ($K_{\text{обн}}(F)_{2019} = 9,9$), финансовой деятельности ($K_{\text{обн}}(J)_{2019} = 13,9$). Самый низкий коэффициент обновления — в здравоохранении, госуправлении и социальной сфере, образовании, операционной деятельности с недвижимостью ($K_{\text{обн}}(K...N)_{2017-2019} = 1,6-3,2$), т.е. в этот перечень, как правило, попадают именно бюджетные организации (таблица 1). Последний факт наводит на мысль, что на сегодняшний день эти учреждения ограничены в средствах и основную часть средств, скорее всего, направляют на заработную плату сотрудников, а не на обновление материальных ценностей, в т.ч. основных фондов.

Темпы технического перевооружения на предприятиях напрямую зависят от величины инвестиций, вложенных в модернизацию производственной базы. Как правило, основной источник ассигнований — собственные средства (более 55%), затем бюджетное финансирование (менее 19%), остальная часть — заемные средства [4].

В обрабатывающих производствах в период с 2008 по 2019 годы наблюдается небольшое снижение коэффициента обновления, причем в посткризисные 2010 и 2016 годы падение максимальное; в 2008, 2013 и 2014 годах показатель по отрасли имеет самые высокие значения ($K_{\text{обн}}(D)_{2008, 2013, 2014} = 6,9$) [5], что свидетельствует о более активном введении в эксплуатацию новых машин и оборудования. Изменение коэффициента обновления

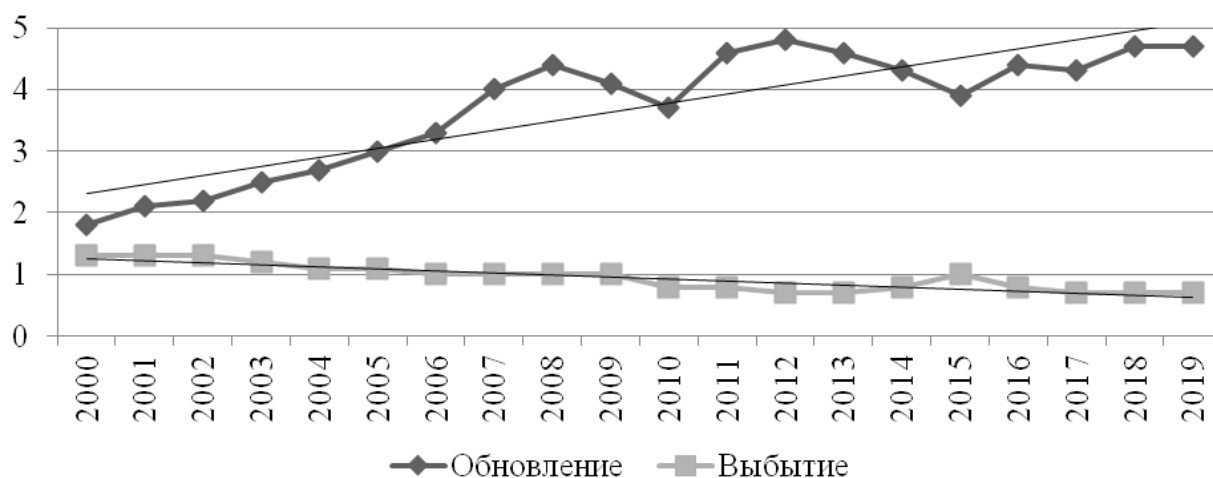

Рис. 2. Динамика коэффициентов обновления и выбытия основных фондов (% к предшествующему периоду), 2000–2019 гг. (построено авторами на основании [5])

Таблица 1

Коэффициенты обновления основных фондов по отдельным отраслям экономики России, 2008–2019 гг.
(составлено авторами на основании [5])

Вид экономической деятельности	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	Динамика показателя
A — сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	4,8	4,1	3,7	4,3	4,2	4,3	4	3,9	5	6,9	7	6,5	не приведена в связи с изменением ОКВЭД
B — рыболовство, рыбоводство (с 2017 г. виды деятельности A и B объединены)	1,8	1,5	2	2,2	3,2	3,2	3,9	2,8	3,2				
C — добыча полезных ископаемых	6,9	7,1	4,9	6	6,4	6,8	5,8	6,6	8,3	8,8	8,8	8,1	
D — обрабатывающие производства	6,9	6,2	5,9	6,4	6,5	6,9	6,9	6,3	5,2	5,9	5,7	6	
E — производство и распределение электроэнергии, газа и воды	3,4	3,6	4,1	5,4	5,9	5,7	5,1	4	5	4,9	5,6	4,4	
F — строительство	5,2	3,4	3,2	5,1	4,5	4,3	3,8	3,4	6	5,1	11,3	9,9	
G — оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств	8,6	7	6,4	7,6	6,6	6,5	7,5	6,2	5,1	8,2	8,6	7,8	
H — деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	3,7	3,5	3,7	3,6	3,4	3,3	6,5	2,8	5	2,8	4,4	3,8	
I — транспорт и связь (с 2017 года отдельно выделены: транспортировка и хранение / информация и связь)	3,7	3,9	3	4,7	5,1	4,2	4	3,2	3,4	2,9/6,0	4,2/5,9	4,4/6,5	не приведена в связи с изменением ОКВЭД
J — финансовая деятельность	9,6	7,1	7,8	9,6	11	10,6	7,9	7,1	9,7	14,4	14	13,9	
K — операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	2,4	2,1	2,3	2,5	2,4	2,6	2,6	2,5	3,3	1,9	1,6	1,7	
L — государственное управление; обязательное социальное обеспечение	7,8	7,6	7,5	5,3	6,5	6,2	5	5,7	5,6	2,6	2,7	3,2	
M — образование	4,2	3,2	3,4	3,8	4,2	4,2	3,3	2,8	2,7	2	2,1	2,2	
N — здравоохранение и предоставление социальных услуг	5,8	4,9	4,6	5,3	6,1	5,8	3,8	2,9	2,4	2,2	3,1	3	
O — предоставление прочих услуг	5,5	3,9	4,1	5,9	4,6	4,7	2,9	3,4	4,4	3,1	4,9	4,8	

Таблица 2

Коэффициенты выбытия основных фондов по отдельным отраслям экономики России, 2008–2019 гг.
(составлено авторами на основании [5])

Вид экономической деятельности	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	Динамика показателя
А — сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	3,7	3,3	2,2	2,4	2,5	2,1	1,8	2,1	1,7	2,2	2,3	1,6	не приведена в связи с изменением ОКВЭД
В — рыболовство, рыбоводство (с 2017 г. виды деятельности А и В объединены)	2,6	1,1	0,8	1,4	2,1	0,9	3	0,9	0,5				
С — добыча полезных ископаемых	1,1	1,2	1,2	1,1	0,9	0,8	0,8	1,1	1	0,8	0,8	0,8	
Д — обрабатывающие производства	1,4	1,1	1	1	0,8	1,1	1	1	0,8	0,9	0,7	0,8	
Е — производство и распределение электроэнергии, газа и воды	0,3	0,4	0,3	0,4	0,5	0,4	0,5	0,3	0,4	0,3	0,3	0,3	
Ф — строительство	1,6	1,1	0,8	1,6	0,8	1,2	1,1	1	0,9	1,1	1	0,6	
Г — оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств	0,8	0,8	0,7	0,9	0,5	0,7	0,6	1,4	1,1	0,8	0,8	1	
Н — деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	0,7	0,9	0,6	1,1	0,3	0,6	0,5	0,7	0,6	0,4	0,8	0,5	
И — транспорт и связь (с 2017 года отдельно выделены: транспортировка и хранение / информация и связь)	0,4	0,4	0,4	0,4	0,4	0,3	0,4	0,4	0,4	0,3/3,0	0,3/2,5	0,3/2,3	не приведена в связи с изменением ОКВЭД
Ж — финансовая деятельность	1,2	0,9	1	0,9	1,1	1,1	1,2	1,6	1,6	1,3	0,8	0,9	
К — операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	0,8	1,2	0,9	0,5	0,5	0,5	1,1	1,4	1	0,6	0,9	1	
Л — государственное управление; обязательное социальное обеспечение	1,8	1,4	1,2	1,6	0,8	0,8	1	1	1,1	0,5	0,5	0,5	
М — образование	1	1	0,8	0,7	0,8	0,7	0,6	0,8	0,6	0,4	0,6	0,4	
Н — здравоохранение и предоставление социальных услуг	1,7	1,3	1,3	1,4	1,2	1,7	1,1	1,1	0,9	0,7	0,9	1	
О — предоставление прочих услуг	0,8	0,5	0,3	0,8	0,6	0,7	0,4	0,6	0,6	0,5	0,4	0,6	

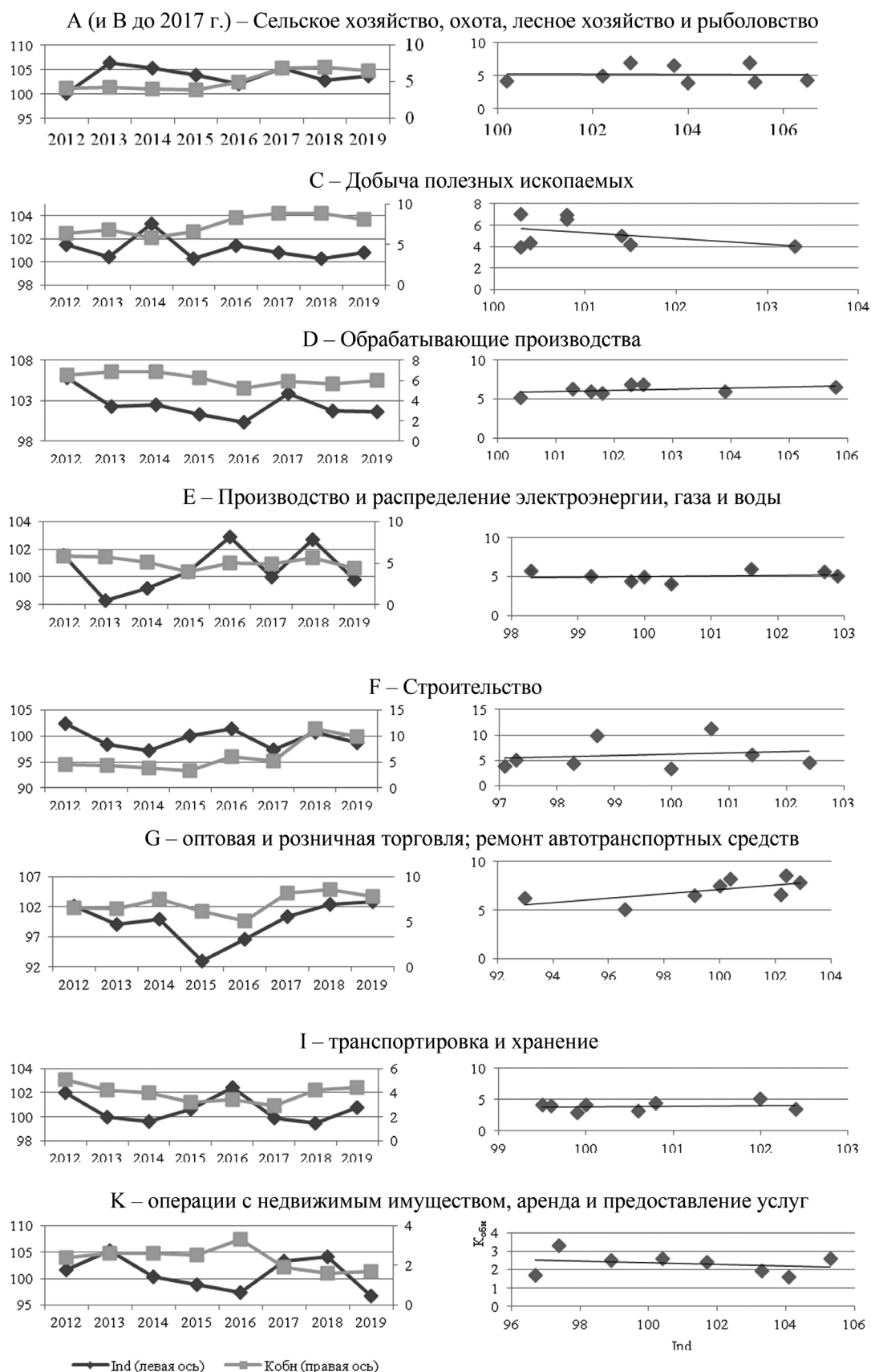

Рис. 3. Связь производительности труда с обновлением технической базы, 2012–2019 гг. (построено авторами на основании [5])

мы исследуем наряду с динамикой коэффициента выбытия основных фондов, $K_{\text{выб}}$ (таблица 2). Впрочем, по нашему мнению, для изъятия из производства машин и оборудования необходимость их замены при техническом перевооружении является поводом лишь частично. Главная же причина списания и ликвидации производственного оборудования — износ (физический и/или моральный), также основанием для выбытия может служить обмен, продажа, порча и др.

Судя по данным таблицы 2, в 2019 году значительно сократился парк сельскохозяйственной техники $K_{\text{выб}2019}(A) = 1,6$ и оснащенность основным капиталом в информационной сфере $K_{\text{выб}2019}(I) = 2,3$. Коэффициент выбытия в торговле, операциях с недвижимостью, здравоохранении $K_{\text{выб}2019}(G, L, T) = 1,0$. Меньше всего списано оборудования для обеспечения электроэнергией, газом и транспортировки $K_{\text{выб}2019}(E, I) = 0,3$ [5].

Исследование связи модернизации производства с производительностью труда. В том случае, когда предприятия той или иной сферы заинтересованы в повышении эффективности производственной деятельности, в том числе в улучшении показателей ресурсоотдачи, реконструкция, модернизация и обновление основных фондов неизбежны [6]. Рост производительности труда путем автоматизации процессов производства, внедрения более продуктивного оборудования по большинству отраслей обеспечивает снижение трудоемкости, минимизацию

брака, содействует повышению результирующих показателей, влияющих на конкурентоспособность.

Для выявления связи между изменениями производительности труда по некоторым видам экономической деятельности (Ind) и соответствующими коэффициентами обновления основных фондов ($K_{\text{обн}}$) построены графики на рис. 3.

Из графиков видно, что не во всех сферах деятельности исследуемые показатели тесно связаны. Так, например, по виду экономической деятельности «G — оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств» с 2015 года наблюдается рост обеих величин, что может говорить о происшедшем в последний период технологическом сдвиге в отрасли, когда активное обновление основных фондов и параллельное внедрение организационных и маркетинговых инноваций привело к росту производительности труда.

Индекс производительности труда явно обратно пропорционален коэффициенту обновления основных фондов по виду деятельности «С — добыча полезных ископаемых», скорее всего, для этой сферы характерна технологическая ловушка, когда инвестиции направляются в заведомо устаревшие технологии [1] и не приносят ожидаемой отдачи.

В большинстве отраслей наблюдается очень слабая связь производительности труда с обновлением технической базы. Для сельского хозяйства и строительства заметна высокая дисперсия изменения показателей.

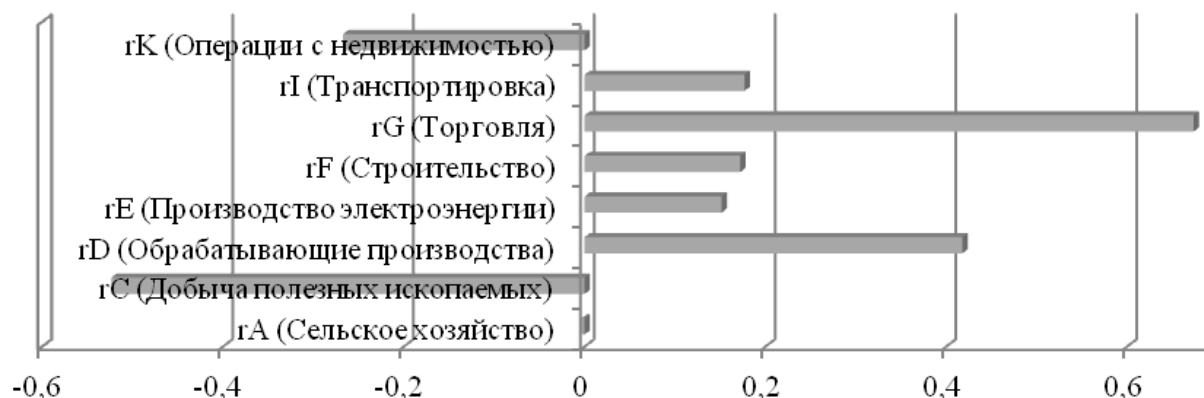

Рис. 4. Корреляционная связь производительности труда и обновления основных фондов в разрезе видов экономической деятельности, 2012–2019 гг. (рассчитано авторами на основании [5])

Наши предположения о связи индекса производительности труда и коэффициента обновления основных фондов подтверждаются рассчитанными значениями коэффициента корреляции (рис. 4). Так, для вида экономической деятельности «G — оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств» коэффициент корреляции самый высокий по модулю и положительный — 0,67; для «C — добыча полезных ископаемых» он равен –0,52 и указывает на умеренную обратную связь.

Что же касается других рассматриваемых отраслей экономики, скорее всего, объемы обновления основных фондов и качество этого обновления не позволяют произвести таких изменений в производстве, которые бы отразились на повышении его эффективности. Кроме того, стоит учитывать и зависимость производительности труда от других факторов, так, например, в сельском хозяйстве на нее значительное влияние оказывают природные и климатические факторы, своеобразность ведения хозяйства.

Заключение. Проведенный анализ показал, что темпы технического перевооружения и модернизации основных фондов на сегодня являются неудовлетворительными с точки зрения повышения производительности труда, оптимизации использования имеющихся мощностей. Хотя положительная динамика обновления во многих видах экономической деятельности благоприятно сказывается на объемах производства, качественный скачок заметен только в сфере торговли, а добыча полезных ископаемых и вовсе характеризуется неэффективностью инвестиций. Основная проблема большинства отраслей — недостаток финансового обеспечения для модернизации производства — может быть решена путем разработки действенных механизмов привлечения и эффективного использования средств. Также по всем сферам деятельности необходимо обеспечить подготовку и переподготовку кадрового состава с учетом особенностей введения в эксплуатацию обновленной техники и высокотехнологичного оборудования. Кроме этого, имеет смысл разработать методики основания инвестиционной рентабельности проектов технического перевооружения.

В отношении отдельных видов экономической деятельности рекомендуется:

— в сфере торговли поддерживать темпы обновления основных фондов путем технологического перевооружения;

— в обрабатывающих производствах (базовой отрасли) предусмотреть использование механизма ГЧП для инвестиций в технологии более высокого уровня и произвести комплексную модернизацию производственной базы;

— увеличить инвестиции в развитие отечественного машиностроительного комплекса для уменьшения закупки импортного оборудования;

— разработать институциональные основы, позволяющие значительную часть прибыли добывающих компаний направлять на инновационную деятельность, связанную с разработкой технологий, повышающих производительность труда в отрасли;

— в сельском хозяйстве и операционной деятельности с недвижимостью улучшить организационно-регулирующий и управленческий механизмы обновления основных фондов.

Литература

1. Горидько Н.П., Нижегородцев Р.М. Технологическая ловушка или курс на новую индустриализацию: выбор для России // Российская экономическая модель: содержание и структура / Под общей ред. д.э.н., профессора В.И. Гайдука, д.э.н., профессора А.В. Бузгалина. — Краснодар: Просвещение-Юг, 2012. — С. 186–200.
2. Почукаева О.В., Орлова Т.Г. Российский рынок продукции станкостроения // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. — 2013. — Т. 11. — С. 248–261.
3. Рутковская Е.А. Динамика основного капитала по видам деятельности: оценка и анализ // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. — 2018. — Т. 16. — С. 102–119.
4. Тугушева В.Р., Щербакова Л.В., Старостина К.И. Проблемы эффективного использования и воспроизводства основных фондов строительных предприятий современной России // Известия Пензенского госу-

дарственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. — 2006. — №2 (6). — С. 54–58.

5. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.gks.ru/> (Дата обращения: 29.01.2021).

6. Goridko N., Krasina E. Investment in the Modernization and Reconstruction of Industrial Equipment: An Evaluation of Multiplier Effects in Russia // Stepnov I. (Ed.). / Technology and Business Strategy. — Springer International Publishing AG, 2021. — Pp. 179–194. — DOI: 10.1007/978-3-030-63974-7_13.

References

1. Gorid'ko N. P., Nizhegorodcev R. M. Tehnologicheskaja lovushka ili kurs na novuju industrializaciju: vybor dlja Rossii [Technological trap or a course for new industrialization: a choice for Russia] // Rossijskaja jekonomiceskaja model': sodержanie i struktura [The Russian Economic Model: content and structure] / In professor V.I. Gajduk, professor A.V. Buzgalin (eds.). — Krasnodar: Prosveshhenie-Jug, 2012. — Pp. 186–200.

2. Pochukaeva O. V., Orlova T. G. Rossijskij rynek produkcii stankostroenija [Russian market of machine tool construction products] // Nauchnye trudy: Institut narodnohozjajstvennogo prognozirovaniya RAN [Scientific Works: Institute of National Economic Forecasting of

the Russian Academy of Sciences]. — 2013. — Vol. 11. — Pp. 248–261.

3. Rutkovskaja E. A. Dinamika osnovnogo kapitala po vidam dejatel'nosti: ocenka i analiz [Dynamics of fixed capital by types of activities: assessment and analysis] // Nauchnye trudy: Institut narodnohozjajstvennogo prognozirovaniya RAN [Proceedings of the Institute of economic forecasting of the Russian Academy of Sciences]. — 2018. — Vol. 16. — Pp. 102–119.

4. Tugusheva V. R., Shherbakova L. V., Starostina K. I. Problemy jeffektivnogo ispol'zovanija i vosproizvodstva osnovnyh fondov stroitel'nyh predpriyatij sovremennoj Rossii [Problems of efficient use and reproduction of fixed assets of construction companies in modern Russia] // Izvestija Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. G. Belinskogo [Proceedings of the Penza State Pedagogical University named after V. G. Belinsky]. — 2006. — №2 (6). — Pp. 54–58.

5. Federal'naja sluzhba gosudarstvennoj statistiki [Federal State Statistics Service] [Elektronnyj resurs]. — URL: <http://www.gks.ru/> (Date accessed: 29.01.2021).

6. Goridko N., Krasina E. Investment in the Modernization and Reconstruction of Industrial Equipment: An Evaluation of Multiplier Effects in Russia // Stepnov I. (Ed.). / Technology and Business Strategy. — Springer International Publishing AG, 2021. — Pp. 179–194. — DOI: 10.1007/978-3-030-63974-7_13.

Поступила в редакцию

12 апреля 2021 г.

Красина Елена Николаевна — аспирант Института проблем управления РАН. Специалист в сфере проектного финансирования и бюджетирования, имеет стаж работы в российских наукоемких компаниях более 20 лет. Область научных интересов: инвестиции в основные фонды, обновление и модернизацию производства.

Krasina Elena Nickolaevna — Post-graduate Student, Institute of Control Sciences, Russian Academy of Sciences. Specialist in project finance and budgeting and more than 20 years works in the Russian knowledge-intensive companies. Scientific interests include the issues of investments in fixed assets, their renewal and modernization, as well as associated processes.

117997, г. Москва, ул. Профсоюзная, 65
65 Profsoyuznaya st., 117997, Moscow, Russia
E-mail: elena_krasina@list.ru

Горидько Нина Павловна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник лаборатории экономической динамики и управления инновациями Института проблем управления РАН. Автор более 200 научных работ, из которых 11 — монографии. Область научных интересов: моделирование и прогнозирование экономических процессов, управление инновациями, макроэкономическая динамика и макроэкономическое регулирование.

Goridko Nina Pavlovna — Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher of the Laboratory of Economic Dynamics and Innovation Management, Institute of Control Sciences, Russian Academy of Sciences. Author of more than 200 scientific papers, 11 of which are monographs. Research fields are modelling and forecasting of economic processes, innovation management and macroeconomic dynamics and macroeconomic adjustment.

117997, г. Москва, ул. Профсоюзная, 65
65 Profsoyuznaya st., 117997, Moscow, Russia
E-mail: horidko@mail.ru

УДК 330.101

JEL Codes: O4, O3, O52

10.17213/2075-2067-2021-3-202-224

DYNAMICS OF INNOVATORS AND CONSERVATIVES IN ECONOMIC DEVELOPMENT OF EUROPEAN UNION AND RUSSIA

© 2021 O. S. Sukharev*, E. N. Voronchikhina**

**Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

***Perm State University, Perm, Russia*

The purpose of the study is to determine the influence of the effects of ‘creative destruction’ and ‘combinatorial augmentation’ on the emergence of innovators and innovative dynamics of the economy. An analysis of this effect is carried out in the European Union and Russia.

Methodological basis of the study. The neo-Schumpeterian theory of competition between innovators and conservatives, which is expressed in the manifestation of two effects of ‘creative destruction’ and ‘combinatorial augmentation’ is the methodological basis of the study. By ‘creative destruction’ is meant the distraction of agents from old Schumpeter combinations, the transformation of conservatives into innovators, and the effect of ‘combinatorial augmentation’ means the creation of a new labor resource for new combinations is the training of innovators. Using econometric models, taking into account statistical verification, based on empirical data, the laws of changing the shares and rates of distraction and resource creation are selected (the assessment is given by the labor resource) that affect the appearance of innovators. With the help of normative changes of the obtained empirical laws of diversion and resource creation, the possible influence of the effects of ‘creative destruction’ and ‘combinatorial augmentation’ on the dynamics of GDP in the European Union and Russia is established, based on the relationship between product dynamics and innovator dynamics for a specific time interval.

Research result. The Russian economy, unlike the European Union, demonstrates a conservative model of innovation dynamics and economic growth. Both the combinatorial effect and the creative destruction in Russia are weakly expressed, which is associated with the blocking of conditions for innovative development, for the European Union these effects are more influential. Thus, as the main conclusion, if the nature of resource diversion changes, the rate of economic growth can be increased on average, although expanding the training of innovators does not give an average growth rate for a given period of time both in Russia and in the European Union; types of activities.

Key words: innovations; innovators; conservatives; ‘creative destruction’; ‘combinatorial augmentation’; GDP dynamics; the rate of diversion and resource creation; a comparative analysis of the European Union and Russia.

ДИНАМИКА ИННОВАТОРОВ И КОНСЕРВАТОРОВ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА И РОССИИ

© 2021 г. О. С. Сухарев*, Е. Н. Ворончихина**

*Институт экономики РАН, г. Москва, Россия

**Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь, Россия

Целью исследования является определение влияния эффектов «созидательного разрушения» и «комбинаторного наращения» на появление новаторов и инновационную динамику экономики. Анализ такого влияния проводится по Европейскому союзу и России.

Методологическую основу исследования составляет неошумпетерианская теория конкуренции новаторов и консерваторов, которая выражается в проявлении двух эффектов «созидательного разрушения» и «комбинаторного наращения». Под «созидательным разрушением» понимается отвлечение агентов от старых шумпетеровских комбинаций, превращение консерваторов в новаторов, а под эффектом «комбинаторного наращения» понимается создание нового трудового ресурса под новые комбинации — подготовки новаторов. С использованием эконометрических моделей, с учётом статистической верификации на основе эмпирических данных подбираются законы изменения долей и скоростей отвлечения и создания ресурса (оценка даётся по трудовому ресурсу), влияющие на появление новаторов. С помощью нормативного изменения законов отвлечения и создания ресурса устанавливается возможное влияние эффектов «созидательного разрушения» и «комбинаторного наращения» на динамику ВВП в Европейском союзе и России, исходя из сформировавшейся связи динамики продукта и динамики новаторов для конкретного интервала времени.

Результат исследования. Российская экономика в отличие от Европейского союза демонстрирует консервативную модель инновационной динамики и экономического роста. Как комбинаторный эффект, так и созидательное разрушение в России слабо выражены, что связано с блокированием условий для инновационного развития, для Европейского союза эти эффекты влияют сильнее. Тем самым, **основной вывод** в том, что при изменении характера отвлечения ресурса можно в среднем повысить темп экономического роста, хотя расширение подготовки новаторов не даёт для данного периода времени как в России, так и в Европейском союзе увеличения среднего темпа роста, сильнее влияет отвлечение кадров из действующих видов деятельности.

Ключевые слова: инновации; новаторы; консерваторы; «созидательное разрушение»; «комбинаторное наращение»; динамика ВВП; скорость отвлечения и создания ресурса; сравнительный анализ Европейского союза и России.

1. Introduction. The modern economy is characterized by high dynamism of innovative changes [1–2, 5, 16, 22], often seen as a condition for economic growth and victory in the competition not only of firms, but also of countries. However, each country has its own innovators, who appear in different ways, and whose quality is different, even if the number of innova-

tors, suppose, is the same. This creates the basis for competitive outcomes, which are difficult to predict without taking into account this quality. However, in order to advance in understanding the nature and quality of novelty, the appearance of an innovator [3], it is necessary to imagine where the innovator comes from. It can appear either due to conversion from a conservative, or be

prepared immediately for new activities. These are the two main sources of the appearance of the innovator. In the first case, we are talking about the mechanism of the effect of 'creative destruction', in the second case, about the training of new personnel, for example, in the framework of the education system with the replenishment of the workforce by innovators [12].

By innovators in this study we will mean agents engaged in the creation of concepts, new knowledge, products, services, processes, methods and systems, as well as the management of relevant projects. According to the World Bank, researchers are defined in this way, under which the authors here, following the Schumpeterian tradition, designate them as innovators. The given accounting definition of the World Bank of researchers is just covered by the definition of new combinations by J. Schumpeter (Schumpeter, 2008), that is, they act as innovators. The aim of the study is to determine the degree of influence of the effect of 'creative destruction' and 'combinatorial augmentation' on the change in the structure of 'innovators-conservatives', which determines the prospects for the innovative type of economic growth. We believe that innovators are involved, one way or another, in new industries — in the functioning and creation of such industries. By conservatives we understand the difference between the total number of employees (from 15 to 74 years) and the number of researchers (innovators), believing that they determine the functioning of the so-called old industries, activities. The created labor force engaged in new activities is, according to our approach, those employed in new industries or activities that have 7–8 levels of education according to the International Standard Classification of Education (master's degree, doctoral studies). They constitute new innovators who embody the action of 'combinatorial augmentation.' The distraction of labor, embodying the principle of 'creative destruction', from old activities and industries in favor of new activities is considered by us according to Eurostat, as the number of workers who switched from activities with the lowest amount of intellectual costs to knowledge-intensive industries. In fact, we are studying the process of moving labor from existing activities to new activities and the process of creating new personnel purely for new activities — how these two processes relate to each other in different countries, in particular Russia and

the European Union. According to accounting, we designate researchers as innovators, as mentioned above, we consider the remaining agents as conservatives serving existing activities.

The main purpose and objective of the study are to analyze the process of the emergence of innovators and conservatives and, based on empirical information on Russia and the European Union, to give a macrostructural characterization of the emergence of innovators and the movement of labor in the economy from the perspective of the effect of 'creative destruction' and 'combinatorial augmentation'. The process of moving labor resources appears from the perspective of the Neo-Schumpeterian theory as a distraction of conservatives, turning into innovators and creating new innovators. Thus, the methodological basis of the research is the neo-Schumpeterian theory, which is expanded due to the effect of creating a new resource for new production.

Thus, we divide the labor resource of the economy (labor force) into two types are innovators and conservatives, considering their movement between activities are new and already functioning. This allows you to establish the strength of the influence of one or another process — the diversion of the resource from aging activities in favor of new ones and the creation of new personnel immediately for new activities. The research hypothesis can be viewed as an assumption that the effect of creative destruction turns out to be stronger in comparison with the effect of combinatorial build-up — the creation of new personnel. Although such a result will be individual for each country in the considered time interval, for which a comparative analysis of Russia and the European Union, as its main foreign economic partner, will be carried out.

Let us imagine the mentioned effects in two parameters are the shares of labor force distraction from previous combinations (turning a conservative into an innovator) and the creation of a new labor resource (innovators), as well as the rates of these two processes. Having received average estimates of the growth rate, provided that the law of resource diversion and the creation of new innovators has been changed, we will characterize the process of preparing innovators. This approach will be useful in its application for the implementation of macroeconomic planning and refinement of economic policy measures aimed at stimulating innovative development.

Neo-Schumpeterian competition, encompassing the behavior of innovators and conservatives, is generated by a process of ‘creative destruction’ and ‘combinatorial augmentation’ [14]. Empirical and model analysis of the influence of these effects on innovative and economic dynamics was carried out to a limited extent [1–2, 7, 14–15], since the necessary data were partially missing, and the approach itself was not applied in the formulation that is carried out in this article.

Technological changes encompass various types of activities, but an important feature is the emergence of an innovator moving to a new technology that generates innovations [8, 21]. The existing structure of innovations can be considered as a characteristic of the current state of the economy and the prospects for its development. At the same time, the process of diverting a resource from previous technological capabilities in favor of new technologies, and the process of creating a resource for new technologies are a structural characteristic of technological changes. Both processes can be described as the diversion of personnel employed in known activities in favor of new types, and the training of new personnel for new activities. In the first case, we are talking about ‘creative destruction’, when certain types of labor resources are diverted (the effect of ‘creative destruction’), in the second case, ‘combinatorial augmentation’, when the labor resource must be created for new types of innovations, either completely new or obtained by combining well-known technologies, which is the content of the combinatorial effect considered here.

Consider these processes in more detail, defining a methodology for further research on the influence of these two effects on the emergence of innovators. We are talking about the transformation of an innovator either through retraining, acquiring new knowledge (from a conservative), or due to training from a zero level (educational system). In the future, we show the results of these two processes for the European Union and Russia.

2. Research methodology. The effect of ‘creative destruction’ [18, p. 81] describes how the resource is borrowed (distracted) from old combinations in favor of new ones, that is, from conservatives to innovative agents. Old opportunities are shrinking, new ones are expand-

ing. There is a process of crowding out the old with the new, however, new types of combinations can coexist with the old and even expand their ability to function. The new combination and innovators may not begin to dominate immediately, but over time, and may be defeated in the market, and then the old combinations will continue to make the main contribution to economic development. A model is also possible when the innovator immediately dominates, but eventually turns into a conservative, and a new innovator does not arise. The economy is returning to a conservative growth model. Thus, economic dynamics is possible with the decisive role of conservatives or with the decisive role of innovators who are the generators of new combinations (innovations). The process of the appearance of an innovator seems important from the point of view of studying not only the patterns and properties of innovative dynamics, but also its impact on economic development as a whole.

An innovator appears upon receipt of a resource that allows an agent to move from a conservative model of behavior oriented to a well-known product, technology, services, methods, etc. The innovator reproduces a new model of behavior, which involves the creation of new ideas, concepts, products, technologies, processes, methods. However, an innovator may by no means appear from among conservatives, but in the preparation of agents that re-enter the workforce and are focused on creating a new result. Similarly, ‘new conservatives’ may appear, which are agents oriented to stereotypical markets, products, and well-known technologies. Thus, the system of education and vocational guidance makes a significant contribution to changing the structure of the ‘innovator-conservative’.

As can be seen from Figure 1, three main processes affect the innovative development, covering the change in the ratio of innovators and conservatives in the economy:

- training of new personnel for ongoing innovations (newly created resource), emerging ‘new innovators’;

- the transfer of old personnel (conservatives) from existing industries to new areas of activity with possible retraining, retraining (turning a conservative into an innovator);

- the transfer of personnel from new industries to old ones due to the fact that new com-

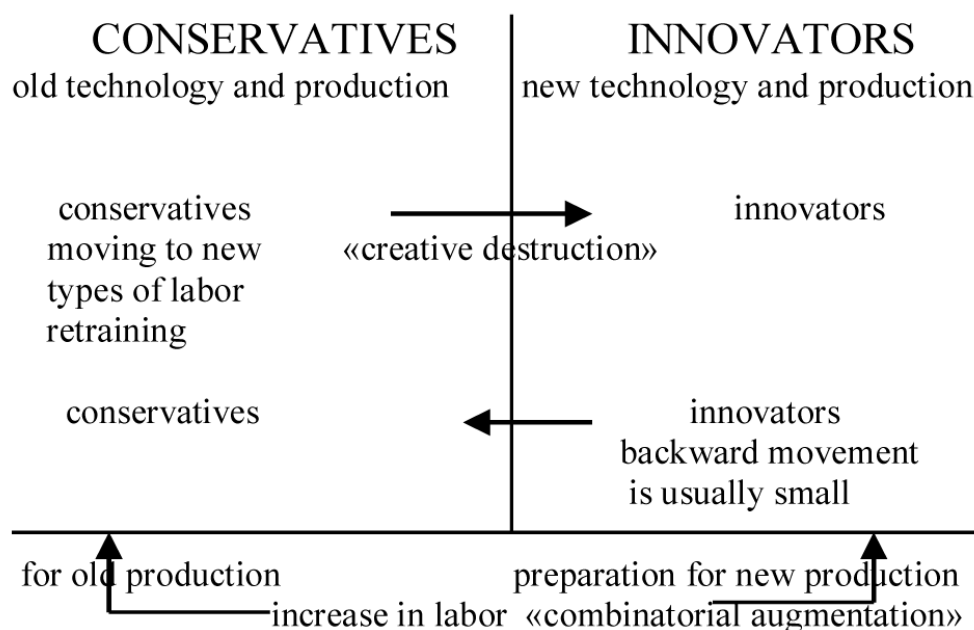

Fig. 1. Interaction of innovators and conservatives (compiled by the authors)

binations are exhausting their development, for example, due to lack of resources (lack of liquidity), unavailability of the market, etc. (turning an innovator into a conservative).

Figure 1 shows the effects of ‘creative destruction’ and ‘combinatorial augmentation’. One and the same agent, depending on what initial potential in the field of innovation it has and access to which resource it has, may be at some time interval for conservatives, then, when these conditions change, become an innovator, but over time again become a conservative. Such changes occur permanently, and it is precisely this dynamics associated with the switching of the agent’s behavior model that, in our opinion, is a rather strong characteristic of innovative development, which will be demonstrated below on the example of Russia.

The country’s transition from a conservative to an innovative development model, or vice versa, can affect the pace of economic dynamics. Moreover, not only ‘creative destruction’, but also ‘combinatorial augmentation’ as a process in which a resource, including labor, is not distracted from previous combinations, but is re-created, including due to the combination

of known technological capabilities, or without such a combination — it is an important characteristic of development. Therefore, by combining the two main modes, we can evaluate the model of innovative dynamics. The creation of a new resource (types of labor) can be considered as a new combination in itself.

Development occurs with various interactions of factors, and the creation of a new resource can be considered, in our opinion, as the content of the ‘combinatorial augmentation’ effect, since this is a development mode without distracting the resource from old combinations. The interaction of new and old combinations, innovators and conservatives occurs as part of their consumption of resources. In this regard, by analyzing the number of people employed in the old type of activity — conservatives, and in new types of activity — innovators, one can study the process of labor movement due to the diversion of personnel and the creation of new personnel. These two processes will mean creative destruction in case of distraction and combinatorial augmentation in case of creation of new personnel.

Suppose that the number of innovative agents¹ (Ln) that appears at a certain point in

¹ Agents innovators and conservatives are identified in the introduction. Statistics make it possible to take into account the presence of such agents both in the European Union and in Russia, which makes this study possible.

time t represents the amount of distraction from conservatives (l_{sn}) plus the value of newly created new (l_n) employees, minus those innovators (l_{ns}), who became conservatives². Then $L_n = l_{sn} + l_n - l_{ns}$. The total number of innovators will be equal to the sum of the appearing current number of innovators and their initial value. Let us denote the value $\alpha = l_{sn}/L_s$ is the share of labor force diversion from conservatives in favor of innovators, where L_s is the number of conservatives, $\mu = l_n/L_n$ is the proportion of the total number of innovators of newly trained agent-innovators. The number of innovators at the current time will consist of the number of abstract conservatives who have become innovators (the effect of 'creative destruction') and the number of newly created innovators, that is $L_n = \alpha L_s + \mu L_n$, whence $L_n = \alpha L_s / (1 - \mu)$.

The fraction of the resource distraction from old combinations (conservatives) and the share of the newly created new resource, which are variable per unit time, are the rates of distraction and resource creation are $V\alpha = da/dt$, $V\mu = d\mu/dt$.

Having empirical data to determine the values of α , μ it is not difficult to obtain a connection between the changes of innovators and conservatives in the economy. The process of diverting a resource and creating a new resource is subject to its own law, which must be verified. Influencing the process of resource diversion and the creation of a new resource, that is, determining the mode of turning conservatives into innovators and preparing innovators, it is possible to influence innovative dynamics and economic development with different tools. The rates of distraction and resource creation (in this case, labor) are also relevant parameters that determine the mode of innovative dynamics in the economy.

The effect of 'creative destruction' is determined by the relative share of resource distraction and the rate of distraction (α , $V\alpha$), the effect of 'combinatorial augmentation' in this case to create a new resource — innovators and the rate of this process (μ , $V\mu$). Typically, in economics, the number of conservatives far exceeds the number of innovators. In this regard, the share of

resource diversion will be significantly less than the share of creating a new resource, although in absolute terms the number of conservatives turning into innovators can exceed the number of newly created innovators. This circumstance leads to the need to distinguish between assessing the two effects of 'creative destruction' and 'combinatorial augmentation' in relative shares and in the absolute value of the resource being diverted and created.

With the superiority of the process of diversion of the resource over the process of creation, determined by the proportion of distraction and creation of a new resource, we will assume that the effect of 'creative destruction' prevails. Otherwise — the effect of 'combinatorial augmentation'. An additional characteristic of these effects is the ratio of the rates of distraction and resource creation, since it determines the properties of the dynamics of these effects. When $V\alpha > V\mu$ his means strengthening the regime of 'creative destruction' in the development of the economic system, since resource diversion from old combinations is faster. When $V\alpha < V\mu$ he regime of 'combinatorial growth' is strengthened, a new resource is created faster than the resource is distracted from the existing combinations. This can weaken the effect of 'creative destruction' if it prevails (for $\alpha > \mu$). If the share of resource diversion is lower than the share of resource creation ($\alpha < \mu$, but $V\alpha > V\mu$), then the 'combinatorial augmentation' mode is weakened.

Thus, there are two modes of 'creative destruction' and 'combinatorial augmentation'. One is determined by the ratio of processes of distraction and resource creation, that is, by the parameters α , μ . The second is incremental mode is estimated by the ratio of the rates of distraction and resource creation (Table 1). These modes characterize the model of innovation dynamics prevailing in the economy and, in a broader sense, economic growth.

If the absolute value of the distracted and retrained personnel (turning conservatives into innovators) exceeds the value of newly prepared innovators, then according to this criterion, when

² The reverse movement can not be taken into account not only because this process is usually not so significant, but also because the total value of L_n and L_s changes, and the model is limited by the movement towards innovative behavior, that is, the transformation of conservatives into innovators. The reverse movement is taken into account in the general indicators L_n and L_s , if some of the innovators have become conservatives. For quantitative assessments, this approach is justified from our point of view, especially in terms of studying the process of the emergence of innovators and their impact on innovative and economic dynamics.

Table 1

**The effect of ‘creative destruction’ and ‘combinatorial augmentation’
in the relative share of distraction and resource creation and rates
(compiled by the authors)**

Mode	1st mode	2nd mode	Feature
Creative destruction	$\alpha > \mu$	$V\alpha > V\mu$	Due to the old combination
		$V\alpha < V\mu$	Striving for combinatorial augmentation (switch development mode)
Combinatorial augmentation	$\alpha < \mu$	$V\mu > V\alpha$	Due to the new combination — creating a resource for it
		$V\mu < V\alpha$	The desire for creative destruction (switch mode)

the rate of distraction exceeds the rate of creation of frames, the effect of creative destruction prevails, otherwise the ratio of rates also affects the effect of creative destruction, but weakening.

It seems important to note that the assessment of the absolute value of the resources being diverted and created is highly distorted, since the comparison of effects is possible by their influence in their distribution area, since the process of distraction and resource creation is generally unrelated and have their own distribution zone. Consequently, their comparative assessment may be adequate in scale within their scope, although in terms of resource size, the absolute number of innovators that have arisen due to distraction and retraining or are newly trained may be of analytical value. Subsequently, in an empirical analysis of the effects, we will characterize the aforementioned effects both in relative share and rates and in the absolute value of the distracted and created resource in the form of the number of innovators arising from conservatives and newly prepared.

If the amount of resource distraction exceeds creation, but the rate of distraction is less than the rate of creation, then the combinatorial effect is gaining momentum, while creative destruction retains its determining influence. If the distraction of the resource is less than the creation, but the rate of creation is less than the rate of distraction, then with the decisive role of the combinatorial effect, there is a tendency to strengthen the effect of ‘creative destruction’ and weaken the effect of ‘combinatorial augmentation’, when it prevails.

The laws of changes in the parameters α , μ , as well as $V\alpha$, $V\mu$ for each economy are indi-

vidual. An important institutional task arises of changing the regime of innovative development, which can be reduced to changing the form of such a law, which is expressed in the amount of distracted personnel, affecting the transformation of conservatives into innovators and the training of innovators. These conditions also affect economic growth, an increase in gross domestic product. In the future, through the development of measures to modify these institutional parameters, it is possible to influence the structural quality of economic growth and its pace.

The effects of ‘creative destruction’ and ‘combinatorial augmentation’ are present in the economy at the same time, and some of them may dominate. This prevails over time and can change, and this result depends on many conditions and factors.

The mode of economic development, as well as the pace of this development will be determined by the ratio of the laws of change of α and μ . The difference in the values of distraction and the creation of a new resource for a new combination will characterize the development being carried out due to old or new combinations. Dynamics in the form of resource creation and diversion rates will also form a certain mode of economic development.

Further, applying the approach to assessing the movement of labor resources presented in this section, we will study the effect of the effects of ‘creative destruction’ and ‘combinatorial augmentation’ on it for Russia and the European Union. We calculate the parameters α and μ , evaluating the rate of change. Having obtained econometric models of the relationship between

GDP and the number of innovative agents, we determine the effect of changes in the laws α and μ on the change in GDP over the time interval 2001–2018. The calculations were made in 2010 prices. The laws of dynamics of the parameters $\alpha(t)$ and $\mu(t)$ changed arbitrarily, and, according to new laws for a given time interval, the number of conservatives switching to an innovative model (distraction from old combinations) of behavior and training of new innovators (newly created frames are innovators) was recalculated). Following the indicated research approach, we describe the features of economic development in Russia and the European Union by changing the number of innovative agents affecting economic growth, identifying and implementing a comparative analysis algorithm.

3. Dynamics of innovative agents and conservatives in the economies of the European Union and Russia. For the economies of Russia and the European Union, we will consider the effect of ‘creative destruction’ expressed in the transformation of conservatives into innovators, that is, diverting labor resources from old ones in favor of new types of activities, and ‘combinatorial augmentation’, which reduces to preparing a certain number of innovators that will become innovative activities through ongoing educational and professional training efforts. In the first case, the transformation of conservatives into innovators may involve retraining, but it can also happen without retraining if the conservatives are given more opportunities and resources, and at that moment they possessed a certain novelty, which was impeded by institutional and other conditions. Let us conduct a comparative analysis of the effects of these effects not only in the European Union and in Russia. Such a comparative analysis is useful for comparing the processes of innovative development of these countries. An analysis of these effects will highlight the degree of their influence on the use of labor resources in the economy, which is engaged in new types of activities, and which operates already existing (old) types of activities.

The general algorithm of comparative analysis is subordinated to the following points:

— determination of the parameters α and μ , the normative introduction of new laws of change of the relevant parameters α and μ , describing the effects of ‘creative destruction’ and ‘combinatorial augmentation’, as well as the determination of the laws of change of their rate $V\alpha$ и $V\mu$, with identification of the existing modes of innovative dynamics and their switching;

— determination of the law of the relationship between GDP dynamics and the number of innovative agents;

— GDP calculation based on the new laws of change of α and μ , describing a different nature of the effects of ‘creative destruction’ and ‘combinatorial augmentation’;

— recalculation of the magnitude of emerging innovators for each effect (determination of the required number of innovators for each law of variation of parameters α and μ);

— assessment of the deviation of possible GDP with a new number of innovators according to the effect of ‘creative destruction’ and ‘combinatorial augmentation’ from the initial value, thereby establishing the strength of each effect on the change in the main economic development indicator is gross domestic product³.

We consistently apply this algorithm in the framework of a comparative analysis of the economic development of Russia and the European Union. The results of quantitative estimates are presented graphically.

Figure 2 shows the number of innovators and conservatives in the European Union and Russia for the analyzed period 2000–2018. By the number of innovators, Russia and the EU are characterized by multidirectional dynamics. So, in the EU there is a steady positive upward trend in this indicator, while in Russia there is a slight decline in this time interval. As of 2018, the number of innovators in the EU is 5 times higher than the Russian figure is 2018,1 thousand people and 391,8 thousand people respectively. The number of conservatives is characterized by more stable dynamics. In the EU, the number of conservatives in 2018 reached almost 230 million people, which is the largest value in the studied time interval. In Russia, this indicator is almost 70 million people, while

³ This algorithm is used on an already lived interval, for which it is possible to determine what dynamics would have developed under different ratios of the effect of the «creative destruction» and «combinatorial augmentation» effect. Thus, it is possible to study the mutual influence of the above two effects not only on innovative development, characterized by a change in the number of innovators, but also on economic development as a whole — a change in GDP.

since 2012, there has been a downward trend in conservatives.

Figure 3 shows the change in the parameters α and μ , as well as the rates of change of $V\alpha$ and $V\mu$ for the Russian economy. Figure 4 is for the European Union. These graphs and models for each parameter are obtained on the basis of empirical data — they are the initial ones for further analysis. They show what are the patterns of innovation dynamics and what is the combination of the effects of ‘creative destruction’ and ‘combinatorial augmentation’. The graphs show an empirically established change in these parameters, a model of their changes is selected, which we consider to be the initial one, since it is obtained from empirical data, and two arbitrary models of changes in α and μ , rates $V\alpha$ and $V\mu$ are given according to the initial models of α and μ (Table 2, lines A, B, C, D are indicated in Figure 3). Initial models are selected on the basis of empirical data, other models are introduced normatively based on the range of parameter changes to provide an increase or decrease in the vicinity of empirical values (Fig. 3). For the European Union similarly and respectively in Figure 4 and Table 3.

Figure 3 (at the top) shows the parameter α — the diversion of the resource from old production facilities in Russia. Verification parameters of the «initial α » model are presented in Table 2 (line 1). The change in this parameter is marked by lines A (increase in the parameter) and B (decrease in the parameter), along which the models were also selected, the characteristics of which are reflected in Table 2 (lines 2–3).

The models and their verification parameters are presented in a similar way for the initial μ — the creation of a new labor resource (Table 2, line 4) and for the changed μ upward and downward (Table 2, lines 5 and 6, respectively).

Based on Figure 3, it can be seen that the parameter α decreases for Russia, that is, the influx of innovators at the expense of conservatives is reduced. The parameter μ first increases slightly, then decreases. In general, the Russian economy is characterized by a reduction in the number of innovators. Thus, economic growth was due to an increase in the number of conservative.

In Figure 3, lines A, B, C, D indicate the laws of changes in the parameters α and μ from time to time, normatively set based on the task of increasing or decreasing each parameter. It is such options that need to be considered when influencing the change in gross domestic product.

As can be seen from Figure 3, the combinatorial effect prevails in the relative ratio of the shares of resource diversion and creation of a new resource. In Russia, according to the ratio of the rates of diversion and resource creation, the dynamics mode changed once — from strengthening the ‘combinatorial augmentation’ mode to strengthening ‘creative destruction’ (Fig. 3, right).

Figure 4 shows the calculations of changes in the parameters α and μ , $V\alpha$ and $V\mu$ for the European Union.

The correspondence of the parameters α and μ for the European Union with the characteristics of the constructed models are reflected in Table 3. Models and verification parameters for

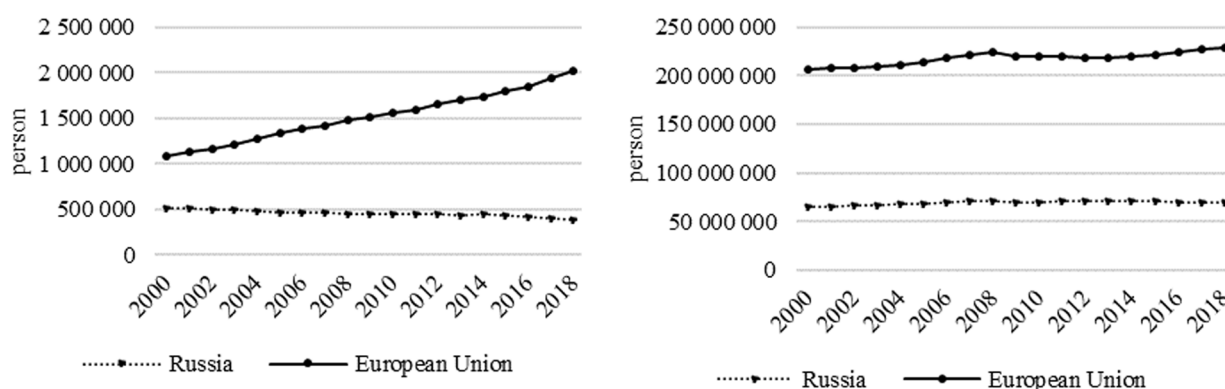

Fig. 2. The number of innovators (left) and conservatives (right) in the European Union and Russia, 2000–2018⁴

⁴ Authors' calculations based on OECD. URL: <https://data.oecd.org/rd/researchers.htm>.

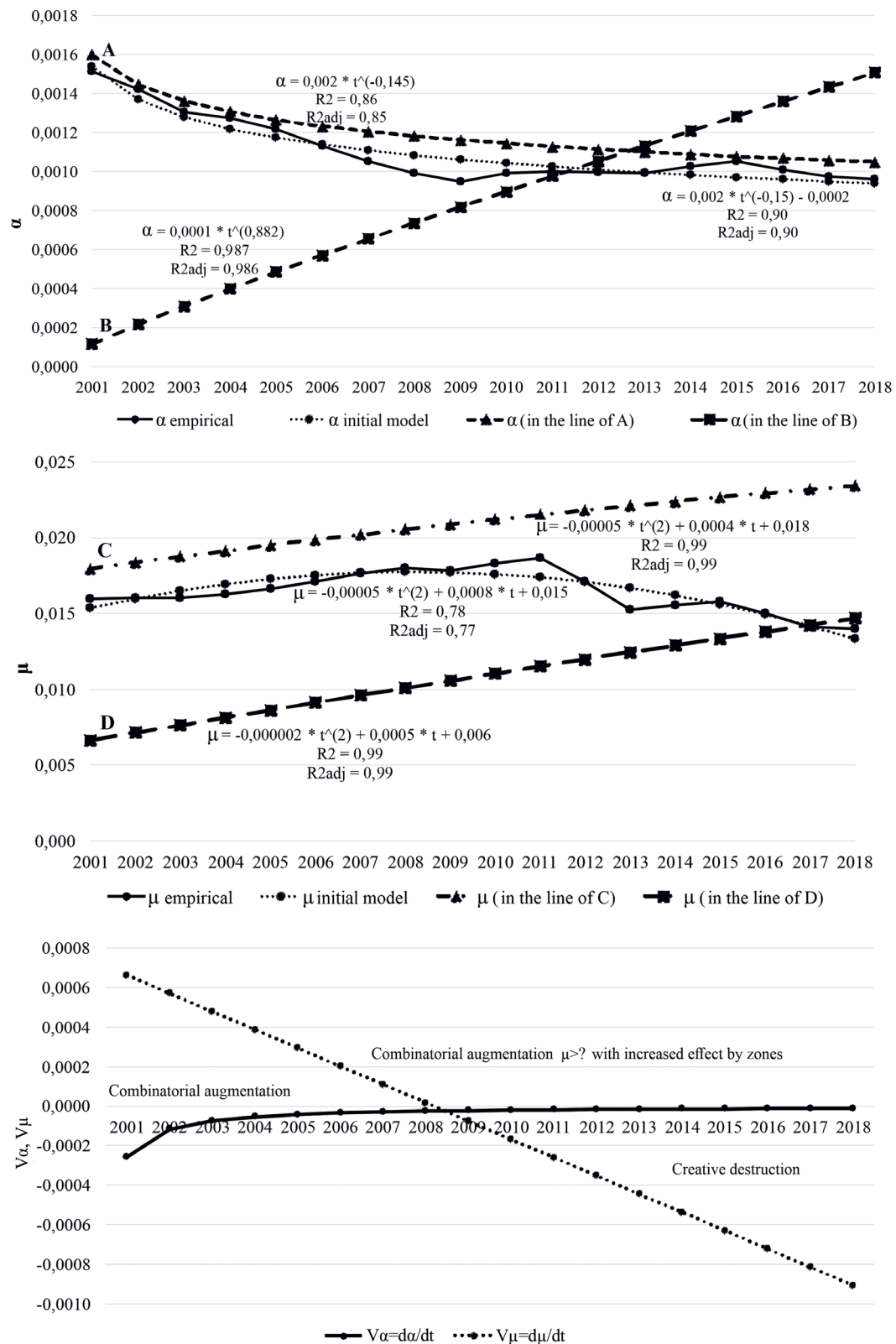

Fig. 3. Change in α (at the top), μ (in the center), $V\alpha$ and $V\mu$ (below), Russia, 2001–2018⁵

⁵ Source: World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NE.GDI.TOTL.KD>, <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GNS.ICTR.ZS>, <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD>, International Monetary Fund <http://data.imf.org/regular.aspx?key=61545865>. Authors' calculations based on Rosstat. URL: <https://www.gks.ru/folder/14477>, https://www.gks.ru/labour_force.

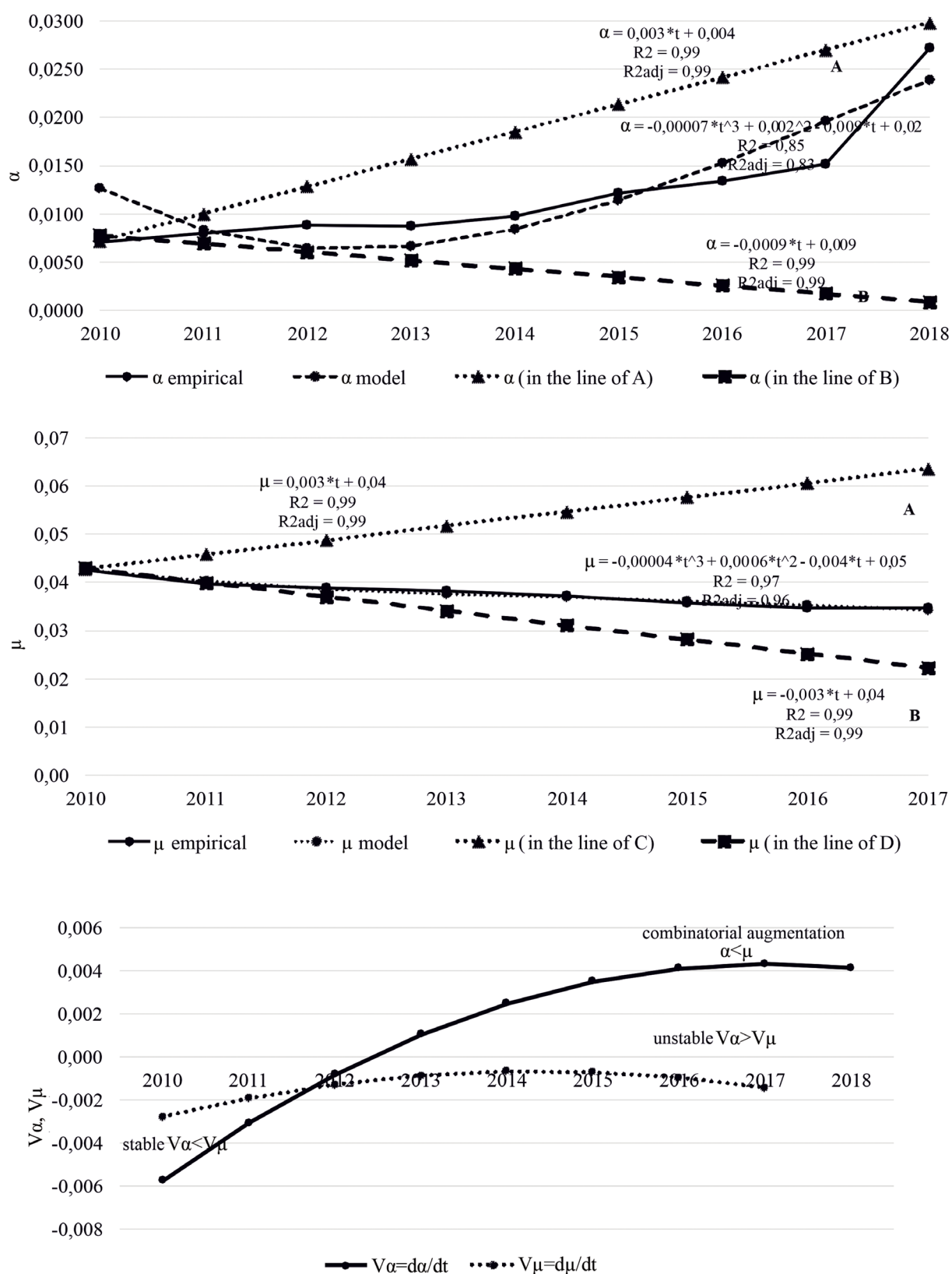

Fig. 4. Change in α (at the top), μ (in the center), $V\alpha$ and $V\mu$ (below), European Union, 2000–2018

the initial α and taking into account the modeled growth and decrease of α are presented in Table 3 (lines 1–3). The same applies to the parameter of creating a new labor resource — μ — Table 3 (lines 4–6).

As you can see, the diversion of labor resources from old activities in favor of new ones is more significant than in Russia and increases. The creation of innovators for new activities in relation to the Russian economy is also significant, but decreases over the considered time interval. In the relative dimension, ‘combinatorial augmentation’ prevails over ‘creative destruction’, however, the distraction of personnel for new activities in the absolute dimension is superior to the creation of new personnel for new activities. The stable dynamics of this effect has been replaced since about 2012 by the unstable dynamics in the European Union, since since 2012 there has been an increase in the increment of the movement of workers from old industries to new ones while reducing the growth of the newly created labor resource for new industries, and in some years the growth of such a resource negative — 2014–2015 in the Russian economy, such a change occurs in 2009 — the most crisis year for this economy. Figure 3–4 also shows the normative changes in the parameters α and μ are the laws of change are set in order to see the possible impact of the current change in the nature of the diversion of the labor resource from old types of activities and the creation of new

personnel (innovators) in new types of activities. For these laws, the GDP will be recalculated as it would be if the diversion and creation of the labor resource occurred according to the introduced laws of change of α and μ . Changing the laws of these parameters requires additional institutional research. It is associated with the impact on the movement of labor resources and their retraining and the work of the educational system to create new personnel.

Figures 5–6 show the prevailing laws linking changes in GDP and the number of innovators in Russia and the EU. GDP for Russia and the EU is reduced to the single prices of 2010 using the GDP deflator index and calculated in million US dollars. For Russia, the selected model demonstrates the inverse relationship between the number of innovators and GDP, and the GDP growth rate in Russia is ahead of the rate of decline in the number of innovators. The reverse situation is typical for the European Union, where the growth in the number of innovators is accompanied by an increase in GDP. These are fundamentally different development models.

In Tables 2–3 (lines A, B, C, D are shown in Figures 3–4), as noted above, the initial models for the parameters α and μ are collected and the laws of change of these parameters from time to time, with the corresponding statistics, which selected the best dependencies for Russia and the European Union. These dependences are shown

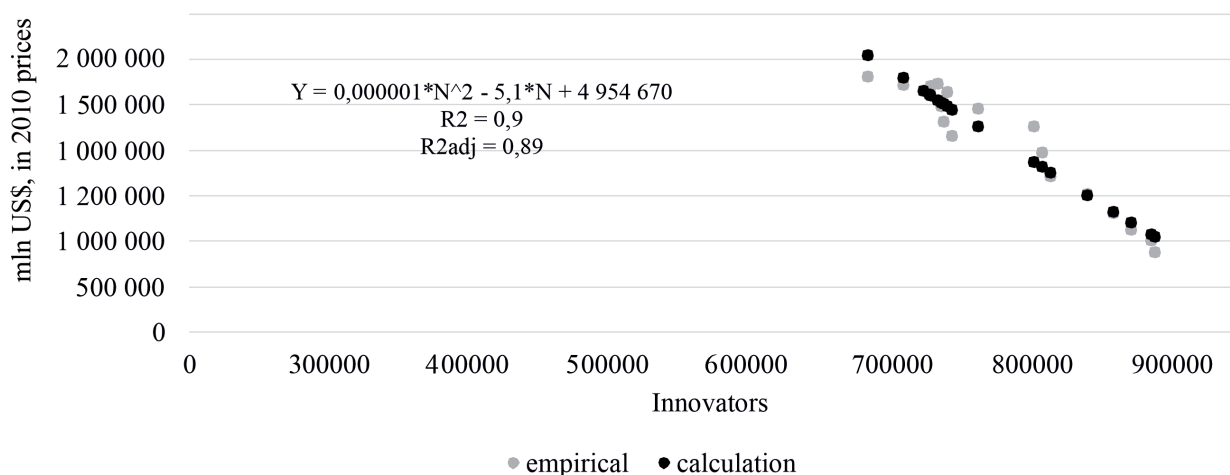

Fig. 5. Dynamics of GDP and the number of innovative agents, Russia, 2000–2018⁶

⁶ Model statistics: F-test = 238,7, D-W_{calculation} = 1,4 ∈ [1,4; 2,6]. White test: $\chi^2_{calculation} = 1,18$, $\chi^2_{crit.} = 28,9$. Authors' calculations based on Rosstat. URL: <https://www.gks.ru/folder/14477>, https://www.gks.ru/labour_force.

in Figure 3–4 on the left and in the center, the rates in Figure 3–4 on the right are plotted according to the dependences obtained from the initial models α and μ (selected from the empirical values of α and μ).

The laws α and μ change normatively according to four scenario variants. Changes in the law along the line A means that α is the share of the diversion of resources from old industries in favor of new industries, is greater than the initial value and tends to increase over time, i.e. the authors suggest that over time there is an increasing diversion of the number of employed from old industries to new ones. Changes in the law along line B suggests, on the contrary, a gradual decrease in α , i.e. the outflow of human resources from old to new production decreases. Normative changes in the law μ (along lines C and D) mean, respectively, an increase or decrease in the number of newly created resources for new production.

It should be noted that for Russia and the European Union, the author's models were built with an identical regulatory change in the laws of 'creative permission' and 'combinatorial augmentation' are α and μ .

Figures 7–8 show the development options that are achievable during the implementation of macroeconomic policies. Deviations of model GDP from actual for the European Union and Russia are presented in the cases described

above, i.e. depending on changes in laws α and μ , along lines A, B, C, D.

The initial model parameters α and μ correspond to the actual GDP. Due to the fact that changing the law with respect to α and μ gives a different number of innovators that affect economic dynamics, the problem arises of determining the deviation of the new total GDP created over the period under a different influence of 'creative destruction' and 'combinatorial augmentation' from the actual one. Actually, this deviation will mean the influence that can be estimated separately for each law of change in α and μ , choosing the most powerful effect, that is, the largest deviation in GDP in a positive direction (in the area of increase).

Next, we determine the average growth rate at the actual dynamics for α and μ of the original model, and provided that the laws of change of for α and μ were different. Figure 7 shows the total deviation of Russia's GDP for the period according to the for α and μ models for each line A, B, C D embodying the specific law of for α and μ change (Table 2).

Figure 8 shows the total deviation of the European Union's GDP for the considered period of time for the α and μ models in accordance with the lines A, B, C, D in Table 3.

Comparing Figures 7–8, we note that for Russia the best scenario conditions for development are lines B and D, in which the number of

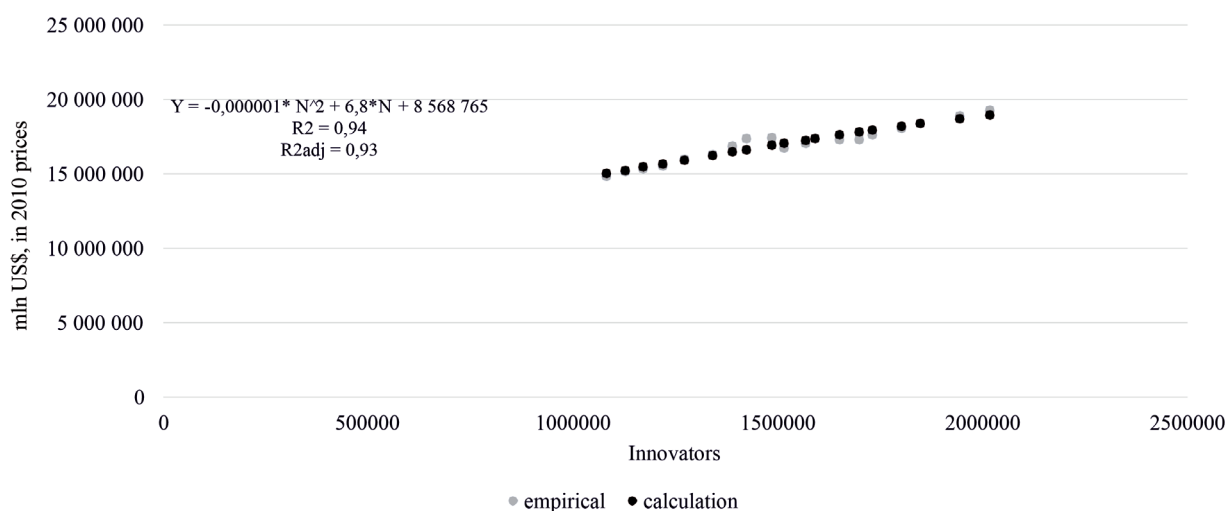

Fig. 6. Dynamics of GDP and the number of innovative agents, EU, 2000–2018⁷

7 Model statistics: F-test = 73,8, D-W_{calculation} = 1,4 ∈ [1,39; 2,61]. White test: $\chi^2_{calculation} = 0,29$, $\chi^2_{crit.} = 27,6$. Authors' calculations based on World Bank data. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.SCIE.RD.P6>, <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD>; OECD statistics. URL: <https://data.oecd.org/rd/researchers.htm>.

Table 2

Models of the parameters α and μ for Russia, 2001–2018 (authors' calculations)

Model name	Formula	Verification parameters
α initial model	$\alpha = 0,002 \times t^{-0,15} - 0,0002$	$R^2 = 0,902$
		$R^2_{adj} = 0,896$
		F-test = 148,8
		D-W _{calculation} = 1,52 € [1,39; 2,61]
		White test: $\chi^2_{calculation} = 1,89$, $\chi^2_{crit.} = 27,6$
α model (line A)	$\alpha = 0,002 \times t^{-0,145}$	$R^2 = 0,86$
		$R^2_{adj} = 0,85$
		F-test = 88,1
		D-W _{calculation} = 1,5 € [1,39; 2,61]
		White test: $\chi^2_{calculation} = 0,94$, $\chi^2_{crit.} = 27,6$
α model (line B)	$\alpha = 0,0001 \times t^{0,882}$	$R^2 = 0,987$
		$R^2_{adj} = 0,986$
		F-test = 1474,1
		D-W _{calculation} = 1,8 € [1,39; 2,61]
		White test: $\chi^2_{calculation} = 0,19$, $\chi^2_{crit.} = 27,6$
μ initial model	$\mu = -0,00005 \times t^2 + 0,0008 \times t + 0,015$	$R^2 = 0,78$
		$R^2_{adj} = 0,77$
		F-test = 66,9
		D-W _{calculation} = 1,5 € [1,39; 2,61]
		White test: $\chi^2_{calculation} = 3,79$, $\chi^2_{crit.} = 27,6$
μ model (line C)	$\mu = -0,00005 \times t^2 + 0,0004 \times t + 0,018$	$R^2 = 0,992$
		$R^2_{adj} = 0,992$
		F-test = 1866,4
		D-W _{calculation} = 1,6 € [1,39; 2,61]
		White test: $\chi^2_{calculation} = 0,21$, $\chi^2_{crit.} = 27,6$
μ model (line D)	$\mu = -0,000002 \times t^2 + 0,0005 \times t + 0,006$	$R^2 = 0,99$
		$R^2_{adj} = 0,99$
		F-test = 7684,9
		D-W _{calculation} = 1,5 € [1,39; 2,61]
		White test: $\chi^2_{calculation} = 0,09$, $\chi^2_{crit.} = 27,6$

Table 3

Models of the parameters α and μ for EU, 2010–2018 (authors' calculations)

Model name	Formula	Verification parameters
α initial model	$\alpha = -0,00007 \times t^3 + 0,002^2 - 0,009 \times t + 0,02$	$R^2 = 0,85$
		$R^2_{adj} = 0,83$
		F-test = 44
		D-W _{calculation} = 1,4 $\in$ [1,32; 2,68]
		White test: $\chi^2_{calculation} = 7,5, \chi^2_{crit.} = 15,5$
α model (line A)	$\alpha = 0,003 \times t + 0,004$	$R^2 = 0,99$
		$R^2_{adj} = 0,99$
		F-test = 1764,3
		D-W _{calculation} = 1,8 $\in$ [1,32; 2,68]
		White test: $\chi^2_{calculation} = 0,24, \chi^2_{crit.} = 15,5$
α model (line B)	$\alpha = -0,0009 \times t + 0,009$	$R^2 = 0,99$
		$R^2_{adj} = 0,99$
		F-test = 26241,2
		D-W _{calculation} = 2,6 $\in$ [1,32; 2,68]
		White test: $\chi^2_{calculation} = 0,21, \chi^2_{crit.} = 15,5$
μ initial model	$\mu = -0,00004 \times t^3 + 0,0006 \times t^2 - 0,004 \times t + 0,05$	$R^2 = 0,97$
		$R^2_{adj} = 0,96$
		F-test = 190,7
		D-W _{calculation} = 1,9 $\in$ [1,33; 2,67]
		White test: $\chi^2_{calculation} = 0,85, \chi^2_{crit.} = 14,1$
μ model (line C)	$\mu = 0,003 \times t + 0,04$	$R^2 = 0,99$
		$R^2_{adj} = 0,99$
		F-test = 1162,6
		D-W _{calculation} = 2,1 $\in$ [1,33; 2,67]
		White test: $\chi^2_{calculation} = 0,74, \chi^2_{crit.} = 14,1$
μ model (line D)	$\mu = -0,003 \times t + 0,04$	$R^2 = 0,99$
		$R^2_{adj} = 0,99$
		F-test = 2668,8
		D-W _{calculation} = 2,4 $\in$ [1,33; 2,67]
		White test: $\chi^2_{calculation} = 0,66, \chi^2_{crit.} = 14,1$

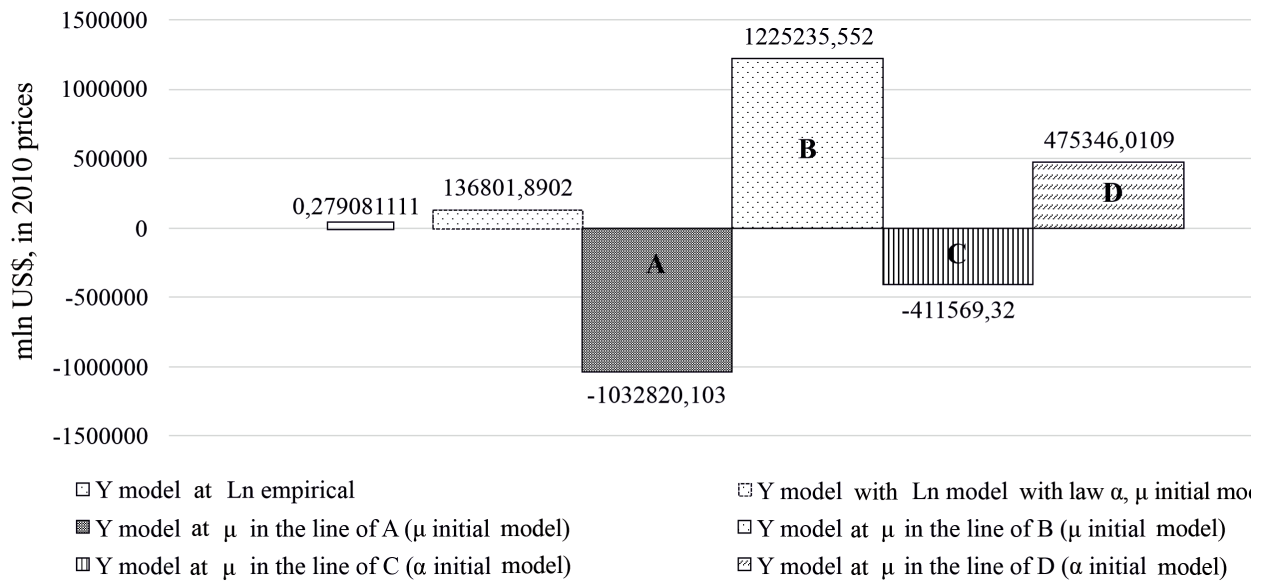

Fig. 7. The total deviation of GDP by models α , μ from the actual GDP of Russia⁸

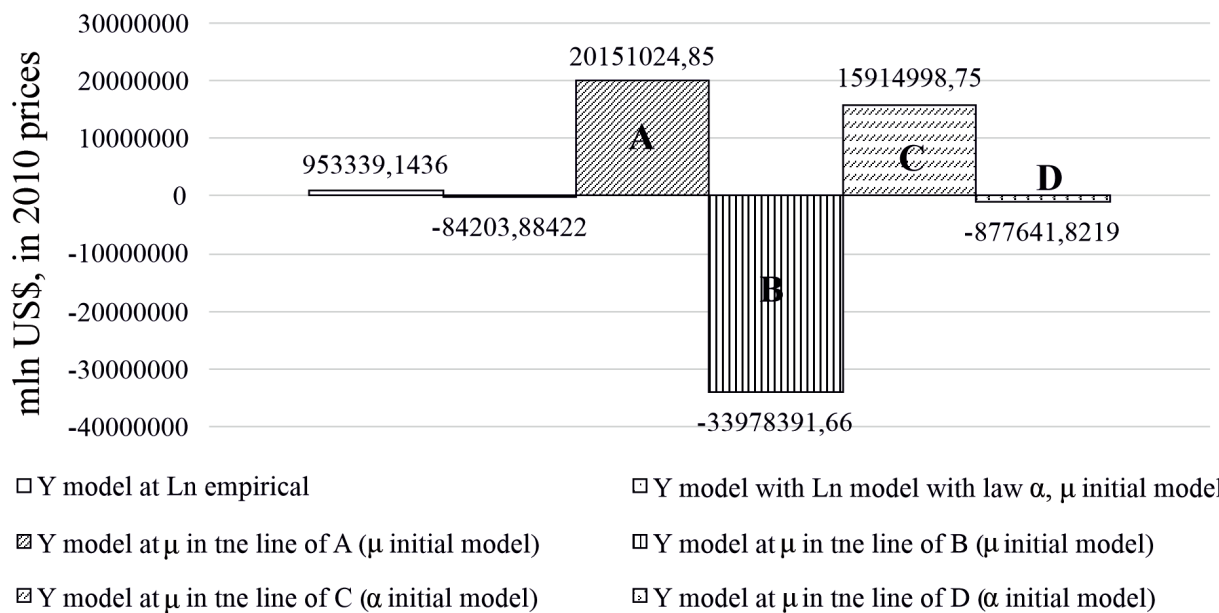

Fig. 8. The total deviation of GDP by models α , μ from the actual GDP of the European Union⁹

⁸ Authors' calculations based on Rosstat. URL: <https://www.gks.ru/accounts>, <https://www.gks.ru/folder/14477>, https://www.gks.ru/labour_force.

⁹ Authors' calculations based on World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.SCIE.RD.P6>, <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD>; OECD. URL: <https://data.oecd.org/rd/researchers.htm>.

innovators decreases relative to the existing initial level. For the European Union, on the contrary, the growth of innovators, i.e. development options along lines A and C are the best of the four scenarios considered. The worst case scenario for Russia is the A line scenario, where the growth of innovators occurs due to the overflow of employed from old to new industries, while for the EU, a significant decrease in GDP may be, on the contrary, due to a decrease in the flow from old industries to new ones. Thus, the EU and Russia are demonstrating the exact opposite trend in GDP growth due to innovators and conservatives. Moreover, for Russia, taking into account the considered regulatory development scenarios, there is a locking innovative development model when innovators do not contribute to development, and 'creative destruction', that is, the diversion of the labor resource from old activities, increasing, for Russia, will slow down the increase in GDP, but for the European Union, the opposite.

Table 4 summarizes the final best parameters of economic dynamics for Russia in terms of the excess of the total GDP over the actual product, and the corresponding excess of the number of innovators in terms of the effect of the creative destruction (α) and combinatorial growth (μ). As follows from Table 4, the Russian economy is losing innovators with the best options for increasing the product. It should be noted that when changing the law on μ is 'combinatorial growth', the average annual growth rate, which was estimated on the fact, does not exceed.

Of course, the selection of laws of changes in α and μ over time, resulting in an assessment of the training of new innovators or the transfer of a certain number of conservatives to innovators, which depends on many conditions and retraining opportunities, can be continued as part of scenario planning and taking into account the institutional conditions for the appearance of innovators in the economy. However, the main task, the impact of 'creative destruction' and 'combinatorial augmentation' on the emergence of innovators, innovative and economic dynamics, was solved here. In the Russian economy, the question on the fundamental change in the development model is on the agenda, precisely at the expense of innovators, not conservatives, because on the considered time interval, innovators hinder development.

Table 5 presents the summary parameters of economic and innovation dynamics in the European Union.

Based on Table 5, it can be seen that the greatest result of exceeding the total GDP over the actual one is obtained along line A, when α increases, while μ remains at the initial level. In this case, the estimated GDP exceeds the actual one by \$ 20,151 billion, in 2010 prices. Otherwise, with an increase in μ and the preservation of α , the excess of the estimated GDP over the actual one will amount to \$ 15,915 billion. Those the effect of 'creative destruction' provides a larger GDP growth than the effect of 'combinatorial augmentation', increasing the GDP of the European Union by 27%. The excess of model GDP over the actual one corresponds to the average annual increase in the number of innovators in the EU by 658,2 thousand people and 359,8 thousand people by changing the laws α and μ , respectively. Due to the growth in the number of innovators, the average value of the GDP growth rate when the law α and μ is changed is provided in the amount of 1,96% and 1,67%.

Based on Tables 4–5, it can be seen that Russia's GDP growth can be achieved by reducing the number of innovators, i.e. with a decrease in the number of newly created resources, or with a decrease in the flow from old industries to new ones. According to the author's models, an increase in EU GDP can be achieved by increasing the number of innovators whose relationship with GDP is positive, while a greater GDP growth can be achieved with a greater flow of employed from old to new industries. Accordingly, the average value of the EU GDP growth rate when the law α changes (upward) will be 1,93% and 1,67% when μ changes (upward), i.e. when creating a workforce to ensure new industries. For Russia, a decrease in the flow from old to new production, according to scenario models, can provide an average annual GDP growth rate of 0,9%, and a decrease in the newly created resource for new industries will increase the average annual GDP growth rate of Russia to 3,2%. These comparisons suggest that the Russian economy needs a systemic change in the model of economic development, so that the reaction of the housekeeper to newly trained personnel for new production is associated with an increase in the product, as well as the diversion of personnel from old activities due to retraining. In the

Table 4
Summary parameters of economic (GDP size and growth rate) and innovation dynamics (by innovators), Russia (authors' calculations)

Excess of total GDP over actual (best option), constant 2010 mln US\$		The excess of the number of innovators over the initial, in α and μ , thousand people		The average annual value of the GDP growth rate for the period, %	The average annual increase in innovators for the period, thousand people				The average value of the GDP growth rate with the change in the law α and μ , %	
α	μ	α	μ		Initial	Model (corresponding to the best option for the excess of total GDP over actual)		α	μ	
						α	μ			
1 225 236 (in the line of B)	475 346 (in the line of D)	-303,7 (in the line of B)	-82,6 (in the line of D)	3,52	99,3	12,8	59,4	0,9	3,2	

Table 5
Summary parameters of economic (size and growth rate of GDP) and innovation dynamics (by innovators), European Union (authors' calculations)

Excess of total GDP over actual (best option), constant 2010 mln US\$		The excess of the number of innovators over the initial, in α and μ , thousand people		The average annual value of the GDP growth rate for the period, %	The average annual increase in innovators for the period, thousand people				The average value of the GDP growth rate with the change in the law α and μ , %	
α	μ	α	μ		Initial	Model (corresponding to the best option for the excess of total GDP over actual)		α	μ	
						α	μ			
20151025 (in the line of A)	15914999 (in the line of C)	21322,3 (in the line of A)	9901,5 (in the line of C)	1,57	189	8	658,2	359,8	1,93	1,67

European Union, such a scheme works, which is shown for comparison in the calculations used here for the European Union.

4. Discussion of the results. As it can be seen, this study uses an aggregated approach based on taking into account the effects of ‘creative destruction’ and ‘combinatorial augmentation’. The method developed here is significantly different from the applied neo-Schumpeterian approach to Latin America [13], where freedom, social security, knowledge and innovation in general terms are identified as relevant factors in the development of the economic structure. The structure of innovations and the quality of innovators themselves will also undoubtedly influence development. In our study, we identify two mechanisms for the emergence of innovators — from conservatives and completely new innovators. This is a kind of quality consideration, even within the framework of the applied aggregate model. Our approach differs from the long-wave approach in the framework of the Neo-Schumpeterian theory [9], which takes into account the time of the country’s entry into a new wave, which forms the technological basis for development. These approaches do not answer the question of how to influence and manage the process of diverting the labor resource from existing activities in favor of new ones, and create a new resource for them. Our analysis is based on statistical and empirical estimates, that is, it is turned to the analysis of real data on a selected time interval, for which it is true. This allows you to adjust macroeconomic and sectoral policies aimed at stimulating an innovative model of economic growth.

Empirical material on the European Union and Russia shows that a change in the number of innovative agents affects the change in GDP. It has been established that, influencing the process of diverting the labor resource from existing types of activities in favor of new ones, as well as creating new types of labor for new types of activities (training of innovators), it is possible to influence the change in gross domestic product and the average growth rate. For this purpose, the laws of the dynamics of the parameters of diversion and resource creation from time to time were arbitrarily changed and the gross domestic product was recalculated based on the obtained dependence of the GDP dynamics and the

number of innovators for the economy of Russia and the European Union. The hypothesis of the study that the effect of creative destruction exceeds the effect of training personnel for new production does not find unambiguous confirmation. The interrelationships and influence on the dynamics of the GDP of the selected groups of agents turn out to be much more complicated and require more complex modeling. However, already at the empirical level of analysis, it is possible, as shown here, to obtain relevant conclusions on planning the economic development policy.

Two processes of the emergence of innovators were considered by us autonomously, but they may turn out to be related. This possible connection is a separate area of future research outside the scope of this article. A conservative, turning into an innovator, can undergo such a transformation by virtue of obtaining the necessary resource for an innovative model of behavior, but also additional training. However, training an innovator from scratch and training a conservative turning into an innovator are two forms of training that differ in both costs and impact on economic dynamics. Such a structural aspect of the emergence of innovators as a condition for modern development is very valuable when planning economic policy measures that stimulate innovative development, the ‘knowledge economy’ [17], where the effects of trust, overcoming high uncertainty and the formation of positive expectations from innovation are important. Thus, the macro-aggregate approach that we used is not difficult to combine with the microeconomic conditions and circumstances of the development of innovations, introducing these conditions into the preparation of new innovators and into the mechanism of turning a conservative into an innovator. A separate direction in the study is to clarify the effect of the relationship between innovative agents and the number of innovative firms [9, 13, 16, 20], which should be understood as innovative firms that create new products and services, at least for individual consumers, without creating the same products and services by other firms, or by an insignificant number of such firms.

At the micro-micro level, competition becomes competition between conservatives and innovators and between different groups of innovators themselves, since the structure of inno-

vations is not homogeneous, and finances relative to this structure represent a certain common resource for which competition is unfolding [4, 11]. The empirical aggregate approach presented here, unlike others [7] determines the influence of the layered technological mode of economic development according to the structure of conservative innovators and the mechanism of the appearance of an innovator. In the future, it makes it possible, by analyzing the influence of institutional parameters, to determine the effect of changes in the rates of diversion and resource creation on the process of economic and innovative dynamics.

5. Conclusion. Summarizing the ongoing study, we formulate the main most relevant findings.

Firstly, the appearance of innovators determines the model of the country's economic development, which is determined by a combination of the effects of 'creative destruction' and 'combinatorial augmentation.' If the absolute number of innovators is mainly influenced by creative destruction, then in relative terms the effect of 'combinatorial augmentation' has a significant impact on modern development.

Secondly, in the Russian economy, unlike the European one, a model of conservative development has developed, in which innovators do not have a decisive role. GDP growth is accompanied by an increase in conservatives, but not innovators. Despite the fact that the effect of 'combinatorial augmentation' prevails in relative proportion, nevertheless, the greatest number of innovators is formed when they are converted from conservatives. The process is carried out by diverting the labor resource from current activities, although the share of this distraction from the total size of conservatives is less than the share of creating new innovators from the size of existing innovators.

In Russia GDP growth was accompanied by a decrease in the number of innovative agents. In the European Union, a completely opposite trend is occurring and the growth model is associated with innovative dynamics and the emergence of innovative agents, as well as the transfer of agents from old activities to new ones and the creation of new personnel for new activities. Apparently, the migration flow also fits and does not cancel this trend [6, 10]. There is no similar mi-

gration flow in Russia, but the existing system of two effects shows that innovative dynamics are blocked in influencing economic development. Consequently, the necessary structural changes of a cardinal nature, which would ensure a change in the placement of not only resources (labor) in the economy, but also the reaction of the economy itself to this allocation, are of an innovative nature. This is especially true when overcoming the crisis caused by a virus attack in 2020.

Acknowledgments

This manuscript benefited from the valuable comments of two anonymous reviewers.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest in this paper.

References

1. *Aghion P., Akcigit U., Howitt P.* Lessons from Schumpeterian Growth Theory // *The American Economic Review*. — Vol. 105 (5). — Pp. 94–99.
2. *Aghion P., Ufuk A., Howitt P.* The Schumpeterian Growth Paradigm // *Annual Review of Economics*. — 2015. — Vol. 7. — Pp. 557–575.
3. *Andergassen R., Nardini F., Ricottilli M.* Innovation diffusion, general purpose technologies and economic growth // *Structural Change and Economic Dynamics*. — 2017. — Vol. 40. — Pp. 72–80.
4. *Batabyal A.A., Yoo S.J.* Schumpeterian creative class competition, innovation policy, and regional economic growth // *International Review of Economics & Finance*. — 2018. — Vol. 55. — Pp. 86–97.
5. *Block J.H., Fisch C.O., Praag M.* The Schumpeterian entrepreneur: a review of the empirical evidence on the antecedents, behaviour and consequences of innovative entrepreneurship // *Industry and Innovation*. — 2017. — Vol. 24 (1). — Pp. 61–95.
6. *Bosetti V., Cattaneo C., Verdolini E.* Migration of skilled workers and innovation: A European Perspective // *Journal of International Economics*. — 2015. — Vol. 96 (2). — Pp. 311–322.
7. *Breschi S., Malerba F., Orsenigo L.* Technological Regimes and Schumpeterian Patterns

of Innovation // The Economic Journal. — 2000. — Vol. 110 (463). — Pp. 388–410.

8. *Carlsson B.* Industrial Dynamics: A Review of the Literature 1990–2009. Industrial Dynamics. — 2016. — Vol. 23 (1). — Pp. 1–61.

9. *Castellacci F.* A Neo-Schumpeterian Approach to Why Growth Rates Differ // *Revue économique*. — 2004. — Vol. 55 (6). — Pp. 1145–1169.

10. *Fassio C., Montobbio F., Venturini A.* Skilled migration and innovation in European industries. Research Policy. — 2019. — Vol. 48 (3). — Pp. 706–718.

11. *Futia C.A.* Schumpeterian Competition // The Quarterly Journal of Economics. — 1980. — Vol. 94 (4). — Pp. 675–695.

12. *Jati K.* A model of Schumpeterian dynamics // *Applied Economics Letters*. — 2001. — Vol. 8. — Pp. 81–84.

13. *Hartmann D., Pyka A., Hanusch H.* Applying Comprehensive Neo-Schumpeterian Economics to Latin American Economies // *Structural Change and Economic Dynamics*. — 2010. — Vol. 21. — Pp. 70–83.

14. *Hanusch, H., Pyka A.* «Manifesto» for Comprehensive Neo-Schumpeterian Economics // *History of Economic Ideas*. — 2007. — Vol. 15 (1). — Pp. 23–41.

15. *Oikawa K., Ueda K.* The optimal inflation rate under Schumpeterian growth // *Journal of Monetary Economics*. — 2018. — Vol. 100. — Pp. 114–125.

16. *Rahmeyer F.* Schumpeter, Marshall, and Neo-Schumpeterian Evolutionary Economics: A Critical Stocktaking // *Journal of Economics and Statistics*. — 2013. — Vol. 233 (1). — Pp. 39–64.

17. *Romero J.P.* Mr. Keynes and the neo-Schumpeterians: Contributions to the analysis of the determinants of innovation from a post-Keynesian perspective // *Economia*. — 2014. — Vol. 15. — Pp. 189–205.

18. *Schumpeter J.A.* Capitalism, Socialism and Democracy. — USA: Taylor&Francis, 2006. — 464 p.

19. *Schumpeter J.A.* The Theory of Economic Development: An Inquiry into Profits, Capital, Credit, Interest and the Business Cycle. — New Brunswick (U.S.A) and London (U.K.): Transaction Publishers, 2008. — 267 p.

20. *Sukharev O.S.* Evolutionary macroeconomics in the Schumpeterian reading (towards a new system of interaction between the ‘inno-

vator’ and the ‘conservative’) // *Economic issues*. — 2003. — Vol. 11. — Pp. 41–52.

21. *Sukharev O.S.* The Theory of Economic Growth: Institutions, Structures, Technologies and Information. — Moscow: KRASAND, 2019. — 346 p.

22. *Westeren K.I.* Innovation: from Schumpeter to the knowledge economy. Chapter in *Foundations of the knowledge economy*. — 2012. — Pp. 57–74.

Литература

1. *Агъон П., Акчигит У., Ховитт П.* Уроки Шумпетерианской теории роста // *Американское экономическое обозрение*. — Т. 105 (5). — С. 94–99.

2. *Агъон П., Уфук А., Ховитт П.* Шумпетерианская парадигма роста // *Ежегодный обзор экономики*. — 2015. — Т. 7. — С. 557–575.

3. *Андергассен Р., Нардини Ф., Рикотилли М.* Диффузия инноваций, технологии общего назначения и экономический рост // *Структурные изменения и экономическая динамика*. — 2017. — Т. 40. — С. 72–80.

4. *Батабьял А. А., Ю С. Дж.* Шумпетерианская конкуренция креативного класса, инновационная политика и региональный экономический рост // *Международный обзор экономики и финансов*. — 2018. — Т. 55. — С. 86–97.

5. *Блок Дж. Х., Фиш К. О., Праг М.* Шумпетерианский предприниматель: обзор эмпирических данных о предпосылках, поведении и последствиях инновационного предпринимательства // *Промышленность и инновации*. — 2017. — Т. 24 (1). — С. 61–95.

6. *Босетти В., Кампанео С., Вердолини Е.* Миграция квалифицированных рабочих и инновации: европейская перспектива // *Журнал международной экономики*. — 2015. — Т. 96 (2). — С. 311–322.

7. *Бреши С., Малерба Ф., Орсениго Л.* Технологические режимы и Шумпетерианские модели инноваций // *Экономический журнал*. — 2000. — Т. 110 (463). — С. 388–410.

8. *Карлссон Б.* Промышленная динамика: Обзор литературы за 1990–2009 годы. Динамика промышленности. — 2016. — Т. 23 (1). — С. 1–61.

9. *Кастеллаччи Ф.* Неосшумпетерианский подход к тому, почему темпы роста раз-

личаются // *Revue économique*. — 2004. — Т. 55 (6). — С. 1145–1169.

10. *Фасцио К., Монтоббио Ф., Вентурини А.* Квалифицированная миграция и инновации в европейских отраслях промышленности. Исследовательская политика. — 2019. — Т. 48 (3). — С. 706–718.

11. *Футия К. А.* Шумпетерианская конкуренция // *Ежеквартальный экономический журнал*. — 1980. — Т. 94 (4). — С. 675–695.

12. *Джати К.* Модель шумпетерианской динамики // *Письма по прикладной экономике*. — 2001. — Т. 8. — С. 81–84.

13. *Хартманн Д., Пайка А., Хануш Х.* Применение комплексной неошумпетерианской экономики к латиноамериканским экономикам // *Структурные изменения и экономическая динамика*. — 2010. — Т. 21. — С. 70–83.

14. *Хануш Х., Пайка А.* «Манифест» всеобъемлющей неошумпетерианской экономики // *История экономических идей*. — 2007. — Т. 15 (1). — С. 23–41.

15. *Ойгава К., Уэда К.* Оптимальный уровень инфляции при шумпетеровском росте // *Журнал денежно-кредитной экономики*. — 2018. — Т. 100. — С. 114–125.

16. *Рахмайер Ф.* Шумпетер, Маршалл и неошумпетерианская эволюционная эконо-

мика: критический анализ // *Журнал экономики и статистики*. — 2013. — Т. 233 (1). — С. 39–64.

17. *Ромеро Дж. П.* Г-н Кейнс и неошумпетерианцы: вклад в анализ детерминант инноваций с посткейнсианской точки зрения // *Экономика*. — 2014. — Т. 15. — С. 189–205.

18. *Шумпетер Дж. А.* Капитализм, социализм и демократия. — США: Taylor&Francis, 2006. — 464 с.

19. *Шумпетер Дж. А.* Теория экономического развития: исследование прибыли, капитала, кредита, процента и делового цикла. — Нью-Брансуик (США) и Лондон (Великобритания): Transaction Publishers, 2008. — 267 с.

20. *Сухарев О. С.* Эволюционная макроэкономика в шумпетерианском прочтении (к новой системе взаимодействия «новатора» и «консерватора») // *Вопросы экономики*. — 2003. — Т. 11. — С. 41–52.

21. *Сухарев О. С.* Теория экономического роста: институты, структуры, технологии и информация. — М.: КРАСАНД, 2019. — 346 с.

22. *Вестерен К. И.* Инновации: от Шумпетера к экономике знаний. Глава в «Основах экономики знаний». — 2012. — С. 57–74.

Поступила в редакцию

11 мая 2021 г.

Сухарев Олег Сергеевич — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономики Российской Академии Наук.

Sukharev Oleg Sergeevich — Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences.

117218, г. Москва, Нахимовский пр., 32
32 Nakhimovskiy ln., 117218, Moscow, Russia
E-mail: o_sukharev@list.ru

Ворончихина Екатерина Николаевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой и региональной экономики, экономической теории Пермского государственного национального исследовательского университета.

Voronchikhina Ekaterina Nikolaevna — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of World and Regional Economics, Economic Theory, Perm State University.

614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15
15 Bukireva st., 614068, Perm, Russia
E-mail: envoronchikhina@gmail.com

УДК 334.726

10.17213/2075-2067-2021-3-225-229

МЕХАНИЗМЫ И МОДЕЛИ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ В РАЗВИТИИ СОВМЕСТНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РЕГИОНАХ

© 2021 г. М. П. Тертышникова

*Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
г. Ростов-на-Дону, Россия*

Целью исследования является изучение развития совместного предпринимательства как экономического явления в Российской Федерации в целом и в частности в регионах в условиях трансформационных процессов на фоне изменяющейся экономической обстановки и экономических санкций.

Методологической основой исследования являются научные разработки, теоретические и практические исследования отечественных и зарубежных авторов экономических отношений, которые содержатся в работах по изучению проблем совместного предпринимательства, а также материалы Федеральной службы государственной статистики по развитию регионов.

Результаты исследования. В статье рассматриваются механизмы и модели, используемые в развитии совместного предпринимательства в регионах России с учетом изменяющихся экономических условий ужесточения санкций различных стран, приведших к резкому снижению количества компаний рассматриваемого вида. Авторами статьи были проработаны статистические данные социально-экономических показателей компаний в виде совместного предпринимательства за пять лет, а также результаты экономических исследований российских ученых в этой области. Полученные результаты наглядно показывают, что создавшаяся экономическая обстановка в нашей стране приводит к ухудшению сотрудничества между российскими и иностранными компаниями.

Перспективу исследования представляет дальнейший экономический анализ развития совместного предпринимательства в регионах России.

Ключевые слова: совместное предпринимательство; иностранный капитал; валовый внутренний продукт; ВВП; экономические санкции.

MECHANISMS AND MODELS USED IN THE DEVELOPMENT OF JOINT ENTREPRENEURSHIP IN THE REGIONS

© 2021 М. P. Tertyshnikova

Rostov State University of Economics (RSUE), Rostov-on-Don, Russia

The purpose of the study is to study the development of joint entrepreneurship as an economic phenomenon in the Russian Federation as a whole and in particular in the regions in the context of transformational processes against the background of the changing economic situation and economic sanctions.

The methodological basis of the research is the scientific developments, theoretical and practical studies of domestic and foreign authors of economic relations, which are contained in

the works on the study of the problems of joint entrepreneurship, as well as the materials of the Federal State Statistics Service for the Development of Regions.

The results of the study. *The article examines the mechanisms and models used in the development of joint entrepreneurship in the regions of Russia, taking into account the changing economic conditions of the tightening of sanctions of various countries, which led to a sharp decrease in the number of companies of this type. The authors of the article studied the statistical data of socio-economic indicators of companies in the form of joint ventures for five years, as well as the results of economic research by Russian scientists in this field. The results clearly show that the current economic situation in our country leads to a deterioration in cooperation between Russian and foreign companies.*

The perspective of the study *is the further economic analysis of the development of joint entrepreneurship in the regions of Russia.*

Key words: *joint venture; foreign capital; gross domestic product; GDP; economic sanctions.*

Введение. Актуальность проведения экономических исследований в области развития совместного предпринимательства в регионах Российской Федерации является особо значимой и перспективной по многим факторам, относящимся к ухудшению экономической ситуации из-за затянувшегося кризиса, связанного с внешнеэкономической политикой страны и санкциями других государств. Развитие совместного предпринимательства базируется прежде всего на взаимовыгодном интересе партнеров, преследующих каждый свой интерес в создании такой компании. Теоретические основы образования этих компаний изучаются различными экономическими институтами, что подтверждается проведением многочисленных исследований, сложившимися определенными традициями и школами.

Теоретические и практические вопросы совершенствования методов оценки, анализа, прогнозирования, повышения конкурентоспособности компании, принятия эффективных управленческих решений по выбору оптимальной стратегии развития в условиях нестабильной экономической обстановки посвящены исследования ряда зарубежных и отечественных ученых, таких как М. Портер, Ж.-Ж. Ламбен, И. Ансофф, Г. Саймон, И. Астахов, О. Виханский, Е. Горбашко, П. Завьялов, Н. Моисеев, А. Петров, И. Фаминский, Р. Фатхутдинов и др. Отдельные вопросы управления конкурентоспособностью совместных предприятий рассматриваются в работах по региональному развитию, экономической

безопасности, инвестиционной привлекательности, инновационной активности, формированию экономической и промышленной политики и т.д. (Л. Абалкин, С. Валдайцев, В. Воротилов, С. Глазьев, Б. Гринчель, А. Карлик, И.В. Липсиц, Б. Мильнер, А. Румянцев, И. Сигов, Р.М. Тихонов, Р.А. Фатхутдинов, Р. Шнипер, Ю. Яковец и др.). Ими внесен значительный вклад в разработку основополагающих проблем принятия оптимального управленческого решения и деятельности совместных предприятий.

Анализ научной литературы показывает, что изучение проблемы успешного развития и стабильного функционирования совместного предпринимательства в регионах России в настоящее время активно изучается и по этой тематике публикуется большое количество научных статей как в России, так и за рубежом.

Цель и предмет исследования. Целью исследования в настоящей статье является анализ механизмов и моделей, используемых в развитии совместного предпринимательства в российских регионах, проведение анализа статистических данных влияния введения экономических санкций на реальное положение компаний с рассматриваемой формой собственности.

Методология исследования. Методологической основой исследования являются научные разработки, теоретические и практические предложения, представленные отечес-

твенными и зарубежными учеными в области экономических наук, которые содержатся в работах по изучению развития совместного предпринимательства в зависимости от цели создания и выбора организационной формы компании.

Научные результаты исследований.

Совместное предпринимательство (СП) — это самостоятельная экономическая единица, созданная двумя или несколькими, как юридическими, так и физическими лицами, одно из которых является представителем другого государства. При определении цели организации такого вида компании используются следующие модели развития бизнеса [6]:

- повышение эффективности бизнеса;
- новые технологии, патенты, лицензии для расширения ассортимента и увеличения рынка сбыта продукции;
- развитие действующей компании за счет привлечения дополнительных инвестиций;
- уменьшение риска при производстве новых видов продукции.

В зависимости от выбранной модели организации совместного предпринимательства необходимо определиться с механизмом его развития. Здесь ключевыми моментами будут такие аспекты, как организационно-правовая форма СП, доля иностранного капитала в уставном фонде компании, ее организационная структура и др. [7].

Особенностью экономической деятельности совместного предпринимательства на территории Российской Федерации является развитие внешнеэкономических связей,

что способствует развитию инновационных технологий в различных сферах бизнеса, привлечение иностранных инвестиций и научно-технического опыта, повышение эффективности производства за счет международного разделения труда. Иностранцами интересны инвестиции в России, так как это открывает им новые рынки сбыта своей продукции, сравнительно низкооплачиваемая рабочая сила, большое количество природных ресурсов.

Проанализируем основные социально-экономические показатели рынка труда за 2015–2019 гг. (табл. 1). Все показатели за рассматриваемый период имеют положительную тенденцию, что говорит о стабилизации экономики и рынка труда, несмотря на сложную обстановку внешней политики и введение санкций против России. То же можно сказать и о ВВП страны, представленном в табл. 2.

Данные предыдущих таблиц говорят о стабильном улучшении экономической обстановки в стране, что должно было бы привлечь иностранных инвесторов и способствовать увеличению количества компаний, образованных на базе совместного предпринимательства. Рассмотрим число организаций с долей иностранной собственности за анализируемый период и их оборот (табл. 3, 4) [1–5].

Резкое снижение оборота СП в 2019 году произошло из-за сокращения положительного сальдо торгового баланса, которое было вызвано снижением стоимостных показателей экспорта топливно-энергетических то-

Таблица 1

Показатели рынка труда

Показатели	2015	2016	2017	2018	2019
Уровень безработицы, %	6,4	5,3	5,1	4,8	4,6
Коэффициент напряженности, чел. на 100 вакансий	92	87	60	54	50
Численность занятых, тыс. чел.	72322	72755	72335	72612	72669

Таблица 2

Валовый внутренний продукт

Показатели	2015	2016	2017	2018	2019
ВВП, млрд. руб.	83087,30	85616,10	91843,20	103861,70	109241,50

Таблица 3

**Число предприятий
и организаций с долей
иностранной собственности
по округам**

Регион	2017	2018	2019
Всего	45286	39805	35111
ЦФО	25609	21901	19014
СЗФО	7543	6629	5894
ЮФО	3790	3559	3127
СКФО	468	421	406
ПФО	2960	2787	2436
УФО	1443	1270	1188
СФО	2102	1667	1532
ДВ	1371	1571	1514

Таблица 4

**Годовой оборот предприятий
и организаций с долей
иностранной собственности по округам,
млрд. руб.**

Регион	2017	2018	2019
Всего	32320,4	36676,7	16578,9
ЦФО	19614,4	22211,4	11577,3
СЗФО	3532,3	3872,8	897,5
ЮФО	1062,5	1163,8	297,5
СКФО	93,7	86,9	70,1
ПФО	2438	2955,5	2144
УФО	2931,6	2914,8	705,6
СФО	1541,6	1936	439,7
ДВ	1106,1	1535,5	441

варов на фоне ухудшения мировой ценовой конъюнктуры.

Самыми привлекательными регионами для СП на протяжении всего рассматриваемого периода остаются Центральный и Северо-Западные федеральные округа. Чаще всего такой бизнес вкладывает средства в компании, которые занимаются финансовой и страховой деятельностью, в сферу торговли, в сектор промышленности и высоких технологий, а также в недвижимость.

Заключение. Таким образом, проанализировав статистические данные количества и годового оборота совместных предприятий, можно сделать вывод, что резкое их сокращение в 2019 году произошло из-за введения санкций США и некоторых европейских стран на определенные виды инвестирования на территории РФ, а также из-за снижения стоимостных показателей топливно-энергетических товаров. Однако, Россия остается страной, привлекательной для иностранных инвесторов и создания новых совместных предприятий как в области добычи полезных ископаемых, приборо- и машиностроения, так и в других областях.

Литература

1. Россия в цифрах [Электронный ресурс] // Федеральная служба государствен-

ной статистики (Росстат). Официальное издание. — 2020. — Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/fimgAF33/Region_Pokaz_2020.pdf.

2. Россия в цифрах [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Официальное издание. — 2019. — Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/1dJJCOvT/Region_Pokaz_2019.pdf.

3. Регионы России. Социально-экономические показатели [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Официальное издание. — 2018. — Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Reg-pok18.pdf>.

4. Регионы России. Социально-экономические показатели [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Официальное издание. — 2017. — Режим доступа: [peg-pok17.pdf](https://rosstat.gov.ru/peg-pok17.pdf) (rosstat.gov.ru).

5. Багратуни К. Ю. и др. Иностранное инвестирование и совместное предпринимательство. — М., Изд-во «Русайн», 2016. — 148 с.

6. Борисенко В. В. Совместное предпринимательство / Бухгалтерский учет. — 2017. — №6. — С. 16–22.

7. Тертышников М. П. Развитие бизнес-структур в экономике совместного предпринимательства / Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство;

право и управление. — 2017. — №4 (83). — С. 26–28.

References

1. Rossiya v cifrah [Russia in numbers] [Elektronnyj resurs] // Federal'naja sluzhba gosudarstvennoj statistiki (Rosstat). Oficial'noe izdanie [Federal State Statistics Service (Rosstat). Official publication]. — 2020. — URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/fimgAF33/Region_Pokaz_2020.pdf.

2. Rossiya v cifrah [Russia in numbers] [Elektronnyj resurs] // Federal'naja sluzhba gosudarstvennoj statistiki (Rosstat). Oficial'noe izdanie [Federal State Statistics Service (Rosstat). Official publication]. — 2019. — URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/1dJJCOvT/Region_Pokaz_2019.pdf.

3. Regiony Rossii. Social'no-jekonomichekie pokazateli [Regions of Russia. Socio-economic indicators] [Elektronnyj resurs] // Federal'naja sluzhba gosudarstvennoj statistiki (Rosstat). Oficial'noe izdanie [Federal State Statistics Service (Rosstat). Official publication]. —

2018. — URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Reg-pok18.pdf>.

4. Regiony Rossii. Social'no-jekonomichekie pokazateli [Regions of Russia. Socio-economic indicators] [Elektronnyj resurs] // Federal'naja sluzhba gosudarstvennoj statistiki (Rosstat). Oficial'noe izdanie [Federal State Statistics Service (Rosstat). Official publication]. — 2017. — URL: [peg-pok17.pdf \(rosstat.gov.ru\)](https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Reg-pok17.pdf).

5. Bagratuni K. Ju. et al. Iostrannye investicii i sovmestnoe predprinimatel'stvo [Foreign Investments and joint entrepreneurship]. — Moscow, Izd-vo «Rusajn», 2016. — 148 p.

6. Borisenko V.V. Sovmestnoe predprinimatel'stvo [Joint entrepreneurship] / Buhgalterskij uchet [Accounting]. — 2017. — №6. — Pp. 16–22.

7. Tertyshnikova M.P. Razvitie biznes-struktur v jekonomike sovmestnogo predprinimatel'stva [Development of business structures in the economy of joint entrepreneurship] / Nauka i obrazovanie: hozjajstvo i jekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie [Science and education: economy and economy; entrepreneurship; law and management]. — 2017. — №4(83). — Pp. 26–28.

Поступила в редакцию

21 апреля 2021 г.

Тертышникова Маргарита Павловна — аспирант кафедры «Экономика региона, отраслей и предприятий» Ростовского государственного экономического университета (РИНХ).

Tertyshnikova Margarita Pavlovna — Post-graduate student of the Department «Economy of the region, Industries and Enterprises», Rostov State University of Economics (RSUE).

344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69
69 Bolshaya Sadovaya st., 344002, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: mpsaratsyn@gmail.com

УДК 334

10.17213/2075-2067-2021-3-230-237

**ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ЭЛЕКТРОННОЙ ТОРГОВОЙ ПЛОЩАДКИ ГАЗПРОМБАНКА:
СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

© 2021 г. *Е. И. Титова, Л. В. Голощапова, Н. П. Савина*

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, г. Москва, Россия

Цель исследования: изучить основные показатели деятельности электронной торговой площадки ГПБ, оценить влияние пандемии COVID-19 на ее деятельность и предложить пути дальнейшего развития эффективного инструмента организации закупок ПАО «Газпром».

Материалы, методы и условия проведения исследований. Изучены данные официального сайта электронной торговой площадки ГПБ, а также федеральный закон от 05.04.2013 г. №44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» и федеральный закон от 18.07.2011 г. №223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц».

Задачи исследования: проанализировать и оценить влияние пандемии COVID-19 на деятельность электронной торговой площадки ГПБ и предложить пути дальнейшего развития эффективного инструмента организации закупок.

Результаты исследования. В исследовании рассмотрена специфика работы электронной торговой площадки ГПБ: историческая справка создания электронной торговой площадки; оценены особенности ее функционирования и направления деятельности, основные заказчики и отрасли; проанализировано количество торгов по отраслям по состоянию на конец 2020 года и влияние пандемии COVID-19 на основные показатели деятельности ЭТП ГПБ.

Перспективы исследования. Тенденции в современной закупочной сфере свидетельствуют о том, что основная часть торгов проводится в электронном формате, что относится и к государственным закупкам, которые в большей части уже переведены в электронные процедуры, а электронная торговая площадка ГПБ является одной из ведущих в данной сфере, поэтому анализ ее деятельности весьма актуален.

Ключевые слова: электронная торговая площадка; направления деятельности; заказчики; торги; количество торгов; аналитика торгов; пандемия COVID-19; организация закупок ПАО «Газпром».

**THE IMPACT OF THE COVID-19 PANDEMIC ON THE ACTIVITIES
OF THE GAZPROMBANK ELECTRONIC TRADING PLATFORM:
STATE AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT**

© 2021 *E. I. Titova, L. V. Goloshchapova, N. P. Savina*

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

The purpose of the study: to consider the main performance indicators of the GPB electronic trading platform and the impact of the COVID-19 pandemic on its activities.

Materials, methods and research conditions. *The data of the official website of the electronic trading platform of the GPB, as well as Federal Law №44-FZ of 05.04.2013 «On the Contract System in the field of Procurement of goods, works, and services for State and Municipal Needs» and Federal Law №223-FZ of 18.07.2011 «On Procurement of goods, Works, and Services by Certain Types of Legal Entities» were studied.*

Research objectives: *to analyze and evaluate the impact of the COVID-19 pandemic on the activities of the GPB electronic trading platform.*

Research results. *The article considers the specifics of electronic trading platform of the GPB: the historical background of the electronic trading platform creation; assesses the features of its functioning and activities, the main customers and industries; analyzes the number of trades by industry as of the end of 2020 and the impact of the COVID-19 pandemic on the main performance indicators of the GPB ETP.*

Research perspectives. *Trends in the modern procurement sphere indicate that the main part of the bidding is carried out in electronic form. This also applies to public procurement, which for the most part has already been converted to electronic procedures, so the role of electronic trading platforms in procurement is very high. The electronic trading platform of GPB is one of the leading ones in this field, so the analysis of its activities is very relevant.*

Key words: *electronic trading platform; areas of activity; customers; trades; number of trades; analytics of trades; COVID-19 pandemic; procurement organization of PJSC Gazprom.*

Электронная торговая площадка ГПБ (ЭТП ГПБ) является электронной платформой для закупок, на которой с октября 2018 года стали проводиться торги по 44-ФЗ [7]. Данная площадка была создана в 2012 году для осуществления закупочной деятельности преимущественно корпоративными клиентами Банка и предприятиями группы «Газпром». ЭТП ГПБ входит в перечень электронных торговых площадок, отобранных согласно Распоряжению от 12 июля 2018 года №1447-р [5].

Электронная торговая площадка ГПБ включает в себя две секции: общую секцию для корпоративных клиентов и отдельную для предприятий группы «Газпром». В 2013 году был создан корпоративный интернет-магазин для осуществления малых закупок, не превышающих в сумме 500 тысяч рублей. Это способствовало повышению доступа малых и средних организаций к закупкам крупных монопольных компаний и предприятий с государственным участием [4]. Работа сервиса была построена таким образом, чтобы заказчик мог сравнивать цены и условия в прайс-листах поставщиков, выбирая в итоге наиболее подходящего [7].

В 2016 году была запущена аналитическая система TradeInspect с целью обеспече-

ния возможности изучить положение поставщика на рынке. Сервис очень удобен с точки зрения получения информации, поскольку нет необходимости обращаться в другие источники для анализа контрагентов — все необходимые документы (выписка из ЕГРЮЛ, сведения об участии компании в арбитражах и исполнительных производствах, финансовые показатели) будут предоставлены.

ЭТП ГПБ имеет высокое качество технической и клиентской поддержки, что позволяет легко планировать проведение закупок и осуществлять контроль над заключенными сделками, есть возможности получения индивидуальной отчетности и анализа больших массивов информации. Возможность определить в одном лоте двух и более победителей позволяет разделить крупный заказ на несколько поставщиков, что является важным преимуществом для малых и средних организаций, которым сложно выиграть крупный тендер. Также на площадке можно комбинировать процедуры в рамках одной закупки. Высокое качество сервиса и минимизация затрат на поиски клиентов и партнеров делают электронную площадку ГПБ конкурентоспособной среди других операторов электронных закупок.

Организации, которые участвуют в закупках в качестве заказчика с использованием ЭТП ГПБ, представлены в таблице 1.

Оператор электронной торговой площадки ГПБ работает с самыми разными отраслями деятельности, то есть, что касается отраслевой направленности, в целом нет никаких ограничений. Государственные компании, корпорации, государственные заказчики, коммерческие заказчики являются участниками торгов, проводимых на ЭТП ГПБ. Направления, по которым осуществляется деятельность ЭТП ГПБ, представлены в таблице 2. Они обозначены на сайте электронной площадки и включают в себя практически все аспекты закупочной деятельности.

Если проследить аналитику количества торгов со стороны заказчиков на платформе электронной торговой площадки ГПБ, то полученные результаты также можно показать в виде таблицы (табл. 3). В торгах участвуют предприятия разной отраслевой принадлежности. Как видно из таблицы, лидируют заказчики из сферы обрабатывающих производств, которые провели больше всего торгов на данной платформе (в количестве 161577).

Рассмотрим некоторые предприятия, которые участвуют в торгах на ЭТП ГПБ в качестве заказчиков, и представим их в таблице 4.

Таким образом, среди ведущих заказчиков ЭТП ГПБ лидирует ПАО «Газпром» с 38050 торгами.

Рассмотрим, как изменились показатели торгов в 2020 году по сравнению с 2019 годом (таблица 5).

Как видно из таблицы 5, в первом, третьем и четвертом квартале 2020 года наблюдается устойчивый рост количества торгов, проводимых на электронной торговой площадке по сравнению с 2019 годом. Во втором квартале 2020 года ситуация несколько изменилась, что связано с началом пандемии COVID-19 и общим ухудшением экономического положения страны из-за этого. Но, несмотря на пандемию, количество торгов во втором квартале 2020 года по сравнению с соответствующим периодом 2019 года не уменьшилось, а незначительно увеличилось (на 1,62%), что говорит о стабильной ситуации. К третьему кварталу 2020 года ситуация улучшилась, наблюдается частичный возврат к показателям первого квартала 2020 года. В четвертом квартале 2020 года

Таблица 1

Заказчики и отрасли, которые представлены на электронной торговой площадке ГПБ [7]

Направления деятельности	Предприятия-заказчики
Торговля в розничной сфере	М-видео, ДИКСИ, Рив-гош
Предприятия агропромышленного комплекса	Мираторг
Предприятия микроэлектроники	Концерн РТИ
Организации жилищно-коммунального хозяйства	Росводоканал
Предприятия военно-промышленного комплекса	Военторг
Страхование	Согаз
Химическая	Уралхим
Аэропорты России	Шереметьево, Новопорт аэропорты России
Космическая сфера	НПО Энергомаш, ОАО Российские космические системы
Металлургия	ЧТПЗ
Горнодобывающая промышленность	УГМК, Мечел
Строительная сфера	Группа ПИК, МРТС, Спецстрой России
Машиностроительные предприятия	ОМЗ, Уралмаш, Алмаз-Антей

количество торгов выросло и по сравнению с соответствующим периодом 2019 года, и по сравнению с предыдущими кварталами 2020 года. При этом относительно суммы торгов отмечен значительный рост показателя: в первом квартале он вырос на 314,71%, во втором — на 237,85%, в третьем —

на 127,41%, что говорит о значительном росте объемов торгов на площадке.

Аналитика торгов ЭТП ГПБ за период с 2012 по 2020 гг. представлена на рисунке 1.

Согласно представленным на рисунке 1 данным видно, что с 2017 года в целом наблюдается тенденция к ежегодному росту

Таблица 2

Направления деятельности ЭТП ГПБ [7]

Направление	Пояснение
Закупки ГК «Газпром»	Осуществление закупочной деятельности предприятий группы компаний «Газпром»
Закупки корпоративных заказчиков	Закупки, осуществляемые коммерческими организациями, государственными корпорациями, либо компаниями, имеющими в уставном капитале долю, принадлежащую государству
Закупки государственных заказчиков	Закупки согласно 44-ФЗ, 615-ПП РФ. А также торги по услугам вывоза и утилизации ТКО
Торговый портал	Закупки через прямой заказ
Аренда и продажа имущества	Продажа имущества, непрофильных активов, имущества государственных организаций (проведение торгов)
Поддержка поставщиков	Оказание консультационных услуг при регистрации и работе на ЭТП ГПБ
Финансовые сервисы	Банковские гарантии, кредит на исполнение контракта и другие финансовые услуги, необходимые в процессе торгов
Получение электронной подписи	Оформление электронной подписи для работы на электронных торговых площадках
Аналитика закупок	Использование данных информационно-аналитической системы TradeInspect для повышения эффективности в закупочном процессе

Таблица 3

Количество торгов на ЭПТ ГПБ со стороны заказчиков по отраслям по состоянию на конец 2020 года [7]

Отрасль	Количество торгов
Строительство	16188
Обрабатывающие производства	161577
Торговля и ремонт	9697
Транспорт и связь	6871
Недвижимость	5083
Добыча полезных ископаемых	4911
Финансы	1029
Другие направления	47311

и количества проведенных торгов, и их суммы в денежном выражении. 2020 год начался весьма успешно. Некоторый спад количества торгов наблюдается во втором квартале 2020 года, что связано с пандемией коронавируса. Но, несмотря на COVID-19, показатели деятельности электронной торговой площад-

ки ГПБ за четвертый квартал 2020 года достигли своего максимума, превысив по количеству и сумме торгов результаты за предыдущие кварталы, начиная с третьего квартала 2012 года [6].

В заключение можно сделать следующие выводы.

Таблица 4

Ведущие заказчики ЭТП ГПБ по состоянию на конец 2020 года [7]

Заказчик	Количество торгов
ПАО «Газпром»	38050
ГазЭнергоИнформ	13761
Департамент Госзаказа ЯНАО	9986
ООО «Газпром центрремонт»	8428
Востокгазпром	8291
АО «Газпром закупки»	6386
ИЗ-Картэкс имени П. Г. Коробкова	6309
Авиапредприятие «Газпром АВИА»	6136
Фонд «Газпромипотека»	5738
ПАО «Уралмашзавод»	5348
ПАО «Криогенмаш»	4823
ГазАртСтрой	4018
Газпром Трансгаз Екатеринбург	3113
АО РКЦ «Прогресс»	2298
АО МАШ	2167
АО «Военторг-центр»	2077
АО «Авиакомпания «Россия»	2016
ПАО «Южный Кузбасс»	1886
Администрация г. Дзержинска	1581

Таблица 5

Динамика количества и суммы торгов на площадке ЭТП ГПБ за период 2019–2020 гг. [7]

Период 2019–2020 гг.	Количество торгов, 2019 г.	Количество торгов, 2020 г.	Изменение количества торгов (2020 г. к 2019 г.), %	Сумма торгов, 2019 г., млрд. руб.	Сумма торгов, 2020 г., млрд. руб.,	Изменение суммы торго (2020 г. к 2019 г.), %
1 квартал	21574	34969	+62,09	221,62455	919,09586	+314,71
2 квартал	27528	27975	+1,62	291,75359	985,68426	+237,85
3 квартал	27821	33413	+20,10	350,2171	796,43944	+127,41
4 квартал	37869	44664	+17,94	868,46025	1069,21802	+23,12

Рис. 1. Аналитика торгов ЭТП ГПБ за период с 2012 по 2020 гг. [7]

Во-первых, работа электронной торговой площадки ГПБ постоянно совершенствуется, на это направлена деятельность экспертов ГПБ, которые активно участвуют в дискуссиях в прессе, в разнообразных совещаниях и конференциях, где высказываются мнения относительно развития процедур по проведению электронных торгов.

Во-вторых, активно ведется разработка системы по оптимизации процесса выбора поставщиков в оптовой сфере для российских организаций, предприятий и предпринимателей. Кроме того, Национальное рейтинговое агентство осуществило разработку методики расчета индексов рынка, касающихся электронных торговых площадок, проводящих торги объемом более ста миллиардов рублей в год, специально для ЭТП ГПБ.

В-третьих, несмотря на то, что в связи с пандемией COVID-19 2020-й год был непростым для экономического положения страны в целом, на показателях деятельности электронной торговой площадки это отразилось в незначительной мере. Только во втором квартале 2020 года наблюдается небольшой спад по количеству и сумме торгов на площадке. К концу 2020 года ситуация значительно улучшилась, достигнув своего максимума за весь период деятельности.

Литература

1. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Федеральный закон от 05.04.2013 г. №44-ФЗ (в ред. от 31.07.2020 г.) [Электронный ресурс] / СПС «Гарант». — Режим доступа: <https://base.garant.ru>.
2. О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц: Федеральный закон от 18 июля 2011 г. №223-ФЗ (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] / СПС «Гарант». — Режим доступа: <https://base.garant.ru>.
3. О защите конкуренции: Федеральный закон от 26 июля 2006 г. №135-ФЗ (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] / СПС «Гарант». — Режим доступа: <https://base.garant.ru>.
4. Подбиралова Г.В., Мигалева Т.Е. Малый и средний бизнес зарубежных стран и России. Учебник / Сер. Бакалавриат и магистратура. — М.: Издательство «КноРус», 2021. — 202 с.
5. Распоряжение Правительства РФ от 12 июля 2018 г. №1447-р Об утверждении Перечня операторов электронных площадок, предусмотренного частью 3 статьи 24.1 Феде-

рального закона от 5 апреля 2013 г. №44-ФЗ, частью 11 статьи 3.4 Федерального закона от 18 июля 2011 г. №223-ФЗ и Перечня операторов специализированных электронных площадок, предусмотренного частью 3 статьи 24.1 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. №4-ФЗ, операторов электронных площадок для осуществления закрытых конкурентных закупок, предусмотренный частью 4 статьи 3.5 Федерального закона от 18 июля 2011 г. №223-ФЗ [Электронный ресурс] / СПС «Гарант». — Режим доступа: <https://www.garant.ru>.

6. Аналитика закупок ЭТП ГПБ [Электронный ресурс] // Электронная торговая площадка ГПБ. — Режим доступа: <https://etpgpb.ru>.

7. ЭТП ГПБ Электронная торговая площадка Группа Газпромбанка [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://etpgpb.ru>.

References

1. O kontraktnoj sisteme v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlja obespechenija gosudarstvennyh i municipal'nyh nuzhd: Federal'nyj zakon ot 05.04.2013 g. №44-FZ (v red. ot 31.07.2020 g.) [On the contract system in the field of procurement of goods, works, and services for State and Municipal Needs: Federal Law №44-FZ of 05.04.2013 (as amended from 31.07.2020)] [Jelektronnyj resurs] / SPS «Garant». — URL: <https://base.garant.ru>.

2. O zakupkah tovarov, rabot, uslug otdel'nymi vidami juridicheskikh lic: Federal'nyj zakon ot 18 ijulja 2011 g. №223-FZ (s izmenenijami i dopolnenijami) [On purchases of goods, works, and services by certain types of legal entities: Federal Law №223-FZ of July 18, 2011 (with amendments and additions)] [Jelektronnyj resurs] / SPS «Garant». — URL: <https://base.garant.ru>.

3. O zashhite konkurencii: Federal'nyj zakon ot 26 ijulja 2006 g. №135-FZ (s izmenenijami i dopolnenijami) [On Protection of competition: Federal Law №135-FZ of July 26, 2006 (with amendments and additions)] [Jelektron-

nyj resurs] / SPS «Garant». — URL: <https://base.garant.ru>.

4. Podbiralina G. V., Migaleva T. E. Mal'lyj i srednij biznes zarubezhnyh stran i Rossii. Uchebnik [Small and medium business of foreign countries and Russia. Textbook] / Ser. Bakalavriat i magistratura [Ser. Bachelor's and Master's Degrees]. — Moscow: Izdatel'stvo «KnoRus», 2021. — 202 p.

5. Rasporjazhenie Pravitel'stva RF ot 12 ijulja 2018 g. №1447-r Ob utverzhenii Perechnja operatorov jelektronnyh ploshhadok, predusmotrennogo chast'ju 3 stat'i 24.1 Federal'nogo zakona ot 5 aprelja 2013 g. №44-FZ, chast'ju 11 stat'i 3.4 Federal'nogo zakona ot 18 ijulja 2011 g. №223-FZ i Perechnja operatorov specializirovannyh jelektronnyh ploshhadok, predusmotrennogo chast'ju 3 stat'i 24.1 Federal'nogo zakona ot 5 aprelja 2013 g. №4-FZ, operatorov jelektronnyh ploshhadok dlja osushhestvlenija zakrytyh konkurentnyh zakupok, predusmotrennyj chast'ju 4 stat'i 3.5 Federal'nogo zakona ot 18 ijulja 2011 g. №223-FZ [Order of the Government of the Russian Federation №1447-r of July 12, 2018 On Approval of the List of Operators of Electronic Platforms Provided for in Part 3 of Article 24.1 of Federal Law №44-FZ of April 5, 2013, Part 11 of Article 3.4 of Federal Law №223-FZ of July 18, 2011, and the List of Operators of Specialized Electronic Platforms Provided for in Part 3 of Article 24.1 of Federal Law №4-FZ of April 5, 2013, Operators of electronic Platforms for Closed Competitive Procurement provided for in Part 4 of Article 3.5 of Federal Law №18, 2011. №223-FZ] [Jelektronnyj resurs] / SPS «Garant». — URL: <https://www.garant.ru>.

6. Analitika zakupok JeTP GPB [Analytics of procurement of ETP GPB] [Jelektronnyj resurs] // Jelektronnaja trgovaja ploshhadka GPB [Electronic trading platform GPB]. — URL: <https://etpgpb.ru>.

7. JeTP GPB Jelektronnaja trgovaja ploshhadka Gruppy Gazprombanka [ETP GPB Electronic trading platform Gazprombank Group] [Jelektronnyj resurs]. — URL: <https://etpgpb.ru>.

Титова Екатерина Игоревна — студентка 1 курса магистратуры базовой кафедры финансового контроля, анализа и аудита Главного контрольного управления города Москвы Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова.

Titova Ekaterina Igorevna — 1st year magistracy student of the Basic Department of Financial control, Analysis and Audit of the Main Control Department of Moscow, Plekhanov Russian University of Economics.

117997, г. Москва, Стремянный пер., 36
36 Stremyanny ln., 117997, Moscow, Russia
E-mail: cool.lvg2012@yandex.ru

Голощапова Людмила Вячеславовна — кандидат экономических наук, доцент базовой кафедры финансового контроля, анализа и аудита Главного контрольного управления города Москвы Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова.

Goloshchapova Liudmila Vyacheslavovna — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Basic Department of Financial control, Analysis and Audit of the Main Control Department of Moscow, Plekhanov Russian University of Economics.

117997, г. Москва, Стремянный пер., 36
36 Stremyanny ln., 117997, Moscow, Russia
E-mail: cool.lvg2012@yandex.ru

Савина Наталья Павловна — кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова.

Savina Natalia Pavlovna — Candidate of Economic Sciences, Associate professor of World Economy Department, Plekhanov Russian University of Economics.

117997, г. Москва, Стремянный пер., 36
36 Stremyanny ln., 117997, Moscow, Russia
E-mail: Savina.NP@rea.ru

УДК 004 + 658

10.17213/2075-2067-2021-3-238-253

**КАК ПОВЫСИТЬ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ
МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ТОВАРОВ
НА ВНУТРЕННЕМ И ВНЕШНЕМ РЫНКАХ
(НА ПРИМЕРЕ ПРОГРАММНЫХ ПРОДУКТОВ)**

© 2021 г. Г. Н. Хубаев

*Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
г. Ростов-на-Дону, Россия*

Целью исследования является разработка методического и инструментального обеспечения для укрепления конкурентных рыночных позиций фирм-разработчиков программных продуктов и повышения конкурентоспособности многофункциональных товаров на внутреннем и внешнем рынках.

Методологическую базу исследования представляют экономическая теория, идеи и рекомендации по совершенствованию рыночной экономики, содержащиеся в работах Мориса Алле (M. Allais) и Фредерика Хайека (F. Hayek), экономико-математические методы.

Результаты исследования. Выявлены противоречия, характерные для российского рынка программных продуктов, сформирована оригинальная по составу совокупность операций для укрепления конкурентных рыночных позиций фирм-разработчиков программных продуктов, предложены методы и инструментальные средства, которые впервые обеспечивают возможность выполнять количественную оценку характеристик потребительского качества программных продуктов, способствуя росту функционального спроса, и позволяют повысить конкурентоспособность многофункциональных товаров-программных продуктов на внутреннем и внешнем рынках.

Перспектива исследования состоит в том, что предложенное в процессе исследований методическое и инструментальное обеспечение процессов повышения конкурентоспособности программных продуктов обладает новизной и прикладной полезностью и может использоваться при разработке субъектами рынка многофункциональных товаров в различных предметных областях, способствуя ускоренному развитию экономики страны.

Ключевые слова: программные продукты; многофункциональные товары; сегментация рынка; потребительское качество; активные эксперименты; совокупная стоимость владения.

**HOW TO INCREASE THE COMPETITIVENESS
OF MULTIFUNCTIONAL PRODUCTS
IN THE DOMESTIC AND FOREIGN MARKETS
(USING THE EXAMPLE OF SOFTWARE PRODUCTS)**

© 2021 G. N. Khubaev

Rostov State University of Economics (RSUE), Rostov-on-Don, Russia

The purpose of the study is to develop methodological and instrumental support for strengthening the competitive market positions of software development firms and

increasing the competitiveness of multifunctional products in the domestic and foreign markets.

The methodological basis of the research is economic theory, ideas and recommendations for improving the market economy, contained in the works of Maurice Allais (M. Allais) and Frederick Hayek (F. Hayek), economic and mathematical methods.

The results of the study. The contradictions characteristic of the Russian software market are revealed, an original set of operations is formed to strengthen the competitive market positions of software development firms, methods and tools are proposed that for the first time provide an opportunity to perform a quantitative assessment of the characteristics of the consumer quality of software products, contributing to the growth of functional demand, and allow to increase the competitiveness of multifunctional products-software products in the domestic and foreign markets.

The perspective of the research is that the methodological and instrumental support for the processes of increasing the competitiveness of software products proposed in the research process has novelty and applied utility and can be used in the development of multifunctional goods by market participants in various subject areas, contributing to the accelerated development of the country's economy.

Key words: software products; multifunctional products; market segmentation; consumer quality; active experiments; total cost of ownership.

Введение. Напомним, что «конкурентоспособность товара — способность выдерживать конкуренцию... Параметр конкурентоспособности товара — качество. Это совокупность свойств товара, которые являются условиями его пригодности в удовлетворении определенных потребностей согласно его назначению» [1]. Однако, как отмечено в [2], «российские специалисты в области информационных технологий высоко ценятся во всем мире. Но лишь единицы из тысяч ИТ-продуктов, разработанных в нашей стране, успешно продаются на глобальном рынке». Неудивительно, что и ничтожно мало поступлений в доходную часть бюджета страны от экспорта ИТ-продуктов. Одновременно в России «продолжает снижаться доля разработки программного обеспечения — в 2019 г. она составила 10% против 14% в 2018 г.» [3], и это при том, что и школьники, и студенты постоянно и очень успешно выступают на международных конкурсах по информатике. Правда, в [4] утверждается, что именно ошибки в выборе приоритетных направлений развития экономики страны привели к ослаблению конкурентных рыночных позиций российского ИТ-бизнеса, и даже сегодняшние реальные усилия государства по финансовому подкреплению

индустрии ИТ не оказали заметного влияния на успехи российского ИТ-бизнеса на внешних и внутреннем рынках.

Но почему так происходит, почему не растет столь необходимый для ускоренного социально-экономического развития страны объем продаж российских ИТ-товаров? Ведь, как показали наши исследования [5], показатель «ВВП на одного работающего (в долларах)» статистически значимо зависит именно от приращения объема экспорта услуг ИКТ (за три года, в % от экспорта услуг — лаг составляет три года; статистические характеристики: $b1/\sigma_{b1} = 23,2$; $R^2_{ск} = 0,87$; $F_{кр} = 539,9$. Значимость $F_{кр} = 1,25E-08$; Германия). А показатель «ВВП на душу населения, ППС» зависит от приращения величины сборов за использование интеллектуальной собственности (за один год, в текущих ценах — лаг составляет один год; статистические характеристики: $b1/\sigma_{b1} = 20,9$; $R^2_{ск} = 0,87$; $F_{кр} = 436,5$. Значимость $F_{кр} = 2,89E-08$; Швеция). И, как известно, компьютерная программа, в отличие от большинства других товаров, является практически полностью интеллектуальным продуктом.

Причина такого положения на рынке программных продуктов (ПП), по нашему мнению, достаточно очевидна, ведь спрос на ПП

и другие многофункциональные товары является *функциональным*, т.е. «*обусловлен присущими этому благу потребительскими качествами*», поэтому покупатель должен иметь возможность *сравнивать* характеристики потребительского качества представленных на рынке товаров — ПП.

Однако сегодня ситуация на рынке ПП не позволяет потенциальному покупателю сделать обоснованный выбор нужного *именно ему* ПП, т.е. покупатель, придя на *внутренний* или *внешний* рынок за покупкой ПП, *не сможет сравнить* представленные на рынке ПП по: *функциональной полноте; *затратам времени и других ресурсов на выполнение нужных ему функций, *затратам времени и труда на изучение-освоение Руководства пользователя (коэффициент вариации таких затрат может быть очень большим); *сравнительному качеству интерфейса ПП; *совокупной стоимости владения ПП и по конкретным *численным* значениям других *характеристик потребительского качества* ПП [6].

Но о какой же рыночной экономике при такой ситуации на рынке ПП может идти речь? Ведь «прозрачность» рынка, сведения о ценах и о потребительском качестве товаров и услуг, *информационное обеспечение* покупателей и продавцов является «*координирующим механизмом рыночной экономики*», стимулирующим ее саморегуляцию.

В статье, базируясь на ранее выполненных исследованиях, выполнен анализ ситуации на внутреннем рынке ПП, сформирован *состав операций процесса* укрепления конкурентных рыночных позиций фирмы-разработчика ПП, предложены оригинальные авторские *методы и инструментальные средства* повышения конкурентоспособности не только поставляемых на внутренний и/или внешний рынки, «коробочных» ПП, но и пригодные для повышения конкурентоспособности многофункциональных товаров различного назначения.

1. О ситуации на внутреннем рынке программных продуктов. Современная цивилизация уже вступила в период формирования информационного общества. Однако в ходе развития и применения информационных технологий неизбежно возникают и на-

капливаются серьезные проблемы. Рассмотрим, например, ситуацию, сложившуюся на рынке специализированных ПП, в первую очередь ПП для *экономических* приложений.

Чем же характеризуется эта ситуация? Как свидетельствует анализ публикаций, во многих случаях покупателю-пользователю предлагаются десятки и сотни программных продуктов одного назначения, отличающихся по качеству и цене. Примечательно, что и цена, и число продаж зачастую мало зависят от реального качества представленного на рынок программного продукта. И при этом лишь ничтожно малое количество ПП можно считать относительно завершенными, рыночными продуктами. С аналогичной ситуацией на рынке ПП покупателям пришлось столкнуться уже достаточно давно: «*Программные продукты с идентичным функциональным наполнением значительно отличаются ценой, причем иногда данное отличие составляет порядок*» [7].

Но почему же на рынке ПП имеет место такое негативное развитие событий? Почему продолжается пополнение рынка программными продуктами, не имеющими практически никакой потребительской ценности? Почему покупатели-пользователи продолжают расходовать время и деньги на приобретение, освоение и внедрение заведомо неэффективных ПП?

Попытаемся объяснить причины возникновения аномальной ситуации на рынке ПП. Представляется достаточно очевидным, что если бы *разработчик* ПП заранее, до начала проектирования, имел возможность получить *достоверные* данные о потребительских свойствах существующих программных продуктов или же сам мог *оперативно* количественно оценить качество существующих ПП, то вряд ли на рынке появились бы сотни и тысячи несопоставимых по качеству компьютерных программ одного назначения.

Аналогичная ситуация и с *покупателем* ПП. Если бы покупатель либо *независимая* фирма-посредник могли количественно оценивать *потребительское качество* ПП, проводить экспресс-оценку достоверности информации, содержащейся в рекламных проспектах на ПП, то, несомненно, было бы значительно меньше ошибок при покупке программ для конкретных приложений. Ведь

сравнение ПП, включая новые разработки, проводится, как правило, на качественном уровне, без использования количественных экономических критериев и без соотнесения эксплуатационных характеристик ПП с особенностями конкретной предметной области, с набором потребностей конкретного пользователя. Как отмечено в [7]: *«Наполнение рынка... новыми ПП... становится серьезным препятствием для пользователей, поскольку в широком спектре программных продуктов без соответствующей информационной поддержки достаточно трудно ориентироваться..., а увеличение количества предлагаемых разработок разных классов и функциональной направленности возводит перед пользователями информационный барьер, преодолеть который самостоятельно не представляется возможным».*

Получается, что сегодня ни разработчики ПП, ни пользователи, ни фирмы-посредники не могут корректно, обоснованно сравнить качество существующих ПП по экономическим критериям, оценить, насколько один ПП эффективнее другого.

Покажем, что такая ситуация на рынке ПП является аномальной, она не выгодна ни продавцу, ни покупателю, *разорительна для общества* в целом. Начнем с **продавца**.

Во-первых, в отличие от продукции материального производства *тиражирование* компьютерных программ требует ничтожных затрат времени и средств по сравнению с затратами на разработку, поэтому спрос на тот или иной ПП даже при наличии на рынке *всего лишь одного нужного покупателя* программного продукта может быть быстро удовлетворен. Совершенно очевидно, что в таких условиях каждый *вновь разрабатываемый* ПП для обеспечения ему устойчивой рыночной позиции должен либо лучше, чем существующие, удовлетворять потребности потенциальных пользователей, либо быть эффективнее существующих (*дешевле, проще в эксплуатации, легче в освоении* и т.д.). Естественно, что производить и предлагать рынку ПП с заведомо худшими характеристиками потребительского качества никакой разумный продавец-разработчик, казалось бы, не должен: слишком велики затраты, слишком велик риск, что эти затраты окажутся напрасными.

Во-вторых, общество в целом также несет *прямые и косвенные* убытки, ведь созданный, но не нужный покупателю ПП не имеет остаточной потребительской стоимости. При этом общество *не получает* отдачи от *интеллектуальных и финансовых* ресурсов, отвлеченных из других сфер приложения и использованных на разработку ПП.

Теперь обратимся к другому участнику процесса товарного обмена — к **фирме-покупателю** ПП. Для фирмы-покупателя неудачный выбор ПП обернется убытками, которые обусловлены:

1) *затратами денежных средств и времени на приобретение оказавшегося неэффективным, ненужным программного продукта, на его освоение и внедрение, включая создание БД, справочников и т.д.;*

2) *потерями ожидаемого эффекта от купленного ПС (не получена отдача на вложенный капитал);*

3) *дополнительными текущими расходами на эксплуатацию ПП (если она была начата);*

4) *потерями темпа в конкурентной борьбе при отказе от уже купленного ПП и повторными расходами времени и средств на приобретение, освоение и внедрение нового ПП того же назначения. Правда, здесь опять нет никакой гарантии, что вновь приобретенный ПП окажется лучше прежнего (о моральных потерях, которые несет покупатель, мы здесь уже не говорим).*

Легко представить, насколько велики прямые убытки от ошибочных решений на стадии *разработки, покупки и внедрения* программных продуктов, учитывая, что *трудоемкость разработки ПП средней сложности может достигать десятков и сотен человеко-лет, а рыночная цена колебаться от десятков до десятков тысяч долларов; *затраты времени на освоение и внедрение многих специализированных ПП составляют 1–3 года; *затраты на сопровождение специализированных ПП в ряде случаев соизмеримы с затратами на разработку.

И при этом теоретический объем рынка для некоторых ПП измеряется сотнями тысяч единиц. Тогда экономия только на эксплуатационных расходах и только на ПП одного назначения может обернуться в масштабах страны дополнительными десятками милли-

онов долларов в год (!). А реализовав для ПП *одного назначения* нечто подобное [8], можно существенно сократить огромные потери *интеллектуальных и финансовых* ресурсов.

[Замечание. Если для стимулирования ускоренного развития отрасли ИТ государство будет снижать налоги предприятиям (юрлицам), ориентированным на разработку рыночных ПП, то такое решение еще больше затруднит потенциальному покупателю-пользователю поиск ПП, отвечающего его требованиям. Ведь предприятия, чтобы снизить величину налогообложения, будут массово разрабатывать ПП одного назначения с заведомо худшими характеристиками потребительского качества. Благоприятный для страны выход из подобного затруднительного положения может быть, по-видимому, один: создание нескольких *конкурирующих* фирм, функционирующих под контролем государства, *выполняющих* сравнительную количественную оценку потребительского качества предлагаемых рынку ПП и *предоставляющих* результаты оценки в открытом доступе (см., например, [9]).]

2. Повышение конкурентоспособности программных продуктов на внутреннем и внешнем рынках: методическое и инструментальное обеспечение. Как отмечено нами ранее, фирмы-продавцы ПП, чтобы заинтересовать потенциальных покупателей и с большей вероятностью продать свой товар, должны обеспечивать покупателей *достовойной* информацией о потребительском качестве и конкретных преимуществах разработанного ими ПП. Очевидно, что поэтому **продавец должен правильно:**

1) Выбрать «прибыльный» сегмент рынка и оценить величину спроса на многофункциональный товар-ПП, который будет представлен в выбранном сегменте рынка. Для оптимального выбора рыночной ниши необходимо определить, в чем нуждается потребитель, как осуществить *сегментирование* рынка и какой сегмент рынка будет обслуживать фирма «*при проникновении на рынки, характеризующиеся высокой степенью конкуренции*». Однако сделать это непросто, ведь с развитием научно-технического прогресса усложняются и предлагаемые рынку товары и услуги — автомобили, само-

леты, смартфоны, компьютеры, программные продукты. Так, число реализуемых функций у многих рыночных продуктов исчисляется сотнями и тысячами. Растет и число модификаций товаров одного назначения.

Спрашивается, как вступающей на рынок фирме *выбрать* свою нишу, свой сегмент на целевом рынке, осуществить *многосегментную дифференциацию* рынка? И как потенциальному покупателю *найти* среди множества *сопоставимых конкурирующих* продуктов *нужный именно ему* товар с *нужными именно ему* функциями, товар нужного качества, простого в освоении, с минимальными затратами ресурсов на обслуживание и сопровождение, доступного по цене и т.д.? Причем желательно выбрать *оперативно, с минимальными затратами времени и других ресурсов*.

Кроме того, фирме, проектирующей коробочный ПП, также важно знать, *какие* из интересующих *потенциального покупателя функций* еще не может реализовать ни один из рыночных ПП (ведь тогда цена разрабатываемого этой фирмой продукта могла бы стать квази-монопольной).

Однако сегодня, насколько нам известно, ни одна из существующих методик не может дать ответ на перечисленные вопросы.

В [10] предложена авторская методика, позволяющая корректно сравнивать представленные на рынке программные продукты по функциональной полноте, осуществлять *многосегментную дифференциацию* рынка, выявлять, *какие конкретные функции* ПП интересуют *разные группы* покупателей.

Методика базируется на использовании программно-реализованных оригинальных алгоритмов для **оценки функциональной полноты товаров* и **пошагового уточнения ранжирования функций* потенциальными покупателями товара. Апробация и программная реализация используемых алгоритмов подтвердили их прикладную полезность и возможность использования в любой отрасли производства, в любой предметной области.

Отличие метода «Оценка функциональной полноты объекта (ФП-метод)» [11, 12]. Метод ориентирован на оценку информационного веса групп признаков, а для оценки сходства и различия между объектами по составу признаков используются операции

с множествами: пересечение, разность, объединение, отношение и мера подобия Жаккарда, причем для *наглядного* представления взаимосвязей между объектами по выбранным признакам используются графы, построенные по логическим матрицам включения (поглощения).

Преимущества ФП-метода. Метод позволяет с *минимальными затратами времени, финансовых и интеллектуальных ресурсов*: *систематизировать сведения *о составе признаков* у рассматриваемых объектов (существующих и/или проектируемых); *количественно оценивать *степень соответствия* состава признаков конкретного объекта *требованиям пользователя*; *реализовать упорядочение объектов *по критерию полноты состава* признаков; *на стадии предварительного анализа *исключить* из дальнейшего рассмотрения объекты, у которых отсутствуют нужные пользователю признаки; *расширить для *потребителя-пользователя* возможности *оптимального выбора* на рынке нужных ему *объектов-товаров*, предоставив *перечень признаков (потребительских свойств)* каждого товара, а разработчикам — дать возможность определять направления совершенствования созданного ими объекта; *сформировать группу объектов, имеющих *одинаковый состав* признаков, *сопоставить их цены* и другие *характеристики потребительского качества*.

При использовании метода (его программной реализации) появляется возможность с *минимальными затратами ресурсов* получать сравнительную количественную оценку функциональной полноты ПП *любой сложности*, содержащих, например, *свыше 300* (Е. Пятина), *500* (Е. Пахомов), *900* (С. Широбокова) функций. Рассмотренные процедуры сравнения применимы в любой отрасли производства, в любой предметной области.

На следующем этапе сегментирования рынка необходимо выявить и упорядочить функции товара, которые нужны конкретному подмножеству потенциальных покупателей. Для этого целесообразно использовать метод пошагового уточнения ранжирования объектов (ПУРО), описанный в [13]. Метод основан на *интеграции* дельфийской процедуры прогнозирования будущего (разработан

О. Хелмером, Н. Долки, Т. Дж. Гордоном) с предложенной Дж. Кемени (J. G. Kemeny) оценкой медианы и расстояния между упорядочениями объектов. **Отличие** метода ПУРО: *дельфийская процедура используется *при ранжировании экспертами характеристик-функций объектов* (а не для прогнозирования будущего); *для количественного анализа степени сходимости мнений экспертов после каждого тура опросов, выявления *согласованных групп* экспертов и *оценки целесообразности завершения экспертизы* используется расстояние Кемени (мера близости на отношениях линейного порядка), а в качестве результирующего ранжирования — медиана Кемени; *для группировки участников экспертного опроса, у которых могут оказаться схожими взгляды относительно *вариантов ранжирования рассматриваемых характеристик*, устанавливаются пороговые значения расстояния Кемени между ответами экспертов, исходя из *вероятности совпадения их мнений*, например, близкой к 0.8; 0.9; 0.95; 0.99; *для поиска в каждой из образовавшихся групп экспертов *согласованного с членами группы ранжирования (упорядочения) характеристик* рассчитывается *медиана Кемени*.

Преимущества метода ПУРО: *корректность метода (теорема о корректности доказана в 1978 году — «медиана Кемени — единственное результирующее строгое ранжирование, являющееся нейтральным, согласованным и кондорсетовым»); *повышение точности результатов экспертизы за счет *наличия обратной связи* при реализации каждого последующего тура; *при использовании пошагового уточнения ранжирования *характеристик сохраняются известные преимущества* и дельфийской процедуры (анонимность и возможность ознакомления с объяснениями, представленными в защиту сильно отличающихся ответов), и алгоритма *поиска согласованного упорядочения* объектов — корректный расчет медианы и расстояния Кемени; *совместное использование и *дельфийской процедуры*, и *предложенного Кемени корректного подхода* к упорядочению функций *позволило: получить* содержательно приемлемый *количественный критерий* для обоснованного завершения экспертизы — устанавливается определенная

величина относительного (например, 5%) изменения суммарного расстояния Кемени; **формировать** группы экспертов, ориентируясь на выбранные (в зависимости от степени согласованности мнений) пороговые значения расстояния Кемени и исследовать *причины взаимосвязи* оценок экспертов; **находить согласованное** с членами каждой группы экспертов *упорядочение* характеристик, рассчитав точно или приближенно медиану Кемени; *метод пошагового уточнения ранжирования характеристик объектов, будучи простым и корректным, не имеет ограничений на количество участников экспертного опроса.

2) **Определить спрос на проектируемый ПП и цену, которую согласятся заплатить покупатели ПП.** Прогнозирование спроса и цены ПП можно осуществить, воспользовавшись методом [14–16], который ориентирован на пошаговое уточнение *значений* показателя с оценкой характеристик распределения (ПУЗ-ОХР).

Отличие метода ПУЗ-ОХР: *интеграция *дельфийской процедуры*, обычно используемой для прогнозирования будущего, с экспертизой, направленной на *получение значения* искомого показателя; *специалистам, участвующим в экспертизе, предоставляется возможность рассматривать **возражения и предложения** других членов экспертной группы в атмосфере, свободной от влияния личных качеств участников, что способствует активизации интеллектуальной деятельности экспертов; *предусмотрено количественное определение момента (номера шага) завершения экспертного опроса (по величине изменения коэффициента вариации); *реализация *обратной связи* в процессе экспертизы путем информирования специалистов-экспертов о результатах предыдущего шага; *использование программы *последовательных шагов*, на каждом из которых реализуется полный цикл экспертизы; *аппроксимация оценок каждого эксперта, представленных **тремя значениями искомого показателя** (минимальное, максимальное и наиболее вероятное значение) **треугольным** распределением, а представленных двумя значениями (минимальное и максимальное) — равномерным распределением; *использование **имитационного моделирования** для определения обобщенного коллективного мнения *n*

экспертов как среднего *n* случайных величин, имеющих *треугольное или равномерное* распределения (мнений *n* участников экспертной группы); *получение оценок **статистических характеристик** (математического ожидания, дисперсии, коэффициента вариации, медианы, эксцесса, асимметрии) и **распределения значений** искомого показателя (в виде таблицы и гистограммы); *возможность *определения вероятности* того, что значения показателя не превысят конкретную величину или попадут **в заданный диапазон значений**.

Преимущества метода ПУЗ-ОХР: *повышение **точности результатов** экспертизы за счет **наличия** обратной связи при реализации каждого последующего тура, **обеспечения** эксперту *возможности* указывать три или два значения искомого показателя, **определения** по результатам имитационного моделирования **вероятности** попадания величины показателя в **заданный диапазон значений**; *уменьшение **психологической нагрузки** на эксперта и негативного влияния на результаты экспертизы присутствия начальников и/или амбициозных личностей, поскольку *сохраняется анонимность*, и *эксперты не общаются друг с другом и не знают, кто дал конкретное обоснование в защиту сильно отличающихся значений показателя*; *представление **суммарного распределения** как математического ожидания суммы *равномерных или треугольных распределений* оценок отдельных экспертов в виде гистограмм и таблиц, статистических характеристик распределений *позволяет получить* результирующее распределение значений показателя *даже при большой дисперсии оценок и условиях*, что эксперты указывают два или три значения; *расчет **статистических характеристик распределений** (математическое ожидание, дисперсия, коэффициент вариации, медиана, асимметрия, эксцесс) и таблиц распределений обеспечивает возможность *оценки вероятности* попадания значений искомого показателя в заданный диапазон; *выявление **самопроизвольных группировок экспертов**, оценки которых относительно искомого значения показателя близки, дает возможность *исследовать причины образования таких групп*. Формирование групп эк-

спертов осуществляется, исходя из заданной пороговой величины вероятности конкретного диапазона значений прогнозируемого показателя.

Метод корректен, многократно апробирован, подтвердил свою прикладную полезность в процессе использования в различных предметных областях.

3) Выполнить оценку функциональной полноты (ФП) существующих, представленных на рынке товаров-ПП аналогичного назначения — потенциальных конкурентов создаваемого ПП. Для выполнения *сравнительной* количественной оценки состава сотен и тысяч характеристик, которыми обладают сотни и тысячи объектов-ПП, потребуются существенные затраты ресурсов. Причем, желательно получить результат *оперативно, с минимальными затратами времени и других ресурсов*.

В [11, 12] предложен метод сравнительной оценки состава функций любых ПП одного назначения. Рассмотренные процедуры сравнения применимы в любой отрасли производства, в любой предметной области.

4) Выявить востребованные потенциальными покупателями-пользователями, но отсутствующие у существующих, представленных на рынке ПП функции (чтобы реализовать эти функции у проектируемого ПП и обеспечить возможность устанавливать квазимонопольную цену при его продаже).

Предположим, что оперативно определен состав функций у всех рыночных ПП-конкурентов. Но как определить, какими новыми функциями целесообразно *дополнить* состав функций проектируемого «коробочного» ПП? Какую пользу такое *расширение состава функций ПП* принесет фирме-разработчику программного продукта?

При формировании *состава функций проектируемого ПП* целесообразно использовать метод *пошагового уточнения ранжирования объектов* (ПУРО), описанный в [13].

5) Выполнить сравнительный анализ и обоснованный выбор варианта интерфейса ПП из нескольких сопоставимых (варианта внешнего вида товара). Для абсолютного большинства покупателей исключительно актуальной является задача сравнительной оценки и выбора варианта дизайна объекта — *варианта интерфейса програм-*

многo продукта, варианта внешнего вида кузова автомобиля и т.п. В [17] предложены корректные *процедуры*, ориентированные на пошаговое использование *расстояния и медианы* Кемени и *непараметрических методов статистики* при *сравнении* вариантов интерфейса программного продукта, внешнего вида любого художественно оформленного объекта (см. также [18]).

6) Оценить затраты ресурсов на сопровождение проектируемого ПП. Для этого на первом этапе *выделяют из состава представленных на рынке ПП *группу* аналогичного с разрабатываемым ПП назначения; *определяют на основе ретроспективных данных затраты ресурсов (трудовых, финансовых) на сопровождение ПП этой группы и сообщают эти сведения участникам экспертного опроса; *выполняют прогнозирование затрат на сопровождение разрабатываемого ПП с использованием пошагового уточнения значений показателя с оценкой характеристик распределения — ПУЗ-ОХР (см. [14–16]).

7) Выполнить сравнительную оценку потребительского качества руководства пользователя (инструкции, справочной системы) по критерию минимума затрат времени покупателя-пользователя на изучение функциональных возможностей ПП. Как известно, затраты времени на освоение нового учебного материала — *учебной дисциплины, руководства пользователя, методических рекомендаций* и др. *зависят от уровня начальной (исходной) подготовки обучаемого, от его способностей, от степени мотивации, от условий обучения, сложности изучаемого материала* и других факторов. Задача определения затрат времени на получение знаний, на *реальное освоение* нового учебного материала *исключительно актуальна* для всех отраслей общественно-го производства и науки — ведь в условиях непрерывного ускорения НТП *каждый человек вынужден учиться всю сознательную жизнь*.

В процессе анализа содержания Руководства пользователя необходимо ответить на ряд вопросов: насколько легко непрофессионалу в области ИТ-технологий понять содержание инструкции для покупателя-пользователя? Как в каждом конкретном случае оценить величину затрат времени на изуче-

ние Руководства пользователя? Как определить вероятность практического освоения конкретного материала за заданное время? Каковы, наконец, *статистические характеристики затрат времени на получение знаний, характеристики распределения времени освоения любого* нового учебного материала?

В [19] предложена **универсальная методика** оценки затрат времени на получение знаний, включающая методы и инструментальные средства для расчета *статистических характеристик распределения* времени освоения *любого* учебного материала при различных условиях формирования исходной информации: *в процессе анкетирования обучаемых, по данным натурных экспериментов и по результатам экспертных опросов. Статистические характеристики затрат времени (математическое ожидание, дисперсию, коэффициент вариации, эксцесс, асимметрию) и распределение (в виде таблиц и гистограмм) оценивают путем имитационного моделирования.* На основании результатов имитационного моделирования легко определить *доверительные границы* для конкретного значения затрат времени на изучение Руководства пользователя.

8) Определить затраты времени и трудовых ресурсов на получение интересующего покупателя-пользователя результата, например, на выполнение и каждой функции, и полного состава функций при использовании как представленных на рынке ПП, так и создаваемого ПП (*в условиях применения конкретного состава системного программного обеспечения и технических средств*).

В [20, 21] предложена оригинальная методика, позволяющая корректно количественно оценивать и сопоставлять затраты на применение ПП одного назначения, сравнивать ПП по экономическим критериям. При использовании методики впервые появляется возможность корректно, более обоснованно и с большей достоверностью осуществлять следующее: *соотнести потребности конкретного пользователя с возможностями существующих и проектируемого ПП; *выделять из числа выполняемых вручную операций те, которые нужно реализовать в новой версии ПП в первую очередь, чтобы минимизировать затраты времени и трудовых ресурсов на решение задачи; *определять, вы-

полнение каких машинных операций следует ускорить, например, перепрограммировав, модифицировав структуру БД и т.п.; *рассчитывать экономическую целесообразность автоматизированного выполнения конкретной операции, решения задачи (комплекса задач), сопоставив затраты на ручной и машинный варианты; *выбирать оптимальную структуру БД (информационной системы) в процессе проектирования или модификации, базируясь, например, на результатах формализованного анализа информационных потребностей пользователей и др.

Кроме того, в технической документации абсолютного большинства рыночных ПП отсутствуют сведения, позволяющие оценить выходные характеристики программной системы и их динамику при изменении объемов входной информации, структуры БД, состава комплекса технических средств, СУБД, языка программирования и т.д. Более того, в литературе по проектированию и анализу ИС, ПП и БД практически не описаны способы корректного получения таких данных, определения их прогнозной ценности, доверительных границ для рассчитанных статистических характеристик.

В [22] применительно к проблемам проектирования и анализа ИС, ПП и БД впервые:

**выявлены и систематизированы* важнейшие особенности программных продуктов как объектов активного экспериментирования;

**описаны свойства факторов, влияющих* на выходные характеристики ПП. Показано, что большинство факторов являются *управляемыми, количественными, независимыми*; они оказывают непосредственное (*прямое*) воздействие на исследуемый объект;

**определены основные требования к свойствам моделей*, формируемым по результатам *активных экспериментов*;

**выделены критерии выбора плана эксперимента* при исследовании ПП;

**даны рекомендации по применению конкретных планов для постановки экстремальных по выбранным критериям экспериментов.*

9) Оценить степень защищенности проектируемого ПП, рассчитав предварительно ущерб от кражи интеллектуальной собственности путем копирования текста программы для ЭВМ и от реализации других угроз защищаемому объекту. Ведь ПП,

будучи созданным практически полностью в результате **интеллектуального труда разработчиков** (в отличие от большинства других товаров) требует определенных, зачастую, значительных затрат ресурсов **на защиту от кражи результата** интеллектуального труда, заключенного в ПП.

Важнейшим потребительским свойством программных продуктов для защиты информации (исполняемых программ, БД, текстовых файлов) является качество выполнения защитных функций. Это качество можно характеризовать *величиной среднего значения, дисперсии и законом распределения времени вскрытия защиты, значением вероятности вскрытия защиты за определенное время либо, наоборот, вероятности того, что за заданное время защита не будет вскрыта.*

По аналогии с другими ПП при сравнительной оценке характеристик потребительского качества программных систем защиты информации вся работа по вскрытию (взлому) защиты также может быть представлена в виде последовательности элементарных операций. Для каждой такой операции определяются статистические характеристики и закон распределения времени ее выполнения, а затем с использованием имитационного моделирования или аналитическими методами оцениваются вероятностные характеристики и законы распределения времени решения всей задачи по вскрытию защиты.

Причем основные компоненты методики оценки производительности ПП, т.е. оценки затрат времени пользователя на реализацию функций ПП, остаются неизменными (см., например, [5, 20–25]).

[Замечание. При оценке времени вскрытия защиты ПП от копирования с ориентацией на метод [25] следует учитывать результаты исследований А.М. Костина [26]. Эксперименты со студентами выпускных курсов специальностей ИТ и защиты информации показали, что величина *правосторонней асимметрии* распределения затрат времени на вскрытие защиты *одного и того же* ПП разными исполнителями может быть огромной.]

10) Рассчитать величину совокупной стоимости владения (ССВ) программным продуктом. Большинство программных систем (программных продуктов, информационных систем) относят к объектам длительного

пользования. В понятие ИТ-затрат входят затраты, связанные с *приобретением, внедрением и использованием* ПП. Эти затраты формируют совокупную стоимость владения программной системой (*Total Cost of Ownership — ТСО*), включающей *первоначальные и последующие* затраты, определяя их как *единые затраты* на программную систему в процессе ее *создания и эксплуатации.*

Для расчета ССВ (см. [27, 28]): *выделяют с использованием метода пошагового уточнения ранжирования объектов (ПУРО) упорядоченный перечень основных затрат ресурсов; *определяют, используя метод пошагового уточнения значений показателя с оценкой характеристик распределения (ПУЗ-ОХР), статистические характеристики (математическое ожидание, стандартное отклонение, коэффициент вариации, медиану, асимметрию, эксцесс) и распределение (в виде гистограмм и таблиц) совокупной стоимости владения ПП. Результаты расчета позволяют оценивать вероятность попадания ССВ в конкретный диапазон значений (примеры реальных расчетов ССВ представлены в [28]).

Описанные методы, будучи *оригинальными* и обладая очевидной *прикладной полезностью*, реализованы в виде программ для ЭВМ и использованы в т.ч. при разработке прикладных программ в различных предметных областях (см., например, [29–35] и др.).

Заключение. В статье впервые:

1. Выявлены и систематизированы противоречия, характерные для российского рынка программных продуктов, сформирована *оригинальная по составу совокупность операций* для укрепления конкурентных рыночных позиций фирм-разработчиков программных продуктов.

2. Обосновано применение оригинальных методов и инструментальных средств, которые *впервые обеспечивают возможность выполнять количественную оценку характеристик потребительского качества программных продуктов*, способствуя росту функционального спроса, и позволяют повысить конкурентоспособность многофункциональных товаров — программных продуктов на внутреннем и внешнем рынках.

3. Созданное автором методическое и инструментальное обеспечение процессов повы-

шения конкурентоспособности программных продуктов *обладает новизной и прикладной полезностью* и может использоваться при разработке субъектами рынка многофункциональных товаров в различных предметных областях, *способствуя ускоренному развитию экономики страны.*

Литература

1. Большая экономическая энциклопедия. — М.: Эксмо, 2007. — 816 с.
2. Как увеличить спрос на российские ИТ-решения на глобальном рынке? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3991175>.
3. Рынок ИТ: итоги 2019 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.cnews.ru/reviews/rynok_it_itogi_2019.
4. Хубаев Г.Н. Как уменьшить вероятность ошибок при выборе приоритетных направлений социального и экономического развития страны // Бюллетень науки и практики. — 2019. — Т. 5. — №12. — С. 265–280.
5. Хубаев Г.Н. Прогнозирование динамики индикаторов уровня развития экономики страны: модели, методы, инструментальные средства (на примере Германии, России и Швеции) // Вестник ЮРГТУ (НПИ). — 2020. — №5. — С. 224–240.
6. Хубаев Г.Н. Ранжирование объектов по множеству количественных показателей: универсальный алгоритм // РИСК: Ресурсы, информация, снабжение, конкуренция. — 2018. — №1. — С. 213–217.
7. Введение в информационный бизнес: Учеб. пособие / О.В. Голосов, С.А. Охрименко, А.В. Хорошилов и др. / Под ред. В.П. Тихомирова, А.В. Хорошилова. — М.: Финансы и статистика, 1996.
8. Хубаев Г.Н. Сокращение бюджетных ассигнований субъектов рынка путем унификации деловых процессов одного назначения // Вестник ЮРГТУ (НПИ). — 2020. — №6. — С. 224–232.
9. Хубаев Г.Н. Государство и рынок: как государство может усилить позитивное взаимовлияние субъектов рынка [Электронный ресурс] // Бюллетень науки и практики. — 2020. — Т. 6. — №6. — С. 175–198. — Режим доступа: <https://doi.org/10.33619/2414-2948/55/22>.
10. Хубаев Г.Н. Сегментирование рынка на основе различий в требованиях покупателей к функциональной полноте товара: универсальная методика (на примере программных продуктов) // Наука и бизнес: пути развития. — 2019. — №3. — С. 219–224.
11. Хубаев Г.Н. Сравнение сложных программных систем по критерию функциональной полноты // Программные продукты и системы (Software&Systems). — 1998. — №2. — С. 6–9.
12. Хубаев Г.Н. Маркетинг информационных продуктов и услуг: Учебное пособие / РГЭУ «РИНХ». — Ростов-на-Дону, 2005. — 224 с.
13. Хубаев Г.Н. Универсальный метод оптимизации состава характеристик объектов [Электронный ресурс] // Бюллетень науки и практики. — 2019. — Т. 5. — №5. — С. 265–275. — Режим доступа: <http://doi.org/10.33619/2414-2948/42/35>.
14. Хубаев Г.Н. Прогнозирование спроса на товары и услуги: пошаговое уточнение значений с оценкой характеристик распределения // Материалы Международной науч.-практ. конф. «Статистика в современном мире: методы, модели, инструменты» (г. Ростов-на-Дону, 26 сентября 2012 г.). — Ростов-на-Дону, 2012. — С. 206–211.
15. Хубаев Г.Н. Имитационное моделирование для получения групповой экспертной оценки значений различных показателей // Автоматизация и современные технологии. — 2011. — №11. — С. 19–23.
16. Хубаев Г.Н. Калькуляция себестоимости продукции и услуг: процессно-статистический учет затрат // Управленческий учет. — 2009. — №2. — С. 35–46.
17. Хубаев Г.Н. Сравнение вариантов дизайна объекта: модели и алгоритмы // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). — 2011. — №3. — С. 167–173.
18. Хубаев Г.Н. Проектирование объектов различного назначения: сравнительная оценка вариантов внешнего вида // Содружество (Научный российско-китайский журнал). — 2016. — №8 (7). — С. 76–80.
19. Khubaev G. Assessment of the time required for the acquisition of knowledge // 5th International Scientific Conference «Applied Sciences and technologies in the United States and Europe:

common challenges and scientific findings» (New York, USA; February 12, 2014). Section 6. Pedagogy. — New York, 2014. — Pp. 86–90.

20. Хубаев Г.Н. Методика экономической оценки потребительского качества программных средств // Программные продукты и системы (Software&Systems). — 1995. — №1. — С. 2–8.

21. Хубаев Г.Н. Оценка резервов снижения ресурсоемкости товаров и услуг: методы и инструментальные средства // Прикладная информатика. — 2012. — №2 (38). — С. 84–90.

22. Хубаев Г.Н. Информационные и программные системы как объекты активного экспериментирования // Программные продукты и системы (Software&Systems). — 1999. — №2. — С. 2–7.

23. Хубаев Г.Н. Безопасность распределенных информационных систем: обеспечение и оценка // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Технические науки. Спецвыпуск: Математическое моделирование и компьютерные технологии. — 2002. — С. 11–13.

24. Хубаев Г.Н. Оценка времени вскрытия защиты информационных систем: статистический подход // Проблемы экономики. — 2008. — №6. — С. 135–138.

25. Хубаев Г.Н. Ресурсоемкость продукции и услуг: процессно-статистический подход к оценке // Автоматизация и современные технологии. — 2009. — №4. — С. 22–29.

26. Костин А.М. Модели и методы оценки трудозатрат на вскрытие защиты от копирования рыночных экономических информационных систем: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.13. — Ростов-на-Дону, 2009. — 23 с.

27. Хубаев Г.Н. Расчет совокупной стоимости владения программным продуктом: методическое и инструментальное обеспечение // Вопросы экономических наук. — 2010. — №5 (44). — С. 82–87.

28. Хубаев Г., Родина О. Модели, методы и программный инструментарий оценки совокупной стоимости владения объектами длительного пользования (на примере программных систем). Монография. — Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. — 370 с.

29. Хубаев Г.Н., Щербаков С.М., Аручиди Н.А. Программная система анализа сложных систем по критерию функциональной полноты // Свидетельство об официальной

регистрации программы для ЭВМ. — №2009615296. — М.: Роспатент, 2009.

30. Хубаев Г.Н., Щербаков С.М., Аручиди Н.А., Лубянский В.К. Сравнительная оценка состава операций деловых процессов (СОСОП) // Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ. — №2017614714. — М.: Роспатент, 2017.

31. Хубаев Г.Н., Щербаков С.М. Система автоматизированного синтеза имитационных моделей на основе языка UML 2.0 (СИМ-UML 2.0) // Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ. — №2016661676. — М.: Роспатент, 2016.

32. Хубаев Г.Н., Щербакова К.Н., Сидоренко Д.С. Веб-приложение для сравнительной оценки, анализа динамики и прогнозирования уровня жизни населения субъектов РФ [Электронный ресурс] // Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ. — №2019619362. — М.: Роспатент, 2019. — Режим доступа: <http://urovenzhizni.ru>.

33. Система автоматизированного синтеза имитационных моделей на основе языка UML «СИМ-UML» / Авторы-правообладатели: Хубаев Г.Н., Щербаков С.М., Рванцов Ю.А. // СеBIT 2015 (Ганновер, 2015). Каталог разработок российских компаний. — Ministry of Education and Science of the Russian Federation; МСП ИТТ, 2015.

34. Автоматизированный конвертер моделей IDEF0 в диаграммы деятельности языка UML «ToADConverter» («ToADConverter») / Авторы-правообладатели: Хубаев Г.Н., Широкова С.Н., Ткаченко Ю.В., Титаренко Е.В. // СеBIT 2015 (Ганновер, 2015). Каталог разработок российских компаний. — Ministry of Education and Science of the Russian Federation; МСП ИТТ, 2015.

35. Информационная система налогового учета БИИИТ-1.0 / Авторы-правообладатели: Хубаев Г.Н., Родина О.В. // СеBIT 2015 (Ганновер, 2015). Каталог разработок российских компаний. — Ministry of Education and Science of the Russian Federation; МСП ИТТ, 2015.

References

1. Bol'shaja jekonomicheskaja jenciklopedija [The Great Economic Encyclopedia]. — Moscow: Jeksmo, 2007. — 816 p.

2. Kak uvelichit' spros na rossijskie IT-resheniya na global'nom rynke? [How to increase the demand for Russian IT solutions in the global market?] [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3991175>.

3. Rynok IT: itogi 2019 [IT market: results of 2019] [Elektronnyj resurs]. — URL: https://www.cnews.ru/reviews/rynok_it_itogi_2019.

4. Hubaev G.N. Kak umen'shit' veroyatnost' oshibok pri vybore prioritnykh napravlenij social'nogo i jekonomicheskogo razvitiya strany [How to reduce the probability of errors when choosing priority directions of social and economic development of the country] // Bjulleten' nauki i praktiki [Bulletin of Science and Practice]. — 2019. — Vol. 5. — №12. — Pp.265–280.

5. Hubaev G.N. Prognozirovanie dinamiki indikatorov urovnja razvitiya jekonomiki strany: modeli, metody, instrumental'nye sredstva (na primere Germanii, Rossii i Shvecii) [Prediction of the dynamics of indicators of the development level of a country's economy: models, methods, tools (for example, Germany, Russia and Sweden)] // Vestnik JuRGU (NPI) [Bulletin of SRSTU (NPI)]. — 2020. — №5. — Pp.224–240.

6. Hubaev G.N. Ranzhirovanie ob'ektov po mnozhestvu kolichestvennykh pokazatelej: universal'nyj algoritm [Ranking of objects by multiple quantitative indicators: a universal algorithm] // RISK: Resursy, informacija, snabzhenie, konkurencija [RISK: Resources, information, supply, competition]. — 2018. — №1. — Pp. 213–217.

7. Vvedenie v informacionnyj biznes: Ucheb. posobie [Introduction to the information business: Textbook] / O.V. Golosov, S.A. Ohrimenko, A.V. Horoshilov et al. / In V.P. Tihomirov, A.V. Horoshilov (eds.). — Moscow: Finansy i statistika, 1996.

8. Hubaev G.N. Sokrashhenie bjudzhetnykh assignovanij sub'ektov rynka putem unifikacii delovykh processov odnogo naznachenija [Reduction of budget allocations of market entities by unifying business processes for one purpose] // Vestnik JuRGU (NPI) [Bulletin of SRSTU (NPI)]. — 2020. — №6. — Pp. 224–232.

9. Hubaev G.N. Gosudarstvo i rynek: kak gosudarstvo mozhet usilit' pozitivnoe vzaimovlijanie sub'ektov rynka [The state and the market: how the state can strengthen the positive mutual influence of market subjects] [Elektron-

nyj resurs] // Bjulleten' nauki i praktiki [Bulletin of Science and Practice]. — 2020. — Vol. 6. — №6. — Pp. 175–198. — URL: <https://doi.org/10.33619/2414-2948/55/22>.

10. Hubaev G.N. Segmentirovanie rynka na osnove razlichij v trebovanijah pokupatelej k funkcional'noj polnote tovara: universal'naja metodika (na primere programmnykh produktov) [Segmentation of the market on the basis of differences in the requirements of buyers to the functional completeness of the product: a universal methodology (on the example of software products)] // Nauka i biznes: puti razvitiya [Science and business: ways of development]. — 2019. — №3. — Pp. 219–224.

11. Hubaev G.N. Sravnenie slozhnykh programmnykh sistem po kriteriju funkcional'noj polnoty [Comparison of complex software systems by the criterion of functional completeness] // Programmnye produkty i sistemy [Software products and systems] (Software&Systems). — 1998. — №2. — Pp. 6–9.

12. Hubaev G.N. Marketing informacionnykh produktov i uslug: Uchebnoe posobie [Marketing of information products and services: A textbook] / RGJeU «RINH». — Rostov-on-Don, 2005. — 224 p.

13. Hubaev G.N. Universal'nyj metod optimizacii sostava harakteristik ob'ektov [Universal method of optimizing the composition of the characteristics of objects] [Elektronnyj resurs] // Bjulleten' nauki i praktiki [Bulletin of Science and Practice]. — 2019. — Vol. 5. — №5. — Pp. 265–275. — URL: <http://doi.org/10.33619/2414-2948/42/35>.

14. Hubaev G.N. Prognozirovanie sprosa na tovary i uslugi: poshagovoe utocnenie znachenij s ocenok harakteristik raspredelenija [Forecasting of demand for goods and services: step-by-step refinement of values with estimation of distribution characteristics] // Materialy Mezhdunarodnoj nauch.-prakt. konf. «Statistika v sovremennom mire: metody, modeli, instrumenty» (g. Rostov-na-Donu, 26 sentjabrja 2012 g.) [Proceedings of the International Scientific and Practical Conference «Statistics in the Modern World: Methods, Models, Tools» (Rostov-on-Don, September 26, 2012)]. — Rostov-on-Don, 2012. — Pp. 206–211.

15. Hubaev G.N. Imitacionnoe modelirovanie dlja poluchenija gruppovoj jekspertnoj ocenki znachenij razlichnykh pokazatelej [Simu-

lation to obtain the group of expert assessment of the values of different indicators] // *Avtomatizacija i sovremennye tehnologii* [Automation and modern technology]. — 2011. — №11. — Pp. 19–23.

16. *Hubaev G.N.* Kal'kuljacija sebestoi-mosti produkcii i uslug: processno-statisticheskij uchet zatrat [Calculation of the cost of products and services: process and statistical accounting of costs] // *Upravlencheskij uchet* [Managerial accounting]. — 2009. — №2. — Pp. 35–46.

17. *Hubaev G.N.* Sravnenie variantov diza-jna ob'ekta: modeli i algoritmy [Comparison of object design options: models and algorithms] // *Vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo jekonomicheskogo universiteta (RINH)* [Bulletin of the Rostov State University of Economics (RSUE)]. — 2011. — №3. — Pp. 167–173.

18. *Hubaev G.N.* Proektirovanie ob'ektov razlichnogo naznachenija: sravnitel'naja ocenka variantov vneshnego vida [Projecting objects of various purposes: comparative assessment of variants of appearance] // *Sodruzhestvo (Nauchnyj rossijsko-kitajskij zhurnal)* [Sodruzhestvo (Scientific Russian-Chinese Journal)]. — 2016. — №8 (7). — Pp. 76–80.

19. *Khubaev G.* Assessment of the time required for the acquisition of knowledge // 5th International Scientific Conference «Applied Sciences and technologies in the United States and Europe: common challenges and scientific findings» (New York, USA; February 12, 2014). Section 6. Pedagogy. — New York, 2014. — Pp. 86–90.

20. *Hubaev G.N.* Metodika jekonomicheskoy ocenki potrebitel'skogo kachestva programmnyh sredstv [Methodology of economic assessment of consumer quality of software tools] // *Programmnye produkty i sistemy* [Software products and systems] (Software&Systems). — 1995. — №1. — Pp. 2–8.

21. *Hubaev G.N.* Ocenka rezervov snizhenija resursoemkosti tovarov i uslug: metody i instrumental'nye sredstva [Assessment of reserves for reducing the resource intensity of goods and services: methods and tools] // *Prikladnaja informatika* [Applied Computer Science]. — 2012. — №2 (38). — Pp. 84–90.

22. *Hubaev G.N.* Informacionnye i programmnye sistemy kak ob'ekty aktivnogo jeksperimentirovanija [Information and software systems as objects of active experimentation] //

Programmnye produkty i sistemy [Software products and systems] (Software&Systems). — 1999. — №2. — Pp. 2–7.

23. *Hubaev G.N.* Bezopasnost' rasprede-lennyh informacionnyh sistem: obespechenie i ocenka [Security of distributed information systems: support and evaluation] // *Izvestija vuzov. Severo-Kavkazskij region. Tehnicheskie nauki. Specvypusk: Matematicheskoe modelirovanie i komp'juternye tehnologii* [News of universities. The North Caucasus region. Technical sciences. Special Issue: Mathematical Modeling and Computer Technologies]. — 2002. — Pp. 11–13.

24. *Hubaev G.N.* Ocenka vremeni vskrytija zashhity informacionnyh sistem: statisticheskij podhod [Evaluation of the time of opening the protection of information systems: statistical approach] // *Problemy jekonomiki* [Problems of Economics]. — 2008. — №6. — Pp. 135–138.

25. *Hubaev G.N.* Resursoemkost' produkcii i uslug: processno-statisticheskij podhod k ocenke [Resource intensity of products and services: a process-statistical approach to evaluation] // *Avtomatizacija i sovremennye tehnologii* [Automation and modern technologies]. — 2009. — №4. — Pp. 22–29.

26. *Kostin A.M.* Modeli i metody ocenki trudozatrat na vskrytie zashhity ot kopirovanija rynochnykh jekonomicheskikh informacionnyh sistem: avtoref. dis. ... kand. jekon. nauk [Models and methods of estimating labor costs for opening copy protection of market economic information systems: Ph. D. (Economy) Thesis]: 08.00.13. — Rostov-on-Don, 2009. — 23 p.

27. *Hubaev G.N.* Raschet sovokupnoj stoi-mosti vladenija programmnyh produktom: metodicheskoe i instrumental'noe obespechenie [Calculation of the total cost of ownership of a software product: methodological and instrumental support] // *Voprosy jekonomicheskikh nauk* [Questions of economic sciences]. — 2010. — №5 (44). — S. 82–87.

28. *Hubaev G., Rodina O.* Modeli, metody i programmnyj instrumentarij ocenki sovokupnoj stoimosti vladenija ob'ektami dlitel'nogo pol'zovanija (na primere programmnyh sistem). Monografija [Models, methods and software tools for assessing the total cost of ownership of long-term use objects (on the example of software systems). Monograph]. — Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. — 370 s.

29. Hubaev G.N., Shherbakov S.M., Aruchidi N.A. Programmnaja sistema analiza slozhnyh sistem po kriteriju funkcional'noj polnoty [Software system for the analysis of complex systems according to the criterion of functional completeness] // Svidetel'stvo ob oficial'noj registracii programmy dlja JeVM [Certificate of official registration of the computer program]. — №2009615296. — Moscow: Rospatent, 2009.

30. Hubaev G.N., Shherbakov S.M., Aruchidi N.A., Lubjanskij V.K. Sravnitel'naja ocenka sostava operacij delovyh processov (SOSOP) [Comparative evaluation of the operations of the business processes (SOAP)] // Svidetel'stvo o gosudarstvennoj registracii programmy dlja JeVM [Certificate of state registration of a computer program]. — №2017614714. — Moscow: Rospatent, 2017.

31. Hubaev G.N., Shherbakov S.M. Sistema avtomatizirovannogo sinteza imitacionnyh modelej na osnove jazyka UML 2.0 (SIM-UML 2.0) [Computer-aided synthesis of simulation models based on UML 2.0 (SIM UML 2.0)] // Svidetel'stvo o gosudarstvennoj registracii programmy dlja JeVM [Certificate of state registration of a computer program]. — №2016661676. — Moscow: Rospatent, 2016.

32. Hubaev G.N., Shherbakova K.N., Sidorenko D.S. Veb-prilozhenie dlja sravnitel'noj ocenki, analiza dinamiki i prognozirovaniya urovnja zhizni naselenija sub'ektov RF [Web-application for comparative assessment, analysis of dynamics and forecasting of the standard of living of the population of the subjects of the Russian Federation] [Elektronnyj resurs] // Svidetel'stvo o gosudarstvennoj registracii programmy dlja JeVM [Certificate of state registration of computer programs]. — №2019619362. — Moscow: Rospatent, 2019. — URL: <http://uroven-zhizni.ru>.

33. Sistema avtomatizirovannogo sinteza imitacionnyh modelej na osnove jazyka UML «SIM-UML» [System of automated synthesis of simulation models based on the language of the UML language «SIM-UML-models»] / Avtory-pravoobladateli: Hubaev G.N., Shherbakov S.M., Rvancov Ju. A. [Authors-copyright holders: Khubaev G.N., Shcherbakov S.M., Rvantsov Yu. A.] // CeBIT 2015 (Gannover, 2015). Katalog razrabotok rossijskih kompanij [Catalog of developments of Russian companies]. — Ministry of Education and Science of the Russian Federation; MSP ITT, 2015.

34. Avtomatizirovannyj konverter modelej IDEF0 v diagrammy dejatel'nosti jazyka UML «ToADConverter» [Automated converter of IDEF0 models in UML activity diagrams for «ToADConverter»] («ToADConverter») / Avtory-pravoobladateli: Hubaev G.N., Shirobokova S.N., Tkachenko Ju. V., Titarenko E.V. [Authors-copyright holders: Khubaev G.N., Shirobokova S.N., Tkachenko Yu. V., Titarenko E.V.] // CeBIT 2015 (Gannover, 2015). Katalog razrabotok rossijskih kompanij [Catalog of developments of Russian companies]. — Ministry of Education and Science of the Russian Federation [Ministry of Education and Science of the Russian Federation]; MSP ITT, 2015.

35. Informacionnaja sistema nalogovogo ucheta BIINT-1.0 [Information system of tax accounting BIINT-1.0] / Avtory-pravoobladateli: Hubaev G.N., Rodina O.V. [Authors-copyright holders: Khubaev G.N., O Rodina. V.] // CeBIT 2015 (Gannover, 2015). Katalog razrabotok rossijskih kompanij [Catalog of developments of Russian companies]. — Ministry of Education and Science of the Russian Federation [Ministry of Education and Science of the Russian Federation]; MSP ITT, 2015.

Хубаев Георгий Николаевич — доктор экономических наук, кандидат технических наук, профессор, профессор кафедры Информационных систем и прикладной информатики Ростовского государственного экономического университета (РИНХ).

Khubaev Georgy Nikolaevich — Doctor of Economic Sciences, Candidate of Engineering Sciences, Professor, Professor of the Department of Information Systems and Applied Informatics, Rostov State University of Economics (RSUE).

344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69
69 B. Sadovaya st., 344002, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: gkhubaev@mail.ru

ФИЛОСОФСКАЯ ИННОВАТИКА

УДК 316.354.351/354
10.17213/2075-2067-2021-3-254-262

СОЦИАЛЬНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

© 2021 г. Т. В. Плотникова*, А. М. Кравцова**, Е. Г. Попкова***

**Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
г. Ростов-на-Дону, Россия*

***Ростовский юридический институт МВД России, г. Ростов-на-Дону, Россия*

****АНО «Институт научных коммуникаций», г. Волгоград, Россия*

Цель исследования. Представленная статья является попыткой осмыслить на основе социально-философской рефлексии новые тенденции в развитии функциональных организаций, которые традиционно воспринимаются как общности, структурированные по анонимным (безличным) нормам, оказывающие объективированное воздействие на сферу управленческого воздействия. В этом контексте автор статьи задается вопросом о том, в какой степени субъектный и личностный фактор становится качеством и свойством функциональной организации.

Результаты исследования. На основании актуализации методологического статуса социальной философии, включающего процедуры интерсубъектного исследования, обосновывается вывод о том, что социально-философская рефлексия становится эпистемологическим инструментарием изучения новых форм функциональных организаций в российском обществе.

Ключевые слова: функциональная организация; социально-философская рефлексия; внутриорганизационные отношения; формальные и неформальные нормы; деобъективация.

SOCIO-THEORETICAL FOUNDATIONS OF THE STUDY OF FUNCTIONAL ORGANIZATIONS

© 2021 Т. V. Plotnikova*, A. M. Kravtsova**, E. G. Popkova***

**Rostov State University of Economics (RSUE), Rostov-on-Don, Russia*

***Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russia*

****ANO «Institute of Scientific Communications», Volgograd, Russia*

The purpose of the study. The presented article is an attempt to comprehend, on the basis of socio-philosophical reflection, new trends in the development of functional organizations, which are traditionally perceived as communities structured according to anonymous (impersonal) norms, which have an objectified impact on the sphere of managerial influence. In this context, the author of the article asks the question of the extent to which the subjective and personal factor becomes a quality and property of a functional organization.

The results of the study. *Based on the actualization of the methodological status of social philosophy, which includes the procedures of intersubjective research, the author substantiates the conclusion that social-philosophical reflection becomes an epistemological tool for studying new forms of functional organizations in Russian society.*

Key words: *functional organization; socio-philosophical reflection; intra-organizational relations; formal and informal norms; deobjectification.*

Постановка проблемы. Известный российский ученый А.И. Пригожин в классической работе «Современная социология организаций», которая не утратила своей актуальности и сегодня, писал, что организация является предметом изучения и одновременно дискуссий, так как, хотя активные поиски и ведутся рядом наук, неизменно возникают трудности, связанные с тем, что представляют собой признаки и качества организации, которые характеризуют ее как определенную конструируемую общность, созданную для реализации конкретных целей [1].

Подчеркивая это обстоятельство, А.И. Пригожин говорит о том, что в деятельности организации действует логика подчинения частей целому, воплощается иерархия целей и уровней, а также, вне сомнения, организации ориентированы на достижение сплоченности и дисциплины, разделение исполнительских функций и необходимость согласования интересов индивидов и задач организации.

Актуальными представляются исследования организации в динамике, изменении функций, задач и целей. Не менее важно определить деятельностные ориентации членов организации, их активность в процессе формирования строения типов внутриорганизационных связей. Дело в том, что современные организации характеризуются принципиально новыми признаками по сравнению с недавним предшествующим периодом, когда нормы управления людьми основывались на критериях эффективности или неэффективности организации. Не вникая в подробности анализа организаций нового типа, таких как сетевые, мы остановим свое внимание на функциональных организациях, построенных и работающих с целью выполнения определенных социальных и управленческих функций, удовлетворения потреб-

ностей в обеспечении определенными товарами и услугами.

В этом смысле функциональные организации не утратили своего значения и не остались только как воспоминание об индустриальной эпохе. Когда заходит речь о роли организации в современном обществе, неизменно поднимается вопрос о том, какую социальную миссию организации выполняют, каким образом можно говорить о соотношении организации и коллектива, не ограничиваясь констатацией формальных норм и регуляторов.

В исследовании организаций весомую роль внесли социологические науки. Благодаря тому, что организация интерпретируется как объединение, система, она обладает конкретными структурой, целями, задачей. Но если мы попытаемся зафиксировать границы организации в контексте социального взаимодействия, выясняется, что достигнутым результатам исследования организаций не хватает социально-философской рефлексии. Функциональные организации, которые стереотипно воспринимаются как искусственные, имеющие жесткий каркас объединений, актуально перестраиваются на социально-проективную деятельность, обнаруживают зависимость от деятельности людей. Таким образом, новым определяющим вопросом является концептуализация социально-философских основ исследования.

Иными словами, функциональная организация не может быть интерпретирована только в рамках традиционного структурно-функционального анализа, поскольку процессы и системы описываются конкретно. Но свойства и качества функциональных организаций выражают логику социального взаимодействия, intersubъектные связи, и в плане социально-философского анализа ключевым является вопрос о соотношении человека, сложившейся ситуации в органи-

зации, о необходимости выходить за пределы наличных условий для того, чтобы усиливать потенциал организации через сдвиги и изменения, нацеливаться на расширение объема и усложнение задач организации. Таким образом, социально-философская рефлексия направлена на деобъективирование организационной структуры и структурных связей, включение механизмов человеческой активности и потенциалов личности, выстраивание баланса отношений между индивидами и организацией.

Методология исследования Социальная философия выполняет методологическую функцию по отношению к социально-гуманитарным дисциплинам, как пишут в социально-философских словарях [2]. Однако, определяя методологический статус социальной философии, исследователи объективно рискуют быть обвиненными в том, что возвращаются к старым «метафизическим» схемам, повторению уже пройденных «азов» о значении философского теоретизирования для проблем, относящихся к различным сферам социальной жизнедеятельности.

Вероятно, критики «философизирования» правы в том, что изучение организации характеризуется накопленным методологическим потенциалом, доказательностью положений структурно-функционального и неинституционального анализа, включением теоретических инноваций неинституционализма. Само обоснование социальной философии определяется, вероятно, тем, что в жизни современных организаций важное место занимает проектирование, традиции и стандарты организационной деятельности становятся текучими, характеризуются влиянием неформальных норм, отражением ситуации непреднамеренности и неопределенности.

Таким образом, социально-философские основания исследования функциональных организаций актуализируют проблему методологического статуса социальной философии, и, если доказательность положений и принципов, выдвигаемых социальной философией, как правило, объясняется тем, что в условиях кризиса социологической мысли описания и объяснения общества не увенчались успехом [3], то по существу социальная философия может также попасть под подоз-

рение в спекулятивности, не представляющей сильных познавательных аргументов в исследовании функциональных организаций. Лозунг «возвращение людей в теорию» актуален для исследователя, но нуждается в теоретической проработке, в том, что функциональные организации являются «общностями людей, действующих в определенных целях и на основе определенных организационных алгоритмов». Российский исследователь И. А. Дискин писал, что требуется изучение механизмов формирования институциональных отношений, влияющих на функциональные организации не только на уровне макросоциальных процессов, но и во внутриорганизационных отношениях, которые являются самовоспроизводящейся системой, то есть включают инвестиционную и сберегательную активность, направленную на повышение статуса функциональных организаций [4]. Соответственно, для исследователя важным является определение реального характера функционирования организации.

Таким образом, в социально-философской рефлексии возникает проблема формирования логики изменений функциональной организации по параметрам социальной активности, и в этом смысле нельзя ограничиться ссылкой на необходимость обоснования субъектного фактора, ориентации на социальную самореализацию. Нельзя игнорировать тривиальное положение, согласно которому организация работает не на конкретного индивида, а на определенную цель, и в этом смысле коллектив, каким бы значимым ни было его влияние, не может «упразднить» организацию как структуру норм и связей.

В какой-то степени заходит речь о мотивах и стимулах персонала, о влиянии организационной структуры, но даже с такой позиции социально-философская рефлексия требует собственного определения функциональной организации как общности интересно-субъектного типа, в которой, казалось бы, безличностные нормы и цель содержат свойство взаимозависимости, взаимопроницаемости субъектов организационного действия, востребованность взаимного доверия и осознание взаимной ответственности.

В таком контексте приведенные выше слова И. А. Дискина обретают адекватный

смысл. Не существует неразрешимого противоречия между теоретическим обоснованием человеческого (субъектного) фактора в деятельности функциональных организаций, направленных на повышение социальной эффективности. Можно предположить, что функциональная организация является «репертуаром» различных социальных ситуаций, что означает координацию действий внутри функциональной организации по договорной модели, имеющей предпочтение перед хрестоматийными «власть и деньги».

Таким образом, действуют интеракции, делающие возможными не только предписанные нормы, но и аргументированно достигаемый консенсус [5]. Для исследования функциональных организаций значимыми становятся критерии рефлексивной активности и способности «договариваться» в рамках реализации предписанных действий. Обращаясь к мысли о том, что в настоящих условиях важным становится управление не вещами, а людьми и конкретизацией положения («управление не вещами, а людьми») [6], исследователь обязан использовать методологические средства, позволяющие ему продвинуться «от видимости к действительности», то есть понять функционирование организации в соответствии с параметрами, характеризующими ее социальную миссию.

Непосредственная деобъективация организации сочетается с привнесением в ее жизнь конкретных установок о целях и способах реализации целей организации. В современном обществе, где наблюдается скептицизм относительно эффективности управления через организацию и одновременно исчезает понятие принудительного выбора, социально-философская рефлексия утверждает возможности рационализации и гуманизации социальной жизни, снижение рисков неопределенности на основе включения функциональной организации как определенного набора возможностей для выбора общества.

Результаты исследования. Для теоретической интерпретации проблем исследований оснований функциональной организации, вероятно, важной является категоризация функциональной организации в социально-философском дискурсе с достаточно концептуальной ясностью. Когда речь захо-

дит о возможностях междисциплинарного подхода, в данном контексте это содержит слабую категоризацию, поскольку философская рефлексия является эпистимологическим инструментом, который лишь недавно вышел «из тени» традиционного философствования и столкнулся с тем, что сфера социального познания монополизирована социологией и социальной психологией.

В этом смысле прикладные исследования обретают важную роль, поскольку социальная философия может восприниматься как абстрактная наука, имеющая рецидивы метафизики. Но дело не только в этом. Если придерживаться логики исследования, эмпирический уровень фиксирует необходимость концептуального осмысления, теоретической проработки и эмпирических оценок, а также содержит не просто социальную информацию, а является пространством разрешения и оценок о траектории развития функциональной организации.

Увлекаясь разговорами о формировании нового типа организации, можно оказаться «узким» специалистом, не обращающим внимание на реальную организационную динамику. Функциональные организации в настоящий период, обладая такими стабильными организационными параметрами, как иерархия уровней взаимодействия, формирование веера целей, позиций акторов организации, механизмы организационного взаимодействия, внутриорганизационные отношения, вместе с тем являются сферой формирования социальной активности, действий акторов организации не только по предписанным нормам, но и в рамках социальной и профессиональной самореализации.

Это особенно важно в связи с двумя моментами. Во-первых, в российском обществе формируется запрос на социальную самореализацию (57% россиян полагают, что главное — инициатива, предприимчивость, поиск нового) [7]. Можно говорить о том, для функциональной организации, которая традиционно воспринимается как пространство исполнительской дисциплины, соблюдения норм должностной иерархии, структурированных внутриорганизационных отношений, характерным становится ответ на изменившиеся интересы будущих или реальных акторов управленческого процесса. Как отмечал

И. А. Дискин, в российской институциональной системе активность и рациональность при сегментивной этике, характеризующей модель профессиональной этики, создают крайне сложные и противоречивые предпосылки для эволюции институциональной системы [4].

Это положение затрагивает важные аспекты развития функциональной организации. Действительно, функциональные организации работают в условиях неопределенности, смены организационных парадигм, противоречий между заимствованными организационными образцами и «бюрократической традицией», свойственной российским организациям, особенно работающим в бюджетной сфере. Также следует говорить о том, что рано или поздно функциональные организации испытывают проблему кадрового пополнения, и, учитывая тот факт, что новое поколение россиян, вступающих в жизнь, показывает потерю интереса к традиционным управленческим качествам (дисциплина, лояльность к руководству организации, осознание пределов профессионального и должностного роста), есть необходимость осмыслить подвижки и тенденции, изменяющие облик функциональной организации. Изменения могут происходить в двух направлениях: вынужденные (привносимые сверху) или внутренние (связанные с изменением организационной мозаики, с формированием новых внутриорганизационных механизмов). Главное — есть основание считать, что поскольку ориентации на нормы закона и должностные инструкции не всегда работают успешно, необходимо внесение в деятельность акторов организации элементов инициативы, самостоятельности принятия решения, что, конечно, связано с уровнем профессиональной компетенции, с должностным статусом, с осознанием рисков принимаемых самостоятельных решений. Данные подвижки требуют поиска «шагов», определяющих баланс между «спонтанными» изменениями снизу и сохранением эффективности функциональной организации, которая до сих пор является, несмотря на организационное нововведение, основной «клеточкой» организационной структуры российского общества.

Российские исследователи, работающие над изучением актуальных проблем управ-

ления в регионах, отмечают, что переход на стратегию инновационной индустриализации, провозглашенный в 2010–2012 годах, зафиксировал в качестве тревожного момента тот факт, что до сих пор неясно, остается ли экспликация явных и латентных функций структур социальных организаций, вовлекаемых в реализацию инновационной политики [8]. Если оценивать аналитику данного суждения, то становится очевидным, что для ученых функции и структура социальных организаций требуют описания возможностей и ограничений, связанных с «функционалом» как моделью организационного развития. Действительно, и для инновационной индустриализации важным становится интегрированность макро-, мезо- и микроорганизационных уровней, что является сферой размышления социальной философии и в методологическом аспекте, и в определении пространства социального действия акторов функциональной организации как индивидуальностей, претендующих на статус социальной субъектности, то есть на автономию и профессионализм в контексте профессиональной самореализации.

Это важный исследовательский момент, связанный с тем, что функциональная организация делает акцент на безличностные структуры. В этом контексте есть противоречие с запросом общества на выполнение функциональными организациями задач, определяющих социальную стабильность и удовлетворенность россиян условиями жизни. Учитывая, что в России реакция на риски и вызовы продуцирует организационную активность, создание новых структур и субструктур, нельзя без малейшего намека на иронию не задуматься о траектории развития функциональной организации, которая, если не включить фактор социальной субъектности, неизбежно вращается в цикле «бюрократизации». Подтверждением тому является рецидив российского общества, когда борьба с бюрократией порождает в результате рост новых бюрократических структур.

Для современной социальной эпистемологии весьма значим опыт феноменологического понимания осознания перемен и осознания традиций в организационном развитии [9]. В переносном и буквальном смысле речь идет о том, что установки акторов функ-

циональной организации могут привести или заблокировать уровень и объем организационных изменений, определяемых формально вышестоящими инстанциями. Как пример — можно говорить о том, что в российском региональном пространстве, несмотря на тенденцию централизации, в 2000-е годы проявляется определенный организационный «анархизм», несинхронность управленческих действий, связанных с реализацией предложенных федеральным центром стратегий. В частности, стратегия обеспечения устойчивого развития регионов реализуется в неодинаковой степени в контексте разнонаправленных тенденций управления, определяемых интересами региональных структур. Для регионов-доноров важным является сохранение и рост финансовых организационных ресурсов. Для регионов-адресатов, особенно в нынешних условиях бюджетного кризиса на региональном уровне, мотивацией акторов управления становится сберегательная активность, что в социально-философском контексте означает рационализацию управленческой деятельности путем ограничения «расточительных» инициатив.

Разработка всех названных проблем позволяет социальным философам изучить теоретико-методологические основы новых форм функциональной организации, а также выявить те точки напряжения (реальные и потенциальные), которые препятствуют нормальному функционированию российских организаций. Отметим, что для социально-философской рефлексии важной является нормальная коммуникация с практиками социального управления, и в данном отношении следует говорить об экспертном статусе социальной философии, о ее роли в качестве эдвайсенга. Естественно, управленцы научились защищать свою зону влияния от потенциальных вторжений из знаний «второго» порядка. Для них социальная философия, если судить по воспоминаниям из вуза, является избыточным социально-гуманитарным знанием, учитывая тот факт, что «язык» функциональной организации не пересекается в нужном объеме с ареалом социально-философского языка.

Сказанное свидетельствует о том, что существует необходимость повышения культуры мероосмысления, мероизмерения

и мерообладания во всех сферах реализации личности, а главное — обновляющей и образующей силы функциональных организаций [10]. Хотя данное положение написано на социологическую проблематику, в нем содержится социально-философский смысл, определяемый тем, что концептуально социальная философия является востребованной в обществе и в системе управления как методология формирования механизмов самореализации, самоконтроля личности на функциональные организации, где, как ни парадоксально звучит, основной проблемой является дефицит не управленческой свободы, а самоконтроля, ответственности за принимаемые решения, предвидение преднамеренных и непреднамеренных рисков, готовность действовать сообща для решения неординарных ситуаций. Речь идет о внутренних регуляторах деятельности актора функциональной организации, который не снимает свою ответственность, используя приоритет формальных норм деятельности.

Заключение. Рассматривая социально-философские основы исследования функциональных организаций в российском обществе, мы приходим к выводам о том, что, во-первых, функциональная организация в современных условиях нуждается в социально-философской рефлексии, поскольку социологическая традиция изучения, имея определенные позитивные результаты по структурным и функциональным параметрам, не отражает субъектный аспект функциональных организаций в российском обществе, несмотря на синдром бюрократизированности, становится пространством социальной самореализации и инициативы личности. Этому способствует и тот факт, что новые поколения, представляющие кадровый потенциал функциональных организаций, нацелены на ценности постиндустриальной экономики, для них важным становится нахождение той формы внутриорганизационных отношений, которая способствовала бы выявлению личностных качеств, построению должностной и профессиональной карьеры не только по формальным критериям (исполнительская дисциплина, лояльность к руководству, готовность к выполнению принятых решений). Важным моментом, во-вторых, яв-

ляется тренд функциональных организаций к конвенциональности формальных и неформальных норм, которые связаны с тем, что в социально-философской рефлексии нуждаются в осмыслении процесса деобъективации функциональных организаций, того, что можно определить как роль содержания и форм социальной деятельности, возможности и невозможности перевода безличных норм мотивированного действия, выражающего меру свободы личности, в функциональные организации.

Третьим выводом можно считать приближение организационных структур к участникам функциональной деятельности, что в российском обществе проявляется противоречивым. С одной стороны, на основе социально-философской рефлексии можно говорить о гуманизации структурных влияний и об ориентированности на удовлетворение потребностей в профессиональной деятельности. С другой — воспроизводится схема субдоминантности, установление границ изменяемости внутриорганизационных отношений в зависимости от организационной иерархии.

Литература

1. Современная социология организаций / А.Н. Пригожин. — М.: Фирма «Интерпракс», 1995. — 295 с.
2. Новый социально-философский словарь: 100 слов / Общ. ред. В.Е. Кемерова. — Екатеринбург: Урал. литератор, 1993. — 60 с.
3. Современный философский словарь / Азаренко С.А. и др. / Под общ. ред. В.Е. Кемерова, Т.Х. Керимова. // 4-е изд., испр. и доп. — М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2015. — 822 с.
4. Дискан И.А. Россия, которая возможна. — М.: Юрист, 2011. — 175 с.
5. Фурс В. Коммуникативно-теоретическая манификация философской рациональности в концепции Ю. Хаббермаса // Философия эпохи постмодерна. — Минск: Красико-Принт, 1996. — С. 30–41.
6. Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. — М.: Academia, 1999. — 640 с.
7. Российское общество и вызовы времени. Книга четвертая / М.К. Горшков и др. /

Под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. — М.: Весь Мир, 2016 г. — 400 с.

8. Тихонов А.В., Мерзляков А.А., Богданов В.С. Новые социальные технологии управления региональным развитием: по материалам интерактивного исследования // Региональная социология: проблемы консолидации социального пространства России / Отв. ред. В.В. Маркин. — М.: Новый Хронограф, 2015. — С. 125–163.

9. Социальная эпистемология: идеи, методы, программы / Под ред. И.Т. Касавина. — М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010. — 712 с.

10. Новые идеи в социологии: монография / Отв. ред. Ж.Т. Тощенко. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. — 479 с.

References

1. Sovremennaja sociologija organizacij [Modern sociology of organizations] / A.N. Prigozhin. — Moscow: Firma «Interpraks», 1995. — 295 p.
2. Novyj social'no-filosofskij slovar': 100 slov [New socio-philosophical dictionary: 100 words] / In V.E. Kemerova (eds.). — Ekaterinburg: Ural. literator, 1993. — 60 p.
3. Sovremennyy filosofskij slovar' [Modern philosophical dictionary] / Azarenko S.A. et al. / In V.E. Kemerov, T.H. Kerimov (eds.). // 4-e izd., ispr. i dop. — Moscow: Akademicheskij proekt; Ekaterinburg: Delovaja kniga, 2015. — 822 p.
4. Diskin I.A. Rossiya, kotoraja vozmozhna [Russia, which is possible]. — Moscow: Jurist, 2011. — 175 p.
5. Furs V. Kommunikativno-teoreticheskaja manifikacija filosofskoj racional'nosti v koncepcii Ju. Habbermasa [Communicative-theoretical manifestation of philosophical rationality in the concept of Yu. Habbermas] // Filosofija jepohi postmoderna [Philosophy of the post-modern era]. — Minsk: Krasiko-Print, 1996. — Pp. 30–41.
6. Novaja postindustrial'naja volna na Zapade. Antologija [The new post-industrial wave in the West. Anthology] / In V.L. Inozemcev (eds.). — Moscow: Academia, 1999. — 640 p.
7. Rossijskoe obshhestvo i vyzovy vremeni. Kniga chetvertaja [Russian Society and the Challenges of the time. The fourth book] / M.K. Gor-

shkov et al. / In M.K. Gorshkov, V.V. Petuhov (eds.). — Moscow: Ves' Mir, 2016 g. — 400 p.

8. *Tihonov A. V., Merzljakov A. A., Bogdanov V. S.* Novye social'nye tehnologii upravlenija regional'nym razvitiem: po materialam interaktivnogo issledovaniya [New social technologies of regional development management: based on the materials of interactive research] // Regional'naja sociologija: problemy konsolidacii social'nogo prostranstva Rossii [Regional sociology: problems of consolidation of the social space of Rus-

sia] / In V.V. Markin (eds.). — Moscow: Novyj Hronograf, 2015. — Pp. 125–163.

9. Social'naja jepistemologija: idei, metody, progrtmy [Social epistemology: ideas, methods, programs] / In I. T. Kasavin (eds.). — Moscow: «Kanon+» ROOI «Reabilitacija», 2010. — 712 p.

10. Novye idei v sociologii: monografija [New ideas in sociology: a monograph] / In Zh. T. Toshhenko (eds.). — Moscow: JuNITI-DANA, 2013. — 479 p.

Поступила в редакцию

28 марта 2021 г.

Плотникова Татьяна Валерьевна — доктор философских наук, профессор кафедры философии и культурологии Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). Специалист в области социальной и политической философии, проблем трансформации социального поведения, поведенческих парадигм и моделей политической практики. Сфера научных интересов включает исследование социокультурных факторов национальной и цивилизационной идентичности, проблемы развития креативности в социуме, методологические аспекты когнитивной деятельности, философские аспекты развития научно-технической сферы общества в условиях глобализации. Стаж научной работы — 31 год.

Plotnikova Tatyana Valeryevna — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Department of Philosophy and Cultural Studies, Rostov State University of Economics (RSUE). Specialist in social and political philosophy, problems of transformation of social behavior, behavioral paradigms and models of political practice. Research interests include the study of socio-cultural factors of national and civilizational identity, problems of creativity development in society, methodological aspects of cognitive activity, and philosophical aspects of the development of the scientific and technical sphere of society in the context of globalization. Research experience is 31 years.

344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69
69 B. Sadovaya st., 344002, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: tatyana0918@mail.ru

Кравцова Анастасия Михайловна — преподаватель кафедры иностранных языков Ростовского юридического института МВД России. Сфера научных интересов: концептосфера русского языка, юрислингвистика. Стаж научной работы — 3 года.

Kravtsova Anastasiya Mickhailovna — Lecturer, Department of Foreign Languages, Rostov Law Institute, Ministry of Internal Affairs of Russia. The sphere of scientific interests: the conceptosphere of the Russian language, legilinguistics. Scientific work experience 15 years.

344015, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83
83 Eremenko st., 344015, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: punja1@yandex.ru

Попкова Елена Геннадьевна — доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник центра прикладных исследований кафедры Экономической политики и государственно-частного партнёрства МГИМО МИД РФ, президент АНО «Институт научных коммуникаций» (Москва, Волгоград, Россия). Является руководителем научно-исследовательских проектов, приглашенным редактором в авторитетных международных изданиях, автором более 300 научных публикаций, организатором и активным участником ведущих международных форумов и конференций. Имеет региональные награды в сфере науки и технологии.

Popkova Elena Gennadiyevna — Doctor of Economic Sciences, Professor, Leading Researcher at the Center for Applied Research of the Department of Economic Policy and Public-Private Partnership of the MGIMO University of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, President of the ANO «Institute of Scientific Communications» (Moscow, Volgograd, Russia). She is the head of research projects, guest editor in reputable international publications, author of more than 300 scientific publications, organizer and active participant of leading international forums and conferences. She has received regional awards in the field of science and technology.

400066, г. Волгоград, ул. М. Чуйкова, 9, оф. 3
9 M. Chuikova st., of. 3, 400066, Volgograd, Russia
E-mail: info@archilab.online

УДК 355.40+002

10.17213/2075-2067-2021-3-263-269

СТРАТЕГИИ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ БИФУРКАЦИИ© 2021 г. *Е. В. Поликарпова, В. С. Поликарпов, А. Г. Байбуз**Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия*

Цель исследования. *Статья посвящена исследованию спектра стратегий безопасности России в зоне бифуркации.*

Методология исследования *основывается на концепциях материалистической диалектики, социологической теории социальных систем Н. Лумана, способа жизнеобеспечения как единства способа производства материальных благ и способа безопасности, «парадоксальной» (диалектической) логики и цивилизационной войны; также используются методы сравнительного анализа и концепции стратегий безопасности США, Китая и России.*

Результаты исследования. *Показано, что особенности целого спектра стратегий национальной безопасности России вытекают из парадоксального, «невозможного» характера ее цивилизации и истории, отличающихся от «стандартной» истории других цивилизаций Запада, Индии, Китая, Японии и др., и обусловлены существованием человечества в контексте бифуркации с ее сильной социальной турбулентностью и весьма малой предсказуемостью будущих событий; показан спектр стратегий безопасности России.*

Перспективы исследования. *Полученные результаты могут использоваться в дальнейших исследованиях ряда стратегий безопасности России.*

Ключевые слова: *стратегия; бифуркация; цивилизация; война; безопасность; диалектика; империя; Россия.*

RUSSIA'S SECURITY STRATEGIES IN THE CONTEXT OF BIFURCATION© 2021 *E. V. Polikarpova, V. S. Polikarpov, A. G. Baibuz**Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia*

The aim of the study. *The article is devoted to the study of the Russian security strategies spectrum in the bifurcation zone.*

The research methodology *is based on the concepts of materialistic dialectics, N. Luhmann's sociological theory of social systems, the life support method as a unity of the material goods production and the security methods, «paradoxical» (dialectical) logic and civilizational war; also used are the methods of comparative analysis, as well as the concepts of the security strategy of the United States, China and Russia.*

Research result. *It is shown that the features of a whole range of national security strategies of Russia arise from the paradoxical, «impossible» nature of its civilization and history, which differ from the «standard» history of other civilizations of the West, India, China, Japan, etc., and are due to the existence of humanity in the context of bifurcation with its strong social turbulence and very little predictability of future events.*

Research perspectives. *The obtained results can be used in further study of a number of Russian security strategies.*

Key words: *strategy; bifurcation; civilization; war; security; dialectics; empire; Russia.*

Введение. В начале 10-х годов XXI столетия человечество вошло в фазу бифуркации. Эта фаза характеризуется значительным усложнением системы информационно-сетевого общества из-за развития новейших технологий, а также сильной турбулентностью и непредсказуемостью будущего. Данные изменения требуют адекватных обновленных стратегий безопасности. Более того, значимость новых стратегий и переосмысление старых в соответствии с вызовами эпохи обусловлены возвращением на международную арену империй: Американской, Российской и Китайской империи «Красного дракона» [3, 10]. Все это касается и нынешней России, которая оказалась перед лицом новых вызовов. Постоянно изменяющиеся реалии современной эпохи требуют использования адекватных стратегий безопасности. Здесь нами используется дефиниция стратегии, сформулированная Г.Г. Почепцовым в монографии «Стратегия». В этой книге дается подробный анализ стратегии как удела сильных игроков, которые способны эффективно осуществлять оптимизацию управления будущим [12]. Действенность стратегии обусловлена тем, что она позволяет осуществлять интеллектуальное сопровождение перехода из пункта настоящего в пункт будущего и накапливать потенциал будущего в настоящем. Иными словами, стратегия вместе со своим инструментарием вырабатывается на протяжении длительного времени благодаря имеющимся интеллектуальным, темпоральным, технологическим и прочим ресурсам страны, государства, цивилизации. В противном случае, подчеркивает Г. Почепцов, страна или цивилизация начинает существовать на более простом уровне и двигаться по траектории чужой цивилизации со всеми вытекающими из этого нежелательными последствиями [12]. Определение, представленное в монографии, подходит для выявления целого спектра стратегий национальной безопасности России в нынешних условиях.

Методология исследования. Существенными в ходе аналитического рассмотрения спектра стратегий безопасности России являются их теоретико-методологические основания, которые дают возможность понимать их эффективность. Выделим четыре таких основания:

1) универсальная социологическая теория Н. Лумана [8];

2) выдвинутая Р. Дж. Блэкберном концепция способа жизнеобеспечения общества, представляющая собой единство способа производства материальных благ и способа безопасности (оборона, нападение, дипломатия, разведка и пр.), направленного на противодействие деструктивным действиям другого социума [2];

3) диалектический характер большой стратегии в условиях «постгероической войны», обоснованный специалистом в области стратегии Э.Н. Люттваком [9];

4) разработанная Б. Лидделом Гартом концепция «стратегии не прямых действий», главным персонажем которой является Homo Strategicus (человек стратегический) [7].

Теоретический аспект. В настоящее время крупные державы мира серьезное внимание уделяют своим национальным стратегиям безопасности. Здесь будут рассмотрены особенности стратегий Российской Федерации, Соединенных Штатов Америки и Китайской Народной Республики. При формировании стратегии национальной безопасности России учитываются следующие долгосрочные приоритеты национальных интересов: оборона страны, государственная и общественная безопасность, повышение качества жизни российских граждан, экономический рост, наука, технологии и образование, здравоохранение, культура, экология живых систем и рациональное природопользование, стратегическая стабильность и равноправное стратегическое партнерство [14]. Неявным теоретико-методологическим основанием здесь выступают

законы диалектики и практика информационного общества.

Заслуживает внимания недавно принятая в США «промежуточная стратегия национальной безопасности». В ней подчеркивается, что Америка не будет принимать участия в «вечных войнах», и отмечается необходимость обеспечить кибербезопасность, а также говорится о том, что появились «новые угрозы» и «беспрецедентные вызовы»: противостояние с Китаем, изменение климата, процессы в Индо-Тихоокеанском регионе [16]. Теоретико-методологическим основанием здесь выступают прагматизм и формальная логика.

Стратегия национальной безопасности Китая имеет классический смысл. Она опирается на комплексную мощь страны, призванную обеспечить защиту социалистической системы и руководящей линии КПК, населения, государства, военной системы, государственных границ и достоинства страны, «мир во всем мире», а также ликвидацию традиционного дефицита ресурсов, поддержание социального порядка и благосостояния нации [4]. Теоретико-методологическое основание концепции национальной безопасности Китая — это материалистическая диалектика (на XIX съезде КПК Си Цзиньпин прижизненно объявлен классиком марксизма-ленинизма) и этика Конфуция, не совместимая с ценностями «эгоистичного» Запада.

В плане нашего исследования представляет большой интерес универсальная социологическая теория Н. Лумана, адекватная развивающемуся нелинейному информационно-сетевому обществу. Значимость теории состоит в том, что она позволяет выяснить сущность рисков (небезопасности) вообще и в системе безопасности социума в частности. Не менее важным является совершенно иное понимание существования мира — не как действие субъекта, а как бессубъектный социальный процесс [8]. Именно данный бессубъектный социальный процесс должна принимать во внимание правящая элита России, проектирующая спектр стратегий безопасности нашей страны. Парадигма бессубъектного социального процесса просматривается в отечественных научных исследованиях, посвященных анализу различных систем безопасности — социальной, экономической,

финансовой, экологической, энергетической, военной, информационной, кибернетической и других. Функционирование всех этих видов систем безопасности связано с существованием и развитием всемирной «среды знаний» («компьютеризованного интеллекта»), что привело к исключению человека как субъекта деятельности и к трактовке мира как мультицентричного феномена (фактически речь идет о «многополюсном мире») [8].

Заслуживают внимания исследования западного ученого Р. Дж. Блэкберна. В статье «Геополитика и способ безопасности» он подчеркивает, что не существует прямой корреляции между способом производства материальных благ и способом безопасности — общество способно иметь мощный способ безопасности при отсталом способе производства или иметь процветающую экономику при уязвимости способа безопасности [2]. В данном случае показан примат геополитического фактора в развитии цивилизации (конкретного общества) перед экономической детерминантой. Это следует учитывать при рассмотрении спектра стратегий безопасности России (здесь именно геополитика доминирует над экономикой) в сравнении со спектрами стратегий Запада и других стран мира.

Следует принять во внимание вывод, следующий из тщательного анализа Э. Н. Люттваком существенных особенностей значимости стратегии, а также логики войны и мира. Согласно этому выводу США достигли кульминации в своем могуществе на пороге краха советской системы: переход этой точки кульминации закончится спадом могущества или влияния [9]. Это означает, что России следует использовать диалектическую («парадоксальную») логику войны и мира в противостоянии США, которые теряют сейчас (в 2021 году) свою мировую гегемонию.

Весьма оригинальным и значимым в области стратегии является труд Б. Лиддела Гарта «Стратегия не прямых действий». Он представляет собой богатейший сконцентрированный опыт человечества в области стратегии и тактики — так называемую энциклопедию «свода не прямых действий» [7]. Данная концепция «стратегии не прямых действий» используется в идущей сейчас «гибридной», «ментальной войне» Запада против

России. Эти моменты необходимо учитывать при разработке и применении спектра стратегий безопасности России.

В ходе выяснения спектра стратегий безопасности современной России следует принимать во внимание парадоксальный, «невозможный» и проектный характер истории нашей страны [13]. Это означает, что спектр стратегий безопасности, прежде всего, определяется сформулированной В. Путиным «Большой стратегией России» — стратегией реванша, то есть возвращением великодержавного (суверенного) статуса, обеспечивающего процветание страны.

Спектр стратегий безопасности России. Теперь более подробно рассмотрим существующий спектр стратегий безопасности России, которая, прежде всего, носит комплексный характер и использует такие новые технологии, как искусственный интеллект, видеоаналитика, цифровые трансформации, Интернет вещей и пр. Вполне логично, что в России была выработана стратегия комплексной безопасности ноосферного типа, понятие о которой разработано отечественными исследователями М. С. Алешенковым и Б. Н. Родионовым [1].

Представляет немалый интерес такая стратегия безопасности России, как темпоральная (и пространственная) модель управления обществом. В различных своих версиях она описывает спиральный характер истории человечества. Одной из таких версий является модель неархимедова времени, позволяющая элитам Южной Кореи, Сингапура и других азиатских стран конструировать необходимый им грядущий общественный строй, адекватный вызовам будущего.

Следующая значимая стратегия безопасности России — система образования. Умелое использование своего интеллектуального потенциала и достижений советской цивилизации в сфере культуры и образования в контексте новейших информационных технологий играет решающую роль в существовании и развитии нашей страны.

Немаловажной стратегией безопасности России является идеология. Это мощная мобилизующая сила, важнейший инструмент нормальной жизнедеятельности государства, общества и личности. Западный политолог

Дж. Шварцмантель в книге «Идеология и политика» обосновал несколько важных положений. Во-первых, идеология в современной международной политической жизни — это не только позиционирование государств, но и обязательное условие их выживания. Во-вторых, положение «идеи движут миром» имеет ключевое значение в жизни людей и государства, потому что оно определяет приоритеты, ценности и цели развития. В-третьих, разрушение государства и уничтожение наций всегда начиналось и сопровождалось кризисом идеологии и системы ценностей, идеологическая борьба иногда опаснее применения ядерного оружия. Идеологическая победа не менее важна, чем политическая или экономическая, борьба за сознание миллионов людей становится все более актуальной [15].

Идеология современной России просматривается в ее версии цифровой экономики, основанной на операции «максимума» («идемпотентности») вместо действия «сложения», используемого в обычной модели межотраслевого баланса [6]. Именно идемпотентность теперь стала играть важную роль в экономике с ее цифровыми технологиями, причем она выражает неконкурентность в потреблении общественного продукта для всех потребителей.

Весьма значимой стратегией безопасности России может выступать такая взаимосвязь философии управления и философии безопасности, которая в определенном плане означает их тождественность [11].

Не следует сбрасывать со счетов и достижения советской цивилизации, далеко опередившей развитие остального человечества и способной выступать как наследие в качестве стратегии безопасности России. Отечественный политолог и социолог С. Кара-Мурза в своей фундаментальной монографии «Советская цивилизация» раскрывает ее сущность с особым взглядом на мир, человека, власть и хлеб. Советская цивилизация зародилась в недрах общинного крестьянского коммунизма и помогла России выйти из исторической ловушки, куда ее загнал Запад, открыв народу простор для такого развития ума, силы и духа, что потерпел поражение крестовый поход тоталитарной тевтонской силы [5]. Геополитическая катастрофа Советского Союза показала подлинную, гума-

нистическую суть советской цивилизации, дала народу знание и понимание, оплаченные страданиями сотен миллионов человек, очертила контуры нового проекта, будущего жизнеустройства нашей страны.

Наконец, последней по счету, но не по значению, стратегией безопасности России является наличие у нас мощной армии, считающейся одной из самых сильных в мире, ведь наши вооруженные силы способны вести войну, адекватную цифровой эпохе: это интернет, «умные дома», цифровые платформы и другие технологии. Так как все цифровое пространство едино, то на первый план выходит новая цифровая война (кибервойна). Если государство не контролирует свои каналы связи, то все критические технологии могут быть отключены. Государство должно обладать цифровым суверенитетом, обеспечивая тем самым свою безопасность. Сейчас Россия находится на пороге нового цифрового суверенитета, совершенно нового типа войны, которая опаснее применения ядерного оружия. Очень опасной является манипуляция цифровым пространством, в котором нельзя установить адрес атаки, поэтому, как подчеркивает в одном из интервью экс-полковник внешней разведки А. Безруков, страна должна иметь суверенитет в своем киберпространстве. И Россия его имеет, являясь одной из немногих стран, обладающих уникальными технологиями. В силу происходящего сейчас важного передела влияния в мире, прежде всего в сфере технологий (война США и Китая), защищенность киберпространства имеет важнейшее значение. Стратегия военной безопасности России должна принимать во внимание все особенности современной ситуации, учитывая невозможность провести границы между миром и войной.

Заключение. Все изложенное выше свидетельствует о том, что спектр стратегий безопасности России включает в себя следующие составляющие: комплексный характер безопасности России; темпоральную стратегию — модель управления обществом (модель неархимедова времени); систему образования; значение идеологии; цифровую экономику как экономическую идеологию; тождество философии управления и философии безопасности; наследие советской цивилиза-

ции; значимость вооруженных сил. Выводы, сделанные в ходе исследования, целесообразно использовать в дальнейших исследованиях ряда стратегий безопасности России.

Литература

1. *Алешенков М. С.* Основы комплексной безопасности ноосферных систем, их объектов и субъектов. — М.: Моск. акад. комплекс. безопасности предпринимательства, 2000. — 202 с.
2. *Блэкберн Р. Дж.* Геополитика и способ безопасности // Война и геополитика. 3-й выпуск Альманаха «Время мира» / Под ред. Н. С. Розова. — Новосибирск, НГУ, 2003. — 571 с.
3. *Вдовиченко Л. Н.* Социальные отношения в турбулентное время // Социс. — 2012. — №9. — С. 13–16.
4. *Голуенко Т. А., Степанова О. В.* Основные направления концепции национальной безопасности Китая // Наука и образование Большого Алтая. — 2018. — Вып. 1. — С. 38–41.
5. *Кара-Мурза С.* Советская цивилизация. — М.: Родина, 2019. — 1280 с.
6. *Козырев А. Н.* Моделирование, НТП, упорядоченность и цифровая экономика // Экономика и математические методы. — 2011. — Т. 47. — №4. — С. 131–142.
7. *Лиддел Гарт Б.* Стратегия не прямых действий. — М.: Астрель; Владимир: ВКТ, 2012. — 508 с.
8. *Луман Н.* Социальные системы. Очерк общей теории. — СПб.: «Наука», 2007. — 643 с.
9. *Люттвак Э. Н.* Стратегия: логика войны и мира. — М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012. — 392 с.
10. *Мюнклер Г.* Империи. Логика господства над миром: от Древнего мира до США. — М.: Кучково поле, 2015. — 400 с.
11. *Поликарпов В. С.* Философия управления (эссе). — Ростов-на-Дону, Таганрог: Изд-во ТРТУ, 2001. — 186 с.
12. *Почепцов Г. Г.* Стратегия. — М.: «Рефл-бук», К.: «Ваклер», 2005. — 377 с.
13. *Смирнов И. И.* Тропы истории. Криптоаналитика глубинной власти. — М.: Товарищество научных изданий КМК, 2020. — 473 с.

14. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г.

15. *Шварцмантель Дж.* Идеология и политика. — Харьков: Гуманитарный центр, 2009. — 312 с.

16. Interim National Security Strategic Guidance [Electronic resource] // White House. — URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2021/03/NSC-1v2.pdf> (Date accessed: 13.04.2021).

References

1. *Aleshenkov M. S.* Osnovy kompleksnoj bezopasnosti noosfernyh sistem, ih ob'ektov i sub'ektov [Fundamentals of complex security of noospheric systems, their objects and subjects]. — Moscow: Mosk. akad. kompleks. bezopasnosti predprinimatel'stva, 2000. — 202 p.

2. *Bljckbern R. Dzh.* Geopolitika i sposob bezopasnosti [Geopolitics and the way of security] // *Vojna i geopolitika. 3-j vypusk Al'manaha «Vremja mira»* [War and Geopolitics. 3rd issue of the Almanac «Time of the World»] / In N. S. Rozov (eds.). — Novosibirsk, NGU, 2003. — 571 p.

3. *Vdovichenko L. N.* Social'nye otnoshenija v turbulentnoe vremja [Social relations in turbulent time] // *Socis.* — 2012. — №9. — Pp. 13–16.

4. *Goluenko T. A., Stepanova O. V.* Osnovnye napravlenija koncepcii nacional'noj bezopasnosti Kitaja [The main directions of the concept of national security of China] // *Nauka i obrazovanie Bol'shogo Altaja* [Science and education of the Greater Altai]. — 2018. — Issue 1. — Pp. 38–41.

5. *Kara-Murza S.* Sovetskaja civilizacija [Soviet civilization]. — Moscow: Rodina, 2019. — 1280 p.

6. *Kozyrev A. N.* Modelirovanie, NTP, uporjadochennost' i cifrovaja jekonomika [Modeling, STP, orderliness and digital economy] // *Jekonomika i matematicheskie metody* [Eco-

nomics and Mathematical methods]. — 2011. — Vol. 47. — №4. — Pp. 131–142.

7. *Liddel Gart B.* Strategija neprjamyh dejstvij [Strategy of indirect actions]. — Moscow: Astrel'; Vladimir: VKT, 2012. — 508 p.

8. *Luman N.* Social'nye sistemy. Ocherk obshhej teorii [Social systems. An outline of the general theory]. — Saint Petersburg: «Nauka», 2007. — 643 p.

9. *Ljuttvak Je. N.* Strategija: logika vojny i mira [Strategy: the logic of war and Peace]. — Moscow: Russkij Fond Sodejstvija Obrazovaniju i Nauke, 2012. — 392 p.

10. *Mjunkler G.* Imperii. Logika gospodstva nad mirom: ot Drevnego mira do SSHA [Empires. The logic of domination over the world: from the Ancient World to the USA]. — Moscow: Kuchkovo pole, 2015. — 400 p.

11. *Polikarpov V. S.* Filosofija upravlenija (jesse) [Philosophy of management (essay)]. — Rostov-on-Don, Taganrog: Izd-vo TRTU, 2001. — 186 p.

12. *Pochepcov G. G.* Strategija [Strategy]. — Moscow: «Refl-buk», Kiev: «Vakler», 2005. — 377 p.

13. *Smirnov I. I.* Tropy istorii. Kriptoanalitika glubinoj vlasti [Trails of History. Cryptanalytics of deep power]. — Moscow: Tovarihestvo nauchnyh izdanij KMK, 2020. — 473 p.

14. Strategija nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 31 dekabnja 2015 g. [The National Security Strategy of the Russian Federation. Decree of the President of the Russian Federation of December 31, 2015].

15. *Shvarcmantel' Dzh.* Ideologija i politika [Ideology and politics]. — Harkov: Gumanitarnyj centr, 2009. — 312 p.

16. Interim National Security Strategic Guidance [Electronic resource] // White House. — URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2021/03/NSC-1v2.pdf> (Date accessed: 13.04.2021).

Поступила в редакцию

21 апреля 2021 г.

Поликарпова Елена Витальевна — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии Института управления в экологических, экономических и социальных системах Южного федерального университета.

Polikarpova Elena Vitalievna — Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of Philosophy, Institute of Management in Economic, Ecological and Social Systems, Southern Federal University.

344018, г. Ростов-на-Дону, ул. Черепихина, 249, кв. 110
249 Cherepahina st, app. 110, 344018, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: nellenele@gmail.com

Поликарпов Виталий Семенович — доктор философских наук, профессор Южного федерального университета.

Polikarpov Vitaly Semenovich — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Southern Federal University.

347922, г. Таганрог, Некрасовский пер., 44
44 Nekrasovskiy ln., 347922, Taganrog, Russia
E-mail: vspolikarp@gmail.com

Байбуз Андрей Геннадьевич — полковник, заместитель начальника кафедры радиоэлектронной борьбы Военного учебного центра Южного федерального университета.

Baibuz Andrey Gennadievich — Deputy Head of the Department of Electronic Warfare, Southern Federal University.

347922, г. Таганрог, Некрасовский пер., 44
44 Nekrasovskiy ln., 347922, Taganrog, Russia
E-mail: abaybuz@sfnedu.ru

УДК 304

10.17213/2075-2067-2021-3-270-280

КУЛЬТУРНЫЙ ИММУНИТЕТ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

© 2021 г. П. А. Пономарев*, И. А. Тищенко**, И. С. Якунина**

**Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Россия*

***Шахтинский автодорожный институт (филиал),*

*Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, г. Шахты, Россия*

Предметом данной статьи выступает научный дискурс, сложившийся в пространстве современного социально-гуманитарного знания относительно такой актуальной, но еще недостаточно исследованной проблемы, как культурный иммунитет российского общества. Подобный анализ крайне важен в условиях роста деструктивных явлений, разрушающих культуру и культурный иммунитет российского общества вследствие целой серии постсоветских реформ и влияния культурной глобализации.

Автор характеризует пространство сложившихся дискурсивных практик в отношении культурного иммунитета как пространство практик дисциплинарных, а потому методологически ограниченных и не позволяющих сформировать целостное представление и знание о таком социальном явлении, как культурный иммунитет общества.

Методологическую основу исследования составляет органическая теория, в рамках которой зародилась теория социального иммунитета, а также положения неинституционального и системного подходов. В их рамках культурный иммунитет предстает как элемент иммунной системы общества, выполняющий защитные функции и обеспечивающий механизм устойчивого культурного воспроизводства и самосохранения общества как социокультурной целостности.

Результаты и перспективы исследования. По итогам исследования делается вывод о том, что на уровне социально-философской рефлексии феномен культурного иммунитета практически не исследован, притом именно в методологических границах этой отрасли научного знания есть возможность получения целостного знания об изучаемом явлении. Такую возможность предоставляет трансдисциплинарная парадигма, применение которой, с точки зрения авторов статьи, наиболее перспективно в концептуализации и последующем социально-философском изучении культурного иммунитета российского общества.

Ключевые слова: культурный иммунитет; культура; глобализация; культурная глобализация; иммунная система; трансдисциплинарная парадигма.

CULTURAL IMMUNITY OF THE RUSSIAN SOCIETY IN THE SCIENTIFIC DISCOURSE

© 2021 P. A. Ponomarev*, I. A. Tishchenko**, I. S. Yakunina**

*Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

**Shakhty Road Institute (branch),

Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Shakhty, Russia

The subject of this article is the scientific discourse that has developed in the space of modern social and humanitarian knowledge regarding such an urgent, but still insufficiently studied problem as the cultural immunity of Russian society. Such an analysis is extremely important in the context of the growth of destructive phenomena that destroy the culture and cultural immunity of Russian society due to a series of post-Soviet reforms and the influence of cultural globalization.

The author characterizes the space of established discursive practices in relation to cultural immunity as a space of disciplinary practices, which are therefore methodologically limited and do not allow forming a holistic view and knowledge of such a social phenomenon as cultural immunity of society.

The methodological basis of the research is the organic theory as the one in which the theory of social immunity was born, as well as the provisions of the neoinstitutional and systemic approaches. In their framework, cultural immunity appears as an element of the immune system of society, performing protective functions and providing a mechanism for sustainable cultural reproduction and self-preservation of society as a socio-cultural integrity.

Results and prospects of the study. The study concluded that the level of social-philosophical reflection of the phenomenon of cultural immunity are virtually unexplored despite the fact that in the methodological boundaries of this branch of scientific knowledge it is possible to obtain holistic knowledge about the studied phenomenon. This opportunity is provided by the transdisciplinary paradigm, the application of which, from the authors' point of view, is most promising in the conceptualization and subsequent socio-philosophical study of the cultural immunity of Russian society.

Key words: cultural immunity; culture; globalization; cultural globalization; immune system; transdisciplinary paradigm.

Введение. Культура как социальный феномен детерминирует коллективный характер и способ жизнедеятельности социума [31], а также любые перемены и инновации, которые в силу социальной обусловленности культуры и взаимосвязанности всех социальных сфер в прямом или косвенном виде являются следствием изменений в культурной сфере [30].

Но далеко не все инновации приживаются в обществе и далеко не все из них имеют позитивный характер по своим последствиям. Какие-то новации, реформы принимаются в обществе, внедряются в социальные практики, приносят свой положительный результат. Другие же отторгаются, вызывают резкое неприя-

тие у населения, актуализируя те адаптационные практики и механизмы, которые в большей степени соответствуют социокультурной природе общества. Почему так происходит? Почему не все инновации воспринимаются социальным организмом? Почему по-разному на жизнедеятельности различных обществ сказываются одни и те же, порой очень прогрессивные и, казалось бы, крайне важные для общества реформы?

Методология исследования. На эти вопросы ученые отвечают по-разному в свете различных методологических подходов, концепций. Из них широкую известность полу-

чили те, что обращаются к социокультурной, исторической, цивилизационной самобытности общества, имеющей свою логику социогенеза и институционального развития, которая и порождает феномен зависимости настоящего от прошлого, определяющий возможности каждого общества к переходу в иной формат социокультурного развития с учетом внедрения актуальных для современной реальности реформ и инноваций. Здесь можно вспомнить и теорию исторической колеи [14], и неонституциональный подход [25], и теорию архизации [3], и концепцию социальной инерции [13]. Все они, по сути, акцентируют внимание на идее институциональной преемственности и зависимости в социокультурной динамике общества, и не согласиться с этой идеей невозможно, поскольку на протяжении всей российской истории с каждым витком реформ и преобразований наблюдается этот эффект зависимости. Большинство российских реформ еще с петровских времен сводились к одному алгоритму — импорту моделей развития западного общества, причем без учета собственной специфики, социокультурного своеобразия российской цивилизации, ее ресурсного потенциала и механизмов развития [1]. И так происходит до сих пор. Российская традиция как культурная субстанция пыталась их перекроить под себя. Получалось это не всегда, но опасность заключается в том, что такие попытки каждый раз оборачивались разрушением самой Традиции, которая выступает основой культурного иммунитета общества как его способности противостоять рискам и угрозам как внешнего, так и внутреннего характера с целью самосохранения и способности к культурному воспроизводству.

В связи со сказанным выше полагаем, что тематика, связанная с изучением культурного иммунитета общества, является сверхактуальной для современного российского общества, уже более двадцати пяти лет находящегося в состоянии реформ и турбулентности и все ищущего свой путь развития. А тем временем снижается культурный иммунитет общества, что проявляется в самых различных негативных явлениях и процессах, начиная от засилья «мусорной» культуры [4], падения культурного уровня и духовности населения, снижения грамотности и воспитанности, и заканчивая полным разрушением культу-

ры общения, особенно межэтнического [24], между представителями различных народов, населяющих нашу страну.

В данной статье мы хотим проанализировать сложившийся в научном пространстве дискурс относительно такого явления, как культурный иммунитет общества, с тем, чтобы обосновать потребность и необходимость в его социально-философской концептуализации с учетом накопленного опыта в различных дисциплинарных практиках и дефицита собственно социально-философских концептуальных разработок.

Результаты исследования. Следует сразу обратить внимание на то, что тематика, связанная с иммунитетом общества, в социальной и философской мысли зависит от органического направления. Именно в рамках органицизма иммунная система общества могла получить свое теоретическое обоснование, поскольку, как известно, само понятие иммунитета социальными науками было заимствовано из биологической науки и медицинской практики. Иммунной терминологией пользовались и Ф. Ницше, и Ж. Деррида, и Н. Луман, но, как отмечают представители естественнонаучного направления, «в социальных исследованиях происходит так называемая денатурализация (когда какой-либо объект лишают статуса природного, объективно существующего) и деконтекстуализация (вывод объекта из привычного контекста, например, научных лабораторий и книг). В первом случае речь идет о том, что иммунные системы не могут однозначно считаться натуральными (природными) объектами и их появление зависит от деятельности ученых и настройки оборудования. Деконтекстуализация (отрыв от контекста) приводит к вариативности в объяснениях. Одни и те же визуальные данные могут быть по-разному истолкованы, что в итоге приведет к построению разных моделей иммунных систем и иммунологических теорий» [29].

По сути, так и произошло. Сегодня учеными сконструированы различные модели и теории, в которых фигурирует понятие иммунитета, иммунной системы общества, но до сих пор популярностью пользуется направление, заложенное представителями органического направления в социально-философской мысли.

В российской социально-философской мысли это направление связано с именем П. Лилиенфельда, в 1868 году изложившего свои идеи и взгляды в работе «Земля и воля», в которой он, отталкиваясь от положений органической теории, показал связь между развитием общества и его духовным уровнем, потенциалом с акцентом на ключевой роли образования в формировании культурного образа народа [17].

Общество как организм, подобный биологическому, — вот ключевая идея организмического мировоззрения, получившего распространение еще в XVIII в. в трудах И. Канта и Ф. Шеллинга, социологов-позитивистов (Г. Спенсера, А. Шеффле), а также российского социолога философа П. Лилиенфельда, для которого общество выступало в виде органической системы, состоящей из нервных клеток, интегрированных в такие подсистемы, как семья, род, племя, народ, раса, в совокупности названные этим ученым живой тканью общества [18].

По аналогии с биологическим организмом общество на протяжении своего развития вырабатывает собственный иммунитет, в социологической науке названный социальным. Этот иммунитет позволяет обществу защищаться от чужеродных влияний, блокировать их негативное воздействие, тем самым сохраняя адаптивный потенциал и стабильность в развитии [5]. В рамках теории социального иммунитета различного рода разрушительные и дисфункциональные явления и процессы в общественном организме рассматриваются как нарушения в иммунной системе общества. И неудивительно, что теория социального иммунитета получила свое глубокое изучение именно в российской социологической науке в свете последних десятилетий, ознаменовавшихся кризисными явлениями в самых различных сферах общественной жизни на фоне тенденций деконсолидации [33], роста конфликтогенности в сфере межэтнических, конфессиональных, межпоколенческих и иных отношений [27], острого дефицита социального доверия и духовного упадка [6], снижения социального самочувствия, здоровья, особенно в молодежной среде [28].

Об этом говорят также данные всероссийских опросов и аналитических разработок,

а сами социологи отреагировали разработкой целостной концепции социального иммунитета [11, 12], обращением к российским реалиям, к социальным группам и проблемам их жизнедеятельности, становления социальной субъектности, жизненной самореализации с теоретических позиций данной концепции [32]. Теория социального иммунитета применяется также в других отраслях социально-гуманитарного знания в контексте осмысления жизнедеятельности отдельных социальных групп, их адаптации к современной реальности. Так, А.В. Морозов обратился к проблеме формирования социального иммунитета у подростков с позиций педагогической науки, понимания социального иммунитета как «способности человека противостоять изменению его нормальной социализации под воздействием внешних деформаций» [23].

Интерес социальной философии к проблеме иммунитета общества неминуемо связан с темой культуры, поскольку сам механизм социокультурного развития общества через погружение в мир культуры, в саму культуру как первопричину социальных изменений ставит самым злободневным образом вопрос о культурном иммунитете общества. Любые новации, внедряемые в социальную ткань общества, проходят так называемый «культурный фильтр», проверку на соответствие социокультурным устоям, традициям, основаниям данного общества. Об этом пишет С. Кара-Мурза в контексте проблемы кризиса культуры, который, согласно его мнению, возникает, когда в культуру «внедряется крупная идея, находящаяся в непримиримом противоречии с другими устоями данной культуры — люди теряют ориентир, путаются в представлениях о добре и зле» [15]. Культура в такой ипостаси в координатах органической теории выступает в роли «средства физической, интеллектуальной и психологической защиты человека и сообщества от внешних угроз» [19].

Таким образом, вполне закономерен и актуален вопрос о культурном иммунитете как защитном механизме в социокультурной динамике общества, но, как ни парадоксально, в социальной философии тематика культурного иммунитета еще ждет своего глубокого изучения, представляя перспективное направление исследования. В.А. Куц, один

из немногих, обратившихся к категории культурного иммунитета на уровне философско-культурологической рефлексии, видит особенность культурного иммунитета в том, что он не подконтролен сознанию, поскольку функционирует на подсознательном уровне как «система саморегуляции информационных систем, система защиты в культуре, которая должна защищать наш собственный интеллект и культуру общества от дестабилизирующих влияний иных культур», но данная защита функционирует на основе саморегуляции, является незаметной [20].

Режим саморегуляции культуры может иметь и отрицательный характер, когда запущены механизмы разрушения культуры, о чем пишет С. Кара-Мурза, обращаясь к истокам причин, создавших на современный момент ситуацию национальной катастрофы в результате сокрушительного удара по культуре постсоветских реформ [15]. Разрушительные процессы в российской культуре вошли в режим самовоспроизводства, что и определяет, по мнению С. Кара-Мурзы, масштаб национальной катастрофы, особенно с учетом того, что ни на уровне государства, ни на уровне общества не выработаны механизмы противостояния этим процессам, что говорит о критическом состоянии культурного иммунитета общества.

Если культурный иммунитет определяет уровень защищенности всей социокультурной системы общества, ее способность к самовоспроизводству, то основой иммунитета самой культуры выступают ее глубинные основания, которые подобно иммунитету, обеспечивающему генетическую целостность организма, призваны сохранить культуру, независимо от влияния различных факторов внешнего и внутреннего свойства [22].

В научном дискурсе относительно культуры и ее защищенности в условиях современной российской реальности поднимается также вопрос о доминантных факторах, определяющих состояние и динамику культуры в России. Многие ученые видят во внешних влияниях источник динамичных изменений в российской культуре, связывая их с глобализацией и ее ценностями [16], с культурной глобализацией как таковой [26], с цифровизацией и информатизацией современного мира, с негативным влиянием СМИ, Интернета, продук-

цию которого молодежь впитывает, не имея культурного иммунитета для того, чтобы избирательно подходить к потоку информации в современном информационном пространстве [2]. С этими процессами связывают проблему роста бездуховности, агрессивности и в целом культурной деградации в современном российском обществе. Однако следует заметить, что дегуманизация культурной сферы — проблема не только российского масштаба. Она характерна для всего современного мира, и ученые разных стран пишут о вызовах и угрозах XXI века, производных от деградации духовности современного мирового сообщества и выливающихся в волнах агрессии, насилия, терроризма и др. [7, 8].

Признавая закономерность культурной глобализации, исследователи в качестве серьезной угрозы указывают на тенденцию упрощения культурных практик в рамках массовизации культуры, в то время как прогресс в любой сфере, в том числе и в культурной, ассоциируется с усложнением социальной системы, расширением степеней ее свободы. Можно вновь обратиться к авторитетному мнению российского ученого о том, что «усложнение культуры как самодостаточной системы является универсальным признаком ее прогрессивного развития», но по данному критерию, как полагает сам автор этих слов А. Я. Флиер, «современное состояние отечественной культуры никак не несет в себе черт прогрессивного развития» [30].

Высокая степень встроенности современного культурного процесса в систему социально-экономических отношений, в экономическую систему не только упрощает культурный процесс, но и способствует сегрегации культуры на «шоу-бизнес» и «подлинную культуру», порождая вопрос о том, насколько в глобализованном мире сохранилось как культура то, что принято считать таковой даже в «индустриальном» понимании [9].

Указанные процессы в культурной динамике российского общества и мира в целом можно интерпретировать с различных методологических позиций, давая им различные оценки, но мы полагаем, что так или иначе они укладываются в проблемный и теоретический контекст культурного иммунитета общества, о котором на уровне научной рефлексии до сих пор нет ответов на многие воп-

росы, в том числе и относительно самого понятия «культурный иммунитет». Более разработанным в этом плане является понятие социального иммунитета, в социологической традиции органической теории представляющее «способность общества противостоять социальным рискам и угрозам, прежде всего внешнего характера, связанным с проникновением в общественный организм чужеродных элементов (ценностей, норм, культурных образцов), разрушающих его целостность, интегрированность и адаптационный потенциал» [11, с. 142]. Однако способность общества противостоять рискам и угрозам предполагает наличие иммунной системы, выполняющей роль защитного механизма, отвечающего за устойчивость социокультурного базиса [11], и, следуя логике системного подхода, культурный иммунитет может рассматриваться как важнейший элемент иммунной системы общества, находящийся в системной связи с другими элементами, а потому тонко реагирующий на все изменения, протекающие в социальной системе, в ее институциональном пространстве.

Это пространство детерминировано исторической траекторией общества, что также находит отражение в органической теории, признающей обусловленность настоящего прошлым общества в динамике его развития [18], и позволяет говорить об уникальности не только культуры каждого общества, но его культурного иммунитета. Соответственно, его изучение предполагает обращение к целому комплексу дисциплинарных практик, сложившихся в пространстве социально-гуманитарного знания и раскрывающих особенности институциональной организации социума в современной и исторической динамике; традиции и инновации в культурном развитии общества в его этнокультурном многообразии; региональные факторы социокультурной динамики и многое другое, что требует обращения к теоретическому и прикладному потенциалу целого ряда отраслей научного знания.

Заключение. На уровне социально-философской рефлексии такой подход позволит сформировать трансдисциплинарное методологическое поле исследования культурного иммунитета. Преимуществом такого

(трансдисциплинарного) подхода выступает возможность преодоления фрагментированности знания как сопутствующей отдельным дисциплинарным практикам, ограниченным собственными, порой достаточно жесткими, методологическими рамками, в результате чего «ускользает целостность изучаемых социальных явлений» [21].

Таким образом, тематика культурного иммунитета российского общества в оптике научного дискурса представлена в основном как ограниченная дисциплинарными практиками (социологическими, культурологическими, философскими, педагогическими), частично социально-философскими, но последние еще нуждаются в глубокой концептуальной и методологической обеспеченности, и трансдисциплинарная парадигма представляется наиболее адекватной такой задаче, как холистское изучение культурного иммунитета общества.

Литература

1. Аксенова О. В., Халий И. А. Современное развитие. К постановке темы исследования // Вестник Института социологии. — 2018. — №24. — С. 13–26.
2. Арцишевский А. Что значит для нас культурный иммунитет? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://camonitor.kz/17460-chto-znachit-dlya-nas-kulturnyy-immunitet.html>.
3. Ахизер А. С. Архаизация в российском обществе как методологическая проблема // Общественные науки и современность. — 2001. — №2. — С. 89–100.
4. Бабинцев В. П., Гайдукова Г. Н., Шаповал Ж. А. Феномен социокультурного городского мусора: к постановке проблемы // Урбанистика. — 2020. — №1. — С. 122–133.
5. Баблюян Н. В., Василенко М. А. Социальный иммунитет и пути преодоления социального неравенства [Электронный ресурс] // Инженерный вестник Дона. — 2018. — №2. — Режим доступа: <https://ivdon.ru/rumagazine/archive/n2y2018/4875>.
6. В нашем обществе не хватает доверия. Тема с академиком РАН Юрием Бузиашвили [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://rg.ru/2020/04/12/iurij-buziashvili-v-nashem-obshchestve-ne-hvataet-doveriia.html>.

7. Дегуманизация культуры в контексте культурологической глобалистики [Электронный ресурс] // Credo New. — 2008. — №4. — Режим доступа: http://www.intelros.ru/readroom/credo_new/credo_04_2008/3047-degumanizacija-kultury-v-kontekste.html.
8. Джолдошбекова З.А. Влияние глобализации на национальную культуру и национальное самосознание // Научное обозрение. Педагогические науки. — 2017. — №2. — С. 39–43.
9. Евстафьев Д., Цыганова Л. Трансформации социального пространства как предчувствие нового мира [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://expert.ru/2020/05/6/transformatsii-sotsialnogo-prostranstva-kak-predchuvstvie-novogo-mira/>.
10. Жапуев З.А. Институциональная трансформация как важный фактор влияния на социальный иммунитет: теоретический анализ рисков и угроз [Электронный ресурс] // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2013. — №1. — Режим доступа: https://www.online-science.ru/m/products/social_science/gid295/pg0/.
11. Жапуев З.А. Методология исследования социального иммунитета российского общества в условиях институциональной трансформации и рискогенности // Историческая и социально-образовательная мысль. — 2013. — №2. — С. 142–146.
12. Жапуев З.А. Социальный иммунитет как предмет социологического исследования: концептуализация понятия // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2013. — №2. — С. 46–50.
13. Захаров В.К. Историческая инерционность самосознания и самоустройства общества // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. — 2018. — №1–2. — С. 615–617.
14. Ильин В.И. Структура исторической колеи России: проблемы методологии // Мир России. Социология. Этнология. — 2017. — №4. — С. 30–50.
15. Кара-Мурза С. Разрушение культуры [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://rossiyanavsegda.ru/read/513/>.
16. Колин К.К. Глобализация и культура [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://sec.chgik.ru/globalizatsiya-obshhestva-ii-kulturologicheskie-posledstviya/>.
17. Кузьмина Г.П. Органическая концепция развития общества в работах российских социологов-органиков // Соловьевские исследования. — 2010. — С. 36–51.
18. Кузьмина Г.П. Теоретические основы социальной философии П.Ф. Лилиенфельда [Электронный ресурс] // Философия и общество. — 1997. — №4. — Режим доступа: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/1458761/>.
19. Куц В.А. Защитные функции культуры [Электронный ресурс] // Культура культуры. — 2015. — №2. — Режим доступа: <http://cult-cult.ru/protective-functions-of-culture/>.
20. Куц В.А. Культурный иммунитет как передовая линия информационной самозащиты русской культуры и интеллекта россиян // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). — 2013. — №4 (29). — С. 159–164.
21. Лубский А.В. Трансдисциплинарные исследования: проблемы современного эпистемологического дискурса // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2016. — №12. — С. 61–66.
22. Мельникова А.А., Куц В.А. Глубинные основания русской культуры как база ее иммунитета // Ярославский педагогический вестник. — 2013. — №3. — Т. I (Гуманитарные науки). — С. 220–224.
23. Морозов А.В. Формирование социального иммунитета подростков в условиях среднего профессионального образования как системообразующий фактор безопасного поведения [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://aneks.spb.ru/index.php?catid=56&id=999&Itemid=25&option=com_content&view=article.
24. Мустафаев Ф.М. Факторы разрушения культуры межнационального общения в современном полиэтничном пространстве российского общества // Гуманитарные и социальные науки. — 2014. — №3. — С. 113–123.
25. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. — М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. — 180 с.
26. Онолев П.В. Культурные угрозы в условиях глобализации [Электронный ресурс]. — Грамота, 2016. — №4 (66): в 2-х ч. — Ч. 2. — С. 124–127. — Режим доступа: www.gramota.net/materials/3/2016/4-2/.

27. *Сорокина Н.Д.* Конфликты в современной России: причины и методы решения [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://conflictmanagement.ru/konfliktyi-v-sovremennoy-rossii-prichinyi-i-metodyi-resheniya/>.

28. *Тер-Геворкова Н.К.* Социальное здоровье современной молодежи российского общества // Молодой ученый. — 2019. — №12 (250). — С. 237–241.

29. *Тихомирова Л.* Что такое иммунитет и как его открыли? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://ladadoctor.com/chto-takoe-immunitet-i-kak-ego-otkryli/>.

30. *Флиер А.Я.* Культурная изменчивость и прогресс [Электронный ресурс] // Культура культуры. — 2020. — №3. — Режим доступа: <http://www.cult-cult.ru/cultural-variability-and-progress/>.

31. *Флиер А.Я.* Теория культуры: опыт генерализации [Электронный ресурс] // Культура культуры. — 2017. — №4. — Режим доступа: <http://cult-cult.ru/the-theory-of-culture-a-new-generalization/>.

32. *Храмцова Ф.И., Ерофеева М.А., Горохова И.В.* Духовно-демографическая детерминанта формирования социального иммунитета молодежи в сфере высшего образования [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/duhovno-demograficheskaya-determinanta-formirovaniya-sotsialnogo-immuniteta-molodezhi-v-sfere-vysshego-obrazovaniya.pdf>.

33. *Vereshchagina A. V., Volkov Yu. G., Lyuev A. K., Rachipa A. V., Uzunov V. V.* Management of Consolidation Potential of Patriotism in the Regional Space of the South of Russia // International Journal of Applied Exercise Physiology. — 2019. — Vol. 8. — №3. — Pp. 400–406.

References

1. *Aksenova O. V., Halij I. A.* Sovremennoe razvitie. K postanovke temy issledovaniya [Modern development. To the statement of the research topic] // Vestnik Instituta sociologii [Bulletin of the Institute of Sociology]. — 2018. — №24. — Pp. 13–26.

2. *Arcishevskij A.* Chto znachit dlja nas kul'turnyj immunitet? [What does cultural immunity mean for us?] [Elektronnyj resurs]. —

URL: <https://camonitor.kz/17460-chto-znachit-dlya-nas-kulturnyy-immunitet.html>.

3. *Ahiezer A. S.* Arhaizacija v rossijskom obshhestve kak metodologicheskaja problema [Archaization in Russian society as a methodological problem] // Obshhestvennye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Modernity]. — 2001. — №2. — Pp. 89–100.

4. *Babincev V. P., Gajdukova G. N., Shapoval Zh. A.* Fenomen sociokul'turnogo gorodskogo musora: k postanovke problemy [The phenomenon of socio-cultural urban garbage: to the formulation of the problem] // Urbanistika. — 2020. — №1. — Pp. 122–133.

5. *Bablojan N. V., Vasilenko M. A.* Social'nyj immunitet i puti preodolenija social'nogo neravenstva [Social immunity and ways to overcome social inequality] [Elektronnyj resurs] // Inzhenernyj vestnik Dona [Engineering Bulletin of the Don]. — 2018. — №2. — URL: <https://ivdon.ru/ru/magazine/archive/n2y2018/4875>.

6. V nashem obshhestve ne hvataet doverija. Tema s akademikom RAN Juriem Buziashvili [There is a lack of trust in our society. Topic with Academician of the Russian Academy of Sciences Yuri Buziashvili] [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://rg.ru/2020/04/12/iurij-buziashvili-v-nashem-obshchestve-ne-hvataet-doveriia.html>.

7. Degumanizacija kul'tury v kontekste kul'turologicheskoi globalistiki [Dehumanization of culture in the context of cultural globalistics] [Elektronnyj resurs] // Credo New. — 2008. — №4. — URL: http://www.intelros.ru/readroom/credo_new/credo_04_2008/3047-degumanizacija-kul'tury-v-kontekste.html.

8. *Dzholdosbekova Z. A.* Vlijanie globalizacii na nacional'nuju kul'turu i nacional'noe samosoznanie [The influence of globalization on national culture and national self-consciousness] // Nauchnoe obozrenie. Pedagogicheskie nauki [Scientific review. Pedagogical sciences]. — 2017. — №2. — Pp. 39–43.

9. *Evstaf'ev D., Cyganova L.* Transformacii social'nogo prostranstva kak predchuvstvie novogo mira [Transformations of social space as a premonition of the new world] [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://expert.ru/2020/05/6/transformatsii-sotsialnogo-prostranstva-kak-predchuvstvie-novogo-mira/>.

10. *Zhapuev Z. A.* Institucional'naja transformacija kak vazhnyj faktor vlijaniya na social'nyj

immunitet: teoreticheskij analiz riskov i ugroz [Institutional transformation as an important factor of influence on social immunity: theoretical analysis of risks and threats] [Elektronnyj resurs] // Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshhestvennye nauki [Humanities, socio-economic and social sciences]. — 2013. — №1. — URL: https://www.online-science.ru/products/social_science/gid295/pg0/.

11. *Zhapuev Z. A.* Metodologija issledovanija social'nogo immuniteta rossijskogo obshhestva v uslovijah institucional'noj transformacii i riskogenosti [Methodology of research of social immunity of the Russian society in the conditions of institutional transformation and riskogeneity] // Istoricheskaja i social'no-obrazovatel'naja mysl' [Historical and socio-educational thought]. — 2013. — №2. — Pp. 142–146.

12. *Zhapuev Z. A.* Social'nyj immunitet kak predmet sociologicheskogo issledovanija: konceptualizacija ponjatija [Social immunity as a subject of sociological research: conceptualization of the concept] // Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshhestvennye nauki [Humanities, socio-economic and social sciences]. — 2013. — №2. — Pp. 46–50.

13. *Zaharov V. K.* Istoricheskaja inercionnost' samosoznaniya i samoustroenija obshhestva [Historical inertia of self-consciousness and self-organization of society] // Bol'shaja Evrazija: Razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo [Greater Eurasia: Development, security, cooperation]. — 2018. — №1–2. — Pp. 615–617.

14. *Il'in V. I.* Struktura istoricheskoy kolei Rossii: problemy metodologii [The structure of the historical track of Russia: problems of methodology] // Mir Rossii. Sociologija. Jetnologija [The world of Russia. Sociology. Ethnology]. — 2017. — №4. — Pp. 30–50.

15. *Kara-Murza S.* Razrushenie kul'tury [Destruction of culture] [Elektronnyj resurs]. — URL: <http://rossiyanavsegda.ru/read/513/>.

16. *Kolin K. K.* Globalizacija i kul'tura [Globalization and culture] [Elektronnyj resurs]. — URL: <http://sec.chgik.ru/globalizatsiya-obshhestva-i-ee-kulturologicheskie-posledstviya/>.

17. *Kuz'mina G. P.* Organicheskaja koncepcija razvitiya obshhestva v rabotah rossijskih sociologov-organikov [The organic concept of the development of society in the works of Russian sociologists-organics] // Solov'evskie issle-

dovanija [Sociological research]. — 2010. — Pp. 36–51.

18. *Kuz'mina G. P.* Teoreticheskie osnovy social'noj filosofii P. F. Lilienfel'da [Theoretical foundations of social philosophy of P. F. Lilienfeld] [Elektronnyj resurs] // Filosofija i obshhestvo [Philosophy and Society]. — 1997. — №4. — URL: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/1458761/>.

19. *Kuc V. A.* Zashhitnye funkcii kul'tury [Protective functions of culture] [Elektronnyj resurs] // Kul'tura kul'tury. — 2015. — №2. — URL: <http://cult-cult.ru/protective-functions-of-culture/>.

20. *Kuc V. A.* Kul'turnyj immunitet kak peredovaja linija informacionnoj samozashhity russkoj kul'tury i intellekta rossijan [Russian culture immunity as a front line of information self-defense of Russian culture and intelligence of Russians] // Obshhestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana). — 2013. — №4 (29). — Pp. 159–164.

21. *Lubskij A. V.* Transdisciplinarnye issledovanija: problemy sovremennogo jepistemologicheskogo diskursa [Transdisciplinary research: problems of modern epistemological discourse] // Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshhestvennye nauki [Humanities, Socio-economic and Social Sciences]. — 2016. — №12. — Pp. 61–66.

22. *Mel'nikova A. A., Kuc V. A.* Glubinnye osnovanija russkoj kul'tury kak baza ee immuniteta [Deep foundations of Russian culture as the basis of its immunity] // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik [Yaroslavl Pedagogical Bulletin]. — 2013. — №3. — Vol. I (Gumanitarnye nauki). — Pp. 220–224.

23. *Morozov A. V.* Formirovanie social'nogo immuniteta podrostkov v uslovijah srednego professional'nogo obrazovanija kak sistemooobrazujushhij faktor bezopasnogo povedenija [Formation of social immunity of adolescents in the conditions of secondary vocational education as a system-forming factor of safe behavior] [Elektronnyj resurs]. — URL: http://aneks.spb.ru/index.php?catid=56&id=999&Itemid=25&option=com_content&view=article.

24. *Mustafaev F. M.* Faktory razrushenija kul'tury mezhnacional'nogo obshhenija v sovremennom polijetnichnom prostranstve rossijskogo obshhestva [Factors of destruction of the culture of interethnic communication in the modern mul-

ti-ethnic space of the Russian society] // *Gumanitarnye i social'nye nauki* [Humanities and Social Sciences]. — 2014. — №3. — Pp. 113–123.

25. *Nort D.* Instituty, institucional'nye izmeneniya i funkcionirovanie jekonomiki [Institutes, institutional changes and functioning of the economy] / Per. s angl. A. N. Nesterenko; in B. Z. Mil'ner (eds). — Moscow: Fond jekonomicheskoy knigi «Nachala», 1997. — 180 p.

26. *Opolev P. V.* Kul'turnye ugrozy v usloviyah globalizacii [Cultural threats in the context of globalization] [Elektronnyj resurs]. — Gramota, 2016. — №4 (66): in 2 parts. — Part 2. — Pp. 124–127. — URL: www.gramota.net/materials/3/2016/4-2/.

27. *Sorokina N. D.* Konflikty v sovremennoj Rossii: prichiny i metody resheniya [Conflicts in modern Russia: causes and methods of solution] [Elektronnyj resurs]. — URL: <http://conflict-management.ru/konfliktyi-v-sovremennoj-rossii-prichiny-i-metodyi-resheniya/>.

28. *Ter-Gevorkova N. K.* Social'noe zdorov'e sovremennoj molodezhi rossijskogo obshhestva [Social health of modern youth of the Russian society] // *Molodoj uchenyj* [Young scientist]. — 2019. — №12 (250). — Pp. 237–241.

29. *Tihomirova L.* Chto takoe immunitet i kak ego otkryli? [What is immunity and how was it discovered?] [Elektronnyj resurs]. — URL:

<https://ladadoctor.com/chto-takoe-immunitet-i-kak-ego-otkryli/>.

30. *Flier A. Ja.* Kul'turnaja izmenchivost' i progress [Cultural variability and progress] [Elektronnyj resurs] // *Kul'tura kul'tury*. — 2020. — №3. — URL: <http://www.cult-cult.ru/cultural-variability-and-progress/>.

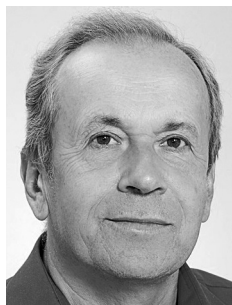
31. *Flier A. Ja.* Teorija kul'tury: opyt generalizacii [The theory of culture: the experience of generalization] [Elektronnyj resurs] // *Kul'tura kul'tury*. — 2017. — №4. — URL: <http://cult-cult.ru/the-theory-of-culture-a-new-generalization/>.

32. *Hramcova F. I., Erofeeva M. A., Gorohova I. V.* Duhovno-demograficheskaja determinanta formirovaniya social'nogo immuniteta molodezhi v sfere vysshego obrazovaniya [Spiritual and demographic determinant of the formation of social immunity of youth in the field of higher education] [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/duhovno-demograficheskaya-determinanta-formirovaniya-sotsialnogo-immuniteta-molodezhi-v-sfere-vysshego-obrazovaniya.pdf>.

33. *Vereshchagina A. V., Volkov Yu. G., Lyuev A. K., Rachipa A. V., Uzunov V. V.* Management of Consolidation Potential of Patriotism in the Regional Space of the South of Russia // *International Journal of Applied Exercise Physiology*. — 2019. — Vol. 8. — №3. — Pp. 400–406.

Поступила в редакцию

8 апреля 2021 г.

Пономарев Петр Андреевич — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Донского государственного технического университета.

Ponomarev Pyotr Andreevich — Doctor of Philosophical Sciences, Leading Researcher, Don State Technical University.

346916, г. Новошахтинск, ул. Куйбышева, 20
20 Kuibysheva st., 346916, Novoshakhtinsk, Russia
E-mail: ponomarev_p@mail.ru

Тищенко Ирина Александровна — доцент, кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Экономика и управление» Шахтинского автодорожного института (филиала) Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова.

Tishchenko Irina Aleksandrovna — Associate Professor, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of «Economics and Management» Department, Shakhty Road Institute (branch), Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

346500, г. Шахты, пл. Ленина, 1
1 Lenina sq., 346500, Shakhty, Russia
E-mail: lingvan@yandex.ru

Якунина Инна Сергеевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры «Экономика и управление» Шахтинского автодорожного института (филиала) Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова.

Yakunina Inna Sergeevna — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of «Economics and Management» Department, Shakhty Road Institute (branch), Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

346500, г. Шахты, пл. Ленина, 1
1 Lenina sq., 346500, Shakhty, Russia
E-mail: babushka30@yandex.ru

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 141.319.8:321.01

10.17213/2075-2067-2021-3-281-286

ТРУДНЫЙ ПУТЬ К СВОБОДЕ — БЕГСТВО ИЗ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО РАБСТВА (ПО СЛЕДАМ Б. Ф. ПОРШНЕВА)¹

© 2021 г. С. С. Черных

*Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, г. Новочеркасск, Россия*

В статье представлена рецензия на книгу В. В. Глущенко «Рождение человечества: начало человеческой истории как предмет социально-философского исследования». В ней эксплицированы возможности реактуализации творческого наследия советского ученого Б. Ф. Поршнева для современных философско-антропологических исследований.

Ключевые слова: негативность; диалектика; эволюция человека; происхождение культуры; интердикция; суггестия; недоверие.

A DIFFICULT PATH TO FREEDOM — AN ESCAPE FROM PALEOLITHIC SLAVERY (IN THE FOOTSTEPS OF B. F. PORSHNEV)

© 2021 S. S. Chernykh

Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia

The article presents a review of the book by V. V. Glushchenko «The birth of mankind: the beginning of human history as a subject of socio-philosophical research». The article explicated the possibilities of re-actualizing the creative heritage of the Soviet scientist B. F. Porshnev for modern philosophical and anthropological research.

Key words: negativity; dialectics; human evolution; the origin of culture; interdiction; suggestion; distrust.

В своей монографии «Рождение человечества: начало человеческой истории как предмет социально-философского исследования» современный ученый В. В. Глущенко, опираясь на глубокое знание антропологической концепции выдающегося советского историка и философа Б. Ф. Поршнева,

делает попытку развернуть программу изучения истока происхождения человеческой культуры и социальности. В фокусе внимания исследователя оказывается «темный» период человеческой истории, в котором в результате качественного скачка возникла культура, а сам человек был вытолкнут (из-

¹ Рецензия на книгу В. В. Глущенко «Рождение человечества: начало человеческой истории как предмет социально-философского исследования» (СПб.: Алетея, 2020. 196 с.)

гнан) из мира природы и сообщества животных. «Интересующая нас первобытность, — пишет В. В. Глущенко, — не начальный этап в развитии человечества, занявший громадную часть времени существования нашего вида и сменившийся несколько тысяч лет назад цивилизацией, а первичное социальное качество человека, активированное в момент его появления, то есть само социальное — в том виде, каком оно существовало, оторвавшись от биологического» [1, с. 11]. Поэтому рождение человечества, которое, надо понимать, происходило в муках, — революционный процесс, напрямую связанный с возникновением языка как инструмента внушения и дальнейшего господства. Особого внимания также заслуживают, на наш взгляд, рассуждения В. В. Глущенко об инстинктивном труде, в которых помимо привлечения значительных научных данных автором были проанализированы тексты «Ригведы» [1].

Несмотря на то, что палеоантропологическая концепция Б. Ф. Поршнева по-прежнему обладает значительным научным, а в особенности философским потенциалом, к ней довольно редко обращаются современные мыслители. Пожалуй, это не в последнюю очередь связано с тем, что само ядро поршневской теории носит очень яркий и отчасти «фантастический» характер, которому также дурную славу оказала антинаучная публицистика писателя Б. А. Диденко, настаивающего на том, что современное человечество якобы состоит из четырех видов людей, два из которых «хищники», а другие соответственно нет.

В контексте современных философских исследований необходимо отметить статью А. В. Магуна «Диалектика истории Бориса Поршнева» [2], в которой дан подробный анализ поршневской гипотезы возникновения человека, при этом особое внимание уделяется *негативности*, а также появлению языка как способности подчиняться и сопротивляться подчинению. В работе известных отечественных философов-марксистов супругов Мареевых «Проблема мышления: созерцательный и деятельностный подход» также содержится критика поршневской теории, преимущественно основанная на тезисе о том, что «Поршнев с самого начала отверг орудийную деятельность как источник чело-

веческого разума» [3, с. 208]. Вместе с тем В. В. Глущенко на данные (именно философские) работы не ссылается и не полемизирует с их авторами в своей монографии, что, на наш взгляд, могло бы только усилить его труд и придать его произведению более содержательный характер дискуссии, в том числе и в рамках сообщества современных философов-марксистов.

В представленной монографии автор отмечает, что главным его методом является историзм, неразрывно связанный с диалектическим методом, согласно которому развитие (культуры, человека, общества) совершается посредством отрицания. *По сути, в работе В. В. Глущенко идет речь о достойной внимания попытке реактуализации основных идей поршневской концепции, в которой уже была заложена конфликтологическая и одновременно диалектическая модель развития че-*

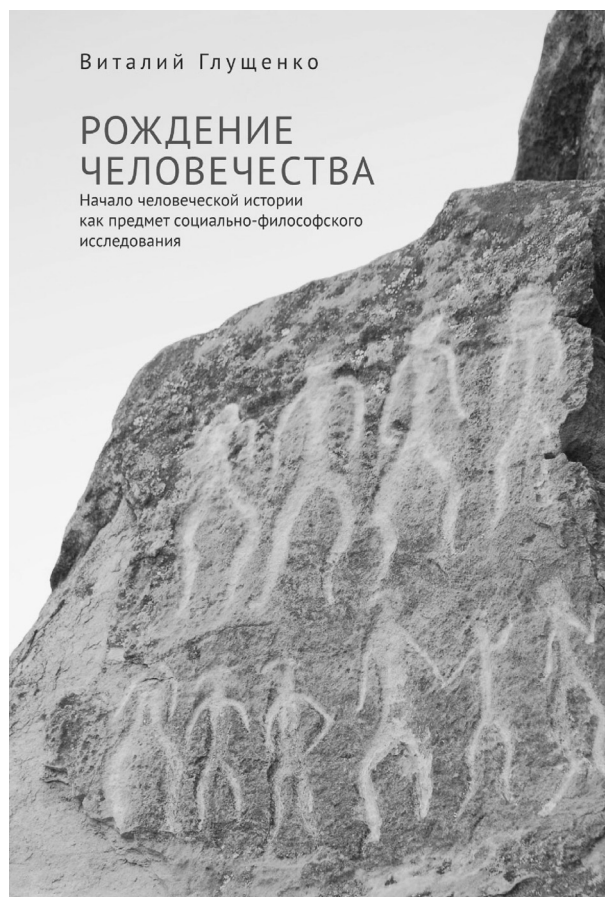

Рис. 1. Книга В. В. Глущенко «Рождение человечества: начало человеческой истории как предмет социально-философского исследования»

ловека до «неоантропологического» уровня культурного существа, обладающего полноценным языком и в целом развитой системой моральных запретов. В согласии с названием представленной работы автор полагает, что «предметом исследования является начало человеческой истории, которое мы понимаем как однократное событие — не первый этап, а некую “точку ноль”, границу между этапами — “минус первым” этапом, на котором социального существа еще не было, и собственно первым этапом развития человеческой социальности» [1, с. 11]. Вместе с тем экспликация базисных концептов Б.Ф. Поршнева [4, 5], которую автор совершает на высоком теоретическом уровне конкретных обобщений с привлечением последних результатов в области археологии, зоологии, физиологии высшей нервной деятельности и ряда других дисциплин, также свидетельствует о междисциплинарном статусе предпринятого исследования и позволяет, несмотря на заглавие работы, говорить о том, что перед нами в большей степени именно философско-антропологическое произведение.

Собственно концепция Б.Ф. Поршнева, наиболее полно изложенная в его работе «О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии)» [5], выступает точкой отсчета и путеводной звездой для всех дальнейших рассуждений автора рецензируемой работы. В данной связи необходимо кратко осветить основные идеи крупнейшего советского ученого (не вдаваясь в изощренные психофизиологические аспекты поршневской теории, что, напротив, подробно анализируется в рецензируемой монографии), которые в рамках классической философской традиции в наибольшей степени связаны с концептами — «война всех против всех» Гоббса и «диалектика раба и господина» Гегеля, а также, несомненно, и с традицией марксистской философии и советской психологии. При этом сам Б.Ф. Поршнев находился на переднем краю мировой науки, прекрасно знал оригинальную литературу по интересующей его проблематике, так например, известно, что он высоко ценил ранние работы М. Фуко [2].

Изучая историю древнего человечества, Б.Ф. Поршнев обратил внимание на тот факт, что процесс расселения людей по планете

в сравнении «с темпами расселения любого другого животного вида на земле — это дисперсия человечества, которая по своей скорости может быть уподоблена взрыву, буре. Сила ее была так велика, что за этот с биологической точки зрения кратчайший миг люди преодолели такие расстояния, такие экологические перепады, такие водные и прочие препятствия, каких ни один животный вид вообще никогда не мог преодолеть. Людей раскидало по планете нечто специфически человеческое. Невозможно свести этот акт к тому, что людям недоставало кормовой базы на прежних местах: ведь другие виды животных остались и питаются на своих древних ареалах нередко и до наших дней — корма хватает» [4, с. 198]. Итак, профессиональный историк Б.Ф. Поршнев был искренне удивлен тем историческим фактом, как быстро вид *Homo sapiens* расселился по всем материкам и архипелагам земли, будто людей разбросала по миру какая-то «неведомая» сила, связанная с первобытным страхом, но, как был убежден советский ученый, это был страх (переходящий в ужас) не перед себе подобными людьми («неоантропы»), а перед *другими* антропоморфными существами («палеоантропы»).

Господство человека над человеком, более «мягкой» формой которого является «послушание» (например, пастырская власть), обязано своим возникновением языку. Язык, следовательно, возник как сила направленного внушения, позволявшая приручать хищных животных, а затем использовать их против других хищников, но она в первую очередь (как полагал Б.Ф. Поршнев) активно использовалась одними приматами в отношении себе подобных. В данной связи В.В. Глуценко согласен с Б.Ф. Поршневым в том, что «палеоантроп извлекал из внутривидовых отношений с неоантропом для себя биологическую выгоду, и это делало существование последнего в природе невозможным, не просто подвигая его к ускоренной дивергенции, но и одновременно выталкивая в совершенно новую форму существования — социум. При этом процесс социализации мог быть связан только с развитием того самого качества, которое препятствовало существованию в природе — качества “внушаемости”, податливости на интердикцию» [1, с. 102].

В результате далекие предки людей раскололись на две группы — «господ» и «рабов», внушающих и внушаемых. Из последней, подчиненной, группы возникли современные люди («неоантропы»), которые не только разбегались по всей земле от своих угнетателей, но и должны были выработать лингвистические и контрсуггестивные механизмы защиты от внушения. Отсюда проистекает базисное *недоверие человека* к «другим», «чужакам», обманщикам, пытающимся «загипнотизировать» нас и затем использовать в корыстных целях. В отличие от собаки, коровы, кобылы, кролика и овцы человек порой сильно переживает, что его используют в интересах других, а не своих собственных. Поэтому *недоверие* — способность (отрицать) сказать «нет» реальности — источник сознания. Таким образом, уже современный язык («неоантропов») приобретает способность постоянно говорить «нет», а себя осознавать существом, противостоящим окружающей природе, а также и другим людям.

Правда, «праязык» самих троглодитов («палеоантропов») вначале использовался против других хищников, особенно тех, которые конкурировали с древними приматами, являясь, как и дальние предки человека, падальщиками. В собственном смысле троглодитов еще нельзя считать людьми, скорее, все-таки животными, но обладающими уникальным качеством. «Благодаря Поршневу, — отмечает автор, — мы знаем, что это за качество (вот для чего нужно было столько лет изучать неадекватные рефлексy!), это — интердикция, биологическая утилизация неадекватного рефлексy, при которой последний приобретает положительный смысл» [1, с. 52]. В рецензируемой монографии приводятся примеры неадекватных рефлексy в мире животных, в частности охота горноста на кроликов, в которой маленький хищник также при помощи интердикции вынуждает свою жертву потерять бдительность. Возвращаясь к приматам, В.В. Глушенко предполагает, что «палеоантропы — самый высокоразвитый вид троглодитид — провоцировали у других животных неадекватный рефлекс, используя его для решения своих биологических задач. Собственно провокацию неадекватного рефлексy мы именуем интердиктивным

сигналом. Вероятнее всего, занимая в биогеоценозе нишу падальщиков, палеоантропы отгоняли таким образом хищников от их добычи, присваивая себе ее часть. Но провоцирование неадекватного рефлексy означает отмену у организма адекватного рефлексy, т.е. всей его нормальной биологии» [1, с. 52]. Оказывается, что неоантроп развивался в экстремальных условиях выталкивания или изгнания из природы со стороны своего «животного господина».

Таким образом, именно *интердикция как особая форма торможения* подготавливает разрыв с рефлексyми первой сигнальной системы и обеспечивает переход ко второй сигнальной системе — человеческой речи [5]. В данной связи В.В. Глушенко отмечает, что интердикция есть «принудительная отмена, “запрет” рефлексy путем имитатогенного возбуждения тормозной доминанты. Это явление возникает, когда ультрапарадоксальное состояние нервной системы одного организма, высвобождая скрытый в тормозной доминанте неадекватный рефлекс, возбуждает им имитативный рефлекс другого организма (неадекватный рефлекс служит интердиктивным сигналом) и, заставляя этот другой организм имитировать неадекватный рефлекс, затормаживает у него рефлекс адекватный. Такой механизм может служить отправной точкой для диалектического перехода от биологического поведения к социальному» [1, с. 63]. Неоантропам еще предстояло осознать себя в роли жертв запрета на сопротивление троглодитам. Следующий этап — это переход к агрессивному поведению в целях победы над противником, для чего было необходимо преодолеть страх (а затем, как согласно Б.Ф. Поршневу показывает нам история, и к полному истреблению троглодита («античеловека»), которое может быть интерпретировано даже в терминах палеоантропологического геноцида).

В заключении своей монографии В.В. Глушенко делает выводы, представляющие, на наш взгляд, несомненный интерес для философской антропологии и других гуманитарных дисциплин, пытающихся схватить специфику человеческого существования в ее радикальном отличии от других животных. Так, например, исследователь справедливо отмечает, что признание действительного существования «античе-

ловека» или, по крайней мере, подобного допущения в качестве теоретической модели может придать импульс дальнейшего изучения культуры и человеческой этики. При этом, исходя из глубинных оснований человеческой психики, можно предположить, что и сам неантроп (несмотря на то, что «отрицал троглодита») далеко не полностью освободился от характерных для него паттернов «хищника» и эксплуататора, которые в «снятом» виде продолжают жить в человечестве. Особенно важной здесь оказывается тема культурного разделения самих людей на «свой» — «чужой» («мы» — «они»), уходящая корнями в глубокую древность, то есть изначально возникшая в экстремальном контексте «нейтрализации» палеоантропа.

Литература

1. *Глуценко В. В.* Рождение человечества: начало человеческой истории как предмет социально-философского исследования. — СПб.: Алетея, 2020. — 196 с.
2. *Магун А. В.* Диалектика истории Бориса Поршнева // Стасис. — 2017. — Т. 5. — №2. — С. 476–509.
3. *Мареева Е. В., Мареев С. Н.* Проблема мышления: созерцательный и деятельностный подход: монография. — М.: Академический проект, 2013. — 280 с.
4. *Поршнев Б. Ф.* Контрсуггестия и история (элементарное социально-психологическое явление и его трансформации в развитии человечества) // Историческая психология и социология истории. — 2010. — Т. 3. — №2. — С. 185–219.

5. *Поршнев Б. Ф.* О начале человеческой истории: (проблемы палеопсихологии). — СПб.: Алетея, 2007. — 720 с.

References

1. *Glushhenko V. V.* Rozhdenie chelovechestva: nachalo chelovecheskoj istorii kak predmet social'no-filosofskogo issledovanija [The birth of mankind: the beginning of human history as a subject of socio-philosophical research]. — Saint Petersburg: Aleteja, 2020. — 196 p.
2. *Magun A. V.* Dialektika istorii Borisa Porshneva [Dialectics of the history of Boris Porshnev] // Stasis. — 2017. — Vol. 5. — №2. — Pp. 476–509.
3. *Mareeva E. V., Mareev S. N.* Problema myshlenija: sozercatel'nyj i dejatel'nostnyj podhod: monografija [The problem of thinking: a contemplative and activity approach: monograph]. — Moscow: Akademicheskij projekt, 2013. — 280 p.
4. *Porshnev B. F.* Kontrsuggestija i istorija (jelementarnoe social'no-psihologicheskoe javlenie i ego transformacii v razvitii chelovechestva) [Counter-suggestion and history (an elementary socio-psychological phenomenon and its transformations in the development of mankind)] // Istoricheskaja psihologija i sociologija istorii [Historical Psychology and Sociology of history]. — 2010. — Vol. 3. — №2. — Pp. 185–219.
5. *Porshnev B. F.* O nachale chelovecheskoj istorii: (problemy paleopsihologii) [On the beginning of human history: (problems of paleopsychology)]. — Saint Petersburg: Aleteja, 2007. — 720 p.

Поступила в редакцию

27 мая 2021 г.

Черных Сергей Сергеевич — доктор философских наук, профессор кафедры «Социальные и гуманитарные науки» Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова.

Chernykh Sergey Sergeevich — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132
132 Prosveshcheniya st., 346528, Novocherkassk, Russia
E-mail: s.s.chernykh@mail.ru